9026
C23

902.6
С 23

Пров. 1965
ПРОВЕРЕНО
1950 г.

2

СБОРНИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ,

ПОДНЕСЕННЫЙ

Графу А. А. БОБРИНСКОМУ

ВЪ ДЕНЬ

25-ЛѢТІЯ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВА ЕГО ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

1886 $\frac{1}{II}$ 1911.

523988

ПРОВЕРЕНО
1956 г.

Со многими таблицами и рисунками въ текстѣ.

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта
БІБЛІЯТЭКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1911.

ПОГАШЕНО

63.48(2)
C23

Глубокоуважаемый

Графъ Алексѣй Александровичъ.

Въ 1-й день февраля 1886 г. въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III соизволилъ поставить Васъ во главѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Мы не будемъ здѣсь исчислять Ваши многочисленныя и разностороннія заслуги предъ отечественной археологіей за время Вашего 25-лѣтняго предсѣдательства въ Коммиссіи. Напомнимъ лишь о томъ, что археологическое изслѣдованіе «матери градовъ Русскихъ», Херсонеса Таврическаго, озарившаго Русь свѣтомъ христіанства, «счастливой» Ольвіи и многихъ другихъ мѣстностей, а также широко развившаяся дѣятельность Коммиссіи по охранѣ и реставраціи памятниковъ стариннаго русскаго церковнаго зодчества и расширеніе ея научно-литературной производительности неразрывно связаны съ Вашимъ именемъ.

Но кромѣ указанной, всѣмъ извѣстной, стороны Вашей дѣятельности въ Коммиссіи, есть въ ней другая, такъ сказать, интимная сторона. Вы, Графъ, обладаете рѣдчайшею способностью привлекать къ себѣ симпатіи всѣхъ, кому выпадаетъ на долю вступать въ близкое общеніе съ Вами, и неотразимо дѣйствовать на нихъ обаяніемъ Вашей личности. Для всѣхъ Вашихъ сотрудниковъ по Коммиссіи работа въ ней

подъ Вашимъ благожелательнымъ руководствомъ представляетъ собою не тяжелый обязательный трудъ, а истинное наслажденіе. Вполнѣ естественно поэтому возникло въ нашей средѣ желаніе отмѣтить знаменательный день 25-лѣтняго юбилея Вашего предсѣдательства въ Коммиссіи посвященіемъ Вамъ настоящей книги, какъ вещественнаго знака одушевляющихъ насъ чувствъ глубокаго къ Вамъ уваженія и сердечной преданности.

М. Боткинъ. *Ѳ. Браунъ.* *Н. Булычовъ.*
Н. Веселовскій. *В. Латышевъ.* *Р. Леперъ.*
А. Марковъ. *Д. Мильевъ.* *П. Покрышкинъ.*
К. Романовъ. *М. Ростовцевъ.* *А. Спицынъ.*
Б. Фармаковскій. *М. Фармаковскій.* *В. Шкорпилъ.*
Э. фонъ-Штернъ.

Оглавленіе.

Страп.

Н. И. Веселовскій. Китайскіе символы въ предметахъ украшенія . . . . . 1— 12

Э. Р. фонъ-Штернъ. Изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря . . . . . 13— 30

В. В. Шкорпилъ. Къ вопросу о времени правленія архонта Игіэнонта . . . . . 31— 44

Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ. 45—118

М. И. Ростовцевъ. Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 году. . . . . 119—154

А. А. Спицынъ. Скиѳы и Гальштаттъ . . . . . 155—168

В. В. Латышевъ. Къ исторіи христіанства на Кавказѣ. Греческія надписи изъ Ново-Аѳонскаго монастыря. . . . . 169—198

К. К. Романовъ. «Святославовъ Крестъ» въ г. Юрьевѣ Польскомъ. . . . . 199—211

Д. В. Милѣевъ. Древніе полы въ Кіевскомъ соборѣ св. Софіи. 212—221

П. П. Покрышкинъ. Благовѣщенская церковь въ Супрасльскомъ монастырѣ. . . . . 222—237

А. К. Марковъ. Кладъ нѣмецкихъ пфенниговъ XI в., найденный въ Гдовскомъ уѣздѣ . . . . . 238—243

Н. И. Булычовъ. Двѣ суздальско-нижегородскія деньги.. . 244—248

Р. Х. Леперъ. Слѣды синойкизма двѣнадцати государствъ Аттики. . . . . 248—269

Ѳ. А. Браунъ. Днѣпровскій порогъ въ рунической надписи. 270—276

Поправки.

Стр.	*Строка*	*Слѣдуетъ читать:*
20	14 св.	βαυκαλήματα .
74	24 »	происхожденіе
91	17 »	по имѣющимся
95	8 »	на лѣвомъ концѣ
160	3 »	отношеніе
168	20 »	тѣми богатыми матеріалами
179	19 »	съ Персіею [6]);
179	12 сн.	Обзоръ восточныхъ источниковъ
181	21 св.	куропалатъ,
185	22 »	Скобку отъ начала стр. 22-й перенести къ началу стр. 20-й.
191	3 сн.	звука I)
232	3 »	надписи,
235	11 св.	стѣну—св. Исаакій

Рис. 1 (⅔).

Китайскіе символы въ предметахъ украшенія.

Фу-дзай-янь-цянь: «Пусть счастье всегда будетъ съ вами»!

Въ 1906 г. я пріобрѣлъ въ г. Майкопѣ, Кубанской области, отъ скупщиковъ древностей небольшую коллекцію китайскихъ женскихъ украшеній, сдѣланныхъ изъ серебра и будто бы найденныхъ въ курганахъ майкопскаго отдѣла мѣстными кладоискателями въ горахъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ. Присутствіе китайскихъ издѣлій въ позднихъ курганахъ и могильникахъ восточной и южной Россіи давно уже зарегистрировано нашими археологами; китайскія металлическія зеркала, бляхи для поясного набора и т. п. не являются рѣдкостью; но тѣ предметы, которые были принесены мнѣ, въ курганномъ погребеніи не встрѣчались ни мнѣ во время моихъ пятнадцатилѣтнихъ изслѣдованій въ майкопскомъ отдѣлѣ, ни другимъ археологамъ, работавшимъ въ Кубанской области и вообще въ Россіи. Поэтому всего вѣроятнѣе предположить, что названныя украшенія попали въ г. Майкопъ прямо изъ Китая послѣ нашей войны съ японцами, когда обнаружился у насъ большой наплывъ въ Россію китайскихъ вещей самаго разнообразнаго назначенія.

Безполезно выставлять предположенія, откуда были похищены украшенія; но что они намъ не современны, въ этомъ не можетъ быть

сомнѣнія: стиль, патина, состояніе эмали и подробности гравировки нѣсколько иныя, чѣмъ у фабрикуемыхъ нынѣ. Они древнѣе и тѣхъ золотыхъ украшеній, которыя поступили къ намъ въ XVIII-мъ столѣтіи и хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ; однако, опредѣлить ихъ время болѣе точно я не берусь. Подлинность ихъ не можетъ быть заподозрѣна, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Украшенія состоятъ изъ серегъ, булавокъ для укрѣпленія прически на головѣ и нѣкоторыхъ другихъ мелочей; всѣ эти предметы оказались сильно скрученными, чтобы удобнѣе было ихъ забрать. Цѣль настоящей статьи — показать смыслъ и значеніе изображеній, находящихся на этихъ предметахъ [1]).

Надо сказать, что ни одинъ народъ не придаетъ такого важнаго значенія символизаціи всякаго рода, какъ китайцы, будетъ ли это символизація заклинательная для отогнанія злыхъ духовъ и вообще вреднаго начала, хотя бы въ видѣ ядовитыхъ животныхъ и насѣкомыхъ,—или символизація благихъ пожеланій для принесенія человѣку счастья, богатства, долгоденствія и т. д. У многихъ народовъ, а можетъ быть и у всѣхъ, принято соединять съ нѣкоторыми предметами понятіе благодѣтельной силы и считать таковые амулетами; но никто не превзошелъ въ этомъ отношеніи китайцевъ, которые создали удивительно сложную и въ то же время крайне разнообразную систему полезной для человѣка символики и примѣнили ее въ искусствѣ.

Главнѣйшими символами являются у китайцевъ фантастическіе драконъ, ци-линь и фениксъ.

Драконъ (лунъ)—символъ правленія; онъ принадлежитъ къ породѣ чешуйчатыхъ животныхъ, внѣшнимъ видомъ напоминаетъ змѣю, имѣетъ голову верблюжью, съ рогами оленя и ушами вола; глаза у него круглые, все тѣло покрыто рыбьей чешуей, лапы тигра, когти ястреба. Онъ можетъ показывать величіе и смиреніе, можетъ растягиваться и сжиматься, знаетъ когда появиться и когда скрыться, вообще обладаетъ способностью измѣняться. Для китайскаго искусства драконъ является въ высшей степени благодарнымъ мотивомъ и примѣняется повсюду. Когда драконъ изображается одинъ, тогда онъ означаетъ государствен-

[1]) Кромѣ существующей по этому вопросу литературы, преимущественно западно-европейской и американской, я пользовался еще разъясненіями нашихъ молодыхъ синологовъ А. И. Иванова и В. М. Алексѣева.

ный гербъ или просто орнаментъ; въ соединеніи же съ другими фантастическими существами, напримѣръ, съ фениксомъ, приноситъ благополучіе. На рис. 2 представленъ лицевой видъ мѣднаго двухсторонняго китайскаго амулета изъ нумизматическаго отдѣленія И. Эрмитажа; здѣсь красиво изогнувшійся драконъ хватаетъ перлъ, изъ котораго выходитъ пламя въ видѣ трехъ лучей; подъ дракономъ находится вилообразный предметъ, это—пламя, исходящее изъ тѣла дракона.

Ци-линь—царь звѣрей; у него туловище оленя, голова барана, ноги коня, копыта и хвостъ вола, на головѣ рогъ, конецъ котораго мясистый; самъ онъ пятицвѣтный, ростомъ болѣе сажени. Ци-линь отличается милосердіемъ, онъ не только не обижаетъ животныхъ, но даже не ступаетъ на траву. На рис. 3-мъ представлена золотая, украшенная драгоцѣнными камнями фигура ци-линя изъ сокровищницы И. Эрмитажа. Съ нимъ связано счастливое предзнаменованіе, и появленіе его предсказываетъ рожденіе мудреца; отсюда понятно, почему китайцы дарятъ при свадьбахъ молодымъ (въ видѣ пожеланія потомства) и особенно новорожденнымъ мальчикамъ изображеніе ци-линя съ сидящимъ на немъ младенцемъ: этимъ они выражаютъ пожеланіе блестящей будущности ребенку. Такая фигура называется *ци-линь сунъ-цзы*, т. е. ци-линь приноситъ ребенка, или *гуй-цзы*—знатный сынъ. Иногда мальчикъ держитъ въ лѣвой рукѣ черезъ плечо лотосъ, а въ правой—оружіе въ родѣ кинжала; такой ци-линь находится въ собраніи графа А. А. Бобринскаго (рис. 1). Изъ тѣла ци-линя выходитъ пламя, оно изображено на переднихъ и заднихъ лопаткахъ.

Рис. 2 (н. в.).

Фениксъ (фынъ-хуанъ или просто: фынъ) — царь-птица, предвѣщающая своимъ появленіемъ благоденствіе. Спереди фениксъ подобенъ лебедю, сзади ци-линю съ хвостомъ рыбы, въ плечахъ напоминаетъ змѣю; клювъ имѣетъ ласточки, гребень пѣтуха, спину черепахи; также пяти-

цвѣтенъ, какъ и ци-линь. Фениксъ садится только на дерево у-тунъ, питается сѣменами бамбука и водою чистыхъ источниковъ; вышиною достигаетъ до трехъ саженъ; всѣ прочія птицы составляютъ его свиту. Въ различныхъ ювелирныхъ украшеніяхъ фениксу отведено видное мѣсто. На обратной сторонѣ вышеприведеннаго амулета находится изображеніе феникса, передъ нимъ помѣщенъ грибъ безсмертія (*линъ-чжи*) и далѣе дерево *у-тунъ* (рис. 4).

За этими изображеніями слѣдуетъ рядъ другихъ, взятыхъ изъ реальнаго міра и преслѣдующихъ ту же цѣль. Отмѣчу нѣкоторыя изъ нихъ.

Летучая мышь—по китайски *фу*. Вслѣдствіе того, что іероглифъ, означающій счастіе, также произносится *фу*, изображеніе летучей мыши сдѣлалось символомъ счастія и стало означать пожеланіе счастія. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, сыграли роль омофоны.

Рис. 3 (н. в.).

Бабочка—произносится у китайцевъ *ху-дэ*; а такъ какъ взятый отдѣльно іероглифъ *дэ* значитъ „долгая жизнь“, то и бабочка, хотя ея существованіе ограничивается иногда всего лишь нѣсколькими часами, стала выраженіемъ долгоденствія. Изображеніе ея на различныхъ предметахъ достигало двухъ цѣлей: красоты и пожеланія долгоденствія.

Лотосъ — по китайски *хо*; но такъ же читается и іероглифъ, имѣющій значеніе *согласія*; на этомъ основаніи рисунокъ лотоса соотвѣтствуетъ пожеланію согласія, мира. Все растеніе лотоса называется у китайцевъ *лэнь* и при удвоеніи означаетъ непрерывность или повтореніе. Лотосъ у ребенка на ци-линѣ означаетъ: постоянно рождай мудрецовъ. Лотосъ китайцы заимствовали изъ буддійскаго вѣроученія, но не какъ предметъ культа, а какъ красивую орнаментацію. У буддистовъ лотосъ, выходящій изъ воды и не прикасающійся къ земной поверх-

ности, означаетъ чистоту, святость и благородство; поэтому Будда обыкновенно помѣщается на лотосѣ; Хоншимъ бодисатва возродился на лотосѣ. Конечно, цвѣтокъ этотъ не составляетъ исключительную принадлежность буддизма и китайскаго искусства; его чтили еще въ древнемъ Египтѣ, онъ всегда обращалъ на себя вниманіе красотою и изяществомъ, и мусульманскіе художники широко воспользовались имъ для своего растительнаго орнамента, доведеннаго ими до совершенства. Въ Китаѣ лотосъ получилъ примѣненіе въ искусствѣ съ проповѣдью буддизма; къ такому выводу пришли изслѣдователи этого вопроса [1]).

Къ числу заимствованныхъ китайцами изъ буддизма предметовъ слѣдуетъ отнести: **раковину**, входящую въ составъ восьми „буддійскихъ драгоцѣнностей“ и получившую у китайцевъ символъ богатства, и **рыбокъ**, по китайски *юй*; въ буддизмѣ онѣ являются символомъ счастія, у китайцевъ получили значеніе обилія, и въ этомъ смыслѣ изображеніе рыбъ встрѣчается у нихъ постоянно на предметахъ украшенія, на вышивкахъ, на вазахъ, при чемъ послѣднія сами по себѣ имѣютъ благожелательное значеніе [2]).

Рис. 4 (н. в.).

Ставъ на этотъ путь, китайцы начали создавать сложную символику, чтобы еще болѣе усилить благожеланіе. Не ограничиваясь отдѣльными изображеніями, они стали соединять добрыя начала изъ царствъ животныхъ и растеній, а то и предметовъ кабалистическаго характера. Такъ, рыбка + лотосъ усиливаютъ эмблему благополучія и означаютъ непрерывное счастіе; свастика + летучая мышь также обозначаютъ усиленное счастіе.

Такую сложную символику имѣютъ предметы, пріобрѣтенные въ

---

[1]) O. Du Sartel, La Porcelaine de Chine. Paris, 1881, p. 104—110. Ernest Grandidier, La Céramique chinoise. Paris, 1894.

[2]) У Грандидье на таблицѣ XIII помѣщена очень изящная вазочка, состоящая изъ двухъ рыбокъ.

г. Майкопѣ, которые здѣсь раздѣлены на двѣ группы: серьги и головныя булавки. Всѣ онѣ представлены на фототипической таблицѣ въ натуральную величину, подъ соотвѣтствующими номерами.

Серьги.

Серьги (по-китайски *эр чжуйдза*) бываютъ чрезвычайно разнообразны и красивы и сохраняютъ установившіяся традиціи.

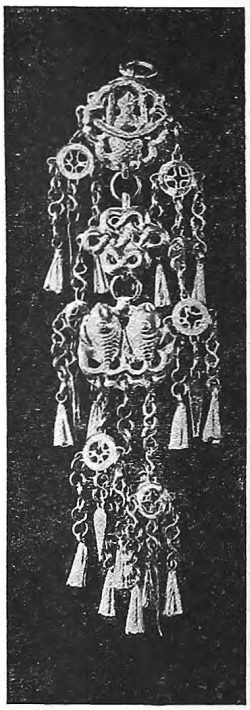

Рис. 5 (²/₃).

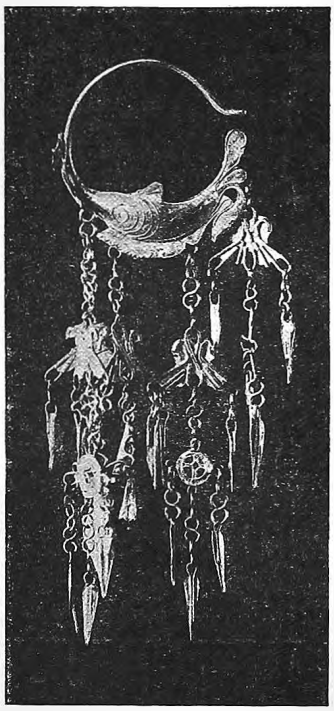

Рис. 6 (н. в.).

1. Пара серегъ (на таблицѣ помѣщена только одна) съ вытѣсненнымъ, выпуклымъ изображеніемъ летучей мыши, съ сквозными отверстіями. Такъ какъ при двухъ одинаковыхъ серьгахъ получаются двѣ летучія мыши, то это даетъ гармонію, какъ составляютъ гармонію въ жизни мужъ и жена; а потому китайцы считаютъ это благопріятнымъ признакомъ. Верхній стержень предназначенъ для продѣванія въ ухо, нижній—широкій долженъ быть загнутъ назадъ и сомкнуться съ верхнимъ. Серебро покрыто очень темной патиной.

2. Подобная же серьга. Расширенная лопасть раздѣлена на двѣ части; въ верхней помѣщена летучая мышь, а въ нижней—какое-то непонятное изображеніе, какъ будто тоже летучая мышь.

3. Серьга представлена изогнувшейся и внутри полой рыбкой, хватающей цвѣтокъ лотоса; у рыбки пять колечекъ, а у лотоса два, предназначенныхъ для цѣпочекъ съ привѣсками, но онѣ не сохранились. Стержень долженъ быть согнутъ въ полукругъ. На таблицѣ серьга изображена съ двухъ сторонъ. На современныхъ китайскихъ серьгахъ встрѣчаются рыбки парами, т. е. четыре на обѣихъ серьгахъ, и этимъ выражается эмблема сугубаго обилія; такое усиленіе можно видѣть на привѣскѣ къ серьгѣ, находящейся въ этнографическомъ музеѣ И. Академіи Наукъ (рис. 5). Серьги теперь особенно много снабжаются привѣсками (рис. 6, серьга изъ того же музея).

Встрѣчаются теперь серьги и съ однимъ лотосомъ, въ такомъ случаѣ онѣ даютъ эмблему мира и согласія. Бываютъ серьги съ изображеніемъ ци-линя, феникса и т. д.

Головныя булавки.

Какъ туалетная принадлежность, головныя булавки (по-китайски *шоу-шиг*) имѣютъ не только обиходное значеніе, но еще и болѣе высшее, оффиціальное, такъ какъ императоръ жалуетъ ихъ знатнымъ дамамъ, смотря по положенію ихъ мужей. Булавки требуются китаянкамъ въ большомъ количествѣ и, занимая положеніе на виду, требуютъ яркой внѣшности, и современные мастера съ успѣхомъ удовлетворяютъ этому требованію. Существуютъ булавки, на которыхъ нагромождено большое количество красивыхъ предметовъ, покрытыхъ пестрою эмалью. Напримѣръ, на одной головной булавкѣ я видѣлъ изображеніе обезьяны, держащей цвѣтокъ, оленя, обернувшаго голову назадъ и хватающаго вонзившуюся въ него стрѣлу, бабочки и попугая.

Наши булавки принадлежатъ другому, можно сказать, строгому стилю. Почти каждую изъ нихъ можно раздѣлить на три части: уховертку (по-китайски *эрвадза*)—верхную часть, орнаментированную плоскость—среднюю часть, и стержень—нижнюю часть.

4. Булавка—одна изъ наиболѣе крупныхъ по размѣру, богато орнаментированная въ средней части. Длина ея 30 см. [1]). Дискъ заполненъ бабочкой, сдѣланной гравировкой, съ тремя сквозными отверстіями. На длинной плоскости изображены: пара рыбокъ съ фигурными хвостами,

[1]) Конецъ ея не помѣстился на таблицѣ.

возлѣ которыхъ два сквозныя отверстія; цвѣтокъ лотоса, обращенный внизъ; небольшая съ гравировкой плоскость съ узкимъ продольнымъ отверстіемъ, быть можетъ, для ленты [1]); второй лотосъ, обращенный вверхъ; третій лотосъ, опущенный внизъ, и цвѣтокъ, похожій на подсолнечникъ (китайцы называютъ его цвѣткомъ, обращающимся къ солнцу, онъ означаетъ знатность). Заканчивается рисунокъ длинными штрихами, въ которыхъ, можетъ быть, скрывается тоже какой-нибудь смыслъ. Значеніе всѣхъ выраженныхъ здѣсь пожеланій ясно само собой. Въ настоящее время бабочка на булавкахъ дѣлается большихъ размѣровъ, см. рис. 7 (этнографическій музей И. А. Н.).

5. Булавка сходная съ предыдущей, длина ея 27 см. Дискъ украшенъ летучею мышью, исполненной гравировкой и снабженной для большей наглядности четырьмя сквозными отверстіями. Все поле съуживающейся пластинки и постепенно переходящей въ стержень раздѣлено поперечными пластинками на пять частей. Въ первой части, гдѣ на другихъ булавкахъ помѣщаются рыбки, изображены только хвосты ихъ, очень похожіе на цвѣты; что это не цвѣты, а хвосты рыбъ, ясно изъ предыдущей булавки [2]). Во второй части намѣченъ чертами удлиненный четыреугольникъ, который, однако, не пробитъ насквозь. Въ третьей сдѣлано перекрестье изъ двухъ полосокъ, заполненныхъ внутри пунктиромъ; смыслъ этого рисунка мнѣ неизвѣстенъ. Въ четвертой части изображенъ круглый плодъ, надо думать, персикъ (*тао*), имѣющій символическое значеніе долголѣтія или безсмертія. Въ пятой части помѣщенъ неотчетливый рисунокъ, какъ-бы лепестокъ цвѣтка (подсолнечника?) или цвѣтокъ.

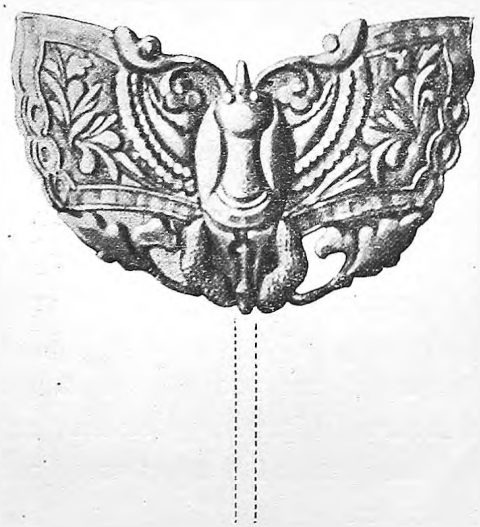

Рис. 7 (н. в.).

[1]) Въ новѣйшихъ булавкахъ я этого отверстія не встрѣчалъ.

[2]) На нѣкоторыхъ булавкахъ въ этнографическомъ музеѣ И. Академіи Наукъ подобные рисунки выгравированы на стержнѣ.

6. Булавка не полная, отсутствуютъ стержень и часть удлиненной плоскости. На дискѣ изображенъ бутонъ лотоса и сдѣланы два незначительныя отверстія; затѣмъ слѣдуютъ перегородка и лотосъ, обращенный внизъ, небольшая площадка съ узкимъ продольнымъ отверстіемъ, второй лотосъ, обращенный вверхъ, и вторая перегородка; далѣе персикъ, опущенный внизъ, вверху съ двухъ сторонъ два небольшія круглыя отверстія.

7. Булавка также неполная, отсутствуютъ уховертка и дискъ. На плоскости выгравированы два лотоса, между которыми оставлена небольшая площадка со сквознымъ узкимъ отверстіемъ; за поперечною перегородкою изображена ваза.

Рис. 8 (н. в.).

8. Небольшая булавка безъ уховертки, съ слегка загнутымъ на лицо верхнимъ концомъ, длина 11,8 см. Если бы не было подобной булавки въ этнографическомъ музеѣ И. Академіи Наукъ (рис. 8), можно было бы предположить, что уховертка случайно отломана, но указанное совпаденіе устраняетъ такое предположеніе. На плоскости вверху изображена раковина, а затѣмъ помѣщенъ цвѣтокъ, повидимому подсолнечникъ, возлѣ котораго пробиты два отверстія для большей отчетливости.

9. Булавка изъ толстой проволоки, длиною 16,8 см. Стержень уховертки не гладкій, а рубчатый въ родѣ астрагалей или жемчуга. Дискъ сдѣланъ изъ двухъ одинаковыхъ тисненыхъ половинокъ, спаянныхъ вмѣстѣ и закрывающихъ проходящій между ними стержень булавки. Рисунокъ съ обѣихъ сторонъ изображаетъ летучую мышь. Обычная у предыдущихъ булавокъ плоскость здѣсь отсутствуетъ. Булавка имѣетъ темную патину.

10. Булавка длиною 20,2 см. другого типа. Она украшена полою внутри рыбкою съ лотосомъ. Оба эти предмета покрыты синею эмалью, рыбка только мѣстами, а лотосъ сплошь. Эмаль эта нѣсколько отличается отъ новой китайской эмали, какъ густымъ тономъ, такъ и техникой закрѣпленія ея; теперь эмаль распускается въ углубленномъ гнѣздѣ, на нашей же булавкѣ она покрываетъ выпуклую поверхность лепестковъ лотоса. Стержень уховертки сдѣланъ изъ скрученной проволоки. Между рыбкой

и иглой вмѣсто удлиненной плоскости находится плетенка въ родѣ цифры 8. Повидимому, здѣсь изображена коса, которыхъ, однако, взрослыя китаянки не носятъ; но это предоставляется дѣвочкамъ. Въ этнографическомъ музеѣ И. А. Н. находится головная булавка, удлиненная плоскость которой еще болѣе походитъ на заплетенную косу (рис. 9). На таблицѣ верхняя часть нашей булавки представлена съ двухъ сторонъ.

Рис. 9 (н. в.).

11. Булавка безъ уховертки, длиною 11,8 см.; она имѣетъ только одно украшеніе: корзину съ лотосомъ. Плоскій стержень направленъ вверхъ; но онъ долженъ быть повернутъ внизъ. Такія булавки въ настоящее время украшаютъ спереди прическу китайскихъ женщинъ.

12. Булавка самая длинная, достигаетъ 35,5 см.; она оставлена въ томъ согнутомъ видѣ, въ какомъ была пріобрѣтена. На проволочномъ стержнѣ, слегка утончающемся къ концу, помѣщена ложечка, немного сдавленная съ боковъ. По своимъ большимъ размѣрамъ ложечка никоимъ образомъ не можетъ служить уховерткой, а скорѣе подражаетъ ей, или имѣетъ другое назначеніе.

13. Булавка иного типа. На продолговатой пластинкѣ посредствомъ тисненія изображены двѣ птички, обращенныя къ пятилепестному цвѣтку, помѣщенному между ними. Здѣсь очевидно цвѣтокъ сливы, по китайски *мэй*, служащій символомъ красоты. Пара птичекъ означаетъ полное счастіе. Игла погнута влѣво, но она должна направляться внизъ. Эта булавка, сдѣланная изъ низкопробнаго серебра, имѣетъ назначеніе, какъ № 11, украшать женскую прическу спереди.

Перечислить всѣ мотивы, служащіе для украшенія головныхъ булавокъ, нѣтъ возможности, такъ какъ изобрѣтательность китайскихъ кустарей въ искусствѣ этого рода положительно не истощима. Относительно же основныхъ темъ замѣчу, что въ музеѣ И. А. Н. имѣется булавка съ ци-линемъ (рис. 10).

Изъ другихъ, оказавшихся въ этой коллекціи, предметовъ отмѣчу слѣдующіе:

14. Узкая пластинка, на которой выгравированы лотосы; она покрыта темной патиной. Повидимому она предназначалась для женской прически: у китаянокъ и теперь помимо булавокъ примѣняются и другіе предметы для закручиванія локоновъ. Такая же пластинка, только мѣдная, имѣется въ этнографическомъ музеѣ Академіи Наукъ (рис. 11). Подобное изображеніе встрѣчается на вазахъ [1]).

15. Привѣска съ изображеніемъ головы летучей мыши, имѣетъ сзади небольшое колечко для шнурка. Въ Китаѣ подобныя изображенія пользуются широкимъ примѣненіемъ.

Рис. 10 (н. в.).

16. Два одинаковые предмета, составленные изъ двухъ спаянныхъ пластинокъ, на которыхъ оттиснуты какія-то растенія, быть можетъ персики—символъ долголѣтія. Внутри находится по шарику для произведенія шума, какъ это бываетъ въ дѣтскихъ игрушкахъ. Назначеніе этихъ предметовъ мнѣ неизвѣстно.

Рис. 11 (н. в.).

Столь обширная и столь сложная символизація для выраженія всякихъ добрыхъ пожеланій ставила китайцевъ въ этомъ отношеніи въ положеніе болѣе благопріятное сравнительно съ тѣми народами, которые не выработали у себя подобной системы благожелательныхъ символовъ. Обойтись безъ нихъ всетаки было трудно; у насъ, напримѣръ, чаще всего примѣняются три символа: крестъ, якорь и сердце для означенія вѣры, надежды и любви. Когда же запасъ такихъ символовъ недостаточенъ, приходится прибѣгать для выраженія желаній къ письменности и на самомъ

---

[1]) E. Grandidier, La Céramique chinoise, табл. XV.

предметѣ помѣщать слова: „на счастье“, „на здоровье“, „на память“ и т. п. Китайцы имѣютъ полную возможность обойтись безъ такого подчеркиванья, такъ какъ у нихъ изображенія говорятъ сами за себя и передаютъ вполнѣ точно мысль мастера или закащика. И такъ это развито у китайцевъ, что изъ различныхъ подносимыхъ предметовъ можно составлять цѣлыя фразы въ родѣ той, какая помѣщена въ эпиграфѣ; составляются фразы: желаю счастія на многіе годы, желаю успѣха. Но китайцы не устранили и свою письменность изъ ряда пожеланій. Такъ, на металлическихъ зеркалахъ мы встрѣчаемъ іероглифы, означающіе счастіе, долгоденствіе и тому подобное.

Н. Веселовскій.

Изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря.

Посвящается графу А. А. Бобринскому.

Живо помнится мнѣ, графъ, наша первая встрѣча, наша первая бесѣда. Это было въ Кіевѣ въ 1899 году, во время археологическаго съѣзда. Послѣ утомительнаго рабочаго дня, проведеннаго на засѣданіяхъ и въ музеѣ, мы вечеромъ отправились гулять въ живописный садъ купеческаго собранія. Была чудная, теплая ночь: яркая луна магически освѣщала ту неизмѣримую даль, которая открывается съ высоты сада. Центральное мѣсто въ этой очаровательной картинѣ занимаетъ величавый Днѣпръ, весь залитый мягкимъ луннымъ свѣтомъ, разстилающійся серебряной лентой среди зеленыхъ луговъ. Долго мы молча восхищались дивнымъ видомъ. И вдругъ Вы, графъ, заговорили съ свойственной Вамъ живостью и картинностью....

Исходя изъ прочитаннаго мною днемъ реферата „О значеніи керамическихъ находокъ для выясненія культурной исторіи черноморской колонизаціи", въ которомъ подчеркнута была необходимость систематическихъ раскопокъ на почвѣ древней Ольвіи, Вы, графъ, мысленно перенеслись къ устьямъ текущей передъ нами рѣки, туда, гдѣ за два съ половиною тысячелѣтія вмѣсто нынѣшнихъ жалкихъ крестьянскихъ лачугъ поднимались гордыя стѣны, храмы и виллы древней Ольвіи, туда, гдѣ вмѣсто нынѣшней пустыни на островѣ Березани въ Днѣпровскомъ лиманѣ существовало цвѣтущее поселеніе. И въ эту тихую лунную ночь, такъ располагавшую къ мечтамъ и грезамъ, Вы, графъ, возсоздали въ поэтической рѣчи, въ которой звучала тихая грусть о навѣки потерянной красотѣ, яркія картины изъ жизни и быта греческихъ колоній у устья залитаго серебромъ Днѣпра. Закончили Вы, графъ, Ваши набросанные художественными штрихами сплуэты заявленіемъ,

что Вы приложите всѣ старанія къ тому, чтобы организаціею систематическихъ раскопокъ на мѣстѣ древней Ольвіи и на Березани пролить надлежащій свѣтъ на нѣкогда здѣсь господствовавшую высоко-художественную культуру, добыть изъ нѣдръ земли тотъ фактическій матеріалъ, который долженъ лечь, какъ Вы вѣрно замѣтили, въ основаніе всякой научной попытки рѣшенія задачи, такъ краснорѣчиво Вами намѣченной, какъ конечная цѣль нашихъ археологическихъ изслѣдованій.

Вы сдержали Ваше обѣщаніе. Съ большой энергіею Вы взялись за дѣло: если въ послѣднее десятилѣтіе не только, какъ прежде, въ Херсонесѣ и Керчи, но и въ Ольвіи и на Березани ежегодно раздается стукъ лопаты и кирки и постепенно работа движется впередъ и увеличивается наше знаніе—это Ваша незабвенная заслуга передъ отечественною наукою. Мы, правда, далеки еще отъ конечной цѣли, но всетаки многое уже добыто и установлено,—добыто и установлено по Вашей иниціативѣ. Поэтому позвольте и мнѣ въ день, въ который исполняется двадцатипятилѣтіе Вашего просвѣщеннаго руководства работами Императорской Археологической Коммиссіи, присоединиться къ сонму поздравляющихъ Васъ съ рѣдкимъ юбилеемъ и просить Васъ, графъ, принять отъ меня, котораго Вы удостоили пригласить въ число Вашихъ сотрудниковъ, въ знакъ моей глубокой благодарности и преданности нижеслѣдующій маленькій очеркъ „изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря“, основанный исключительно на археологическомъ матеріалѣ, добытомъ изъ организованныхъ Вами раскопокъ, и представляющій собою скромную попытку частичнаго рѣшенія той задачи, о которой Вы, графъ, такъ восторженно говорили въ ту тихую лунную ночь на берегу залитаго серебромъ Днѣпра.

Процессъ заселенія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря совершался лишь постепенно. За первыми піонерами, пріѣхавшими на своихъ маленькихъ и утлыхъ судахъ въ этотъ отдаленный сѣверный край со своими товарами и совершившими здѣсь выгодныя торговыя сдѣлки для предпріимчивыхъ торговыхъ фирмъ въ Милетѣ и другихъ культурныхъ центрахъ греческаго міра VIII вѣка, вскорѣ послѣдовали другіе смѣльчаки преимущественно тоже изъ Милета. Страхъ передъ опаснымъ путешествіемъ въ дикую страну побѣждался наде-

ждою на скорое обогащеніе. Такъ возникали постоянныя ярмарки, складочные пункты, факторіи, заключались договоры съ туземцами, и съ приливомъ бо́льшаго числа выходцевъ изъ метрополіи и другихъ греческихъ городовъ эти факторіи постепенно превращались въ постоянныя поселенія, въ правильно организованныя колоніи, въ которыхъ былъ поднятъ—чтобы примѣнить современную терминологію—флагъ отечества колонистовъ. Греческій элементъ въ этихъ колоніяхъ на первыхъ порахъ былъ еще немногочисленный, процессъ заселенія длился по крайней мѣрѣ болѣе столѣтія. Вѣрность изложеннаго здѣсь взгляда на возникновеніе милетскихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря подтверждается, не говоря уже объ историческихъ аналогіяхъ, неоспоримыми положительными данными. Историческая традиція сохранила намъ извѣстіе, что Милетъ въ періодъ наибольшаго своего процвѣтанія въ VIII и VII вѣкахъ до Р. Х. основалъ больше, чѣмъ девяносто колоній (Plin. V, 112).

Изъ этой громадной цифры явствуетъ, что число высылаемыхъ каждый разъ колонистовъ могло быть лишь незначительнымъ и что большинство изъ этихъ колоній первоначально, при ихъ учрежденіи, были только факторіями, которыя постепенно лишь превращались и развивались въ постоянно заселенные пункты. Основательность этого заключенія вполнѣ оправдывается результатами раскопокъ на югѣ Россіи. Находки предметовъ милетской культуры въ милетскихъ колоніяхъ, въ Пантикапеѣ и въ Ольвіи, принадлежатъ сравнительно къ рѣдкимъ, и даже тамъ, гдѣ эта милетская культура представлена наиболѣе богато и въ наиболѣе чистомъ видѣ,—на островѣ Березани,—найденные при раскопкахъ предметы, на первомъ мѣстѣ керамическія издѣлія, и, судя по обнаруженнымъ наслоеніямъ, и первый періодъ поселенія на островѣ не можетъ быть датированъ ранѣе конца VII—начала VI вѣка до Р. Х., между тѣмъ, какъ историческая традиція относитъ начало торговыхъ сношеній Милета съ Чернымъ моремъ еще къ VIII вѣку.

Но съ указаннаго времени, съ конца VII или начала VI вѣка мы въ правѣ говорить о постоянномъ жительствѣ грековъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, и съ этого періода начинается и правильная колоніальная общественная жизнь. Колонисты, рѣшившіеся навсегда или на продолжительное время основаться въ этихъ новыхъ форпостахъ греческой культуры, стали устраивать свой домашній очагъ и потому стали

являться сюда вмѣстѣ съ женами: если Горацій въ одной изъ своихъ одъ (Od. I, 3) восторгается смѣлостью того (robur et aes triplex circa pectus erat), который первый рѣшился бороздить море на хрупкомъ суднѣ, то отвага и самопожертвованіе этихъ женщинъ, которыя первыя послѣдовали за своими мужьями въ столь отдаленные отъ родины края, заслуживаютъ не меньшаго удивленія. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вдуматься въ ихъ положеніе: длинный, утомительный и опасный переходъ на маленькихъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ судахъ, пріѣздъ въ некультурную страну, туземные жители которой говорили на непонятномъ языкѣ, и жизнь при климатическихъ условіяхъ, которыя избалованнымъ дочерямъ блаженнаго Юга должны были казаться прямо страшными,—вотъ та непривлекательная перспектива, которая ихъ ожидала. Достаточно вспомнить то описаніе климата Скиѳіи, которое Геродотъ (IV, 28—32) даетъ еще въ срединѣ V вѣка, послѣ того, какъ греки уже прочно утвердились на сѣверномъ берегу Чернаго моря, чтобы ясно представлять себѣ тотъ ужасъ, который климатическія условія Березани и Ольвіи, морозы и снѣжныя метели, должны были наводить на первыхъ поселенцевъ.

Раскопки доказываютъ, что этотъ ужасъ не лишенъ былъ основанія. Стѣны домовъ, построенныхъ въ этотъ первый періодъ поселенія, состояли изъ узкихъ рядовъ на-сухо положенныхъ штучныхъ камней и не могли настоящимъ образомъ защищать жильцовъ отъ вѣтра и холода, а единственный открытый очагъ, при отсутствіи всякихъ другихъ приспособленій для топки, конечно, не былъ въ состояніи распространять въ этихъ домахъ необходимую въ зимнее время теплоту. Несмотря на всѣ эти затрудненія, серьезность которыхъ нельзя не признать, греческая колоніальная жизнь здѣсь на сѣверѣ стала развиваться и процвѣтать: рождается и подрастаетъ новое поколѣніе. Но есть полное основаніе думать, что особенно на первыхъ порахъ, именно вслѣдствіе непривычныхъ и неблагопріятныхъ климатическихъ и житейскихъ условій, довольно значительный процентъ этого новорожденнаго и подрастающаго поколѣнія преждевременно погибалъ. Колонисты и ихъ жены, ко всѣмъ остальнымъ невзгодамъ жизни, должны были оплакивать смерть своихъ любимцевъ и „отдавать“ ихъ въ лоно „матери земли“. И вблизи ихъ домовъ, затѣмъ передъ городскими стѣнами выросталъ цѣлый могильникъ, печальное „memento mori“. Но эти самыя могилы, въ которыя они бережно опускали трупики своихъ дѣтей, которыя они съ грустью посѣ-

щали и украшали, служатъ теперь для насъ, по прошествіи больше чѣмъ двухъ тысячелѣтій, источникомъ для выясненія и возстановленія быта этихъ дѣтей и такимъ образомъ,—въ иномъ, правда, смыслѣ, чѣмъ они думали,—мать земля возвратила этихъ дѣтей и воскресила ихъ къ новой жизни.

Я совершенно намѣренно употребилъ здѣсь слово „могилы“ и „трупики“, хотя у іоническихъ грековъ и, слѣдовательно, и у милетскихъ колонистовъ на нашемъ Черноморскомъ побережьѣ господствовало трупосожженіе. Но „terra clauditur infans et minor igne rogi“ говоритъ Ювеналъ (XV, 140), и его свидѣтельство подтверждается Плиніемъ (H. n. VII, 72) словами: „Hominem prius quam genito dente cremari mos gentium non est“. Профессоръ Dieterich, который въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Mutter Erde“ (1905) приводитъ эти показанія древнихъ авторовъ, могъ уже въ подтвержденіе вѣрности этихъ литературныхъ свидѣтельствъ указать на одну находку въ Orvieto (срв. *Noticie degli scavi*, 1887, 61; Mau, у Pauly-Wissowa, Real-Enc. III, 346), гдѣ въ одной могилѣ рядомъ съ урнами съ пепломъ обнаружены были кости ребенка, и на наблюденія Sellin'a (*Denkschriften der Wien. Akademie*, L, IV, стр. 36, 1904 года) при раскопкахъ въ Тэль-Таанекѣ въ Палестинѣ. Раскопки на Березани дали для рѣшенія этого вопроса довольно любопытный матеріалъ; между тѣмъ какъ здѣсь въ періодъ милетскаго поселенія встрѣчается исключительно трупосожженіе, мною найдены три амфоры съ дѣтскими костяками и въ многихъ другихъ, сверху отбитыхъ амфорахъ, судя по вблизи лежащимъ погребальнымъ предметамъ, должно быть, также нѣкогда заключались дѣтскія погребенія, но нѣжныя кости младенцевъ совершенно истлѣли. Сохранившіеся въ урнахъ костяки принадлежатъ дѣтямъ, которыя во всякомъ случаѣ старше года, и мои наблюденія такимъ образомъ совпадаютъ съ тѣми наблюденіями г. Sellin'a, по которымъ въ Тэль-Таанекѣ дѣти до двухъ лѣтъ не хоронились въ фамильныхъ склепахъ, но отдѣльно въ самыхъ домахъ или по близости ихъ. Находки показываютъ, что обычай хоронить трупы дѣтей даже при общегосподствующемъ сожженіи распространялся не только на тѣхъ, у которыхъ, по словамъ Плинія, „зубы еще не прорѣзались“, но и на дѣтей старшаго возраста. Профессоръ Dieterich прекрасно разъяснилъ, на какихъ широко распространенныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ основывается указанный обычай; чтобы не повторять

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П. М. Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

имъ уже сказанное, отсылаю къ его книгѣ. Для моихъ цѣлей достаточно констатировать тотъ фактъ, что даже въ милетскій періодъ (въ VII и VI вѣкахъ до Р. Х.) колоніальной жизни на берегу Чернаго моря скончавшіяся дѣти, по крайней мѣрѣ, до двухлѣтняго возраста не сжигались на кострѣ, а хоронились въ землѣ; съ средины V вѣка, подъ все болѣе возрастающимъ вліяніемъ Аѳинъ, въ нашихъ колоніяхъ вообще распространяется и начинаетъ преобладать обычай трупоположенія. Но и въ предыдущій періодъ, во время господства сожженія, клали въ ямы, гдѣ хранились урны съ пепломъ, неоднократно разные предметы, какъ переживаніе болѣе глубокой старины и въ противорѣчіе вѣрованіямъ, вызвавшимъ обычай трупосожженія. Между этими предметами встрѣчаются и относящіеся къ жизни дѣтей, — такъ что за этотъ періодъ мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія относительно быта дѣтей, дожившихъ до возраста болѣе двухъ лѣтъ. Чему же насъ учитъ этотъ инвентарь дѣтскихъ могилъ въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, какія заключенія можно извлечь изъ тѣхъ предметовъ, которые рука любящей матери положила, какъ послѣдній знакъ своей нѣжной заботливости, въ темное жилище своему любимцу, ушедшему въ дальній путь, въ подземное царство? На этомъ вопросѣ я и позволю себѣ вкратцѣ остановиться.

Мое изложеніе далеко отъ претензіи исчерпать затронутый вопросъ; я намѣренъ намѣтить лишь общіе контуры и иллюстрировать ихъ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ въ музеѣ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Всякій, кто хотя поверхностно знакомъ съ ходомъ археологическихъ изслѣдованій на югѣ Россіи, конечно, знаетъ, что этотъ матеріалъ не представляетъ собою единичнаго явленія: въ *Отчетахъ Имп. Археолог. Коммиссіи* и въ ея *Извѣстіяхъ* имѣются часто указанія на аналогичныя находки изъ Керчи, Херсонеса, Ольвіи и т. д. Я ихъ, конечно, имѣю въ виду при тѣхъ выводахъ, которые намѣренъ предложить вниманію читателя; но указывать на этотъ матеріалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ считаю лишнимъ, такъ какъ для моихъ цѣлей вполнѣ достаточно, не нагромождая матеріала, выбрать характерные примѣры; и съ этой точки зрѣнія тщательно составленная и провѣренная коллекція относящихся къ дѣтскому быту предметовъ въ Одесскомъ музеѣ, нигдѣ еще не опубликованная, мнѣ кажется вполнѣ подходящею.

О первыхъ стадіяхъ жизни новорожденнаго младенца въ греческихъ колоніяхъ на нашемъ югѣ могильныя находки, понятно, намъ ничего не могутъ сообщить. Какъ пеленали и купали дѣтей здѣсь на сѣверѣ, мы не знаемъ, не знаемъ и того, сама ли мать кормила ребенка, или слѣдовала весьма распространенному въ кругахъ болѣе обезпеченнаго общества на греческомъ материкѣ обычаю прибѣгать къ услугамъ мамки (τίτθη), и обращалась ли она для этой цѣли къ женщинамъ туземнаго населенія, напр. изъ среды болѣе или менѣе эллинизованныхъ каллипидовъ (Herod. IV, 17).

Но эти первыя стадіи жизни проходятъ скоро; начинаютъ замѣнять молоко матери или мамки молокомъ козъ или коровъ, и форму того сосуда, который при этомъ игралъ роль современнаго „рожка“, мы уже можемъ опредѣлить по имѣющемуся матеріалу. Это — сосудики шарообразной формы съ боковой ручкой и острымъ горизонтальнымъ носикомъ, черезъ который жидкость могла протекать только весьма постепенно, отдѣльными каплями (рис. 1—5). Сверху эти сосудики или вполнѣ открыты (рис. 1), или имѣютъ не особенно большое отверстіе (рис. 3—5), или, наконецъ, закрыты ситомъ, должно быть для того, чтобы пѣнки отъ кипяченаго молока не проходили въ сосудъ (рис. 2). Я знаю, что данное здѣсь толкованіе этихъ сосудовъ оспаривается; указываютъ на то, что отверстія носка слишкомъ узки, что неудобно чистить подобные сосуды и т. п. Сдѣланные мною опыты убѣдили меня, что эти возраженія не особенно состоятельны. Если такой сосудикъ послѣ употребленія положить въ кипятокъ, хорошо выполоскать и нѣсколько разъ перемѣнить воду, то можно его вполнѣ вычистить. Для меня вопросъ рѣшается тѣмъ, что сосудикъ, представленный на рис. 1, характерно іонической работы изъ свѣтлой глины съ краснымъ ободкомъ, найденъ мною на о. Березани, какъ единственный погребальный предметъ, въ одной ямѣ рядомъ съ урной, сохранившей крошечный дѣтскій скелетъ. Съ о. Березани имѣется въ Одесскомъ музеѣ еще второй экземпляръ, тоже іоническаго производства; онъ различается только постановкой ручки, но сверху тоже вполнѣ открытъ. Мѣсто его нахожденія—въ выгребной ямѣ, наполненной черепками разныхъ милетскихъ сосудовъ и кухонными остатками,—не позволяетъ привлечь его къ рѣшенію вопроса о значеніи этихъ сосудовъ, но зато сосуды, изображенные на рис. 2—5, по заслуживающимъ довѣрія показаніямъ, найдены въ дѣтскихъ могилахъ, и

эти показанія такимъ образомъ вполнѣ подтверждаютъ сдѣланное мною наблюденіе. Эти сосудики (рис. 2—5), судя по глинѣ и характерному черному лаку, представляютъ собою продукты аттической керамики V вѣка. Такихъ чернолаковыхъ сосудиковъ найдено множество во всѣхъ нашихъ колоніяхъ; кромѣ того имѣются, между прочимъ и въ Одесскомъ музеѣ, экземпляры еще болѣе поздняго времени, бураго цвѣта съ чернымъ орнаментомъ на желтомъ фонѣ плеча. Такимъ образомъ въ продолженіе двухъ-трехъ столѣтій „рожки“ этой формы были и оставались въ употребленіи; очень можетъ быть, что они впослѣдствіи были замѣнены стеклянными сосудами весьма родственной конструкціи, шесть экземпляровъ которыхъ хранятся въ Одесскомъ музеѣ [1]).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рядомъ съ заботой о физическомъ преуспѣяніи идетъ попытка пробужденія умственныхъ, душевныхъ силъ ребенка. Мать или няня поетъ колыбельныя пѣсни (βαυκαλήματα), образцы которыхъ сохранены у Симонида (frg. 37), Θеокрита (idyl. 24,6), Софокла (Philoct. 827), Еврипида (Orest. 174), и ребенку вручается первая *игрушка*. Эта первая игрушка состоитъ, какъ и у насъ, изъ погремушки (πλαταγή), изобрѣтеніе которой древнее преданіе приписываетъ Архиту. Эти погремушки могли имѣть, конечно, различныя формы: изображенный у насъ экземпляръ (на табл. 1 внизу направо), найденный на Глинищѣ въ Керчи

[1]) Срв. Kisa, Das Glas im Altertum, I, 82.

въ дѣтской могилѣ IV вѣка до Р. Х., представляетъ собою плоскую качалку (λίκνον), въ которой лежитъ крѣпкій, хорошо вскормленный ребенокъ. Полая внутренность сильно обожженной глиняной качалки заключаетъ въ себѣ глиняный шарикъ, и при каждомъ движеніи раздается громкій звукъ, вполнѣ годящійся, чтобы дѣйствовать на слуховыя ощущенія ребенка и концентрировать его вниманіе на тотъ предметъ, который издаетъ этотъ звукъ и который своимъ изображеніемъ удачно приспособленъ къ степени развитія его возраста. Существовали, конечно, и погремушки болѣе простой конструкціи. Такъ, въ Одесскомъ музеѣ хранится экземпляръ безъ всякихъ украшеній.

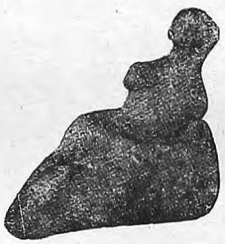

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Но вскорѣ такія погремушки уже не занимаютъ ребенка, и для него дѣлаютъ другія игрушки. Между ними, какъ и теперь у насъ, первое мѣсто занимаютъ изображенія различныхъ животныхъ; ихъ изготовляли обыкновенно изъ глины, рѣже изъ кости или олова. Встрѣчаются преимущественно фигурки домашнихъ животныхъ, какъ-то: собачекъ, пѣтуховъ, голубей, коровъ, лошадей, свиней и т. д., которыхъ ребенокъ легко могъ видѣть въ окружающей его дѣйствительности, а поэтому и узнавать въ изображеніяхъ коропласта. Но также нерѣдки фигурки разныхъ птицъ, напр. ласточекъ, или зайцевъ, кроликовъ, черепахъ и т. д.; замѣчательно, что довольно часто попадаются и изображенія обезьянъ, даже въ такой ранній періодъ, какъ въ эпоху перваго милетскаго поселенія на Березани (рис. 6). Едва ли можно допустить, чтобы здѣсь, на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, ребенку представился случай видѣть живые экземпляры этихъ экзотическихъ звѣрей; скорѣе всего ихъ изображенія давались дѣтямъ въ руки для иллюстраціи тѣхъ многочисленныхъ басенъ изъ царства животныхъ, которыя имъ разсказывали няни и матери (срв. Strabo; I, 8, 2; Aristoph., Осы, 1182).

Раскопки въ греческихъ колоніяхъ на югѣ Россіи дали большой матеріалъ для изученія этихъ фигурокъ животныхъ. Часто, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Лукіанъ (Somn. 2), дѣти старшаго возраста сами изготовляютъ изъ воска или глины эти фигурки; найденныя мною рядомъ съ урной съ дѣтскимъ костякомъ на Березани фигурки собачекъ (рис. 7 и 8) и изображеніе змѣи (рис. 9)—онѣ водились тамъ въ изобиліи и нынѣ еще нерѣдко попадаются—настолько грубы, что легко могутъ быть признаны дѣтскою работою [1]). На Березани также найдена вышеупомянутая глиняная обезьянка; она положена была въ могилу ребенка, какъ видно на изображеніи (рис. 6), на свѣтильникѣ, непремѣнномъ придаткѣ похороннаго инвентаря.

Рис. 10—21.

Но рядомъ съ этими простыми работами встрѣчаются и издѣлія, отличающіяся высокой художественностью исполненія; между животными, изображенными на рис. 10—21 и найденными въ двухъ дѣтскихъ могилахъ, открытыхъ въ Ольвіи въ 1894 г. въ присутствіи П. А. Мавро-

[1]) Сюда же можетъ быть причислена фигурка лошадки (рис. 24) изъ Ольвіи.

гордато, особенно выдѣляются фигурки сидящей мыши и рѣзаной изъ кости обезьяны, посаженной въ оловянную ванночку.

Въ Одесскомъ музеѣ имѣется, кромѣ здѣсь изображеннаго, еще богатый матеріалъ: напр., левъ іонической работы, выкрашенный въ желтый цвѣтъ, съ бурой гривой; художественной работы прыгающій баранъ, большой бѣлый пѣтухъ съ краснымъ гребешкомъ, большой бѣлый голубь и много другихъ. Хотя весьма вѣроятно, что и эти фигурки служили дѣтскими игрушками, я тѣмъ не менѣе не рѣшился изобразить ихъ здѣсь, потому что онѣ добыты путемъ не поддающихся строгой провѣркѣ раскопокъ, и въ виду этого всегда открыта возможность усматривать въ нихъ въ своемъ родѣ bric-à-brac для украшенія квартиры, и въ особенности женскихъ покоевъ.

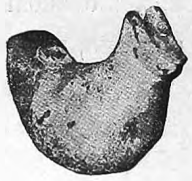

Рис. 22.

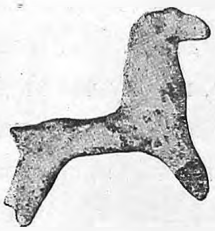

Рис. 23.

Рис. 24.

Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ-игрушекъ преслѣдуютъ еще спеціальную цѣль; такъ, напр., игрушки, изображенныя на рис. 22 (изъ Ольвіи) и 23 (изъ Ѳеодосіи), представляютъ собою свистульки, которыми возможно и по истеченіи болѣе двухъ тысячелѣтій производить столь раздирающіе душу звуки, что поистинѣ приходится жалѣть о нервахъ тѣхъ родителей, дѣти которыхъ владѣли этими инструментами.

Кромѣ глины, эти фигурки животныхъ дѣлались также изъ металловъ, преимущественно изъ олова. На табл. I изображена цѣлая серія такихъ фигурокъ, найденныхъ въ дѣтскихъ могилахъ Ольвіи и хранящихся въ Одесскомъ музеѣ. Между ними обращаетъ на себя вниманіе изображеніе верблюда. Эти маленькія фигурки—въ числѣ ихъ, кромѣ животныхъ, попадаются и солдаты, всадники, люди различныхъ профессій, жанровыя сценки и т. д.—вручались какъ игрушки, конечно, уже дѣтямъ болѣе развитымъ и осмысленнымъ; для малютокъ, которыя играли глиняными собачками или черепахами, эти тонкія оловянныя игрушки едва-ли годились.

Различіе пола дѣтей также вліяло на выборъ игрушекъ для нихъ. Дѣвочки получаютъ главнымъ образомъ куклы, изготовляемыя также изъ глины. Онѣ найдены въ довольно значительномъ количествѣ при раскопкахъ въ греческихъ колоніяхъ на берегахъ Чернаго моря.

Прилагаю изображеніе одного особенно хорошо сохранившагося экземпляра съ подвижными ножками и ручками—по типу работы V вѣка до Р. Х.—изъ одной дѣтской могилы въ Ольвіи (рис. 25). Подобныхъ куколъ имѣется въ Одесскомъ музеѣ еще цѣлый рядъ. Часто у нихъ недостаетъ рукъ или ногъ. Трудно теперь установить, нужно ли это приписать небрежности теперешнихъ „гробокопателей“, которые недостаточно тщательно производили раскопки, или эти куклы были уже въ такомъ поврежденномъ видѣ положены въ могилки усопшихъ дѣтей. Послѣднее предположеніе вполнѣ допустимо, потому что въ древности, конечно, наблюдалось то же самое явленіе, что и теперь: весьма часто самыя плохія и поломанныя куклы пользуются наибольшей любовью ребенка.

Рис. 25.

Куклы нуждаются въ своемъ спеціальномъ сервизѣ. Могилы доставляютъ намъ весьма богатый подборъ всевозможныхъ кувшинчиковъ, мисочекъ, блюдечекъ, миніатюрныхъ молочниковъ, солонокъ и т. д. Въ Одесскомъ музеѣ собрано нѣсколько дюжинъ этихъ сосудиковъ. На рис. 26—31 изображены для образца шесть экземпляровъ такого кукольнаго сервиза, найденныхъ мною на островѣ Березани. Я изъ массы имѣющагося матеріала выбралъ ихъ для иллюстраціи, чтобы показать, что уже въ VI вѣкѣ до Р. Х., въ чисто милетскій періодъ заселенія черноморскихъ колоній изготовлялись эти игрушки. Общеизвѣстно, что онѣ въ послѣдующихъ столѣтіяхъ попадаются очень часто.

Довольно любопытнымъ является полный могильный инвентарь двухъ,—судя по костякамъ,—трехлѣтнихъ или четырехлѣтнихъ дѣвочекъ, раскопанный въ 1899 году въ Ольвіи По характеру и стилю работы предметы въ могилахъ этихъ дѣвочекъ относятся къ эллинистическому періоду. На табл. II изображены вещицы, найденныя въ одной изъ этихъ

могилъ. Круглый глиняный столикъ на кругломъ столбикѣ, глиняное блюдце съ волнообразнымъ краемъ, украшеннымъ чорными штрихами на желтомъ покровѣ; на блюдцѣ лежатъ разные изъ глины сдѣланные овощи, рѣпа, лукъ и т. д.; вокругъ блюдца группированы были четыре голубя, изъ коихъ два совершенно сохранились, съ красными клювами и глазами, тогда какъ все туловище покрыто бѣлой краской; у третьяго голубя клювъ и хвостъ повреждены; четвертый, съ отбитой головой, имѣетъ отличную отъ другихъ форму: у него крылья раскрыты. Рядомъ, также у изголовья, стояла маленькая энохоя, у которой весь корпусъ покрытъ желтой матовой краскою и на ней написаны черныя полосы.

Рис. 26.

Рис. 27.

Рис. 28.

Рис. 29.

Рис. 30.

Рис. 31.

Не менѣе интереснымъ является содержаніе могилы второй дѣвочки (табл. III): на простомъ глиняномъ блюдѣ съ ярко-краснымъ краемъ лежитъ цѣлая коллекція сдѣланныхъ изъ глины фруктовъ: яблоко, груша, виноградная кисть, смоква, бананъ. Кругомъ помѣщены были три миніатюрныхъ терракотовыхъ статуэтки, наибольшая изъ которыхъ имѣетъ красный гиматій и голубую накидку.

Какъ явствуетъ изъ инвентаря этихъ двухъ могилъ, маленькія дѣвочки въ нашихъ колоніяхъ располагали, рядомъ съ посудой для куколъ, и разными запасами для кукольной кухни.

Въ то время какъ дѣвочки играли и возились съ своими куклами и относящимися къ нимъ принадлежностями, мальчики предпочитали

для своихъ игръ лошадокъ на колесахъ, повозки и тому подобное. Нашъ рисунокъ (на табл. 1 внизу налѣво) представляетъ лошадку изъ свѣтлой желтой глины іоническаго еще производства; уздечка обозначена красной краской. Лошадка безъ ногъ, четыре отверстія въ корпусѣ показывали, что черезъ него проходили двѣ оси, на которыхъ надѣты были колеса, или къ которымъ прикрѣплена была качалка. Лошадка эта найдена въ 1909 году на Тамани вмѣстѣ съ нѣсколькими сосудиками чисто милетскаго типа.

Изображенный на рис. 33 бычекъ, найденный въ Ольвіи, тоже приспособленъ былъ, какъ явствуетъ изъ дырочекъ внизу на ногахъ, къ тому, чтобы его катать на колесахъ; должно быть, его запрягали въ повозочку. Работа этого бычка очень грубая и простая, повидимому мѣстная; но, кстати замѣтить, концепція именно поэтому не лишена интереса. Какъ извѣстно, Геродотъ (IV, 29) сообщаетъ, что такъ называемая комолая порода быковъ въ Скиѳіи не имѣетъ роговъ и къ этому въ объясненіе прибавляетъ, что въ очень холодныхъ мѣстностяхъ у скота или вовсе не растутъ рога или едва выростаютъ. Мы на нашемъ экземплярѣ мѣстной работы можемъ констатировать, что, вопреки наблюденіямъ Геродота, у скиѳовъ были быки съ рогами; правда, въ сравненіи съ рогами той породы, изображенія которой мы встрѣчаемъ въ домикенской эпохѣ на югѣ Россіи, въ знаменитой серебряной головѣ изъ Микенъ и на стѣнныхъ картинахъ въ Кноссѣ на Критѣ, рога нашего быка незначительны; притомъ одинъ выросъ въ горизонтальномъ направленіи на бокъ, а другой, немного прилегая ко лбу, направленъ внизъ: аномалія, которая и теперь иногда наблюдается и которая показываетъ, что нашъ доморощенный коропластъ копировалъ съ натуры.

Рис. 33.

Рѣдкой по своему типу и поэтому довольно любопытной является изображенная на рис. 34*а* и 34*б* въ двухъ видахъ глиняная повозочка. Она найдена въ 1909 году въ дѣтской могилѣ на Глинищѣ въ Керчи. Работа грубая, мѣстная. Продолговатый кузовъ повозки имѣетъ впереди, непосредственно надъ врѣзанной въ мягкую еще глину розеткой, дырочку, очевидно, для того, чтобы продѣвать сквозь нее веревочку,

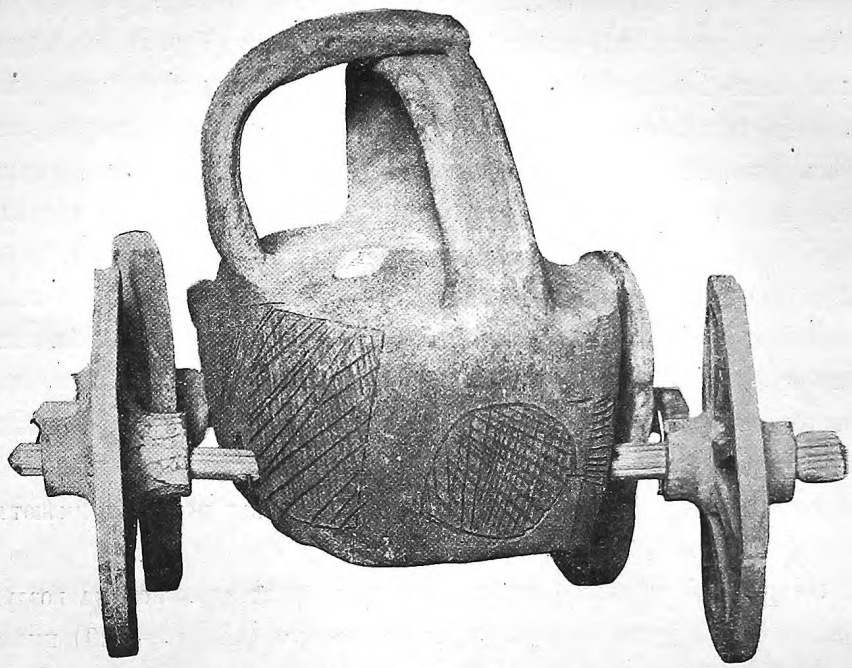

Рис. 34*а*.

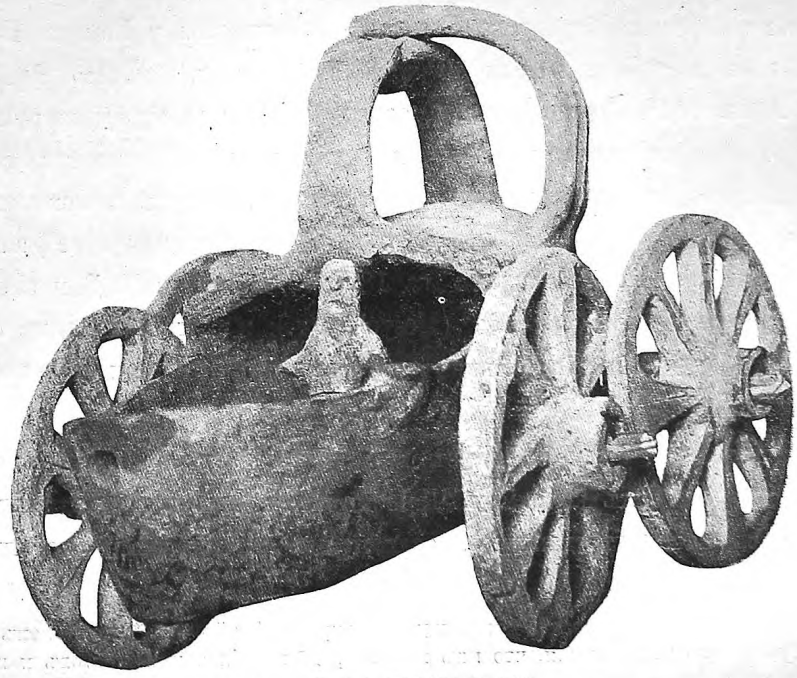

Рис. 34*б*.

при помощи которой мальчикъ могъ-бы возить повозку. Въ передней, открытой части кузова сидитъ „кучеръ“, глиняная бородатая фигурка. Задняя часть кузова имѣетъ „верхъ“. Надъ этимъ верхомъ поднимаются на-крестъ поставленныя дуги; такая-же дуга, какъ видно по сохранившемуся основанію ея, первоначально помѣщена была и надъ открытой частью кузова. Какое назначеніе имѣли эти дуги, трудно съ опредѣленностью сказать. Если исходить изъ положенія Платона (Leg. I, p. 643; XII, p. 794), что при изготовленіи дѣтскихъ игрушекъ надо считаться съ тѣмъ, что въ реальной жизни пригодится дѣтямъ, то позволительно будетъ въ этой повозочкѣ усмотрѣть подражаніе дѣйствительно существовавшимъ въ Скиѳіи и предположить, что эти дуги поддерживали верхъ изъ матеріи, которая должна была защищать кочевниковъ въ случаѣ непогоды. Такимъ образомъ, такія дѣтскія игрушки имѣютъ и болѣе общій бытовой интересъ [1]).

О другихъ дѣтскихъ играхъ, которыя практиковались на воздухѣ, на свободѣ, и о которыхъ мы у Полидевка (IX, 94—129) имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, могильныя находки даютъ, за рѣдкими исключеніями, немного матеріала. Конечно, дѣти греческихъ поселенцевъ въ колоніяхъ на берегахъ Чернаго моря строили домики и стѣнки изъ песка на морскомъ берегу, какъ то уже описывается у Гомера (Il. XV, 363); конечно, и они ѣздили верхомъ на палкахъ (κάλαμον περιβῆναι, Plut. Ages. 25); конечно, и они бросали камнями въ опредѣленную цѣль и т. д.; но понятно, что предметы и орудія, которые употреблялись при подобныхъ играхъ, не попадали въ могилы или въ нихъ не сохранились. Только находка, сдѣланная въ Керчи и опубликованная Стефани въ *Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1873 годъ (табл. III, 8 и стр. 45), иллюстрируетъ игру „βασιλίνδα“ (Hesych. s. v.); и часто находимые орѣхи подтверждаютъ свѣдѣнія древнихъ авторовъ о примѣненіи ихъ при разныхъ играхъ.

Мы должны были-бы на этомъ закончить нашъ очеркъ о жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ Черноморья, основанный исключительно на археологическихъ данныхъ, еслибы одна чрезвычайно любопытная

---

[1]) Срв. описаніе скиѳской повозки у Гиппократа (de aëre 6, 93); мы имѣемъ здѣсь иллюстрацію его утвержденія, что ихъ палатки, дѣлавшіяся изъ шестовъ и палокъ и покрывавшіяся войлокомъ или звѣриными шкурами, составляли верхъ повозокъ и имѣли два или три отдѣленія.

находка не позволила намъ заглянуть еще и въ тотъ періодъ дѣтской жизни, въ которомъ рядомъ съ играми начинается и обученіе азбукѣ.

При земляныхъ работахъ, произведенныхъ вице-президентомъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей А. Л. Бертье-Делагардомъ для устройства гавани въ Ѳеодосіи, найденъ многогранникъ изъ такъ называемой египетской пасты; на каждой грани помѣщено по одной буквѣ алфавита, такъ что получается полный букварь (рис. 35). Недавно поступилъ въ Одесскій музей другой экземпляръ такого многогранника; онъ изготовленъ изъ глины, имѣетъ всего четырнадцать граней и найденъ, по словамъ продавца, на Глинищѣ въ Керчи. На этомъ второмъ многогранникѣ начертаны лишь согласные. Эти оба многогранника доказываютъ, что у греческихъ колонистовъ на Черномъ морѣ извѣстна была система обученія дѣтей грамотѣ, которая живо напоминаетъ такъ называемую „фребелевскую“, черта, не лишенная значенія при попыткѣ выясненія облика жизни дѣтей въ древности.

Рис. 35.

Многогранникъ изъ Ѳеодосіи, найденный при земляныхъ работахъ А. Л. Бертье-Делагарда, самъ по себѣ, конечно, могъ бы быть разсматриваемъ, какъ принадлежность какой-нибудь игры взрослыхъ; неповрежденность острыхъ угловъ граней, которые должны были-бы при не особенно прочномъ матеріалѣ многогранника во время бросанія или катанія его несомнѣнно пострадать, правда, не особенно рекомендуютъ такое предположеніе. Но возможно, конечно, возраженіе, что найденный экземпляръ не былъ долго въ употребленіи и попалъ въ землю вскорѣ послѣ изготовленія. Но вопросъ о назначеніи этихъ многогранниковъ рѣшается мѣстомъ нахожденія второго, глинянаго экземпляра: онъ добытъ изъ дѣтской могилы вмѣстѣ съ маленькимъ сосудикомъ, глиняной птичкой, двумя шариками и грубой работы бараномъ. Сомнѣваться въ правдивости показанія продавца не имѣю повода, особенно въ виду того, что этотъ многогранникъ имъ оцѣненъ былъ всего въ 50 копѣекъ.

Подводя итоги изложенному, мы видимъ, что дѣтская жизнь въ греческихъ колоніяхъ на берегу Чернаго моря болѣе чѣмъ за два тысяче-

лѣтія тому назадъ держалась и протекала въ общемъ въ такихъ рамкахъ, которыя и нынѣ еще дѣйствуютъ. Условія жизни, религіозныя и общественныя воззрѣнія измѣнялись, но осталось неизмѣннымъ то же нѣжное попеченіе родныхъ и близкихъ о маленькихъ дѣтяхъ, и это попеченіе является какъ теперь, такъ и тогда источникомъ для созданія окружающей ребенка атмосферы, источникомъ для его развитія и развлеченія. И вслѣдствіе общности корня этихъ стремленій наблюдается и поразительное сходство и совпаденіе въ выборѣ предметовъ для игры и умственной пищи, которые преподносятся ребенку.

Конечно, внѣшнія формы и матеріалъ мѣняются и отражаютъ на себѣ своеобразность и характеръ данной культурной эпохи, но суть осталась и сохранилась съ рѣдкимъ консервативизмомъ: тѣ же погремушки тогда, что и теперь, тѣ же сказки и басни, тѣ же фигурки животныхъ, тѣ же куклы съ подобающей обстановкой, тѣ же повозочки и лошадки, тѣ же игры на свободѣ, тѣ же, наконецъ, пріемы обученія дѣтей азбукѣ, что и теперь. Болѣе чѣмъ все другое, археологическое изученіе дѣтскихъ могилъ въ греческихъ колоніяхъ на нашемъ югѣ можетъ наглядно доказать ту безпрерывную связь и ту зависимость, въ которой находится современная культурная жизнь отъ античной. Конечно, въ обстановкѣ жизни дѣтей могутъ въ силу вещей развиваться и въ дѣйствительности развивались аналогичныя явленія совершенно независимо у различныхъ народовъ. Но кто знакомъ съ археологическимъ матеріаломъ, найденнымъ на почвѣ, напр., древняго Вавилона, Ассиріи и Египта, или же съ матеріаломъ, добытымъ у разныхъ самобытныхъ народовъ, тотъ легко пойметъ, что это полное совпаденіе въ обстановкѣ дѣтской жизни у древнихъ грековъ и у нынѣшнихъ культурныхъ народовъ не можетъ быть объяснено теоремой, что аналогичныя условія вызываютъ аналогичныя проявленія человѣческой мысли и дѣятельности. Здѣсь мы имѣемъ больше: здѣсь несомнѣнно замѣчается преемственность и зависимость, и съ этой точки зрѣнія изученіе жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря пріобрѣтаетъ спеціальный интересъ: оно намъ помогаетъ разрѣшить хоть въ частичномъ вопросѣ одну изъ главныхъ задачъ современнаго историка—установить происхожденіе и развитіе окружающей насъ культурной жизни.

Э. фонъ-Штернъ.

Къ вопросу о времени правленія архонта Игіэнонта.

Всѣхъ, кто занимается изученіемъ исторіи Боспорскаго царства, поражаетъ скудость свѣдѣній, изъ которыхъ приходится составлять повѣствованіе о судьбахъ славнѣйшей греческой колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Не говоря о туманныхъ извѣстіяхъ объ основаніи Пантикапея и о первыхъ шагахъ его на историческомъ поприщѣ, въ исторіи Боспора встрѣчаются громадные промежутки времени, о которыхъ мы или вовсе не имѣемъ свѣдѣній, или должны довольствоваться крайне неясными и сбивчивыми намеками, открывающими самое широкое поле для всевозможныхъ догадокъ. Укажемъ на длинный промежутокъ между Спартокомъ III (303—284 г. до Р. Хр.) и послѣднимъ Перисадомъ, передавшимъ въ концѣ II столѣтія свою власть Миѳридату, а также на эпоху, слѣдовавшую за Полемономъ I почти до половины IV вѣка по Р. Хр., когда прерывается рядъ боспорскихъ царей. Нѣкоторой полнотой отличаются только два періода: періодъ оживленныхъ торговыхъ сношеній Боспора съ Аѳинами и блестящій періодъ Миѳридата Великаго. Древніе писатели и эпиграфическіе памятники довольно часто упоминаютъ о дѣлахъ, относящихся къ этимъ двумъ эпохамъ, но крайне рѣдко и весьма кратко касаются событій, которыя происходили внѣ предѣловъ этихъ періодовъ. Чтобы хотя до нѣкоторой степени восполнить эти пробѣлы и „пустыя лѣтописи“ (по выраженію Бека), приходится теперь съ величайшихъ усиліемъ и вниманіемъ собирать каждое, даже малѣйшее, свѣдѣніе, начертанное на камнѣ, металлѣ или даже на глинѣ. Извѣстно, что мы не знали бы даже именъ нѣкоторыхъ Боспорскихъ царей и не имѣли бы понятія о времени ихъ царствованія, если бы у насъ не было эпиграфическихъ памятниковъ или монетъ, постоянно извлекаемыхъ изъ неисчерпаемой почвы древняго Боспорскаго царства.

Въ этой статьѣ мы намѣрены привести весьма интересный примѣръ, какъ иногда неожиданно для всѣхъ появляются совершенно новые факты и какъ они постепенно все яснѣе и яснѣе выходятъ изъ мрака на свѣтъ. Примѣромъ этимъ послужитъ архонтъ Игіэнонтъ. До 1857 года никто и не подозрѣвалъ о существованіи этого правителя Боспора; въ 1882 году была высказана робкая догадка, что онъ былъ Боспорскимъ династомъ, и только въ 1899 году явилась увѣренность, что эта догадка зиждется на весьма реальной почвѣ. Мы подвинемъ вопросъ объ Игіэнонтѣ нѣсколько дальше тѣмъ, что на основаніи новыхъ данныхъ окончательно рѣшимъ вопросъ о времени, когда онъ былъ правителемъ Боспора.

I.

Археологическими раскопками, производимыми въ разныхъ мѣстахъ прежняго Боспорскаго царства, въ особенности же на Митридатовой горѣ въ Керчи, открывается то и дѣло большое число цѣлыхъ и еще больше разбитыхъ черепицъ, служившихъ древнимъ боспорянамъ какъ для покрытія крышъ, такъ и для застилки половъ, для устройства гробницъ и другихъ надобностей. Встрѣчаются главнымъ образомъ два вида черепицъ [1]), а именно: большія плоскія (σωλῆνες) и узкія закругленныя (καλυπτῆρες), формы, хорошо извѣстной всему эллинскому міру [2]).

По различному составу и цвѣту глины, а также по нѣкоторымъ измѣненіямъ въ общепринятой формѣ можно судить, что черепицы, находимыя въ бывшемъ Боспорскомъ царствѣ, представляютъ издѣлія разныхъ заводовъ. Тоже клейма, которыми помѣчена часть ихъ (встрѣчаются и черепицы безъ всякихъ надписей), ясно свидѣтельствуютъ о разномъ происхожденіи этихъ издѣлій: въ Керченскомъ музеѣ древностей хранятся черепицы съ именами тѣхъ же астиномовъ и гончарныхъ мастеровъ, которые намъ извѣстны по амфорнымъ ручкамъ, или съ одними личными именами безъ обозначенія должностей, въ томъ числѣ два обломка съ римскими именами, начертанными греческими буквами (Magnus, Celsus). Однако, большинство этихъ черепицъ пред-

[1]) Изрѣдка попадаются плоскія черепицы, имѣющія форму трехугольника; описаніе и изображеніе ихъ будутъ помѣщены въ нашей статьѣ «Боспорскія черепицы», которая появится на страницахъ «Извѣстій Имп. Арх. Коммиссіи».

[2]) *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 13, стр. 68 и послѣднее изданіе руководства: Die Baukunst der Griechen von J. Durm (Leipzig 1910), стр. 197 слл.

ставляетъ собою издѣлія одного завода: онѣ сдѣланы изъ красной глины, смѣшанной съ множествомъ крупинокъ бѣлаго и коричневаго цвѣтовъ, и отличаются прекраснымъ выжигомъ и тщательной выдѣлкой. По формѣ онѣ совершенно сходны съ черепицами, найденными въ Пергамѣ [1]); это сходство до того поразительно, что невольно напрашивается мысль, что образцы для изготовленія пергамскихъ черепицъ были заимствованы изъ Боспора, или что образцы пергамскихъ и боспорскихъ черепицъ происходятъ изъ одного общаго источника [2]).

Вопросъ о томъ, гдѣ находился заводъ, на которомъ изготовлялись эти черепицы, рѣшается очень просто на основаніи надписей, которыми онѣ помѣчены. На издѣліяхъ этой группы отпечатаны, между прочимъ, имена боспорскихъ царей и особъ изъ царскаго рода Спартокидовъ, какъ-то: Левкона [3]), Митродора [4]), Горгиппа [5]), Спартоковъ [6]), двухъ первыхъ Перисадовъ [7]), Аполлонія [8]), Сатира [9]), Притана [10]) и Евмила [11]); на нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются имена знатныхъ пан-

---

[1]) Сборникъ пергамскихъ надписей, II: Die Inschriften auf Thon herausgegeben von Carl Schuchhardt (Berlin 1895), стр. 393—503; изображенія и разрѣзы черепицъ обоихъ видовъ на стр. 394.

[2]) Отмѣтимъ, что издатель пергамскихъ черепицъ вполнѣ убѣдительно пріурочилъ большую часть ихъ (съ буквами А и Т) ко времени Аттала I, царствовавшаго въ Пергамѣ съ 241 по 197 годъ до Р. Хр. (тамъ же, стр. 397).

[3]) Клеймо съ этимъ именемъ будетъ издано въ статьѣ: «Боспорскія черепицы».

[4]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1861 г.*, стр. 169, № 9; сообщеніе А. В. Орѣшникова у Гиля (Kleine Beiträge z. ant. Numismatik Südrusslands, Москва 1886, стр. 41, № 17); *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 11, стр. 155, № 703.

[5]) *Матеріалы по арх. Россіи*, № 17, стр. 71, № 7. (Въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ хранится второй экземпляръ того же клейма, купленный тоже въ Анапѣ).

[6]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1861 г.*, стр. 168, №№ 1 и 2; *Jahrb. f. klass. Philol.*, Suppl. V, стр. 475, № 15; А. В. Орѣшниковъ у Гиля (ук. соч. стр. 41, №№ 4, 5 и 7); *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 3, стр. 162, № 3; вып. 11, стр. 156, № 709; *Записки Одесскаго Общ.*, т. XXVIII, стр. 152, № 280.

[7]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1861 г.* стр. 169, №№ 3—6; *Jahrb. f. klass. Philol.*, Suppl. X, стр. 23, № 24 (гдѣ Беккеръ неправильно добавилъ ἀστυνόμου); *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 11, стр. 156, № 704.

[8]) А. В. Орѣшниковъ у Гиля (ук. соч., стр. 41, № 15); *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 11, стр. 162, № 1.

[9]) А. В. Орѣшниковъ у Гиля, стр. 41, № 14; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 3, стр. 162, № 7.

[10]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1861 г., стр. 169, № 6; *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 11, стр. 156, № 707.

[11]) А. В. Орѣшниковъ у Гиля въ ук. соч., стр. 41, № 3; въ Керченскомъ музеѣ хранится цѣлая черепица прекрасной сохранности съ тѣмъ же именемъ. На одной изъ боспорскихъ черепицъ читается имя Ὀρχάμου: это, по всей вѣроятности сынъ Горгиппа, извѣстный намъ изъ надписи на золотомъ цилиндрѣ, изданной въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго, т. II, надп. № LXVIII: Ὀρχάμο(υ) | τοῦ Γοργίππο(υ),

тикапейцевъ и фанагорійцевъ, извѣстныя изъ боспорскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, какъ напр. Μεδων (IosPE. II, n⁰ 7), Σατυρίων (тамъ же, n⁰10) [1]), Μήστωρ (тамъ же, n⁰345) и др. Извѣстны даже два обломка плоскихъ черепицъ, на которыхъ точно такъ, какъ и на боспорскихъ монетахъ, читается надпись Παντι(καπαϊτῶν) [2]). Отсюда можно вывести заключеніе, что заводъ, гдѣ изготовлялись эти черепицы, находился въ предѣлахъ Боспорскаго царства, вѣроятнѣе всего, въ самомъ Пантикапеѣ. Имена царей указываютъ также на время расцвѣта гончарнаго производства на Боспорѣ, именно на IV вѣкъ и на начало III вѣка до Р. Хр. Что часть черепицъ нужно отнести къ III вѣку, мы судимъ по клейму, гдѣ встрѣчается полная надпись ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ съ болѣе позднимъ начертаніемъ буквы Σ (встрѣчается также не полное имя ΠΑΡΙΣΑ, безъ первой Ι); уже Бекъ указалъ на то, что Παιρισάδου (вмѣсто болѣе древней формы Παιρισάδεος) относится къ Перисаду II, взошедшему на боспорскій престолъ въ 284 году до Р. Хр. [3]).

Къ этому же разряду черепицъ, которыя мы отнынѣ будемъ называть боспорскими, принадлежатъ и черепицы съ именемъ архонта Игіэнонта. Мы знаемъ пока только два типа этихъ клеймъ: на большихъ плоскихъ черепицахъ читается всегда клеймо меньшихъ размѣровъ (0,053×0,019 м.) съ двумя закругленными углами (рис. 1), тогда какъ на калиптерахъ отпечатано всегда клеймо съ отчетливыми прямыми углами (размѣры этого клейма: 0,076×0,025 м.), съ небольшими изгибами, вдающимися на длинныхъ сторонахъ въ клеймо, вслѣдствіе чего среднія буквы обѣихъ строкъ вышли не такъ ясно, какъ первыя и послѣднія (рис. 2). Въ начертаніи буквъ обоихъ клеймъ замѣчается только одна разница: на клеймахъ перваго типа средняя черта

Рис. 1.

[1]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1869 г.*, стр. 169, № 7 и сообщеніе А. В. Орѣшникова у Гиля ук. соч., стр. 41, № 16 (въ обоихъ мѣстахъ Σατυριω ошибочно вм. Σατυρίωνος; въ статьѣ «Боспорскія черепицы» будетъ издано факсимиле этой надписи).

[2]) А. В. Орѣшниковъ у Гиля (стр. 41, № 22); другой экземпляръ того же клейма хранится въ Керченскомъ музеѣ.

[3]) CIG. II, стр. 92; см. также В. В. Латышева IosPE. II, praef. стр. XXIII, прим. 5 = ΠΟΝΤΙΚΑ, стр. 81, прим. 2; см. также стр. 91, прим. 1.

буквы А имѣетъ изломъ, между тѣмъ, какъ на клеймахъ второго типа она прямая.

Клейма съ надписью ἄρχοντος Ὑγιαίνοντος уже давно извѣстны въ литературѣ: впервые издано клеймо второго типа Макферсономъ въ 1857 году въ сочиненіи: Antiquities of Kerch, стр. 72 и табл. XI, № 5, съ весьма точнымъ изображеніемъ въ натуральную величину [1]). Послѣ Макферсона такія же клейма были изданы еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

1) въ Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи за 1861 г., стр. 169, № 8 (2-го типа);

Рис. 2.

2 и 3) въ Запискахъ Одесскаго Общества, т. VII (1868), стр. 32, № 58; Jahrb. f. klass. Philol., Suppl. V (Leipzig. 1869), стр. 474, № 66 (одинъ экземпляръ 1-го типа, другой—2-го);

4) въ Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи за 1868 г., стр. 126, № 17 (1-го типа);

5) въ сообщеніи А. В. Орѣшникова у Гиля: Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, стр. 41, № 9 (2-го типа) и

6—8) въ Извѣстіяхъ Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 11 (1904), стр. 156 сл., № 711 (всѣ 1-го типа; на первомъ мѣстѣ по ошибкѣ напечатано А съ прямымъ поперечникомъ вмѣсто ломанаго).

Кромѣ этихъ девяти изданныхъ экземпляровъ имѣются еще въ Керченскомъ музеѣ древностей 20 клеймъ перваго типа и 4 клейма второго типа.

---

[1]) Макферсонъ неправильно считалъ двѣ вмѣстѣ найденныя узкія черепицы за часть древняго водопровода, имѣвшаго направленіе къ акрополю: стоитъ только сложить два такихъ калиптера, чтобы убѣдиться, что изъ нихъ никоимъ образомъ нельзя было составить водопроводныхъ трубъ.

Всѣ эти 33 черепицы были найдены въ Керчи; въ другихъ мѣстахъ, насколько намъ извѣстно, онѣ никогда не встрѣчались, даже въ Ѳеодосіи, гдѣ въ 1894 году было найдено нѣсколько боспорскихъ черепицъ съ другими клеймами [1]).

Сравнимъ еще характеръ письма въ надписяхъ съ именемъ Игіэнонта съ письмомъ остальныхъ клеймъ, которыми помѣчены боспорскія черепицы [2]). Первыя клейма подходятъ болѣе всего къ вышеупомянутой надписи съ полнымъ именемъ Перисада: въ обѣихъ надписяхъ формы буквъ I, P, Y, O и Σ совершенно одинаковы. Разница заключается только въ буквѣ A: въ имени Перисада вытиснуто A съ косой, но не ломаной средней чертой, между тѣмъ какъ въ надписяхъ Игіэнонта, какъ видно на рисункахъ №№ 1 и 2, замѣчается двѣ формы A: съ прямымъ и съ ломанымъ поперечникомъ. Начертаніе A съ ломанымъ поперечникомъ не можетъ препятствовать отнести надпись ко времени, близкому къ царствованію Перисада II: извѣстно, что въ надписи, вырѣзанной на памятникѣ Лисикрата, воздвигнутомъ въ 334 году до Р. Хр., A первой строки имѣетъ болѣе древнюю форму, съ прямой горизонтальной черточкой, между тѣмъ какъ та же буква въ остальныхъ двухъ строкахъ, за исключеніемъ лишь одного случая, снабжена ломаной линіей [3]).

II.

Перейдемъ къ нумизматическимъ находкамъ, помѣченнымъ именемъ архонта Игіэнонта.

Самой интересной изъ нихъ является золотой статеръ, находящійся теперь въ извѣстномъ нумизматическомъ собраніи Ѳ. И. Прове въ Москвѣ и изданный А. В. Орѣшниковымъ во 2-мъ томѣ „Трудовъ Московскаго Нумизматическаго Общества“ (1899). Статеръ найденъ въ

---

[1]) См. *Записки Од. Общ.*, т. XVIII, стр. 167, №№ 20, 24—26.

[2]) Хорошее представленіе о болѣе древнихъ боспорскихъ клеймахъ даетъ факсимиле, изданное у Гиля (ук. соч., стр. 41) передъ сообщеніемъ А. В. Орѣшникова.

[3]) CIG. I, № 221; S. Reinach, Traité d'épigraphie grecque, стр. 204. Такое же колебаніе замѣтно на пантикапейскихъ и фанагорійскихъ монетахъ съ одинаковыми изображеніями головы Аполлона и тирса, украшеннаго повязками (Бурачковъ, XXI, № 101 и XXIII, № 1 b): на первыхъ читается A съ ломанымъ поперечникомъ, на вторыхъ—съ прямымъ.

Крыму, между Керчью и Ѳеодосіею, верстахъ въ 20 отъ послѣдней (рис. 1 на таблицѣ) [1]).

Лиц. Безбородая голова архонта вправо съ молодыми крупными чертами лица, съ волнистыми волосами, безъ діадемы.

Обр. Сидящая влѣво Аѳина, типа Аѳины на статерахъ Лисимаха, локтемъ лѣвой руки опирающаяся на щитъ съ изображеніемъ головы Горгоны, въ правой рукѣ держащая Нику съ вѣнкомъ; подъ рукою Аѳины монограмма; подъ чертою трезубецъ съ двумя дельфинами; между ножками сѣдалища монограмма изъ буквъ П и А (повидимому, сокращенное Παντικαπαϊτῶν); надпись ΑΡΧΟΝΤΟΣ | ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ отчеканена по сторонамъ Аѳины, какъ на статерахъ Лисимаха и Перисада. Вѣсъ 8,38 гр. [2]).

На второмъ мѣстѣ нужно поставить двѣ совершенно одинаковыя серебряныя драхмы, изъ коихъ одна принадлежитъ Парижскому Cabinet des Médailles, а другая (болѣе хорошей сохранности) монетному отдѣленію Императорскаго Эрмитажа. Обѣ драхмы найдены на Таманскомъ полуостровѣ [3]). Нашъ снимокъ (рис. 2 на табл.) и описаніе монеты даны по новому экземпляру, найденному въ 1910 году.

Лиц. Безбородая голова архонта вправо съ молодыми крупными чертами лица и волнистыми волосами, безъ діадемы, какъ на золотомъ статерѣ.

Обр. Нападающій всадникъ съ копьемъ въ поднятой правой рукѣ, мчащійся влѣво; впереди всадника монограмма, подъ всадникомъ другая монограмма (изъ буквъ ПА) и надпись въ двухъ параллельно помѣщенныхъ строчкахъ: ΑΡΧ·ΝΤ·Σ ΥΓΙΑΙΝ·ΝΤ·Σ. Вѣсъ 3,60 гр. [4]).

---

[1]) Приносимъ глубочайшую благодарность Ѳ. И. Прове за разрѣшеніе снова издать его монету и А. В. Орѣшникову за любезное содѣйствіе въ изданіи ея.

[2]) А. В. Орѣшниковъ сообщилъ мнѣ, что въ его статьѣ въ вѣсъ вкралась ошибка; слѣдуетъ читать 8,38, а не 8,48 гр. Ошибку эту исправилъ А. К. Марковъ, когда перевѣшивалъ экземпляры монетъ Ѳ. И. Прове.

[3]) А. В. Орѣшниковъ издалъ драхму по карандашному рисунку, сдѣланному покойнымъ П. О. Бурачковымъ по первому экземпляру худшей сохранности.

[4]) Парижскій экземпляръ, по опредѣленію Мюре, вѣситъ 3,75 гр.; вѣсъ второй драхмы опредѣленъ А. К. Марковымъ, которому мы здѣсь приносимъ искреннѣйшую благодарность за любезныя указанія и за содѣйствіе въ изданіи монетъ Игіэнонта.

Наконецъ, съ 1909 года извѣстна мѣдная монета Игіэнонта, пріобрѣтенная Имп. Археологической Коммиссіей у какого-то керченскаго торговца и переданная Имп. Эрмитажу. Мѣсто находки, повидимому, территорія древняго Боспорскаго царства (рис. 3 на табл.).

Лиц. Безбородая голова вправо съ длинными ниспадающими на затылокъ волосами, безъ діадемы.

Обр. Звѣздоносныя шапки Діоскуровъ; между ними виднѣется неясный предметъ, можетъ быть, рогъ изобилія, подъ шапками надпись ΥΓΙΑ, по всей вѣроятности Ὑγια(ίοντος).

Величина монеты—№ 2 (по таблицѣ Міоннэ).

Появленіе монетъ Игіэнонта вызвало рядъ предположеній о личности этого династа. Издатель первой серебряной драхмы, а также ученые, основывавшіеся на его мнѣніи, пріурочили Игіэнонта вовсе не къ тому времени, къ которому слѣдуетъ отнести его. E. Muret, издавшій въ 1882 году монету въ Bulletin de correspondance hellénique, т. VI [1]), старался доказать, что Игіэнонтъ былъ современникомъ Миѳридата Евпатора. Этому мнѣнію послѣдовали Imhoof-Blumer въ Porträtköpfe auf antiken Münzen (Leipzig 1885), стр. 34 и 36 (на второмъ мѣстѣ Игіэнонтъ со знакомъ вопроса зачисленъ въ преемники Миѳридата, сейчасъ послѣ Фарнака), и Head въ Historia numorum (Oxford 1887), стр. 429 (=Ἱστορία τῶν νομισμάτων μεταφρασθεῖσα ὑπὸ Ἰ. Ν. Σβορώνου, II, стр. 12), относящій Игіэнонта къ I вѣку до Р. Хр. Еще дальше по этому скользкому пути безпочвенныхъ догадокъ пошли другіе ученые: Th. Reinach (Mithridate Eupator roi de Pont. Paris 1890, стр. 190 и 301; въ нѣмецкомъ переводѣ стр. 184 и 296) и за нимъ Brandis (Pauly-Wissowa, Real-Enc., ст. Bosporos, ст. 775) возвели Игіэнонта, о которомъ болѣе нѣтъ никакихъ извѣстій, въ руководители возстанія, направленнаго противъ Миѳридата, и въ намѣстники Боспора во время смуты, о которой повѣствуетъ Аппіанъ (Mithr. 64). Для этихъ ученыхъ, очевидно, одна аналогія съ Асандромъ и его первыми статерами послужила канвою для созданія цѣлаго разсказа, который не имѣетъ никакого основанія ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ. Эти ученые упустили изъ вида, что наименованіе ἄρχων было

[1]) Не имѣя подъ руками статьи Мюре, мы основываемся на словахъ В. В. Латышева (IosPE. II, p. XXXV=ПОNTIKA, стр. 97) и на ук. ст. А. В. Орѣшникова.

весьма обычнымъ титуломъ еще въ IV и въ началѣ III в. до Р. Хр.; этотъ титулъ носили первые Спартокиды вплоть до Спартока III, который въ надписи, изданной В. В. Латышевымъ въ IosPE. II подъ № 13, называется только ἄρχων [1]). Отсюда можно заключить, что такое же названіе могъ носить любой изъ Спартокидовъ, правившихъ Боспоромъ въ теченіе III и II столѣтій до Р. Хр.

Гораздо осторожнѣе и, на нашъ взглядъ, правильнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе ученые, поступили В. В. Латышевъ [2]) и А. В. Орѣшниковъ [3]), колебавшіеся до находки золотого статера признать вообще Игіэнонта Боспорскимъ династомъ [4]).

Вопросъ объ Игіэнонтѣ былъ поднятъ снова съ находкой золотого статера. Установивъ боспорское происхожденіе статера, А. В. Орѣшниковъ высказалъ въ указанной статьѣ о времени правленія Игіэнонта совершенно другое мнѣніе, чѣмъ вышеупомянутые ученые, гораздо ближе стоящее къ истинѣ: „Внѣшніе признаки статира“, говоритъ почтенный авторъ, „тонкая художественная работа головы (архонта) и изображенія Аѳины, изящный стиль буквъ надписи заставляютъ меня отнести его, по крайней мѣрѣ, къ половинѣ II вѣка до Р. Хр.“

Позволимъ себѣ утверждать, что статеръ относится къ III вѣку до Р. Хр. и что онъ приближается къ статерамъ Перисада II, составляя продолженіе ихъ, точно такъ же, какъ и черепицы съ именемъ Игіэнонта составляютъ, какъ было выше сказано, продолженіе ряда черепицъ съ именемъ Перисада II. Въ основаніи нашего мнѣнія лежатъ слѣдующія соображенія.

Изображеніе сидящей Аѳины такого типа, какой отчеканенъ на статерѣ Игіэнонта, встрѣчается, насколько намъ извѣстно, только на монетахъ III вѣка до Р. Хр.; всѣ эти монеты сдѣланы по образцу статеровъ Лисимаха, умершаго въ 281 году до Р. Хр. Такой эмблемой украшены еще слѣдующія монеты:

1) статеры Перисада II (напр. Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1880 г., стр. 61; Атласъ, табл. II, №№ 4—7);

---

[1]) Ср. слова В. В. Латышева въ IosPE. II, praef., p. XXVI=ПОNTIKA, стр. 85.

[2]) IosPE. II, praef., p. XXXV (Nota) = ПОNTIKA, стр. 97.

[3]) Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus (Москва 1883), стр. 16; у Гиля, Kleine Beiträge, стр. 42.

[4]) Считаемъ излишнимъ приводить здѣсь странное мнѣніе П. О. Бурачкова (Общій каталогъ монетъ, предисловіе, стр. 24), правильно оцѣненное и отвергнутое А. В. Орѣшниковымъ въ ук. статьѣ о золотомъ статерѣ Игіэнонта.

2) серебряныя монеты Аріарѳа, царствовавшаго въ Каппадокіи до 220 года до Р. Хр. (Mionnet, Description de médailles antiques, IV, стр. 442, № 1, и табл. LXXVII, № 5), и

3) золотой статеръ неизвѣстнаго царя Ака [1]).

Кромѣ того, статеръ Игіэнонта, вѣсящій, какъ было выше сказано, 8,38 гр., какъ нельзя лучше подходитъ по вѣсу къ статерамъ царей Лисимаха и Перисада II, стало быть, его нужно помѣстить на третьемъ мѣстѣ таблицы А. В. Орѣшникова, наглядно показывающей, какъ боспорскіе статеры съ теченіемъ времени уменьшались въ вѣсѣ [2]). Въ статьѣ Е. М. Придика объ „Анадольскомъ кладѣ золотыхъ статеровъ 1895 г.“ (*Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 3, стр. 58 слл.) указаны два статера Лисимаха, изъ которыхъ одинъ (№ 97) вѣситъ столько же, сколько статеръ Игіэнонта, другой же (№ 125) почти столько же—8,39 гр.

Укажемъ еще на одну особенность, которая касается не столько золотого статера, сколько серебряной драхмы Игіэнонта: надпись, начертанная на этой послѣдней монетѣ подъ всадникомъ, въ особенности же буква о, имѣющая форму большой точки, до того напоминаетъ часть надписей на ѳеодосійскихъ амфорныхъ ручкахъ и черепицахъ [3]), что заставляетъ насъ отнести монету къ тому же времени, къ которому относятся эти керамическія надписи, т. е. къ III в. до Р. Хр. Это можно заключить изъ сравненія ѳеодосійскихъ надписей съ точно датированными родосскими. Буквы на ѳеодосійскихъ ручкахъ отличаются болѣе древнимъ характеромъ письма и не имѣютъ еще на концахъ черточекъ тѣхъ развѣтвленій (apices), которыя столь характерны для буквъ

---

[1]) Эта монета намъ извѣстна только по описанію Имгофа (Porträtk., стр. 35) и Хэда (Historia numorum, стр. 430). Основываясь на сходствѣ монетъ Перисада и Ака, а также на обычномъ въ греческихъ семьяхъ сходствѣ личныхъ именъ Ака и Акиды, дочери или жены Перисада (*Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 125, № 40), мы рѣшаемся высказать предположеніе, что Ἄκης былъ однимъ изъ преемниковъ Перисада (эта догадка была высказана уже Имгофомъ) и, можетъ быть, братомъ Акиды, слѣдовательно сыномъ или вообще родственникомъ Перисада, и что и его нужно причислить къ боспорскимъ династамъ III вѣка до Р. Хр.

[2]) «Золотой статеръ архонта Игіэнонта», отд. отт. стр. 5.

[3]) Надѣемся въ скоромъ времени доказать, что керамическія издѣлія съ именами астиномовъ вывозились большею частью не изъ Ольвіи и Синопы, какъ теперь принято думать, но изъ Ѳеодосіи.

родосскихъ амфорныхъ клеймъ [1]). Родосскія ручки датируются III и II вѣками до Р. Хр. Schuchhardt говоритъ, что расцвѣтъ родосскаго гончарнаго производства относится къ этимъ двумъ столѣтіямъ [2]), и добавляетъ, что фундаменты извѣстнаго зданія, въ которыхъ найдено до тысячи амфорныхъ ручекъ, были построены не позже II вѣка до Р. Хр. [3]).

Въ заключеніе этой главы о монетахъ считаемъ нужнымъ обратить вниманіе еще на то, что тѣ же изображенія трезубца и дельфиновъ, которыя виднѣются на статерѣ Игіэнонта подъ Аѳиной, имѣются и на статерахъ Перисада, и на боспорской черепицѣ съ надписью Βασιλικῆ, изданной нами въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 11, стр. 154, № 694b. Весьма правдоподобно предположеніе, что эта эмблема была именнымъ знакомъ Спартокидовъ.

III.

Обратимся къ археологической находкѣ, ясно и окончательно рѣшающей вопросъ о времени жизни Игіэнонта и подтверждающей уже высказанные нами доводы и предположенія.

23 февраля 1910 года въ Керчи, въ усадьбѣ керченскаго мѣщанина Франческо Пери на Продолженіи Карантинной улицы, д. № 24, была открыта древняя гробница, сложенная изъ десяти плоскихъ боспорскихъ черепицъ; гробница имѣла форму могилы, изображенной въ „Древностяхъ Босфора Киммерійскаго“, въ Атласѣ, на планѣ B, n⁰ 10, съ тою лишь разницею, что въ боковыхъ стѣнкахъ было одной черепицей меньше. На верхней сторонѣ всѣхъ черепицъ, покрытой красноватой поливой, вытиснуто клеймо, изображенное на рис. 1. Черепицы имѣютъ длину 0,60 м., ширину 0,51 и толщину 0,02—0,025; ширина приподнятыхъ краевъ на длинныхъ сторонахъ 0,055—0,065 м., ширина выгиба на узкой сторонѣ 0,05—0,055 м., высота рельефнаго поперечнаго кантика у другой изъ узкихъ сторонъ только 0,007 м. На всѣхъ черепицахъ клеймо вытиснуто, какъ то всегда бываетъ на боспорскихъ издѣліяхъ этого рода, на томъ краю узкой стороны, которой не закрывался, когда

---

[1]) См. прекрасное изданіе ручекъ въ статьѣ: Timbres amphoriques de Lindos par M. Nilsson въ *Изв. Датской Академіи Наукъ за 1909 г.*, №№ 1 и 4.

[2]) Inschriften v. Pergamon II, стр. 397.

[3]) Тамъ же, стр. 432; см. также диссертацію Fr. Bleckmann, De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis. Gottingae 1907, стр. 14 слл.

устраивалась крыша [1]). Направленіе клеймъ самое разнообразное: то они отпечатаны параллельно съ краемъ черепицъ, то примыкаютъ къ нему короткой стороной или какимъ-нибудь изъ четырехъ угловъ. Въ гробницѣ, возлѣ дѣтскаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены слѣдующія вещи:

1) сосудъ изъ грязновато-сѣрой глины, выс. 0,205 м., покрытый матовымъ чернымъ лакомъ; у сосуда три ручки: двѣ маленькія съ обоихъ боковъ, совершенно соединившіяся съ туловищемъ сосуда, и одна большая, имѣющая форму бородатаго Пана съ козлиными ногами, положившаго обѣ руки на животъ и пристально смотрящаго на свой фаллосъ; затылкомъ Панъ касается вѣнчика сосуда, а ногами опирается на возвышеніе, имѣющее форму театральной маски (рис. 3);

Рис. 3 (ок. 1/3).

Рис. 4 (ок. 1/3).

2) чернолаковый сосудикъ выс. 0,135 м., съ кольцевидной ручкой, прикрѣпленной къ плечамъ, и съ черточками, лучеобразно нанесенными черной краской на плечи, вокругъ основанія горла; лакъ плохой, съ графитовымъ оттѣнкомъ (рис. 4);

[1]) Это и свидѣтельствуетъ, что черепицы предназначались собственно для покрытія крышъ, а не для устройства гробницъ.

3) бронзовая монетка весьма плохой сохранности (Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, табл. XXIII, № 189); на монетѣ ясно виднѣется только колосъ, обращенный верхушкой влѣво, и съ трудомъ разбираются кривая черта отъ изображенія плуга и буквы ΤΙ; на оборотной сторонѣ нельзя ничего разобрать [1]).

Все значеніе этихъ вещей для рѣшенія нашего вопроса заключается въ первомъ сосудѣ и въ находкѣ его въ гробницѣ, устроенной изъ черепицъ съ именемъ архонта Игіэнонта. Точно такой же сосудъ былъ найденъ въ 1879 году въ одной изъ знаменитыхъ гробницъ, открытыхъ въ курганѣ близъ станціи Сѣнной, на участкѣ сотника Артюхова (*Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1878 и 1879 годы*, стр.XLIV—LI и за 1880 годъ, стр. 6 слл.). По формѣ, по цвѣту глины, по качеству лака и даже по величинѣ оба сосуда до такой степени похожи одинъ на другой, что должны быть разсматриваемы какъ издѣлія одного и того же времени [2]). Вещи же, найденныя на землѣ Артюхова, пріурочиваются совершенно точно и опредѣленно къ третьему столѣтію до Р. Хр., потому что вмѣстѣ съ ними были найдены золотые статеры царей Лисимаха и Перисада II (*Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1880 г., стр. 17, № 50 и стр. 15, № 19).

Изъ всего сказаннаго съ ясностью вытекаютъ два положенія:

1) *Игіэнонтъ былъ архонтомъ на Боспорѣ* и

2) *Игіэнонтъ правилъ Боспорскимъ царствомъ или, по крайней мѣрѣ, одной частью его въ III вѣкѣ до Р. Хр., вскорѣ послѣ Перисада II* [3]).

Остается, конечно, не разрѣшеннымъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся Игіэнонта: былъ ли онъ непосредственнымъ преемникомъ Перисада II, или между нимъ и Перисадомъ царствовалъ какой-нибудь другой правитель, напр. Ἄχης, подчинялись ли власти Игіэнонта

---

[1]) Пять клейменыхъ черепицъ и вещи, найденныя въ гробницѣ, пріобрѣтены Керченскимъ музеемъ древностей.

[2]) Сосудъ, найденный въ Артюховскомъ курганѣ, изображенъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1880 г., стр. 21 и въ «Русскихъ Древностяхъ» гр. Толстого и Кондакова, вып. I, стр. 53, № 70.

[3]) Къ тому же выводу инымъ путемъ пришелъ и А. Л. Бертье-Делагардъ въ статьѣ: «Относительная стоимость металловъ на Боспорѣ и Борисѳенѣ въ половинѣ IV в. до Р. Хр.» (Отд. оттискъ изъ «Нумизматическаго Сборника», т. I. Москва 1909), стр. 53.—А. К. Марковъ говорилъ мнѣ лѣтомъ 1910 г., что и по его убѣжденію монеты Игіэнонта относятся къ III вѣку до Р. Хр.

также варвары, упомянутые въ надписяхъ прежнихъ Спартокидовъ, почему онъ не носилъ царскаго титула и изображался на монетахъ безъ діадемы, принадлежалъ ли онъ къ семейству Спартокидовъ (что весьма вѣроятно), въ какомъ родствѣ онъ состоялъ съ Перисадомъ, сколько времени онъ царствовалъ въ Пантикапеѣ и др. Рѣшенія этихъ вопросовъ будемъ ждать отъ возможныхъ открытій въ будущемъ.

В. Шкорпилъ.

Г. Керчь,
1 декабря 1910 г.

Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ.

I.

Значеніе золотыхъ и серебряныхъ античныхъ издѣлій, найденныхъ въ курганахъ на югѣ Россіи, и исторія ихъ изученія. Предметъ настоящей работы.

Замѣчательная коллекція античныхъ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, — произведеній античной торевтики, происходящихъ изъ древнихъ могилъ южной Россіи и хранящихся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ, является, какъ это давно было замѣчено [1]) и нынѣ общепризнано [2]), единственною въ мірѣ какъ по количеству и разнообразію ея состава, такъ и по высокимъ художественнымъ качествамъ нѣкоторыхъ предметовъ.

Выдающееся мѣсто въ коллекціи Эрмитажа занимаютъ золотыя и серебряныя издѣлія, найденныя покойнымъ И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ (близъ Никополя, Екатеринославской губерніи и уѣзда) въ 1862 и 1863 годахъ [3]). Очевидно, одновременными

---

[1]) Ср. O. Rayet, Études d'archéologie et d'art, Paris, 1888, стр. 203; А. Н. Шварцъ, Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ южной Россіи, въ *Древностяхъ*, *Трудахъ Имп. Московскаго Археолог. Общества*, XV, Москва, 1894, стр. 17.

[2]) Ср. H. N. Fowler, J. R. Wheeler, G. Ph. Stevens, Handbook of greek archaeology, New York, 1909, стр. 22, 335; A. Springer—Ad. Michaelis, Handbuch der Kunstgeschichte, I, 9 Aufl., Leipzig 1911, стр. 241.

[3]) *Древности Геродотовой Скиѳіи*, II, СПб., съ атласомъ in f°, табл. F, XXIX слл.; *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* за 1862 г., стр. XVI слл.; за 1863 г., стр. Ш слл.; за 1864, стр. 5 слл. (Стефани), табл. I—Ш; И. Е. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I, 2-ое изд., Москва, 1908, стр. 287 слл.; Л. Стефани и К. К. Ретгеръ, Никопольская серебряная ваза въ Императорскомъ Эрмитажѣ, СПб., 1873; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія древности, II, СПб., 1889, стр. 105 слл.

и вышедшими изъ одной съ ними художественной школы [1]) являются занимающіе также весьма видное мѣсто въ эрмитажной коллекціи предметы изъ кургана Куль-Оба (близъ Керчи), разслѣдованнаго въ 1830 г. Дюбрюксомъ [2]). Далѣе, по стилю и техникѣ къ той же школѣ должны быть отнесены древности кургана Карагодеуашхъ (близъ станицы Крымской, Кубанской области), раскопаннаго въ 1888 году Е. Д. Фелицинымъ [3]), и древности Чмырева кургана (близъ Большой Бѣлозерки, Мелитопольскаго уѣзда Таврической губ.), разслѣдованнаго Ѳ. А. Брауномъ въ 1898 году [4]) и Н. И. Веселовскимъ въ 1909—1910 годахъ [5]). Художественная школа торевтовъ, создавшая шедевры, найденные въ только что перечисленныхъ курганахъ, очевидно, должна была занимать въ исторіи искусства древности почетное мѣсто, и значеніе ея въ исторіи античнаго стиля, очевидно, не менѣе, чѣмъ значеніе стилей, представляемыхъ, напр., дошедшими до насъ многочисленными издѣліями античной керамики. Если за послѣдними въ настоящее время въ наукѣ правильно признается важное значеніе, и ни одинъ историкъ искусства нынѣ не можетъ игнорировать матеріалы, представляемые античной керамикой, то удивительнымъ созданіямъ греческихъ торевтовъ, и особенно памятникамъ торевтики, найденнымъ на югѣ Россіи, наука до сихъ поръ не удѣляла того вниманія, котораго они по справедливости заслуживали бы.

Художественные предметы изъ кургановъ Куль-Оба, Чертомлыцкаго, Карагодеуашха и Чмырева представляютъ богатѣйшій матеріалъ для большой, весьма интересной главы исторіи греческаго искусства. Между тѣмъ въ общихъ руководствахъ по исторіи искусства древности

---

[1]) Ср. Стефани, *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* за 1864, стр. 144; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древн., II, стр. 113.

[2]) *Древности Босфора Киммерійскаго*, СПб., 1854, стр. XV слл.; Antiquités du Bosphore Cimmérien rééditées par S. Reinach, Paris, 1892, стр. 6 слл.; И. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древности, II, стр. 160, подъ сл. О времени открытія Куль-Оба ср. Шварцъ, ук. ст., 19, пр. 1.

[3]) А. С. Лаппо-Данилевскій и В. К. Мальмбергъ, Курганъ Карагодеуашхъ, въ *Матеріалахъ по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Коммиссіей*, № 13, СПб., 1894. Объ отношеніи древностей Карагодеуашха къ древностямъ Чертомлыцкаго кургана ср. В. К. Мальмбергъ, ук. раб., стр. 162 слл.

[4]) *Отчетъ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1898 г., стр. 23; *Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи*, XIX (1906)—стр. 96—114.

[5]) Н. И. Веселовскій, Чмыревъ курганъ, въ журналѣ *Гермесъ* VII (1910), 302 слл.; ср. B. Pharmakowsky, *Archäologischer Anzeiger* при *Jahrbuch des kais. deutschen archäologischen Instituts*, XXV (1910), ст. 216 слл.

и классической археологіи, представляющихъ сводъ работы науки въ данное время, только нѣкоторые изъ этихъ предметовъ упоминаются, и то вскользь[1]). Происходитъ это, конечно, отъ того, что, какъ это ни странно, эти предметы до сихъ поръ очень мало изучены.

Только очень немногіе спеціалисты могли изучать южно-русскіе памятники по ихъ оригиналамъ. Большая же часть ученыхъ поневолѣ должна была пользоваться лишь изданіями, которыя зачастую не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ въ отношеніи точности воспроизведенія и документальности[2]). Нельзя не замѣтить и того, что нерѣдко ученые, къ сожалѣнію, не достаточно внимательно изучали всѣ данныя опубликованныхъ отчетовъ о раскопкахъ и при установленіи хронологіи памятниковъ руководились почти исключительно указаніями ихъ стиля[3]). Однако, нельзя сказать, чтобы и стиль предметовъ былъ изученъ исчерпывающимъ образомъ. Въ виду недостаточнаго изученія южнорусскихъ древностей является вполнѣ понятнымъ то удивительное разнообразіе мнѣній и насчетъ времени созданія найденныхъ древностей, и на счетъ мѣста ихъ происхожденія и изготовленія. Стефани[4]) не колебался

---

[1]) Ср., напр., то, что говорится о чертомлыцкихъ и куль-обскихъ древностяхъ въ новѣйшихъ руководствахъ, въ 9-мъ изданіи указаннаго выше учебника Шпрингера, обработаннаго Михаэлисомъ (стр. 241), или въ руководствѣ Фоулера, Уилера и Стевенса, также указанномъ выше (стр. 335, 350).

[2]) На неудовлетворительность изданій южно-русскихъ памятниковъ указывалось неоднократно. Ср., напр., замѣчанія В. К. Мальмберга, Курганъ Карагодеуашхъ (*Мат. по арх. Россіи*, № 13), стр. 122, прим. 1; ср. B. Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 94; Furtwängler, Griechische Vasenmalerei, II, München 1909, стр. 36.

[3]) Никто изъ ученыхъ до сихъ поръ не пользовался, напр., для установленія времени сооруженія Чертомлыцкаго кургана данными, которыя представляютъ найденныя при раскопкѣ кургана амфорныя ручки съ клеймами и обломки чернолаковой посуды, хранящіеся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Ср. *Древности Геродотовой Скиѳіи*, II, стр. 84. Керамическіе обломки, столь важные для установленія хронологіи, считались иногда не заслуживающими даже упоминанія. Такъ, о нихъ ничего не сообщается въ описаніи раскопокъ Чертомлыцкаго кургана въ первомъ томѣ *Исторіи Русской жизни* (стр. 287 слл.) И. Е. Забѣлина, выпустившаго свой трудъ вторымъ изданіемъ въ 1908 г. Совершенною безцеремонностью обращенія съ изданнымъ отчетомъ о раскопкахъ Чертомлыцкаго кургана отличается статья нѣмецкаго ученаго Бото Грефа въ *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 94, вызвавшая справедливую отповѣдь со стороны покойнаго Г. Е. Кизерицкаго въ *Archäolog. Anzeiger*, XVIII (1903), стр. 84. Керамическій матеріалъ Карагодеуашха (ср. *Мат. по арх. Россіи*, № 13, стр. 47 слл.) равнымъ образомъ остался не использованнымъ.

[4]) Стефани въ *Отчетѣ Имп. Археологической Комиссіи* за 1864 г., стр. 10, 144, 171; ср. Л. Стефани и К. К. Ретгеръ, Никопольская серебряная ваза въ Императорскомъ Эрмитажѣ, стр. 2 сл., стр. 7.

относить чертомлыцкія древности къ IV вѣку до Р. Хр. и видѣть въ нихъ произведенія аѳинскихъ мастеровъ, которые, какъ онъ думалъ, принимали, впрочемъ, въ соображеніе вкусы своихъ заказчиковъ—скиѳскихъ царей. Швабе [1]) въ общемъ слѣдовалъ Стефани, считая стиль куль-обскихъ и чертомлыцкихъ предметовъ аттическимъ IV вѣка до Р. Хр. съ примѣсью восточныхъ элементовъ, проникшихъ сюда въ угоду скиѳамъ—заказчикамъ, и думалъ, что аттическіе мастера работали на югѣ Россіи. Подобнаго же мнѣнія держался Робертъ [2]). Всецѣло слѣдовалъ Стефани И. Е. Забѣлинъ [3]). Хронологіи Стефани держится частью Ригль [4]), считая золотую обивку налучія изъ Чертомлыцкаго кургана произведеніемъ IV вѣка до Р. Хр. Райэ [5]) усматривалъ въ вещахъ наиболѣе тонкаго стиля изъ южно-русскихъ кургановъ (Чертомлыцкаго и Куль-Обскаго) аттическія произведенія, какъ Стефани, но датировалъ ихъ эпохой немного болѣе поздней, чѣмъ Стефани (IV—III вѣками до Р. Хр.). Г. Е. Кизерицкій [6]) считалъ золотые медальоны изъ Куль-Оба съ изображеніемъ головы Аѳины-Дѣвы также за аттическія произведенія конца V вѣка до Р. Хр. и находилъ возможнымъ даже утверждать, что медальоны вышли изъ школы золотыхъ дѣлъ мастеровъ, работавшихъ надъ изготовленіемъ статуи Аѳины-Дѣвы Фидія въ Парѳенонѣ.

Мнѣніе Стефани объ аттическомъ происхожденіи чертомлыцкаго налучія раздѣляли и Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой [7]), относившіе налучіе, какъ и серебряную вазу изъ Чертомлыцкаго кургана, къ IV—III вѣкамъ до Р. Хр., но полагавшіе, что сооруженіе

---

[1]) K. Schwabe, Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres, Riga, 1867, стр. 12.

[2]) Robert, *Archäolog. Anzeiger*, IV (1889), стр. 151.

[3]) И. Е. Забѣлинъ, Исторія Русской жизни (2-ое изд.), стр. 304, прим. 1, стр. 310 и 318.

[4]) A. Riegl, Stilfragen, Berlin, 1893, стр. 249. Серебряную вазу изъ Чертомлыцкаго кургана Ригль, однако, считалъ (стр. 236 слл.) произведеніемъ эллинистической эпохи.

[5]) O. Rayet, Études, стр. 189 слл., 201, 205, 223, 229 (статьи перепечатаны здѣсь изъ *Gazette des beaux-arts* за 1881 и 1882 г.г.). Райэ допускалъ, что предметы, найденные въ одномъ курганѣ, могли быть неодновременны; обивку горита Чертомлыцкаго кургана, напр., Райэ считалъ болѣе поздней (на 50, даже на 100 лѣтъ), чѣмъ серебряную вазу изъ того же кургана. Ср. Études, стр. 230.

[6]) Kieseritzky, *Athen. Mitth.*, VIII (1883), стр. 314.

[7]) Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія древности, II, стр. 113. 137 и 143 слл.

кургана вѣроятнѣе всего можетъ быть относимо къ II—I вѣкамъ до Р. Хр. Наконецъ, за аттическое происхожденіе чертомлыцкихъ серебряной вазы и обивки налучія и куль-обской электровой вазы съ изображеніемъ „скиѳовъ", повидимому, стоялъ Михаэлисъ, который въ своемъ руководствѣ по исторіи искусства древности трактуетъ объ этихъ предметахъ въ главѣ, касающейся искусства до эпохи Перикла [1]).

Въ послѣднее время большинство ученыхъ отвергаетъ аттическое происхожденіе греческихъ издѣлій изъ южно-русскихъ кургановъ, высказываясь въ пользу происхожденія ихъ изъ іонійскихъ областей. Впервые за іонійское происхожденіе высказался Фуртвенглеръ [2]), относившій чертомлыцкую вазу и горитъ къ концу V вѣка до Р. Хр. Такъ же датировалъ эти предметы и считалъ ихъ іонійскими Гаузеръ [3]). А. Н. Шварцъ [4]) держался мнѣнія Гаузера объ іонійскомъ происхожденіи предметовъ и датировалъ чертомлыцкое налучіе IV вѣкомъ до Р. Хр. В. К. Мальмбергъ [5]) для предметовъ изъ Карагодеуашхскаго и Чертомлыцкаго кургановъ считалъ наиболѣе вѣроятнымъ временемъ начало IV вѣка до Р. Хр., допуская, что сооруженіе кургана Карагодеуашха могло падать и на вторую половину IV вѣка. Какъ и ранѣе названные ученые, В. К. Мальмбергъ склонялся въ пользу іонійскаго происхожденія древностей, найденныхъ на югѣ Россіи. Фоулеръ, Уилеръ и Стевенсъ [6]) считаютъ южно-русскіе предметы іонійскими издѣліями, стоящими подъ аттическимъ вліяніемъ, и относятъ ихъ къ V—IV вѣкамъ до Р. Хр. А. С. Лаппо-Данилевскій [7]), издавшій свое изслѣдованіе о курганѣ Карагодеуашхъ въ одномъ выпускѣ *Матеріаловъ по археологіи Россіи* (№ 13) съ В. К. Мальмбергомъ, пришелъ къ нѣсколько болѣе поздней датѣ, чѣмъ В. К. Мальмбергъ: по мнѣнію А. С. Лаппо-Данилевскаго, курганъ былъ сооруженъ въ

---

[1]) Springer-Michaelis, Handbuch der Kunstgesch., I, 1911, стр. 241.

[2]) A. Furtwängler, Der Goldfund von Vettersfelde. 43 *Programm zum Winckelmannsfeste*, Berlin, 1883, стр. 45 слл.; *Archäolog. Anzeiger*, VII (1892), стр. 114 сл.

[3]) Hauser, Die neuattischen Reliefs, Stuttgart, 1889, стр. 126, прим. 1.

[4]) Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ. *Древности*, XV, Москва, 1894, стр. 19 слл., 27 слл.

[5]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 191. Съ датировкою В. К. Мальмберга мы совершенно соглашались въ своей Аттической вазовой живописи (СПб., 1902), стр. 101 и слл.

[6]) Fowler-Wheeler-Stevens, Handbook of greek archaeology, стр. 335 сл., 350.

[7]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 96.

IV—III в. до Р. Хр. Гаузеръ [1]) и А. Н. Шварцъ [2]) указывали прямо на малоазійскій городъ Кизикъ, какъ на мѣсто, откуда долженъ былъ вести начало стиль предметовъ, представляемыхъ находками въ Чертомлыцкомъ и Куль-Обскомъ курганахъ. В. К. Мальмбергъ [3]) пришелъ къ аналогичному заключенію. По его мнѣнію, художественныя вещи вывозились въ области нынѣшней Россіи, если не изъ самаго Кизика, то изъ мѣстностей, сосѣднихъ съ нимъ.

Въ новѣйшее время нѣкоторые ученые считали болѣе вѣроятнымъ для южно-русскихъ древностей мѣстное происхожденіе. Такъ, Бото Грефъ [4]), разбирая композицію чертомлыцкаго горита, указалъ въ ней рядъ чертъ, которыя являются, по его мнѣнію, странными, не имѣющими аналогій среди созданій чистаго греческаго искусства. Это обстоятельство и является въ глазахъ Грефа доказательствомъ, если не поддѣльности нѣкоторыхъ предметовъ, напр., чертомлыцкой обивки (sic!), то ихъ негреческаго происхожденія и, во всякомъ случаѣ, изъ эпохи болѣе поздней, чѣмъ V—IV вѣкъ до Р. Хр. Винтеръ [5]) высказался тоже за то, что предметы изъ южно-русскихъ кургановъ скорѣе были сдѣланы не въ греческихъ областяхъ, а въ Скиѳіи. Но, по Винтеру, ихъ должны были дѣлать переселившіеся въ Скиѳію іонійскіе мастера. Что касается времени предметовъ, то Винтеръ стоитъ за конецъ V вѣка до Р. Хр. Далѣе всѣхъ пошелъ покойный Г. Е. Кизерицкій [6]). Ему казалось, что предметы въ родѣ чертомлыцкаго горита представляютъ совершенно своеобразныя издѣлія не греческаго, а мѣстнаго искусства, питавшагося, правда, мотивами греческаго искусства, но примѣнявшаго ихъ совершенно произвольно, по своему.

Итакъ, нѣкоторые изслѣдователи относятъ южно-русскія находки интересующей насъ группы къ концу V вѣка до Р. Хр., другіе склонны усматривать въ нихъ произведенія IV вѣка, третьи—даже болѣе поздняго времени, вплоть до III вѣка до Р. Хр. Одни ученые видятъ въ южно-русскихъ предметахъ высокохудожественные, классическіе образцы

---

[1]) Hauser, Neuattische Reliefs, стр. 126, пр. 1.

[2]) *Древности*, XV, стр. 23 слл.

[3]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 172.

[4]) Botho Gräf, Die Schamhaftigkeit der Skythen, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 86 слл.

[5]) Franz Winter, *Jahreshefte des oesterreichischen archäologischen Institutes*, V (1902), стр. 124 слл.

[6]) *Archäolog. Anzeiger*, XVIII (1903), стр. 83 сл.

греческой промышленности, которые должны были быть созданы гдѣ-либо въ центрахъ античной культуры; другіе, наоборотъ,—издѣлія какихъ-то мѣстныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, пользовавшихся только (и при томъ неумѣло) разными популярными мотивами греческаго искусства, чтобъ составлять изъ нихъ декоративныя композиціи, смыслъ которыхъ напрасно даже стремиться угадывать. Изслѣдователи, убѣжденные въ греческомъ происхожденіи предметовъ, расходятся между собою въ сужденіяхъ относительно мѣста происхожденія представляемаго ими стиля. Тѣ, которые думаютъ, что предметы сдѣланы были въ Скиѳіи, колеблются насчетъ того, были ли авторами вещей переселившіеся туда греки, или какіе-нибудь мѣстные мастера. При такомъ разнообразіи и противорѣчивости мнѣній необходимость общаго изслѣдованія, посвященнаго южнорусскимъ древностямъ, очевидна. Но такое изслѣдованіе нуждается въ рядѣ предварительныхъ штудій, посвященныхъ отдѣльнымъ находкамъ. Вновь найденная въ 1902 г. въ м. Ильинцахъ, Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи, обивка налучія давно уже остановила на себѣ наше вниманіе и заставила насъ вмѣстѣ съ тѣмъ заняться обивкою изъ Чертомлыцкаго кургана. Неизданная обивка изъ Ильинецъ (табл. I) и извѣстная обивка изъ Чертомлыцкаго кургана (табл. II) [1]) и составятъ предметъ настоящей работы.

II.

Раскопки Н. Е. Бранденбурга въ м. Ильинцахъ въ 1901—1902 г.г. и найденная при раскопкахъ обивка налучія.

Въ 1901—1902 годахъ въ м. Ильинцахъ, Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи, покойнымъ генераломъ Н. Е. Бранденбургомъ былъ

---

[1]) Литература, относящаяся къ обивкѣ горита изъ Чертомлыцкаго кургана: *Древности Геродотовой Скиѳіи*, II, табл. XXXIV, 1; текстъ стр. 112 сл.; *Отчетъ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1864 г., табл. IV; стр. 142 слл.; *Wiener Vorlegeblätter*, Serie B, табл. 10; Стефани и Ретгеръ, Никопольская ваза, стр. 7 слл., табл. VI; Robert, *Archäolog. Anzeiger*, IV (1889), стр. 151; Die Nekyia des Polygnot, XVI *Hall. Winckelmannspr.*, 1892, стр. 38; А. Н. Шварцъ, Къ исторіи древне-греч. рельефовъ, *Древности*, XV, табл. I, 3; В. К. Мальмбергъ, Кург. Карагодеуашхъ, стр. 122 слл.; Robert, Die Marathonsschlacht in der Poikile, XVIII *Hall. Winckelmannspr.*, 1895, стр. 66; Botho Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 86 слл.; G. von Kieseritzky, *Archäologischer Anz.*, XVIII (1903), стр. 83 сл.

раскопанъ по порученію и на средства Имп. Археологической Коммиссіи большой курганъ на землѣ княгини Демидовой Санъ-Донато [1]).

Курганъ, разслѣдованный въ Ильинцахъ, достигалъ 8,50 м. высоты и имѣлъ 50,35 м. въ діаметрѣ. Поверхность кургана была повреждена ямами, не особенно глубокими. Въ 1901 г. Н. Е. Бранденбургъ произвелъ работы развѣдочнаго характера, которыя указывали на то, что эти ямы не могли разрушить главной могилы кургана. Въ 1902 г. работы по раскопкѣ кургана возобновились. До пріѣзда Н. Е. Бранденбурга, по его порученію А. И. Шелюжко удалилъ верхнія части курганной насыпи, чтобъ тѣмъ подготовить раскопки главной могилы. Н. Е. Бранденбургомъ была разслѣдована находившаяся въ центрѣ кургана главная могила, которая представляла склепъ, выстроенный изъ дерева на чистомъ материкѣ, но въ него не углубленный. Склепъ былъ квадратный (5,70×5,70 м.) въ планѣ. Онъ оказался почти совершенно разрушеннымъ; очевидно, когда дерево сгнило, помѣщеніе склепа было завалено обрушившейся землей возвышавшейся надъ нимъ насыпи. Однако, первоначальное мѣстоположеніе столбовъ и досокъ, которые образовали внутреннюю обстановку склепа, не оставляло сомнѣній. Раскопками было установлено, что склепъ еще въ давнія времена былъ разграбленъ. До разграбленія склепъ былъ только отчасти заваленъ землею, но въ моментъ проникновенія въ него грабителей курганная насыпь, повидимому неожиданно и вдругъ осѣла; склепъ при этомъ совершенно былъ заваленъ землею, и одинъ изъ грабителей погибъ подъ обваломъ (скелетъ его былъ найденъ при раскопкахъ). Обвалъ былъ, повидимому, причиной того, что не все богатое содержаніе склепа было расхищено.

На днѣ склепа найдена была, очевидно, случайно ускользнувшая отъ вниманія грабителей прямоугольная большая (дл. 0,435 — 0,47 м.; шир. 0,22—0,26 м.), тонкая (менѣе 1 миллиметра) пластина, украшенная

[1]) Н. Е. Бранденбургъ, скончавшійся 31 августа 1903 г., представилъ въ Коммиссію о своихъ раскопкахъ въ Ильинцахъ лишь предварительный краткій отчетъ, при которомъ не имѣется чертежей (*Дѣло Имп. Археолог. Комм.* 1901 г. № 47). Не вошелъ дневникъ раскопокъ въ Ильинцахъ и въ весьма цѣнное изданіе Н. М. Печенкина, Журналъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 г.г. СПб., 1908. По нашей просьбѣ Н. М. Печенкинъ любезно доставилъ намъ всѣ оставшіеся черновые дневники, чертежи, замѣтки и фотографіи Н. Е. Бранденбурга, которые относятся къ его работамъ въ Ильинцахъ. Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь Н. М. Печенкину глубокую благодарность за предупредительное вниманіе къ нашей работѣ.

рельефами (см. табл. I), которая, какъ замѣтитъ каждый при первомъ же взглядѣ на нее, представляетъ почти полное повтореніе такой же пластины изъ Чертомлыцкаго кургана (см. табл. II) [1]). Какъ та, такъ и другая пластины представляютъ, какъ это давно уже было установлено для пластины изъ Чертомлыцкаго кургана и аналогичной ей фрагментированной пластины изъ кургана Карагодеуашхъ, обивки отъ ящиковъ или футляровъ, въ которыхъ „скиѳы" носили лукъ и стрѣлы, и которые назывались у грековъ горитами или коритами (γωρυτός или κωρυτός)[2]).

Находка въ Ильинцахъ вводитъ вопросъ о происхожденіи и о художественно-историческомъ значеніи одного изъ виднѣйшихъ памятниковъ, найденныхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, къ какимъ несомнѣнно относится золотая обивка горита, въ новую фазу. На таблицахъ I и II объ обивки даются немного болѣе, чѣмъ въ ½ величины оригинала въ геліогравюрахъ Франкенштейна въ Вѣнѣ.

Кромѣ обивки горита, въ разныхъ мѣстахъ на материковомъ полу склепа въ Ильинцахъ найдены были еще, по дневнику Н. Е. Бранденбурга, слѣдующіе предметы: 142 экз. бронзовыхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 12 костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, пара бронзовыхъ кнемидъ (поножей) плохой сохранности, остатки бронзовыхъ продолговатыхъ чешуекъ, укрѣпленныхъ на кожѣ, бронзовые листовые обломки, обломокъ желѣзнаго ножа, пять золотыхъ накладокъ съ орнаментами и три обломка ихъ, три прямоугольныхъ золотыхъ накладки и обломки четвертой, мелкіе обломки золотыхъ накладокъ, двѣ золотыхъ бляшки, 15 серебряныхъ гладкихъ бляшекъ отъ уздечекъ, обломки конскихъ желѣзныхъ удилъ, нѣсколько черепковъ простыхъ глиняныхъ сосудовъ и черепковъ остродонныхъ греческихъ амфоръ и ничтожные остатки человѣческаго остова.

Обивка горита и орнаментированныя накладки съ обломками ихъ были представлены Н. Е. Бранденбургомъ въ Имп. Археологическую

---

[1]) Размѣры чертомлыцкой пластины одинаковы съ размѣрами ильинецкой. Иногда есть незначительныя различія изъ-за большей помятости ильинецкой пластины. Такъ, ширина на правой сторонѣ у чертомлыцкой пластины 0,28 м.

[2]) Ср. Daremberg et Saglio, Dictionn. des antiquités grecques et romaines, I, стр. 1542; P. Paris, Lexique des antiquités grecques, Paris, 1909, стр. 79; И. Е. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I, стр. 298; А. С. Лаппо-Данилевскій и В. К. Мальмбергъ, Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 56 сл., 122 слл., гдѣ ср и литературу.

Коммиссію, которою они были переданы въ Имп. Эрмитажъ. Остальные предметы находятся теперь въ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Упомянутыя золотыя накладки, украшенныя штампованными орнаментами, сдѣланы изъ такихъ же тонкихъ листовъ, какъ и обивка горита. Двѣ (0,135 м. дл. и 0,05 м. шир. вверху) симметричныя накладки (№№ 13145 и 13132—13143 по инвентарнымъ описямъ Императорскаго Эрмитажа) украшены узоромъ, представляющимъ птичьи крылья. Изъ четырехъ обломковъ находокъ (№№ 13148, 13147, 13146 и 13144) составляется почти цѣликомъ длинная накладка (0,38 м.) съ изображеніемъ крылатаго грифона съ львиной головой и длиннымъ хвостомъ. Описанныя три накладки (см. табл. III) представляютъ, очевидно, украшенія кожаной конской сбруи: большія—украшеніе налобника [1]), меньшія—нащечниковъ [2]). Накладки были прикрѣплены къ сбруѣ при помощи мелкихъ гвоздей, мѣста которыхъ обозначаютъ идущія кругомъ накладокъ по краямъ пробитыя ими дырочки.

Одна изъ найденныхъ накладокъ, украшенная изображеніемъ двухъ симметрично поставленныхъ грифоновъ, совершенно одинакова съ золотою накладкою изъ Чертомлыцкаго кургана, изданною въ *Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи*, вып. II, стр. 118. Еще въ 1902 г. В. К. Мальмбергъ и Я. И. Смирновъ замѣтили, что дырочки, сдѣланныя по краю правой стороны (отъ зрителя) на чертомлыцкой накладкѣ, находятся одна отъ другой на такихъ же точно разстояніяхъ, какъ дырочки, имѣющіяся на лѣвой сторонѣ у обивки чертомлыцкаго горита, и что, кромѣ того, орнаментъ въ видѣ крученаго шнура, которымъ обрамляется лѣвый край чертомлыцкой обивки, на накладкѣ съ грифонами находится также только на лѣвой сторонѣ. Приложивъ накладку къ обивкѣ горита, названные ученые констатировали фактъ, что накладка съ группой грифоновъ окаймлялась орнаментомъ въ видѣ крученаго шнура со всѣхъ сторонъ, при чемъ почти вся правая половина орнамента была сдѣлана не на накладкѣ съ грифонами, а на обивкѣ съ фигурными фризами, и что накладка съ изображеніемъ грифоновъ, несомнѣнно, должна была составлять цѣлое съ обивкою и служить обивкою дна горита. Она была укрѣплена на горитѣ тѣми же гвоздиками, которыми была придѣлана

[1]) Ср. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древности, II, стр. 116, рис. 100; Б. И. Ханенко, Древности Приднѣпровья, II, Кіевъ, 1899, табл. XXIII; *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, XIX, стр. 109, рис. 63.

[2]) Ср. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, ук. соч., стр. 115 сл., рис. 99 и 101; Б. И. Ханенко, ук. соч., табл. XXIII.

къ главной лицевой сторонѣ горита и обивка съ фигурными фризами. Послѣ открытія В. К. Мальмберга и Я. И. Смирнова дирекція Императорскаго Эрмитажа выставила обивку чертомлыцкаго горита, соединивъ ее съ накладкой, украшенной фигурами грифоновъ.

Очевидно, и накладка съ грифонами у горита изъ Ильинецъ должна была играть ту же роль, какую играла такая же накладка у чертомлыцкаго горита. Дѣйствительно, и у ильинецкой обивки на лѣвой сторонѣ дырочки, въ которыя входили гвоздики для ея укрѣпленія на горитѣ, сходятся совершенно съ дырочками на правой сторонѣ накладки, украшенной грифонами, а правая сторона орнамента въ видѣ крученаго шнура, который окружалъ грифоновъ, исполнена б. ч. не на накладкѣ съ грифонами, а на обивкѣ съ фигурными фризами. Рис. 1 представляетъ соединенными обѣ части облицовки горита, найденныя въ Ильинцахъ, какъ это сдѣлано нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Этотъ рисунокъ, такимъ образомъ, можетъ давать наглядное представленіе о формѣ горита и о величинѣ его внутренняго помѣщенія. Наибольшая ширина этого помѣщенія (внизу) была 0,065 м.

Гориты, какъ показываютъ ихъ древнія изображенія, среди которыхъ для насъ особенное значеніе имѣютъ, конечно, изображенія на золотой вазѣ изъ Куль-Обскаго кургана (рис. 2) [1]), одновременныя съ нашими обивками, служили иногда, какъ мы замѣтили уже выше, не только футлярами для лука, но и для стрѣлъ. Лукъ и стрѣлы, несомнѣнно, должны были помѣщаться и въ горитахъ, отъ которыхъ дошли наши обивки. На это прямо указываютъ формы обивокъ, получающія свое разъясненіе изъ сравненія съ горитами, изображенными на куль-обской вазѣ. Лукъ, употреблявшійся у „скиѳовъ“ [2]) въ эпоху, къ которой относятся наши обивки, имѣлъ ту форму, которую мы видимъ у луковъ, изображенныхъ на куль-обской вазѣ и въ рукахъ у мальчика въ верхнемъ фризѣ на нашихъ обивкахъ. По тѣмъ же изображеніямъ мы можемъ судить о величинѣ „скиѳскаго“ лука. Лукъ, очевидно, долженъ былъ быть не особенно великъ и лишь нѣсколько длиннѣе нашихъ обивокъ. Обивки закрывали только нижнюю часть лука, который изъ горита вверху долженъ былъ немного выда-

[1]) *Древности Босфора Киммер.*, т. XXXIII; *Отчетъ И. А. Комм.* за 1864, стр. 142; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древн., II, стр. 1, рис. 1. Литературу см. у S. Reinach, Ant. du Bosph. Cimm., стр. 85 сл.

[2]) Ср. Стефани, *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1864 г., стр. 144 сл.

ваться. Какъ показываютъ изображенія на куль-обской вазѣ, гориты имѣли сплошную облицовку, закрывавшую лукъ, дѣйствительно только такъ, что его верхняя часть оставалась свободной.

Рис. 1 (¾). Облицовка горита (налучія) изъ м. Ильинецъ, Кіевской губ.

Съ лицевой стороны у горитовъ, которымъ принадлежали наши обивки, имѣются вверху по серединѣ выемки. Изображенія на куль-

Рис. 2 (п. в.). Часть изображенія на куль-обской вазѣ (группы варваровъ).

обской вазѣ не оставляютъ сомнѣнія, что эти выемки были сдѣланы для того, чтобы черезъ нихъ можно было удобно доставать стрѣлы [1]).

Очевидно деревянный, остовъ горита вверху съ лицевой стороны за выступами, находившимися по обѣ стороны выемки для доставанія стрѣлъ, немного выходилъ вверхъ. Къ нему придѣлывался ремень для подвѣшиванія горита, который носился у лѣваго бедра [2]). Съ обратной стороны (примыкавшей къ бедру) у горита была сплошная стѣнка, и изъ-за нея оставалась видной лишь самая верхняя часть лука. Итакъ, въ горитѣ было, очевидно, два отдѣленія: нижнее (у задней стѣнки), куда помѣщался лукъ, и верхнее, гдѣ хранились стрѣлы. Это послѣднее закрывалось крышкой [3]). Когда послѣдняя была закрыта, ею прикрывались и острія стрѣлъ [4]), но стрѣлы были видны въ отверстіе (см. рис. 2).

Два отдѣленія горита (верхнее и нижнее) раздѣлялись, очевидно, деревянной разгородкой. Вертикальная прямоугольная гладкая рельефная полоса на накладкѣ съ группой грифоновъ (рис. 1) обозначаетъ мѣстонахожденіе и толщину этой перегородки внутри горита, а на облицовкѣ его даетъ естественное дѣленіе этой части облицовки на двѣ равныя симметричныя части. Отдѣленіе для лука, имѣя дно на томъ уровнѣ, что и отдѣленіе для стрѣлъ, въ верхней части, какъ показываютъ изображенія (рис. 2), нѣсколько расширялось, и отдѣленіе для стрѣлъ представляло на немъ какъ-бы пришитый сверху карманъ. Предназначавшіеся для лука и стрѣлъ и носившіеся у лѣваго бедра, гориты въ видахъ практическихъ удобствъ должны были быть устроены такъ, чтобъ большая часть тяжести при носкѣ у нихъ сосредоточивалась внизу. Лукъ долженъ былъ вкладываться, какъ это мы и наблюдаемъ на куль-обской вазѣ, дугою внизъ. Оттого гориты въ нижней части дѣлались шире, чѣмъ въ верхней. Далѣе, стрѣлы удобнѣе всего связы-

---

[1]) Ср. Стефани, *Отчетъ И. Арх. Комм.* за 1864 г., стр. 145; Никоп. ваза, стр. 7.

[2]) На обѣихъ нашихъ обивкахъ есть поврежденія у верхнихъ краевъ справа. Едва ли эти поврежденія происходятъ отъ того, что, какъ думалъ Стефани (*Отчетъ И. Арх. Комм.* за 1864 г., стр. 145) относительно чертомлыцкой обивки, на этихъ мѣстахъ были сдѣланы отверстія въ горитѣ для продѣванія ремней при подвѣшиваніи.

[3]) Ср. рисунокъ у Paris, Lexique des antiquités grecques, стр. 79, и нашъ рис. 2.

[4]) Острія стрѣлъ надо было прикрывать, иначе они могли причинять царапины и задѣвать рукава. Стрѣлы ставились въ видахъ практическихъ, конечно, остріями вверхъ.

ваются въ пачки [1]), а помѣщать послѣднія въ горитѣ удобнѣе, если его стѣнки будутъ въ разрѣзѣ не прямыя, а кривыя. Горитъ со слегка округленными углами, конечно, удобнѣе и для ношенія. Какъ показываютъ остатки облицовки горита, найденные въ Ильинцахъ, у горитовъ дѣлались именно такіе углы.

Входившій внутрь горита нижній закругленный конецъ лука, вкладывавшагося дугою внизъ, обусловливаетъ закругленныя формы верхняго лѣваго угла и закругленный срѣзъ у выступа вверху направо на главной сторонѣ горита. Форма дуги лука и пачки стрѣлъ, расширявшіяся кверху, вызываютъ необходимость расширенія у главныхъ сторонъ горита вверхъ, т. е. вправо. Дугообразное очертаніе справа у нижняго фигурнаго фриза и такія же очертанія справа у орнаментальныхъ фризовъ въ нижней части какъ бы опоясываютъ пачки стрѣлъ, хранившихся въ горитѣ.

Итакъ, всѣ формы горитовъ, которымъ принадлежали изучаемыя нами обивки, отличаются чрезвычайною цѣлесообразностью, ясностью и простотою. Онѣ всѣ строго обусловлены назначеніемъ предмета. Формы же обивокъ зависятъ, очевидно, отъ формы горитовъ.

Какъ чертомлыцкая, такъ и ильинецкая обивки сдѣланы не изъ чистаго золота, а изъ электра (сплава съ серебромъ), въ которомъ имѣется еще небольшая примѣсь мѣди. Количество въ сплавахъ золота, серебра и мѣди, какъ показалъ химическій анализъ обивокъ, сдѣланный по порученію Императорскаго Эрмитажа Г. Ф. Вульфомъ, не одинаково у той и другой обивки. Вотъ цифры анализа г. Вульфа [2]), указывающія процентное отношеніе металловъ въ сплавахъ обивокъ.

Обивка изъ Ильинецъ.		Обивка чертомлыцкая.	
Золота	49,3	Золота	48,1
Серебра . . .	47,6	Серебра . . .	47,2
Мѣди	1,4	Мѣди	2,2

Цифры показываютъ, что сплавъ ильинецкой обивки содержитъ болѣе благородныхъ металловъ, чѣмъ сплавъ чертомлыцкой [3]). И вѣсъ

[1]) Повидимому, такъ связаны стрѣлы въ горитахъ на куль-обской вазѣ. Ср. рис. 2.

[2]) Считаемъ долгомъ выразить Г. Ф. Вульфу нашу глубокую благодарность за любезное сообщеніе намъ результатовъ анализа, который мы помѣщаемъ здѣсь съ разрѣшенія Императорскаго Эрмитажа.

[3]) Утвержденіе Г. Е. Кпзерицкаго, *Archäolog. Anz.*, XVIII (1903), стр. 83, что сплавъ ильинецкой обивки ниже по содержанію золота, чѣмъ у чертомлыцкой, является совершенно произвольнымъ.

первой обивки (51 зол. 72 доли, или 220,76 граммовъ) больше вѣса второй (45 зол. 90 долей, или 195,96 гр.) [1]). Лицевыя стороны у обѣихъ обивокъ желтѣе, чѣмъ обратныя, такъ что надо полагать, что лицевыя стороны были покрыты тонкимъ слоемъ золота. Тонъ золота у обивки изъ Ильинецъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ у чертомлыцкой. Но, какъ показалъ анализъ г. Вульфа, темный золотисто-мѣдный тонъ обивки изъ Ильинецъ образовался изъ-за окисленія мѣди, которая попала на поверхность обивки. Этотъ темный тонъ даетъ налетъ, явившійся результатомъ окисленія мѣди; онъ исчезаетъ при натираніи слегка фильтровальной бумагой, напитанной амміакомъ.

Курганъ, разслѣдованный Н. Е. Бранденбургомъ въ Ильинцахъ, по устройству могилы и по содержанію является совершенно аналогичнымъ съ другими такъ называемыми „скиѳскими“ курганами Кіевской губ., описанными И. Фундуклеемъ [2]) и образцово разслѣдованными и изданными графомъ А. А. Бобринскимъ [3]), а также и съ курганами Чертомлыцкимъ, Карагадеуашхомъ, Чмыревымъ [4]) и др. Въ Ильинцахъ предъ нами во всякомъ случаѣ не греческая могила, а варварская, „скиѳская“ [5]).

Предметы древности, которые находимы были въ „скиѳскихъ“ могилахъ, весьма разнообразны: то это вещи чисто мѣстнаго происхожденія, то вещи, сдѣланныя для варваровъ въ греческихъ колоніяхъ юга Россіи или, быть можетъ, греками, пріѣзжавшими въ „Скиѳію“ изъ ко-

---

[1]) Вѣсъ чертомлыцкой обивки, указываемый Стефани (*Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1864 г., стр. 142; ср. *Никопольская ваза*, стр. 7), 43 зол. 90 дол., или 187,43 грамма, меньше указываемаго нами, потому что мы опредѣляли вѣсъ обѣихъ обивокъ вмѣстѣ съ прикрѣпленными нынѣ къ нимъ накладками съ изображеніемъ грифоновъ.

[2]) Ср. И. Фундуклей, Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, Кіевъ, 1848, стр. 61 слл.

[3]) Ср. гр. А. А. Бобринской, Курганы и случайныя археолог. находки близъ м. Смѣлы, I—III, СПб., 1887—1901; *Изв. И. Арх. Комм.*, IV (1902), стр. 40 слл.; XIV (1905), стр. 2 слл., ср. особ. стр. 14, рис. 28—30; XVII (1905), стр. 77 слл.; XX (1906), стр. 2 слл.; XXXV (1910), стр. 60 слл.

[4]) Ср. литературу выше, гл. I.

[5]) За негреческое происхожденіе могилы въ Ильинцахъ говоритъ, кромѣ географическаго положенія Ильинецъ и устройства могилы, присутствіе въ ней горита, который былъ спеціально варварскимъ, не греческимъ предметомъ вооруженія, а равно присутствіе предметовъ конскаго убора. Варварскіе вожди погребались обыкновенно съ своими конями. «Скиѳскія» могилы отличаются отъ греческихъ и матеріальнымъ богатствомъ ихъ содержанія. Ср. Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 208.

лоній, то вещи чисто греческія, привезенныя, вѣроятно, чрезъ посредство колоній изъ центровъ греческаго міра.

Только детальное изученіе вещей способно выяснить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, съ какого рода предметомъ мы имѣемъ дѣло.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обивки изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ Ильинецъ служили украшеніемъ не греческаго, а „скиѳскаго“ предмета вооруженія [1]). Съ другой стороны совершенно ясно, что сцены и орнаментика, украшающія обивки, носятъ явныя черты греческаго стиля [2]).

III.

Указанія керамическихъ находокъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ относительно времени сооруженія кургана.

Прежде, чѣмъ приступить, въ цѣляхъ выясненія происхожденія и художественно-историческаго значенія обивокъ изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ, къ анализу ихъ техники, композицій, ихъ украшающихъ, и стиля этихъ композицій, мы считаемъ необходимымъ остановиться на томъ, какія внѣшнія указанія даютъ для опредѣленія времени обивокъ обстоятельства ихъ находки. Ничтожныя находки, сдѣланныя вмѣстѣ съ обивкой въ Ильинцахъ, никакихъ хронологическихъ указаній дать не могутъ. Наоборотъ, нѣкоторыя находки, сдѣланныя при раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана, даютъ указанія весьма важныя, которыя, однако, до сихъ поръ использованы не были. Въ глубокихъ слояхъ насыпи кургана, сравнительно уже недалеко отъ главной могилы кургана, найдены были амфорныя ручки съ клеймами съ именемъ астинома Борія, сына Филократа [3]). Если насыпь Чертомлыцкаго кургана сооружалась долго [4]), то та ея часть, гдѣ оказались эти ручки, очевидно, принадлежатъ къ древнѣйшимъ: она должна быть современна центральной могилѣ. Конечно, амфорныя ручки съ клеймами могутъ давать лишь очень приблизительныя хронологическія ука-

---

[1]) Ср. Стефани, *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* за 1864 г., стр. 144 сл.

[2]) Ср. Стефани, тамъ же, стр. 142.

[3]) *Древности Геродотовой Скиѳіи*, II, стр. 84 сл. Ручки съ именемъ этого же астинома найдены въ Керчи и изданы въ точномъ факсимиле В. В. Шкорпиломъ въ *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, III, стр. 136, № 19. Ср. *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* за 1901 г., стр. 51 слл.

[4]) Ср. *Древн. Геродот. Скиѳіи*, II, стр. 115.

занія [1]), но и они чрезвычайно важны. Стефани [2]) по формамъ буквъ относилъ ручки изъ Чертомлыцкаго кургана къ III—II в. до Р. Хр. В. В. Латышевъ и Е. М. Придикъ любезно указали намъ, что, по ихъ наблюденіямъ, ручки надо датировать скорѣе IV—III вѣками до Р. Хр. Итакъ, въ моментъ сооруженія кургана, по совершеніи погребенія въ могилѣ, изъ которой происходитъ наша золотая обивка, въ землѣ попадались ручки амфоръ, которыя могутъ относиться къ III в. до Р. Хр. Иными словами, могила, гдѣ найдена была обивка, могла быть сооружена въ эпоху послѣ III в. до Р. Хр.! Дальнѣйшія керамическія находки даютъ еще болѣе цѣнныя указанія. И. Е. Забѣлинъ [3]) сообщаетъ, что на днѣ могилы, значащейся на планѣ Чертомлыцкаго кургана въ атласѣ (вып. II) къ *Древностямъ Геродотовой Скиѳіи* на листѣ *F* подъ № V, около мѣста, обозначеннаго буквою *d*, найдены были „шесть черепковъ отъ греческой глиняной, покрытой черной поливой, чаши“ [4]).

Далѣе И. Е. Забѣлинъ (ср. его подлинный отчетъ въ архивѣ Имп. Археолог. Коммиссіи, дѣло 1862 года № 2, въ описи вещей подъ № 445) сообщаетъ, что черепки эти найдены „въ разныхъ мѣстахъ“, „въ грабительской лазейкѣ“ (ср. *Древности Геродот. Скиѳіи*, II, стр. 107), „въ слоѣ рушеной земли на самомъ материкѣ“, тамъ, гдѣ былъ обвалъ курганной насыпи во внутрь могилы (ср. тамъ же, стр. 109). Сообщеніе И. Е. Забѣлина, такимъ образомъ, указываетъ на возможность происхожденія черепковъ изъ нижнихъ слоевъ курганной насыпи, попавшей въ подземелье № V при обвалѣ. Найденные И. Е. Забѣлинымъ черепки хранятся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, и на одномъ изъ нихъ сохранился еще наклеенный билетикъ съ помѣченною рукою И. Е. Забѣлина цифрою 445. Не можетъ быть сомнѣнія, что черепки, хранящіеся въ Эрмитажѣ вмѣстѣ съ другими находками Чертомлыцкаго кургана,—тѣ, о которыхъ говоритъ И. Е. Забѣлинъ. Онъ только ошибся, думая, что всѣ шесть черепковъ принадлежали одной чашкѣ. На самомъ дѣлѣ пять

---

[1]) Ср. Watzinger, *Athen. Mitth.*, XXVI (1901), стр. 86.

[2]) *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* за 1862 г., стр. XIX.

[3]) *Древн. Герод. Скиѳіи*, II, стр. 109. Ср. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія древности, II, стр. 109.

[4]) Въ оригинальномъ отчетѣ И. Е. Забѣлина (въ архивѣ Имп. Археолог. Коммиссіи, дѣло 1862 года № 2, въ описи найденныхъ предметовъ, подъ № 445) значатся «шесть обломковъ греческой чашки, покрытой черной глазурью».

черепковъ принадлежатъ одному сосуду (нынѣ № 395 по описямъ Имп. Эрмитажа), который представляетъ нашъ рисунокъ 3, а одинъ черепокъ—другому сосуду (№ 405 И. Эрм.), нашъ рис. 4. Невѣрно И. Е.

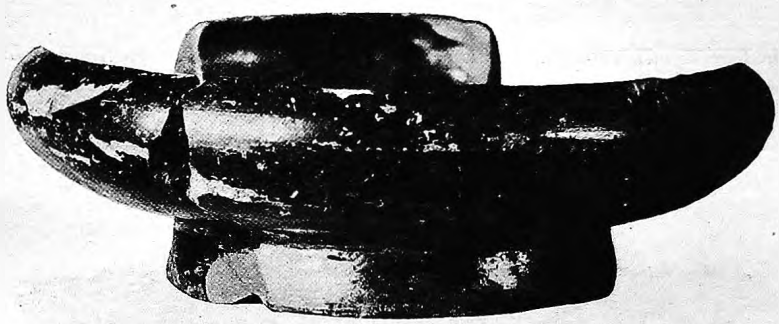

Рис. 3 (2/3). Чашка изъ Чертомлыцкаго кургана.

Забѣлинъ называлъ и черную блестящую облицовку черепковъ „поливой", или „глазурью"; это—обычный черный лакъ греческой керамики [1]). Принимая во вниманіе, что найдены были только отдѣльные черепки сосудовъ (изломы на черепкахъ всѣ древніе), трудно

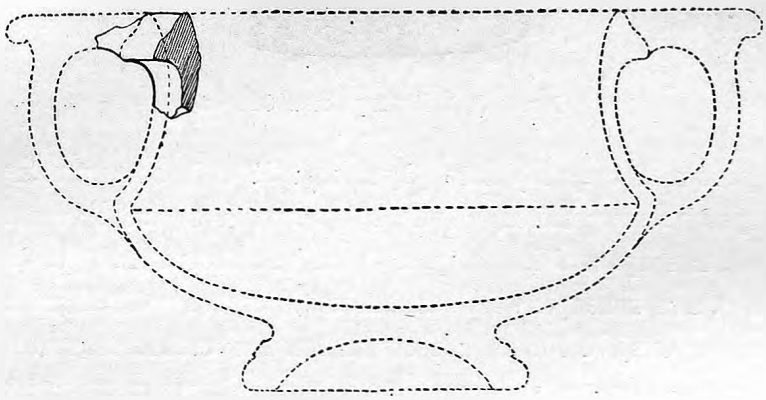

Рис. 4 (1/2). Канѳаръ изъ Чертомлыцкаго кургана.

думать, что они происходятъ отъ сосудовъ, которые были поставлены въ могилу; тогда, конечно, ихъ нашлось бы больше, такъ какъ, если даже допускать, что Чертомлыцкій курганъ былъ, какъ думалъ И. Е. Забѣлинъ, разграбленъ [2]), нельзя думать, что часть черепковъ была уне-

[1]) Ошибку И. Е. Забѣлина повторяетъ проф. Д. Н. Анучинъ въ *Древностяхъ, Труд. Имп. Московскаго Археолог. Общества*, XXII (1909), вып. 2, стр. 51.

[2]) Курганъ скорѣе разграбленъ не былъ. Ср. Д. Н. Анучинъ, ук. ст., стр. 66 слл. Задолго до появленія статьи Д. Н. Анучина Н. П. Веселовскій въ бесѣдѣ съ нами весьма убѣдительно излагалъ свои доводы въ пользу того, что Чертомлыцкій курганъ не былъ разграбленъ.

сена грабителями. А это говоритъ еще болѣе за то, что черепки обоихъ сосудовъ (рис. 3 и 4) происходятъ изъ нижнихъ слоевъ курганной насыпи. Если бы они происходили изъ могилы, они давали бы terminus ad quem для найденной на одномъ съ ними уровнѣ въ могилѣ № V золотой обивки (она найдена была на мѣстѣ, обозначенномъ буквой *к* на указанномъ планѣ). Если же они происходятъ изъ насыпи, то они могутъ давать terminus post quem для обивки.

Рис. 5 (²/₃). Канѳаръ изъ Ольвіи.

Черепокъ Императорскаго Эрмитажа № 405, очевидно, принадлежалъ чернолаковому канѳару (рис. 4) формы, совершенно аналогичной съ формой канѳара изъ Ольвіи (рис. 5), найденнаго въ 1907 г. (по описи № 2157) [1]), и съ канѳаромъ изъ Рыжановки, Кіевской губ. [2]). Лакъ на чертомлыцкомъ черепкѣ № 405 по качествамъ своимъ стоитъ значительно ниже лака, который бываетъ на аттическихъ краснофигурныхъ вазахъ даже позднѣйшаго стиля и находимыхъ въ однѣхъ съ ними могилахъ сосудахъ чернолаковыхъ. Правда, въ общемъ лакъ походитъ на аттическій, но блескъ его слабѣе, тусклѣе, а тонъ не чисто черный, какъ у аттическихъ вазъ, а переходящій въ темнобурый. На ольвійскомъ сосудѣ (рис. 5) лакъ—сѣраго графитоваго тона, мѣстами съ радужными переливами, положенъ на сосудѣ неровно. По блеску онъ ближе къ аттическимъ чернолаковымъ сосудамъ, чѣмъ чертомлыцкій черепокъ № 405. Лакъ на

[1]) Ольвійскій сосудъ даетъ возможность возстановить форму чертомлыцкаго, что и сдѣлано К. П. Калачевымъ на рис. 4.

[2]) Ср. гр. А. А. Бобринской, Курганы бл. м. Смѣлы, II, стр. 141, табл. XIX, 2.

чернолаковой чашкѣ, которой принадлежали черепки Императорскаго Эрмитажа № 395 (рис. 3),—темнобураго тона, мѣстами сѣраго графитоваго; техника въ общемъ грузная, тяжелая, далекая отъ элегантной, блестящей техники аттическихъ вазъ.

Чертомлыцкая чашка № 395 напоминаетъ по техникѣ и стилю сосуды изъ Пріены [1]); какъ и у послѣднихъ, лакъ покрываетъ весь сосудъ, кромѣ нижней части подставки. Внутри чертомлыцкая чашка украшена семью несимметрично расположенными и соединенными между собою, оттиснутыми по сырой глинѣ штампомъ пальметками (рис. 6) [2]). Такія же украшенія видимъ и у указанныхъ пріенскихъ сосудовъ и внутри упомянутаго ольвійскаго канеара № 2157, у котораго, кромѣ того, кругомъ пальметокъ идетъ кругъ изъ мелкихъ черточекъ (рис. 7).

Рис. 6 (н. в.). Орнаменты на днѣ чашки изъ Чертомлыцкаго кургана.

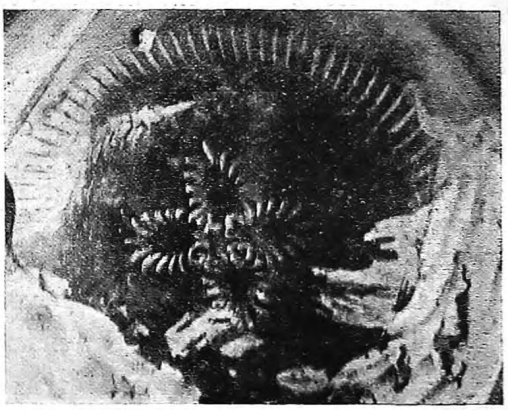

Рис. 7 (н. в.). Орнаменты на днѣ канеара изъ Ольвіи.

Сосуды съ такимъ лакомъ, какъ у чертомлыцкихъ и у ольвійскаго, никогда не встрѣчаются при раскопкахъ въ слояхъ, содержащихъ in situ аттическія краснофигурныя вазы. Характерно отсутствіе краснофигурныхъ вазъ и въ курганахъ Ильинецкомъ и Чертомлыцкомъ. Ихъ не было найдено и при раскопкахъ Куль-Обскаго и Чмырева кургановъ. Наоборотъ, въ эллинистическихъ слояхъ (III и II в.), которые находятся надъ слоями съ аттическими краснофигурными вазами и чернолако-

[1]) Ср. Zahn, у Wiegand-Schrader, Priene, Berlin 1904, стр. 398, 11—13.

[2]) На днѣ чертомлыцкой чашки снаружи нацарапано graffito A.

вой посудой, черепки сосудовъ сѣраго графитоваго и темнобураго тона представляютъ явленіе обычное. Постоянно мы ихъ наблюдаемъ въ Ольвіи, гдѣ сосуды этого типа часто встрѣчаются и въ могилахъ съ монетами, относимыми спеціалистами къ III и II вѣкамъ до Р. Хр. [1]). Далѣе, можно указать на Аѳины [2]), Пріену [3]), Пергамъ [4]), гдѣ всегда обломки сосудовъ, крытыхъ графитовымъ или темнобурымъ лакомъ, характеризуютъ слои эллинистическіе. На о. Самоѳракѣ сосуды, крытые такимъ лакомъ, найдены были у фундаментовъ Арсиноіона, сооруженіе котораго приходится на 276—247 г.г. до Р. Хр. [5]). Качества лака и детали украшенія даютъ базы для дальнѣйшихъ хронологическихъ опредѣленій[6]). Украшеній, сдѣланныхъ при помощи штампа, мы не встрѣчаемъ вовсе на керамикѣ первой половины III вѣка въ Аѳинахъ [7]). Напротивъ, въ М. Азіи и въ Италіи на керамикѣ, которая представляетъ подражаніе и дальнѣйшее продолженіе аттической, штампованныя украшенія обычны. Характерными они остаются тамъ и позднѣе.

Такимъ образомъ, чертомлыцкіе сосуды (рис. 3 и 4) и ольвійскій (рис. 5), которые по лаку нельзя считать аттическими, скорѣе всего вышли изъ какой-либо сѣверной малоазійской фабрики, вѣроятно пергамской [8]), которая является дальнѣйшимъ продолженіемъ аттической керамики первой половины III вѣка.

Сначала лакъ у сосудовъ этой „мало-азійской“ фабрики былъ довольно близокъ къ яркому, блестящему черному лаку аттическихъ сосудовъ, но имѣлъ уже сѣрый графитовый оттѣнокъ и большею частью клался неровно. Сосуды, крытые такимъ лакомъ, можно датировать второй половиной III вѣка до Р. Хр. Къ этому времени долженъ быть отнесенъ

---

[1]) Ср. *Извѣстія Имп. Археолог. Комм.*, VIII, стр. 34 слл.

[2]) Ср. Watzinger, *Athen. Mitth.*, XXVI (1901), стр. 67 слл.

[3]) Zahn y Wiegand-Schrader, Priene, стр. 395 слл.

[4]) Conze, Kleinfunde aus Pergamon, *Abhandl. d. königl. preuss. Akademie d. Wissensch.*, 1902, стр. 16 слл.

[5]) Conze, Hauser, Niemann, Archäolog. Untersuchungen auf Samothrake, I, 1875, стр. 8 слл., 85, табл. LXVII.

[6]) Ср. мои замѣчанія въ *Изв. Имп. Археолог. Коммиссіи*, VIII, стр. 27 слл.; Zahn, ук. с., стр. 394 слл.

[7]) Ср. Watzinger, ук. м.; Zahn, ук. раб., 397.

[8]) Ср. Zahn, ук. раб. 397. Съ пергамской керамикой чертомлыцкіе черепки сходятся и по отсутствію въ ихъ глинѣ блестокъ слюды. Ср. еще мои замѣчанія въ *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, вып. II (1902), стр. 77 слл.; ср. Zahn, ук. раб., стр. 399. Въ глинѣ керамики, происходящей изъ южныхъ областей М. Азіи, напротивъ, замѣчается значительная примѣсь блестокъ слюды (каліевой или натріевой).

ольвійскій канѳаръ (рис. 5). И по формамъ сосуды второй половины III вѣка часто близки бываютъ къ сосудамъ первой половины III вѣка. Любопытно сравнить нашъ ольвійскій канѳаръ съ киликомъ, найденнымъ въ Керчи въ 1908 г. [1]).

Керченскій киликъ найденъ былъ въ одной могилѣ съ краснофигурными вазами позднѣйшаго стиля [2]), которыя должно датировать теперь [3]) самымъ концомъ IV-го и первой половиной III-го вѣка до Р. Хр. Лакъ керченскаго килика роскошный, черный, блестящій, положенъ ровно и аккуратно. Онъ превосходитъ своими качествами лакъ ольвійскаго канѳара и тѣмъ болѣе лакъ чертомлыцкихъ сосудовъ, который много тусклѣе лака этого канѳара. И внутреннее украшеніе керченскаго килика [4]) болѣе тщательно. Форма пальметокъ—иная. Если пальметки керченскаго килика аналогичны пальметкамъ на пріенскихъ сосудахъ IV—III вѣка до Р. Хр. [5]), то пальметки ольвійскаго канѳара (рис. 7) и еще болѣе пальметки чертомлыцкой чашки (рис. 6) напоминаютъ уже пальметки позднѣйшей *terra sigillata* [6]), относящейся къ II—I в. до Р. Хр. Если ольвійскій канѳаръ (рис. 5) должно отнести ко второй половинѣ III вѣка, то сосуды въ стилѣ и техникѣ чертомлыцкихъ вазъ должны быть датированы первой половиной II вѣка до Р. Хр. Интересно указать, что сосуды одинаковой техники съ чертомлыцкими въ ольвійскихъ могилахъ [7]) часто находимы были съ ольвійскими монетами, которыя по стилю относятся къ II в. до Р. Хр. [8]).

Итакъ, керамическія находки, сдѣланныя въ Чертомлыцкомъ курганѣ, обязываютъ къ заключенію, что

---

[1]) *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, XL, стр. 68, рис. 6. Ср. подобный киликъ изъ кургана № XX подъ Холоднымъ Яромъ Кіевской губ. Гр. А. А. Бобринской, Курганы близъ м. Смѣлы, I, табл. XIV, 3, стр. 70.

[2]) Изданы въ *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, XL, стр. 67, рис. 4 и 5.

[3]) Ср. Furtwängler, Griechische Vasenmalerei, II, München, 1909, стр. 39 слл.; Nicole, Meidias et le style fleuri dans la céramique attique, *Memoires de l'Institut National Genevois*, XX (1908), стр. 51 слл.; P. Ducati, I vasi dipinti nello stile del ceramista Midia, *Memorie della R. Accademia dei Lincei*, ser. V, vol. XIV, fasc. II, стр. 169 слл.; Zahn у Wiegand-Schrader, Priene, стр. 305 слл.

[4]) *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, XL, стр. 68, рис. 6а.

[5]) Ср. Wiegand-Schrader, Priene, стр. 396, рис. 526, 3а и 3в.

[6]) Ср. Wiegand-Schrader, ук. соч., стр. 435, рис. 163.

[7]) Ср. *Изв. Имп. Археолог. Комм.*, VIII, мог. №№ 12, 26, 27, 32 и т. д.; ср. XIII, мог. 1902 г., №№ 3, 41, 59, 104, 110 и т. д.

[8]) Ср., напр., *Изв. Имп. Арх. Комм.*, VIII, стр. 64.

могила, въ которой найдена была золотая обивка, не можетъ быть ранѣе первой половины II в. до Р. Хр. Если черепки происходятъ изъ самой могилы, ее надо датировать половиной II в. до Р. Хр. Если же, что повидимому вѣроятнѣе, черенки происходятъ изъ нижнихъ слоевъ курганной насыпи, могила должна быть отнесена даже во вторую половину II вѣка до Р. Хр.

IV.

Техника обивокъ. Сличеніе ильинецкой обивки съ чертомлыцкою.

Въ разныхъ южно-русскихъ курганахъ было найдено большое количество мелкихъ золотыхъ бляшекъ, которыя украшены очевидно штампованными орнаментами. Часто на бляшкахъ повторяются одни и тѣ же мотивы украшенія, не оставляющіе сомнѣнія, что они получены тисненіемъ съ одной формы [1]). Иногда встрѣчаются бляшки, оттиснутыя съ монетъ [2]). Могли ли быть получены тисненіемъ съ одной формы столь крупные предметы, какими являются наши обивки горитовъ? До находки обивки въ Ильинцахъ это считалось невѣроятнымъ. Гаузеръ [3]) и, слѣдуя ему, А. Н. Шварцъ [4]) полагали, что украшенія чертомлыцкой обивки выполнены были при помощи ряда отдѣльныхъ штемпелей. Что этого не могло быть и почему, подробно и обстоятельно разобрано В. К. Мальмбергомъ [5]). Не считая возможнымъ допустить, чтобы чертомлыцкая обивка была оттиснута съ одной большой формы, В. К. Мальмбергъ пришелъ къ выводу, что всѣ украшенія обивки были вычеканены отъ руки [6]). Послѣ находки обивки горита въ Ильинцахъ, представляющей точное повтореніе обивки чертомлыцкой, думать объ исполненіи обивокъ отъ руки уже нельзя. Несомнѣнно, обѣ обивки исполнены при помощи какого-то механическаго пріема. Самая простая мысль, приходящая въ голову каждому при сравненіи обѣихъ обивокъ, это, конечно, та, что обивки оттиснуты были съ одной общей формы. Такъ рѣшалъ дѣло уже Г. Е. Кизерицкій [7]). Если обѣ обивки дѣйствительно были оттиснуты

---

[1]) Ср. *Древности Герод. Скиѳіи*, II, стр. 100; *Гермесъ*, VII (1910), стр. 305, рис. 1.
[2]) Ср. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древн., II, стр. 113.
[3]) Hauser, Die neuattischen Reliefs, стр. 126, прим. 1.
[4]) *Древности*, XV, стр. 6.
[5]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 177 слл.
[6]) Тамъ же, стр. 179.
[7]) *Archäolog. Anzeiger*, XVIII (1903), стр. 83 сл.

съ одной формы, то самое естественное думать, что форма эта была сдѣлана изъ камня и имѣла рѣзьбу вовнутрь, и что золотыя пластины вбивались въ рѣзьбу камня при посредствѣ еще какого-нибудь передаточнаго мягкаго матеріала, вгонявшаго ихъ въ углубленія каменной формы [1]). Не всегда первая и самая простая мысль является *eo ipso* и правильной. Съ этимъ тѣмъ болѣе надо считаться, когда имѣются данныя въ пользу иного рѣшенія вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, возможностей, какъ были сдѣланы изучаемыя нами обивки, гораздо больше, чѣмъ это представляется съ перваго раза. Обивки могли быть оттиснуты съ одной формы въ одинъ пріемъ, такъ какъ въ форму не трудно вдавить двѣ тонкія электровыя пластины и затѣмъ, по вынутіи изъ формы, ихъ разъединить, или въ два пріема, — каждая пластина отдѣльно. Далѣе, золотые предметы, найденные въ Келермесской станицѣ (Кубанской области) и находящіеся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ [2]), наводятъ на мысль еще объ одной возможности. Золотая, украшенная рельефами обивка сѣкиры келермесскаго клада, какъ оказывается, облегаетъ деревянную основу, на которой были исполнены въ рельефѣ во всѣхъ деталяхъ тѣ изображенія, которыя, очевидно, путемъ прибивки къ нимъ вплотную тонкаго листа золота, составляющаго обивку, получились на этой послѣдней. Вотъ античный примѣръ, не оставляющій никакого сомнѣнія насчетъ техники рельефныхъ украшеній на тонкихъ золотыхъ обивкахъ. Деревянная форма, съ которой были выбиты рельефы келермесской обивки сѣкиры, естественно, должна была навсегда остаться внутри обивки и образовала деревянный остовъ внутри обивки изъ золота. Техника келермесской сѣкиры стоитъ вовсе не одинокимъ примѣромъ. Ей вполнѣ аналогична техника серебрянаго рѣзного зеркала, облицованнаго золотомъ, изъ Келермесской же станицы. Рисунокъ на золотой пластинѣ, покрывающей обратную сторону зеркала, былъ полученъ и здѣсь путемъ прибиванія золотой пластины къ серебряному остову зеркала, на которомъ предварительно были выполнены гравировкой во

---

[1]) Допустить рельефную форму трудно по основаніямъ, указаннымъ частью В. К. Мальмбергомъ (Кург. Карагодеуашхъ, стр. 179): всякая форма, сдѣланная изъ какого бы то ни было матеріала, кромѣ стали, была бы непрактична для массоваго изготовленія (а, конечно, только для такого изготовленія и стоило дѣлать форму, которая стоила большихъ средствъ). Предполагать же примѣненіе большихъ стальныхъ формъ у древнихъ мы не имѣемъ возможности.

[2]) Изданіе келермесскихъ древностей приготовляется нами къ печати и должно появиться въ недалекомъ будущемъ.

всѣхъ подробностяхъ фигуры, образующія композицію на золотой облицовкѣ. Вполнѣ аналогичную технику наблюдаемъ на золотыхъ украшеніяхъ внутри фіалъ-чашъ, найденныхъ Н. И. Веселовскимъ въ Чмыревой могилѣ въ 1909 г. На трехъ изъ пихъ [1]) плоскія рельефныя украшенія были сначала выполнены по дну фіалъ въ рельефѣ, затѣмъ были прикрыты тонкими золотыми круглыми пластинами, которыя наконецъ,

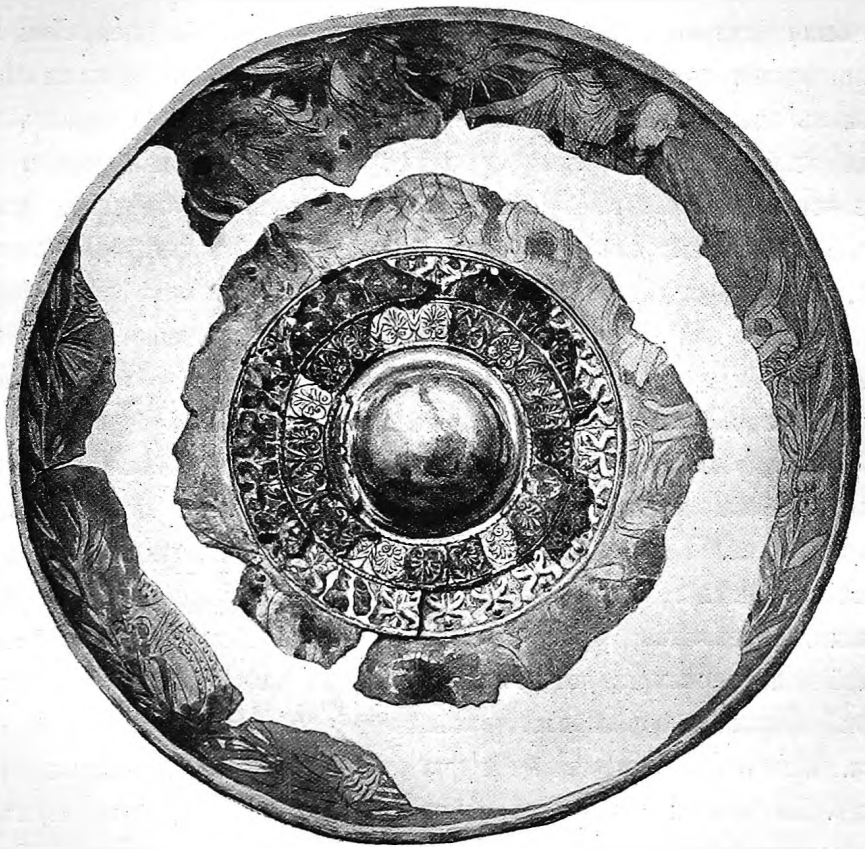

Рис. 8 (½). Серебряная фіала изъ Чмыревой могилы.

очевидно, при помощи молоточка и, конечно, чрезъ какія-нибудь тонкія, можетъ быть свинцовыя пластинки, были плотно прибиты къ рельефамъ чаши, при чемъ эти послѣдніе полностью и обрисовались на золотѣ. Съ особенною наглядностью можно наблюдать эту технику на сильно поврежденной фіалѣ съ облицованными золотомъ украшеніями въ центрѣ, которую представляетъ рис. 8. Изъ-за поврежденія облицовки украшеній, кото-

[1]) Ср. *Гермесъ* VII (1910), стр. 308, рис. 4; *Archäolog. Anz.*, XXV (1910), ст. 217 сл., рис. 16 и 17.

рая частью отвалилась, можно ясно видѣть, что первоначально всѣ орнаменты внутри фіалы были сдѣланы въ рельефѣ по серебряному дну ея и затѣмъ тѣмъ же способомъ, какъ и у другихъ фіалъ, были получены на золотой пластинѣ, служившей облицовкою орнаментовъ. Указанная техника, очевидно, была обычна въ греческомъ искусствѣ. Нельзя не обратить вниманія на то, что эта техника крайне проста, даже примитивна. Это указываетъ, что изобрѣтеніе ея должно восходить къ очень древнему времени. Келермесскіе предметы, относящіеся къ VI вѣку до Р. Хр., являются далеко не самыми древними, на которыхъ мы эту технику наблюдаемъ. Указаніе дальнѣйшихъ примѣровъ этой техники заставило бы насъ слишкомъ уклониться отъ нашей спеціальной задачи. Укажемъ только, что, подобно очень многому другому въ греческомъ искусствѣ, эта техника ведетъ начало еще изъ критско-микенскаго искусства [1]). Она, значитъ, не только обычная, но и исконная техника греческаго искусства [2]).

Всѣ указанныя соображенія ведутъ къ тому, что одна изъ нашихъ обивокъ могла быть сдѣлана путемъ именно обивки тонкою электровою пластиною деревянной основы горита, на которой предварительно отъ руки сдѣланы были уже всѣ рельефныя украшенія, и что другая обивка была получена путемъ такого же отбиванія съ первой, все время остававшейся на деревянной основѣ, подобно тому, какъ, напр., путемъ отбиванія же были получены индикаціи съ монеты Филиппа II, найденныя въ Чертомлыцкомъ курганѣ [3]). Снять такимъ образомъ одну или даже нѣсколько копій съ деревяннаго предмета, облицованнаго электромъ, съ соблюденіемъ осторожности, конечно, возможно безъ особеннаго вреда для оригинала. О полученіи оттисковъ съ деревянной формы въ большомъ количествѣ, конечно, никакой рѣчи быть не можетъ. Рѣшеніе вопроса, были ли сдѣланы обѣ изучаемыя нами обивки съ одной формы, или одна обивка, украшавшая рѣзной деревянный горитъ, послужила оригиналомъ для другой, не вполнѣ безразлично для выясненія художественно-историческаго значенія обивокъ. Въ одномъ случаѣ мы должны были бы признать, что существо-

---

[1]) Ср. L. v. Sybel, Weltgeschichte der Kunst im Altertum, Marburg, 1903, стр. 50; Springer-Michaelis, Handb. d. Kunstgesch., I, стр. 101, 105, 107; Dussaud-Civilisations prehelléniques. Paris, 1910, стр. 54 сл.

[2]) Ср. E. Saglio, Caelatura, у Daremberg-Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, I, стр. 785.

[3]) Ср. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древн., II, стр. 113.

вали мастерскія, которыя чисто фабричнымъ способомъ въ большомъ количествѣ выдѣлывали драгоцѣнное оружіе, въ другомъ,—что одинъ изъ горитовъ, которымъ обивки принадлежали, былъ сдѣланъ по спеціальному заказу, и съ него затѣмъ для другого лица опять по особому заказу снята была механически, но обычнымъ въ древности способомъ, копія. Рѣшить дѣло такъ или иначе можетъ только детальное сравненіе обѣихъ обивокъ, къ которому мы теперь и должны перейти.

Всѣ рельефныя украшенія обѣихъ обивокъ восходятъ такъ или иначе къ одному первоначальному оригиналу, съ котораго онѣ оттиснуты. Уже послѣ того, какъ тисненіе было сдѣлано, детали украшеній на обѣихъ обивкахъ были оживлены еще гравировкой, исполненной отъ руки [1]). Естественно, что гравировка на обивкахъ неодинакова, а изъ-за этого у каждой обивки—свой индивидуальный характеръ.

Прежде всего надо отмѣтить, что есть части, которыя на одной обивкѣ отдѣланы гравировкой, тогда какъ на другой оставлены гладкими. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ больше деталей на чертомлыцкой обивкѣ, въ другихъ—на ильинецкой. На послѣдней шеи грифоновъ не покрыты чешуей, которая на чертомлыцкой обивкѣ обозначена гравировкой. Въ пальметномъ фризѣ у чертомлыцкой обивки сердцевины лотосовыхъ цвѣтовъ гравированы, чего нѣтъ на ильинецкой. Въ аканѳовой вѣтви на чертомлыцкой обивкѣ головки усиковъ у всѣхъ цвѣтовъ гравированы, на ильинецкой онѣ оставлены гладкими. На чертомлыцкой обивкѣ у женской фигуры подъ кабаномъ, въ верхнемъ фризѣ, на правой ногѣ тремя точками обозначены украшенія обуви, чего нѣтъ на ильинецкой. У женской фигуры съ распростертыми руками верхняго фриза чертомлыцкой обивки обозначены гравировкой (точками) ремни у обуви, чего не находимъ у этой фигуры на ильинецкой обивкѣ. У юноши на правомъ концѣ верхняго фриза на чертомлыцкой обивкѣ пунктиромъ намѣчены сосцы, на обивкѣ изъ Ильинецъ не обозначенные. Ремень меча, который держитъ въ правой рукѣ юноша, на чертомлыцкой обивкѣ покрытъ гравировкой черточками, которыхъ на ильинецкой обивкѣ не замѣчается. Равнымъ образомъ ножны меча юноши на чертомлыцкой обивкѣ испещрены мелкими узорами, которыхъ не наблюдаемъ на ножнахъ меча у той же фигуры на обивкѣ изъ Ильинецъ. Ручка кресла, на которомъ сидитъ центральная

[1]) Ср. объ этой техникѣ у E. Saglio, Caelatura, у Daremberg-Saglio. Dict. des ant., I, стр. 791.

фигура нижняго фриза, на чертомлыцкой обивкѣ оканчивается бараньей головкой, а на обивкѣ изъ Ильинецъ этой головки нѣтъ. На томъ же креслѣ крылья сфинкса, служащаго подпоркой ручки, на чертомлыцкой обивкѣ гравированы рѣзче. Палка у фигуры, сидящей на креслѣ, на сучкахъ на чертомлыцкой обивкѣ гравирована точками, чего нѣтъ на ильинецкой. Палки, на которыя опирается вторая (справа отъ зрителя) фигура въ нижнемъ фризѣ, на обивкѣ изъ Ильинецъ гладкія, а на чертомлыцкой обивкѣ на нихъ гравированными точками обозначены сучки. Детальнѣе трактована на чертомлыцкой обивкѣ прическа у сидящей фигуры верхняго фриза, шестой справа (отъ зрителя): сзади видна широкая, украшенная узоромъ лента, на которую спереди зачесаны волосы; этихъ деталей нѣтъ на обивкѣ изъ Ильинецъ.

Другія фигуры, напротивъ, отличаются большею детальностью на обивкѣ изъ Ильинецъ. Такъ, на этой обивкѣ пунктиромъ характеризованъ рельефъ камня, на которомъ сидитъ юноша, учащій мальчика стрѣльбѣ изъ лука, въ верхнемъ фризѣ, чего не видимъ на чертомлыцкой обивкѣ. Далѣе, пунктиромъ же на ильинецкой обивкѣ сдѣланы въ томъ же фризѣ линіи и разводы, украшающіе по краю внутренность щита, за которымъ стоитъ мальчикъ съ лукомъ, орнаменты мебели, на которой сидитъ вторая слѣва женщина, орнаментальная полоса по внутреннему краю щита, заполняющаго пространство на правомъ концѣ верхняго фриза. Всѣ перечисленныя детали также не наблюдаются на чертомлыцкой обивкѣ. Точно такъ же въ нижнемъ фризѣ на обивкѣ изъ Ильинецъ обозначены пунктиромъ орнаменты (треугольники, полукруги, разводы) на развѣшанныхъ за группой изъ четырехъ женщинъ (на лѣвомъ концѣ) занавѣсахъ. И эти орнаменты отсутствуютъ на чертомлыцкой обивкѣ. Нѣтъ на ней и пунктира, которымъ украшена жердь сзади стоящей женщины той же группы, равно какъ и орнаментовъ (полосы, полукруги, разводы) мебели, на которой сидитъ вторая женщина слѣва, на обивкѣ изъ Ильинецъ. На чертомлыцкой обивкѣ, затѣмъ, не имѣется черточекъ на ручкѣ и сидѣньѣ и на нижней перекладинѣ кресла, на которомъ возсѣдаетъ центральная фигура нижняго фриза, и разводовъ на передней и задней ножкахъ кресла, которые есть на обивкѣ изъ Ильинецъ. Лѣвая часть спинки кресла той же фигуры на ильинецкой обивкѣ украшена полосками изъ пунктира; ихъ опять не видимъ на чертомлыцкой обивкѣ.

Если сравнить то, что имѣется въ деталяхъ, выполненныхъ гравировкой на обивкахъ, то нельзя не замѣтить, что детали на той и другой обивкѣ играютъ далеко не одинаковую роль. Мастеръ чертомлыцкой обивки даетъ большее количество деталей, чѣмъ мастеръ ильинецкой. Но тѣ лишнія детали, которыя мы наблюдаемъ на чертомлыцкой обивкѣ, по сравненію съ ильинецкой всѣ не отличаются сложностью, а, наоборотъ, крайней простотой. Въ художественномъ отношеніи композиція чертомлыцкой обивки отъ этихъ деталей не только не выигрываетъ, а, напротивъ, теряетъ. Конечно, общая композиція ильинецкой обивки свѣжѣе и сочнѣе, чѣмъ обивки изъ Чертомлыцкаго кургана, и прежде всего это впечатлѣніе у послѣдней получается изъ-за чрезмѣрной мелочности деталей, изъ-за украшенія фигуръ орнаментами, излишними для художественнаго дѣйствія цѣлаго. Часто детали на чертомлыцкой обивкѣ такъ мелки, что ихъ можно разсмотрѣть лишь въ увеличительное стекло. Конечно, это даетъ извѣстный эффектъ, показывая мастерство, но этотъ эффектъ—чисто внѣшній, дешевый.

Совершенно не такого характера мелкія детали, имѣющіяся на ильинецкой обивкѣ и отсутствующія на чертомлыцкой. Сдѣланныя пунктиромъ детали, которыя мы наблюдаемъ на обивкѣ изъ Ильинецъ, до сихъ поръ были извѣстны по карагодеуашхскому гориту, по куль-обской вазѣ съ изображеніемъ варваровъ (ср. рис. 2), а, кромѣ произведеній торевтики изъ южно-русскихъ кургановъ, между прочимъ, по эллинистическимъ и римскимъ живописнымъ рельефамъ изъ мрамора [1]), стиль которыхъ, однако, уже давно заставлялъ предполагать происхожніе его отъ эллинистическихъ рельефныхъ композицій изъ металла. На мраморныхъ рельефахъ детали, сдѣланныя пунктиромъ изъ ряда круглыхъ дырочекъ, преслѣдуютъ одну цѣль—дать рельефу болѣе живописности: при помощи тѣней, которыя получаются отъ пунктира, тѣ части композиціи, гдѣ пунктиръ поставленъ, кажутся находящимися дальше, глубже; рельефъ другихъ частей, въ замѣнъ того, выступаетъ сильнѣе. Въ композиціи является болѣе плановъ, и она пріобрѣтаетъ болѣе глубины. Той же цѣли достигаетъ пунктиръ, хотя онъ исполненъ довольно неловко, и въ композиціяхъ

[1]) L. v. Sybel, Weltgeschichte der Kunst im Altertum, стр. 353 сл.; Klein, Geschichte der griech. Kunst, III, стр. 140 слл.; Springer-Michaelis, Handb. d. Kunstgesch., I, стр. 372 сл. Для пунктира ср. Schreiber, Das Wiener Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani, Lpz., 1888, стр. 25 сл.; Cultrera, Saggi sull'arte ellenistica e greco-romana, I, La corrente Asiana, Roma, 1907, стр. 213 слл.

на обивкѣ изъ Ильинецъ (ср. ниже). Такимъ образомъ, тѣ подробности, которыя наблюдаются на ильинецкой обивкѣ и отличаютъ ее отъ чертомлыцкой, для художественнаго дѣйствія композиціи не только не безразличны, а, наоборотъ, весьма существенны. Это не тѣ чисто внѣшнія детали, которыхъ такъ много на чертомлыцкой обивкѣ, а необходимыя, строго обдуманныя и преслѣдующія опредѣленную цѣль.

Продолжая сравнивать детали фигуръ на обивкахъ, мы должны будемъ отмѣтить, что на ильинецкой обивкѣ разводы на главной перекладинѣ кресла центральной фигуры въ нижнемъ фризѣ были исполнены слѣва направо, а на чертомлыцкой, наоборотъ, справа налѣво, при чемъ орнаментъ мастеру не вполнѣ удался; во всякомъ случаѣ онъ исполненъ здѣсь хуже, чѣмъ на обивкѣ изъ Ильинецъ. Это—единственное мѣсто, гдѣ авторъ чертомлыцкой обивки хотѣлъ передать пунктирные орнаменты, какіе мы наблюдаемъ на ильинецкой обивкѣ. Наоборотъ, онъ, очевидно, упростилъ узоры внутри щитовъ въ верхнемъ и въ нижнемъ фризахъ. Иногда мелкія детали, исполненныя гравировкой, на обивкахъ передаютъ не одинаково формы фигуръ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Замѣчается разница въ рисункѣ волосъ фигуръ. На чертомлыцкой волосы пышнѣе, эффектнѣе, съ большей и болѣе рѣзкой игрой свѣтовъ и тѣней. Далѣе, пятна на шкурахъ животныхъ (пантера въ группѣ съ грифонами, олень въ группѣ направо, терзающая его пантера, пантера во второй группѣ слѣва) обозначены на ильинецкой обивкѣ *тремя* слабо замѣтными точками, а на чертомлыцкой обивкѣ *двумя* черточками, которыя бросаются въ глаза рѣзче. Если трактовка пятенъ на животныхъ на обивкѣ изъ Ильинецъ напоминаетъ старыя схемы, ихъ трактовка на чертомлыцкой обивкѣ, не выигрывая въ смыслѣ бо́льшаго соотвѣтствія натурѣ, можетъ быть, даетъ болѣе внѣшняго эффекта.

Стремленіе къ внѣшнимъ эффектамъ и къ разнаго рода преувеличеніямъ мы можемъ замѣтить у автора чертомлыцкой обивки въ разныхъ деталяхъ. Гравировка на ней преувеличиваетъ выраженіе фигуръ, которыя, въ сравненіи съ фигурами на ильинецкой обивкѣ, являются болѣе страстными, возбужденными, патетическими. Такъ, гравировкой достигнуто на чертомлыцкой обивкѣ совершенно иное выраженіе у юноши, обучающаго мальчика, въ верхнемъ фризѣ, чѣмъ на ильинецкой. Если на послѣдней выраженіе юноши довольно спокойное, то на черто-

млыцкой глубокія тѣни у глаза и глубокая складка на лбу сообщаютъ юношѣ патетическое выраженіе. Общій характеръ гравировки на чертомлыцкой обивкѣ въ то же время грубѣе и проще, чѣмъ на ильинецкой. Изъ-за этого выраженія лицъ у фигуръ на ильинецкой обивкѣ всегда мягче, деликатнѣе, тогда какъ на чертомлыцкой они большею частью даже непріятны изъ-за рѣзкости и жесткости рисунка. Интересно сравнить, напримѣръ, въ этомъ отношеніи особенно лица у перваго юноши слѣва въ верхнемъ фризѣ, у обучаемаго имъ стрѣльбѣ изъ лука мальчика, или головы всѣхъ соотвѣтствующихъ женскихъ фигуръ на обѣихъ обивкахъ.

Насколько нѣжнѣе и деликатнѣе гравировка на обивкѣ изъ Ильинецъ, показываетъ сравненіе ея съ гравировкой на чертомлыцкой обивкѣ у группъ грифоновъ, терзающихъ пантеру. Группа на ильинецкой обивкѣ изумительна по тонкости гравировки, нисколько не уничтожающей ея свѣжести, жизненности, сочности. Въ сравненіи съ ней, группа на чертомлыцкой обивкѣ, наоборотъ, кажется сухой, жесткой, какъ бы оцѣпенѣвшей: гравировка здѣсь убила формы оригинала, очевидно, удивительно живыя.

Если сравнить, далѣе, гравировку льва и львицы (въ верхнемъ фризѣ) на той и другой обивкѣ, то на ильинецкой, конечно, эти животныя обнаруживаютъ бо́льшую строгость формъ, тогда какъ на чертомлыцкой ихъ стиль болѣе возбужденный, патетическій, болѣе эффектный, театральный: гривы болѣе взъерошенныя, болѣе густыя, глаза поставлены глубже, на спинѣ обозначены волосы; всего этого нѣтъ у фигуръ на ильинецкой обивкѣ. Болѣе эффектенъ стиль, приданный гравировкой, и у остальныхъ фигуръ животныхъ. Однако, надо сказать, что эффектъ и здѣсь чисто внѣшняго характера, и стиль въ сравненіи съ стилемъ фигуръ ильинецкой обивки является болѣе грубымъ. Любопытно сравнить, напримѣръ, характеристику кабана на той и другой обивкѣ. Если шерсть кабана на чертомлыцкой обивкѣ трактована сильнѣе, эффектнѣе, то на ильинецкой ея характеристика проведена тоньше и деликатнѣе.

Иногда авторъ чертомлыцкой обивки, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ деталяхъ фигуръ. Такъ, въ верхнемъ фризѣ у юноши, хватающаго за руку юношу, изображеннаго въ центрѣ, гравировка даетъ странный головной уборъ, похожій на женскую прическу. На ильинецкой обивкѣ голова фигуры помята, но съ обратной стороны ясно видно, что у юноши—обычные коротко остриженные волосы.

Суммируя то, что показало детальное сравненіе отдѣлки гравировкой обѣихъ обивокъ, мы должны сказать, что гравировка на нихъ весьма различна. Авторъ чертомлыцкой обивки частью упрощаетъ детали, которыя были сдѣланы пунктиромъ на оригиналѣ, съ котораго онъ копировалъ, обнаруживая при этомъ неумѣлость въ передачѣ ихъ, частью опускаетъ эти детали вовсе, очевидно, не понявъ ихъ значенія. Вмѣсто того онъ прибавляетъ разныя лишнія детали, часто удивительно мелкія, миніатюрныя, преслѣдующія лишь достиженіе чисто внѣшнихъ эффектовъ. Онъ желалъ, повидимому, даже превзойти копируемый оригиналъ большею детальностью трактовки и бо́льшимъ паѳосомъ. При этомъ рисунокъ его, однако, грубѣе и жестче, чѣмъ у оригинала, а характеристики не такъ тонки и деликатны. Нѣкоторыя детали оригинала остались для автора чертомлыцкой обивки непонятными. Ничего подобнаго нельзя сказать объ обивкѣ изъ Ильинецъ. Въ ея гравировкѣ нельзя указать ничего, что бы не было разсчитано, ничего, что бы было лишне, или что обнаруживало бы неумѣлость и непониманіе, или что было бы введено исключительно въ цѣляхъ какого-нибудь внѣшняго эффекта.

Столь различное отношеніе авторовъ обивокъ къ оригиналу ведетъ къ заключенію, что обивки изъ Ильинецъ и изъ Чертомлыцкаго кургана не только не могли быть сдѣланы однимъ мастеромъ, но не могли выйти и изъ одной мастерской. Оригиналъ автору чертомлыцкой обивки былъ менѣе понятенъ; вкусъ его былъ иной, болѣе грубый, довольствовавшійся внѣшнимъ. Ясно, что чертомлыцкая обивка должна быть нѣсколько позже ильинецкой.

Обратимся теперь къ сравненію основныхъ формъ украшеній, — формъ, полученныхъ тисненіемъ. Исполненіе рельефовъ, полученныхъ тисненіемъ, на обивкахъ также далеко не одинаково. И въ этомъ отношеніи ильинецкая обивка стоитъ выше чертомлыцкой. На первой нѣтъ мѣстъ, которыя бы не оттиснулись, какъ слѣдуетъ. На ней вышло все и все совершенно ясно. Только вслѣдствіе худшей сохранности и большей помятости ильинецкая обивка, по первому впечатлѣнію, можетъ произвести менѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ лучшая по сохранности чертомлыцкая. На послѣдней цѣлый рядъ мѣстъ у фигуръ и въ орнаментѣ не отпечатался. Уже давно было обращено вниманіе на то, что не отпечаталась правая рука, опиравшаяся на

скипетръ, у второй справа мужской фигуры верхняго фриза [1]). На обивкѣ изъ Ильинецъ эта рука видна совершенно ясно. Вотъ другіе недочеты рельефныхъ украшеній на чертомлыцкой обивкѣ. У фигуры дѣвушки съ распростертыми руками не вышли ясно контуры развѣвающейся одежды на правой (отъ зрителя) сторонѣ. На лѣвой рукѣ юноши, обучающаго мальчика стрѣльбѣ изъ лука, не получилась линія подъ кистью руки. Въ нижнемъ фризѣ авторъ чертомлыцкой обивки, очевидно, не понялъ занавѣсей, развѣшанныхъ на двухъ вертикальныхъ жердяхъ. Общія очертанія жерди слѣва и занавѣсей хотя отпечатались, но не ясно, а жердь сзади стоящей женской фигуры, которая тоже отпечаталась, въ нижней своей части была, повидимому, даже уничтожена мастеромъ, потому что значеніе ея было ему непонятно. Плохо вышли, далѣе, наружные контуры ноги у первой слѣва сидящей женщины въ нижнемъ фризѣ, наружные контуры у стѣнки и у ножки кресла центральной фигуры того же фриза, контуры головы терзаемаго оленя въ группѣ направо. Хотя обивка изъ Ильинецъ и помята, основной рисунокъ всѣхъ фигуръ и орнаментовъ на ней рѣзче, яснѣе. На чертомлыцкой мелкія детали и формы отпечатались гораздо слабѣе (ср., напр., ребра у животныхъ въ верхней полосѣ, клыки кабана, переднюю лѣвую ногу быка и т. д.).

Итакъ, получается впечатлѣніе, что авторъ ильинецкой обивки отбивалъ съ формы смѣло, а авторъ чертомлыцкой дѣйствовалъ, наоборотъ, нѣсколько робко, боясь какъ бы особенно энергичной работой не повредить оригинала. Автору ильинецкой обивки въ композиціи было все ясно и понятно; авторъ чертомлыцкой нѣкоторыхъ деталей композиціи, очевидно, не понялъ. Едва ли слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что обивки снимались съ формы и затѣмъ отдѣлывались гравировкой одними и тѣми же мастерами, потому что гравировка одной обивки отличается отъ гравировки другой совершенно такъ же, какъ отличается основной рисунокъ украшеній: авторъ обивки изъ Ильинецъ стоитъ выше автора чертомлыцкой обивки, и его отношеніе къ оригиналу ближе, чѣмъ отношеніе послѣдняго.

Въ виду изложеннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ильинецкая обивка не представляетъ копіи съ чертомлыцкой. Итакъ,

[1]) Съ лицевой стороны руки не видно совсѣмъ, съ обратной она, хотя слабо, но различается.

можетъ быть одно изъ двухъ: или обѣ обивки сдѣланы съ одного общаго оригинала, или чертомлыцкая обивка скопирована съ горита, которому принадлежала обивка изъ Ильинецъ.

Если обѣ обивки были скопированы съ одного оригинала, то это сдѣлано было не въ одной какой-нибудь мастерской и не въ одно время; чертомлыцкая обивка должна происходить изъ времени болѣе поздняго, чѣмъ ильинецкая.

Далѣе, при полученіи копіи съ оригинала мастеръ обивки изъ Ильинецъ имѣлъ, очевидно, преимущества и большія удобства, чѣмъ мастеръ чертомлыцкой обивки, вынужденный работать лишь съ осторожностью. Все это наводитъ на мысль, что обѣ обивки исполнены были не съ формы, предназначавшейся для массоваго, фабричнаго изготовленія обивокъ, а представляютъ копіи, сдѣланныя по спеціальнымъ заказамъ, съ какого-нибудь почему-либо пользовавшагося извѣстностью оригинала. Различіе въ сплавахъ золота у обѣихъ обивокъ говоритъ также за это. Что былъ за предметъ, съ котораго были сняты оттиски, конечно, сказать вполнѣ опредѣленно трудно, и догадки здѣсь могутъ быть безконечны. Идти въ безконечность, разумѣется, не къ чему, но, поступая методически и опираясь на полученные уже нами изъ сравненія обивокъ результаты, мы должны остановиться на ближайшемъ и поставить вопросъ, не является ли горитъ, которому принадлежала ильинецкая обивка, какъ разъ тѣмъ оригиналомъ, съ котораго была снята чертомлыцкая.

Если чертомлыцкая обивка обнаруживаетъ въ украшеніяхъ цѣлый рядъ чертъ, характеризующихъ ее, какъ копію, то художественныя качества ильинецкой обивки выгодно отличаютъ ее, именно какъ оригиналъ. На основаніи изложеннаго выше наиболѣе вѣроятнымъ было бы предполагать, что ильинецкая обивка представляла облицовку деревяннаго украшеннаго рельефами горита, а чертомлыцкая—снятую съ него изъ тонкаго листа электра копію. Самый горитъ, для котораго эта копія предназначалась, былъ, какъ и другой горитъ, вѣроятно, изъ дерева, но, конечно, на деревѣ у него не могло быть рельефовъ, какіе были подъ облицовкой у горита изъ Ильинецъ. Стефани думалъ, что чертомлыцкій горитъ былъ сдѣланъ изъ кожи [1]), но этого не допускаютъ, по нашему, изображенія горитовъ на куль-обской вазѣ (рис. 2), прямо

[1]) *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1864 г., стр. 145; Никопольская ваза, стр. 7.

указывающія, что остовы горитовъ должны были быть деревянные. При подвѣшиваніи кожа оттягивалась бы, чего на изображеніяхъ кульобской вазы не замѣчается.

Нѣкоторыя мелочи на обивкахъ способны, повидимому, подтвердить изложенныя соображенія на счетъ того, что обивка изъ Чертомлыцкаго кургана дѣйствительно представляетъ копію, полученную механически съ горита изъ Ильинецъ.

Подъ лѣвой ногой юноши, изображеннаго въ центрѣ композиціи верхняго фриза, въ орнаментальной полосѣ, украшенной овами, на чертомлыцкой обивкѣ не отпечатались два звена орнамента (полукругъ и черточка). На ильинецкой обивкѣ эти звенья вышли, но какъ разъ мѣсто, гдѣ они находятся, на ней повреждено: орнаментъ прорванъ, и полукругъ съ черточкой отошли вглубь. Если бы обѣ обивки были скопированы съ какого-нибудь третьяго общаго оригинала, овы у нихъ въ указанномъ мѣстѣ должны были бы получиться одинаково. На чертомлыцкой обивкѣ не отпечатались какъ разъ только тѣ звенья орнамента, которыя на ильинецкой находятся на поврежденномъ мѣстѣ. Мы уже видѣли, что авторъ чертомлыцкой обивки вынужденъ былъ при работѣ соблюдать осторожность. Очевидно, замѣтивъ, что данное мѣсто на оригиналѣ повреждено, и, можетъ быть, повредивъ его при отбиваніи копіи самъ, онъ изъ осторожности обошелъ это мѣсто, вслѣдствіе чего полукругъ и черточка въ орнаментальной полосѣ и не отпечатались. Далѣе, на горитѣ изъ Ильинецъ въ украшенной овами каймѣ, раздѣляющей верхній и нижній фризы, есть выемка подъ третьей слѣва фигурой верхняго фриза. Эта выемка можетъ быть только результатомъ также поврежденія горита. Это поврежденіе опять цѣликомъ отпечаталось на чертомлыцкой обивкѣ. Какимъ образомъ могло произойти такое поврежденіе въ видѣ равномѣрной узенькой вырѣзки? Если бы оно явилось на обѣихъ обивкахъ съ какого-нибудь общаго третьяго оригинала, его нельзя было бы объяснить иначе, какъ тѣмъ, что оно было сдѣлано умышленно, но безъ всякой цѣли. Если же, какъ можно думать, чертомлыцкая обивка была выбита съ горита изъ Ильинецъ, происхожденіе этого поврежденія дѣлается вполнѣ понятнымъ. Оно могло очень легко явиться на горитѣ именно при снятіи съ него копіи, такъ какъ подъ тонкой полоской, ограничивающей овы сверху, находилась такая же тонкая рѣзная деревянная полоска,

и немного болѣе сильный ударъ молотка могъ ее сломать, а тогда на ея мѣстѣ и должна была образоваться ровная углубленная полоска. Наконецъ, еще одно обстоятельство можетъ указывать на то, что чертомлыцкая обивка могла быть скопирована съ горита изъ Ильинецъ. Въ верхнемъ фризѣ фонъ между фигурами дѣвушки съ распростертыми руками и сидящаго мужчины на обивкѣ изъ Ильинецъ нѣсколько помятъ. На чертомлыцкой обивкѣ фонъ здѣсь выровненъ отъ руки. Почему? очевидно потому, что на немъ отпечаталась помятость оригинала, что авторъ копіи и исправилъ. Что это было такъ, доказываетъ одна оставшаяся отъ помятости складка, которую авторъ копіи считалъ, очевидно, за линію рисунка. Это—складка, которая является какъ бы продолженіемъ линіи одной изъ ножекъ складного стула, на которомъ сидитъ мужчина со скипетромъ.

Приведенныхъ обстоятельствъ, намъ кажется, достаточно, чтобъ считать весьма вѣроятнымъ, что чертомлыцкая обивка снята съ горита, обивка котораго найдена въ Ильинцахъ.

Къ сказанному можно было бы прибавить еще нѣсколько соображеній. Эти соображенія мы ставимъ, однако, на второй планъ, въ виду того, что они основываются на обстоятельствахъ, значеніе которыхъ можетъ быть легко оспариваемо изъ-за чрезвычайной ихъ мелочности и даже (скажемъ прямо) малой очевидности для всѣхъ и каждаго. Оставить ихъ совершенно безъ вниманія мы однако не считали себя въ правѣ, такъ какъ сдѣланныя нами наблюденія, можетъ быть, все же будутъ не безполезны. Первое соображеніе касается размѣровъ фризовъ и декоративныхъ полосъ на обѣихъ обивкахъ [1]). Какъ длина, такъ и ширина фризовъ и орнаментальныхъ полосъ на чертомлыцкой обивкѣ оказывается нѣсколько (до 1 миллим. прибл.) больше, чѣмъ на ильинецкой. Такъ какъ та же разница у обивокъ наблюдается на всѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть взяты болѣе или менѣе точно, то ясно, что она не случайна и объясняется прекрасно тѣмъ, что чертомлыцкая обивка есть копія съ ильинецкой.

Выше было уже указано, что чертомлыцкая обивка должна была быть сдѣлана не одновременно съ ильинецкой, а немного позже. Если

[1]) Точное сравненіе размѣровъ самихъ обивокъ затрудняется тѣмъ, что объ обивки найдены въ нѣсколько согнутомъ видѣ (особенно на краяхъ). Точное сравненіе величины отдѣльныхъ фигуръ сдѣлать также невозможно, потому что ясно, что, если чертомлыцкая обивка сбита съ горита изъ Ильинецъ, разница въ величинѣ фигуръ у обѣихъ обивокъ не можетъ быть измѣрена, такъ какъ толщина обивокъ менѣе 1 миллиметра.

это такъ, то на обратной сторонѣ первой должны были, конечно, хотя бы и очень слабо, отпечататься пунктирныя украшенія, имѣющіяся въ разныхъ мѣстахъ на второй. Изучая обратную сторону чертомлыцкой обивки, мы замѣтили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣды пунктира, дѣйствительно, сохранились въ видѣ очень неясныхъ рельефныхъ точекъ. Мѣста, гдѣ слѣды пунктира видны яснѣе всего, это—передъ лицомъ стоящей фигуры изъ группы четырехъ женщинъ въ нижнемъ фризѣ и надъ головой послѣдней крайней сидящей фигуры той же группы.

Свое наблюденіе мы сообщили, между прочимъ, О. Ф. Вальдгауэру, Я. И. Смирнову и М. В. Фармаковскому. Я. И. Смирновъ, осмотрѣвъ оригиналъ, заявилъ, что слѣдовъ пунктира на чертомлыцкой обивкѣ онъ нигдѣ не могъ отыскать. Напротивъ, О. Ф. Вальдгауэръ и М. В. Фармаковскій эти слѣды замѣтили. На заказанныхъ нами пяти фотографическихъ снимкахъ съ обратной стороны чертомлыцкой обивки слѣды пунктира, по нашему, хорошо замѣтны, и ихъ видятъ, кромѣ насъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Латышевъ, Л. А. Моисеевъ и др. Въ виду возраженій Я. И. Смирнова, объясняющаго линіи слѣдовъ пунктира на фотогр. снимкахъ случайною игрою свѣтовъ и тѣней, мы еще разъ внимательно разсматривали съ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ оригиналъ и должны сказать, что мы остаемся при своихъ первоначальныхъ заключеніяхъ. Итакъ, рѣшеніе вопроса, очевидно, дѣло будущаго!... Но какъ бы вопросъ ни рѣшился, сути дѣла онъ не измѣняетъ. Если дѣло рѣшится въ положительномъ смыслѣ, то получится только новое и чисто внѣшнее доказательство того, къ чему ведутъ разныя другія соображенія, т. е. что чертомлыцкая обивка есть копія съ ильинецкой, которая, какъ оригиналъ, и имѣетъ значеніе болѣе важное во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ чертомлыцкая [1]).

V.

Значеніе сценъ, изображенныхъ на обивкахъ.

Вновь найденная обивка изъ Ильинецъ проливаетъ новый свѣтъ на значеніе изображенныхъ на горитѣ сценъ, благодаря тому, что она, какъ

---

[1]) Г. Е. Кизерицкій, *Archäolog. Anz.*, XVIII (1903), стр. 83, этого особенно важнаго значенія обивки изъ Ильинецъ совершенно не понялъ.

оригиналъ, передаетъ эти сцены съ полною ясностью и не оставляетъ никакихъ сомнѣній, какъ чертомлыцкая обивка, на которой отсутствіе непосредственности, какъ на всякой копіи, затемняетъ иногда детали, существенныя для пониманія цѣлаго.

Предполагавшіяся до сихъ поръ объясненія сюжетовъ сценъ чертомлыцкой обивки, представленныхъ въ двухъ фризахъ, либо исходили изъ предположенія, что оба фриза должны образовать единую по мѣсту, времени и дѣйствію композицію, либо считали фризы исключительно декоративными, составленными изъ случайно собранныхъ фигуръ и группъ, такими, гдѣ стараться угадать внутреннее содержаніе сценъ—значитъ терять время, и гдѣ изображенныя фигуры преслѣдуютъ одну цѣль—дать чисто внѣшнюю красоту формъ и линій.

Стефани [1]), а за нимъ Швабе [2]), Райэ [3]), Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой [4]) думали, что на горитѣ было представлено аттическое сказаніе объ Алопѣ и Θесеѣ. Фуртвенглеръ [5]), Гаузеръ [6]), А. Н. Шварцъ [7]), Грефъ [8]) и Г. Е. Кизерицкій [9]) усматривали въ композиціяхъ наборъ сценъ декоративнаго, чисто формальнаго характера. Однако, конечно, можно было думать, что сцены, изображенныя на горитѣ, представляютъ заимствованія изъ какой-нибудь одной большой, пользовавшейся извѣстностью композиціи. И вотъ Робертъ [10]) указалъ такую композицію и высказалъ предположеніе, что фризы чертомлыцкой обивки восходятъ въ первоисточникѣ къ картинѣ Полигнота, представлявшей обнаруженіе Ахилла на островѣ Скиросѣ среди дочерей Ликомеда. Объясненіе Роберта принялъ В. К. Мальмбергъ [11]), который старался обосновать его еще новыми

---

[1]) *Отчетъ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1864 г., стр. 147 слл.; *Никопольская ваза*, стр. 7 слл.

[2]) Schwabe, Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres, стр. 20.

[3]) Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 230.

[4]) *Русскія Древности*, II, стр. 144 сл.

[5]) Furtwängler, Der Goldfund von Vettersfelde, *43 Winckelmannspr.*, Brl., 1883, стр. 47, 3.

[6]) Hauser, Die neuattischen Reliefs, стр. 126 сл.

[7]) *Древности*, XV, стр. 6 сл.

[8]) Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 86 слл.

[9]) *Arch. Anz.*, XVIII (1903), стр. 84.

[10]) Robert, *Arch. Anz.*, IV (1889), стр. 151.

[11]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 180 слл.

аргументами [1]). Послѣ критики Роберта и Мальмберга объясненіе сценъ на горитѣ, предложенное Стефани, должно быть оставлено. И Робертъ и Мальмбергъ видѣли, однако, что и при ихъ объясненіи нѣкоторыя фигуры остаются странными или неудачными, а другія — совершенно не связанными съ главными [2]). Однако, Робертъ, а за нимъ и В. К. Мальмбергъ не сомнѣвались въ правильности своего толкованія, а винили во всемъ автора композиціи горита. По В. К. Мальмбергу авторъ горита „не обладалъ творческимъ талантомъ", „не сумѣлъ глубже вникнуть въ сюжетъ", размѣстилъ фигуры совершенно неумѣло. В. К. Мальмбергъ не рѣшается назвать его поэтому даже именемъ художника [3]).

Если Стефани, Робертъ, Мальмбергъ и др. усматривали въ композиціяхъ горита эксцерпты изъ одной большой композиціи, то этому, конечно, способствовало то, что названные ученые относили чертомлыцкую обивку къ V—IV вѣку до Р. Хр.

Роберту казалось, повидимому, что смыслъ сценъ, изображенныхъ на чертомлыцкой обивкѣ, могъ бы быть легче всего разгаданъ, если бы можно было исходить изъ предположенія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рядомъ отдѣльныхъ сценъ, изображающихъ послѣдовательные моменты какого-нибудь одного разсказа, миѳа или т. п. Если Робертъ этого не сдѣлалъ, то именно потому, что композиціи съ изображеніемъ послѣдовательныхъ моментовъ одного разсказа [4]) встрѣчаются въ греческомъ искусствѣ только съ эллинистической эпохи [5]). Мы видѣли, что внѣшнія обстоятельства (керамическія находки въ Чертомлыцкомъ курганѣ) побуждаютъ датировать этотъ курганъ временемъ не ранѣе II в. до Р. Хр. Это обстоятельство заставляетъ сильно сомнѣваться въ правильности датированія чертомлыцкой обивки V—IV вѣками. Прежде, чѣмъ относить чертомлыцкую обивку къ V—IV в. и думать, что во II вѣкѣ могъ быть положенъ въ могилу предметъ

---

[1]) Съ В. К. Мальмбергомъ соглашались и мы въ *Аттической вазовой живописи*, СПб., 1902, стр. 102.

[2]) Ср. Курганъ Карагодеуашихъ, стр. 179.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ср., напр., Robert, Homerische Becher, *50 Winckelmannsprogr.*, стр. 8 слл.; Walters, Catalogue of the vases in the British museum, IV, табл. XVI; *Altertümer von Pergamon*, III, 2: H. Winnefeld, Die Friese des grossen Altars, Brl., 1910, стр. 215 слл., 238 слл.

[5]) Ср. Robert, *Archäolog. Anz.*, IV (1889), стр. 151.

V—IV вѣка [1]), необходимо доказать, что этотъ предметъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть относимъ ко II вѣку.

Датированіе чертомлыцкой обивки V—IV вѣками послѣ находки въ Ильинцахъ встрѣчаетъ затрудненіе еще и потому, что на этой обивкѣ, являющейся, повидимому, оригиналомъ чертомлыцкой, наблюдается такое примѣненіе пунктирныхъ орнаментовъ, которое, какъ мы уже замѣтили, находитъ себѣ аналогію лишь на памятникахъ эллинистическихъ. Ниже мы займемся подробнѣе критикой стиля рельефовъ обивокъ, а теперь пока обратимся къ разсмотрѣнію того, что, дѣйствительно, представляютъ ихъ фигурные фризы. Нельзя ли изъ нихъ самихъ вывести заключеніе, является ли ихъ композиція единою по времени, мѣсту и дѣйствію, или передъ нами рядъ сценъ, не связанныхъ этими единствами, а представляющихъ послѣдовательные моменты одного разсказа, разные эпизоды изъ жизни какого-нибудь героя и т. п.? Послѣднее мы могли бы предполагать тѣмъ болѣе, что есть положительныя указанія на происхожденіе обѣихъ нашихъ обивокъ изъ эллинистической эпохи.

Робертъ и В. К. Мальмбергъ указываютъ, что юноша, обучающій мальчика стрѣльбѣ изъ лука, въ верхнемъ фризѣ и вся группа направо въ нижнемъ—эпизодическія, не имѣющія отношенія къ главной группѣ. Разъ это такъ, то ясно, что на горитѣ сопоставлены совершенно разныя сцены, и ничто не обязываетъ думать, что всѣ онѣ должны непремѣнно составлять большую композицію, единую по времени, мѣсту и дѣйствію.

На обивкѣ изъ Ильинецъ въ нижнемъ фризѣ группа четырехъ женщинъ отдѣляется отъ мужской группы, занимающей правую сторону фриза, рельефной вертикальной разгородкой, представляющей жердь, къ которой прикрѣплены развѣшанныя занавѣси.

Послѣдняя фигура женской группы поставлена спиной къ сидящей мужской, находящейся за разгородкой, направо. Группа, занимающая правую сторону нижняго фриза, такимъ образомъ совершенно выдѣлена въ самостоятельную, и ее нельзя связывать съ женской группой лѣвой половины фриза не только по содержанію, но и по формѣ.

---

[1]) Прекрасно говоритъ о невѣроятности такихъ предположеній В. К. Мальмбергъ, Кург. Карагодеуашхъ, стр. 163 сл.

На эллинистическихъ композиціяхъ, представляющихъ рядъ послѣдовательныхъ сценъ одного разсказа, отдѣльныя сцены раздѣляются одна отъ другой именно только тѣмъ, что крайнія фигуры смежныхъ группъ ставятся другъ къ другу или спиной, или на разныхъ планахъ, или дается понять, что рядомъ стоящія фигуры относятся къ разнымъ сценамъ, какънибудь даже еще проще (иногда, напр., дѣло разъясняютъ только надписи) [1]). Кромѣ указанныхъ группъ, на нашихъ обивкахъ еще двѣ группы, тоже, очевидно, не связанныя другъ съ другомъ по содержанію, раздѣляются подобнымъ же образомъ. Это—первая группа въ верхнемъ фризѣ (юноша съ мальчикомъ) и группа, находящаяся отъ нея направо; мальчикъ первой группы стоитъ спиной къ слѣдующей за нимъ направо женщинѣ, которая повернута къ нему тоже спиной и поставлена на другомъ планѣ.

Далѣе, спинами другъ къ другу поставлены послѣдняя направо фигура женщины и слѣдующая за ней влѣво фигура мужчины въ нижнемъ фризѣ. Эти фигуры явно не связаны между собою и по содержанію. Не гармонируетъ, наконецъ, съ патетической центральной группой верхняго фриза спокойная фигура мужчины на стулѣ, обращенная къ центральной группѣ спиной. Послѣдняя фигура, такимъ образомъ начинаетъ новую самостоятельную группу, не связанную по содержанію съ центральной. Таковою ее считали и Робертъ съ Мальмбергомъ, по мнѣнію которыхъ, эти двѣ фигуры—произвольная вставка, сдѣланная авторомъ горита для заполненія поля выступа горита.

Итакъ, повидимому фризы обивокъ скомпанованы изъ ряда группъ, не связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ дѣйствія. При этомъ группы выдѣляются одна отъ другой такъ, какъ обыкновенно выдѣляются другъ отъ друга группы на эллинистическихъ композиціяхъ, представляющихъ ряды сценъ съ изображеніемъ послѣдовательныхъ моментовъ одного разсказа.

Роберту и В. К. Мальмбергу удалось доказать, что центральная сцена въ верхнемъ фризѣ чертомлыцкой обивки представляетъ обнаруженіе Ахилла на островѣ Скиросѣ среди дочерей Ликомеда. Главное мѣсто занимаетъ Ахиллъ, изображенный въ центрѣ. Онъ представленъ вскочившимъ со стула, на которомъ до сихъ поръ сидѣлъ, и правою рукою хватающимъ, повидимому, короткій мечъ, который лежитъ на колѣняхъ сидящаго на стулѣ юноши, изображеннаго отъ Ахилла налѣво.

[1]) Ср. напр., Robert, Homer. Becher, стр. 51.

Нижній женскій хитонъ, подъ которымъ онъ скрывался у Ликомеда [1]), уже сброшенъ и лежитъ на стулѣ. Лѣвою рукою Ахиллъ готовъ сбросить развѣвающійся плащъ, который слегка закрываетъ его фигуру, чтобы предстать въ полной наготѣ героя [2]). Въ юношѣ, который обѣими руками хватаетъ обнаруженнаго Ахилла, надо, по нашему мнѣнію, усматривать не Діомеда, какъ думали Робертъ и Мальмбергъ, а хитроумнаго Одиссея [3]). Именно Одиссей нахожденіе Ахилла у Ликомеда считалъ одною изъ своихъ главныхъ заслугъ передъ греками, такъ какъ было предсказано, что безъ Ахилла не могла быть взята Троя. У Овидія Одиссей, разсказывая, какъ ему удалось обнаружить Ахилла, отмѣчаетъ, что подвиги Ахилла обязаны ему: *„Ergo opera illius mea sunt“*, *„подвиги, значитъ, его всѣ—мои“* [4]).

Версія миѳа [5]), которую передаетъ Овидій (Превр., XIII, 162 слл.), близка къ той, которую передаютъ рельефы нашихъ обивокъ. Явившись къ Ликомеду подъ видомъ странника-торговца (оттого, можетъ быть, Одиссей изображенъ съ закинутымъ на голову гиматіемъ) и предложивъ для покупки женщинамъ разную женскую утварь, Одиссей примѣшалъ къ ней оружіе, „чтобы тронуть сердце мужчины“. Ахиллъ, одѣтый еще въ женское платье, беретъ оружіе [6]). Тогда Одиссей произноситъ слова, обращаясь къ одѣтому по-женски Ахиллу: *„О рожденная богиней, Пергамъ ждетъ отъ тебя гибели“; „что жъ сокрушитъ великую медлишь ты Трою?“*. Послѣ этого Ахиллъ сбрасываетъ дѣвическую одежду [7]) и показываетъ, что онъ мужчина, а Одиссей тогда налагаетъ на него руки, чтобы взять „храбраго на подвиги храбрыхъ“:

---

[1]) Ср. Овидій, Превращенія, XIII, 102 слл.

[2]) Робертъ и В. К. Мальмбергъ правильно поняли смыслъ фигуры, и имъ напрасно возражаетъ Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 93.

[3]) На обивкѣ изъ Ильинецъ голова фигуры помята, и по лицевой сторонѣ кажется, что у Одиссея длинные волосы. Обратная сторона обивки не оставляетъ сомнѣнія, что у Одиссея короткіе волосы, какъ у юноши, обучающаго мальчика стрѣльбѣ, въ верхнемъ фризѣ.

[4]) Превращенія, XIII, 170 слл.

[5]) О различныхъ версіяхъ миѳа ср. у В. К. Мальмберга, Кург. Карагодеуашхъ, стр. 184, и у Escher, у Pauly-Wissowa, Real-Encyklop., I, стр. 225 слл., 241 слл.

[6]) У Овидія говорится о щитѣ и копьѣ, на нашихъ обивкахъ, вмѣсто того, видимъ короткій мечъ.

[7]) Ср. у Овидія (XIII, 166 слл.): *„projecerat heros virgineos habitus“*.

«*Nata dea.... quid dubitas ingentem evertere Trojam?*
Injecique manum fortemque ad fortia misi».

Главный моментъ у Овидія и на нашихъ обивкахъ вполнѣ совпадаетъ: при видѣ оружія и возбужденный словами Одиссея, Ахиллъ сбрасываетъ дѣвичьи одежды и обнаруживаетъ въ себѣ героя, готоваго на подвиги храбрыхъ. Мечъ представленъ на обивкахъ не лежащимъ на колѣняхъ Одиссея, а Ахиллъ не хватающимъ его, какъ объяснялось раньше. На обивкахъ представленъ моментъ, когда Одиссей схватываетъ обнаружившагося Ахилла за правую руку, въ которой тотъ держалъ уже мечъ.

Никакихъ предметовъ женской утвари на обивкахъ не представлено [1]), какъ ихъ часто не бываетъ и на другихъ дошедшихъ до насъ изображеніяхъ миѳа [2]).

Если у Овидія Одиссей, обращаясь къ Ахиллу, называетъ его „nata dea“, „рожденная богиней“, то, очевидно, версія миѳа Овидія предполагаетъ у Ахилла, кромѣ женскихъ одеждъ, и общій женскій обликъ, и прежде всего прическу. Уже Робертъ указалъ, что на чертомлыцкой обивкѣ Ахиллъ представленъ съ женскими длинными, расчесанными на двѣ стороны волосами. Такая же прическа у Ахилла и на обивкѣ изъ Ильинецъ.

Направо отъ Ахилла изображена женщина съ коротко остриженными волосами, что указываетъ, что эта женщина—низшаго ранга, служанка или кормилица. Она представлена сидящею на скамьѣ, на которой положенъ еще тюфякъ въ видѣ набитаго мягкимъ мѣшка. Женщина удерживаетъ убѣгающую дѣвушку, распростертыя руки которой указываютъ на величайшее волненіе. Робертъ и В. К. Мальмбергъ правильно видятъ въ этой дѣвушкѣ Деидамію, дочь Ликомеда, имѣвшую отъ Ахилла сына Неоптолема, а въ сидящей женщинѣ—ея служанку или кормилицу. Мы не можемъ согласиться только съ названными учеными въ томъ, что Деидамія стремится убѣжать потому, что „открылась ея тайна“. Дѣвушка испугалась, конечно, воинскаго возбужденія Ахилла, объявшей его „маніи Ареса“. Судьба должна ихъ теперь разлучить навѣки: Ахиллъ готовъ бросить все и идти на войну, гдѣ его ждетъ, какъ предсказано, смерть.

[1]) Ср. Мальмбергъ, Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 180.

[2]) Ср. Löhr, *Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich*, XIII (1890), стр. 168 слл.

Направо отъ Одиссея представлены двѣ женщины, изъ которыхъ одна сидитъ, а другая стоитъ; первая, можетъ быть, сама царица, супруга Ликомеда, вторая—одна изъ его дочерей. На высокій рангъ первой указываетъ ея стулъ особенной формы, напоминающій стулъ главной женской фигуры нижняго фриза. Царица ласкаетъ приникшаго къ ея груди мальчика, который тоже, повидимому, находится въ волненіи и испугѣ отъ всего происшедшаго, и старается его успокоить. Ничто, повидимому, не мѣшаетъ усматривать въ этомъ мальчикѣ сына Ахиллова Неоптолема, который постоянно изображается въ сценахъ обнаруженія Ахилла [1]).

Двѣ фигуры, заполняющія правый конецъ верхняго фриза, уже Робертъ и Мальмбергъ считали не принадлежащими къ композиціи, представляющей обнаруженіе Ахилла. Дѣйствительно, и мужчина со скипетромъ, и юноша ни мало не обнаруживаютъ волненія, которымъ охвачены всѣ фигуры композиціи съ изображеніемъ Ахилла. Мужчина обратилъ свои взоры даже въ другую сторону. Художнику, очевидно, было бы не трудно повернуть эту фигуру иначе. Если онъ этого не сдѣлалъ, то, конечно, умышленно. Соглашаясь съ Робертомъ и Мальмбергомъ, что обѣ эти фигуры не имѣютъ отношенія къ сценѣ обнаруженія Ахилла, мы не можемъ принять ихъ предположеніе, что это—фигуры чисто декоративныя, неудачно вставленныя лишь для заполненія пространства на верхнемъ выступѣ горита [2]). Нѣкоторое сходство мотивовъ этихъ фигуръ съ мотивами фигуръ въ правой половинѣ нижняго фриза не обязываетъ къ такому заключенію; оно можетъ объясняться сходствомъ дѣйствія и ситуаціи въ обѣихъ композиціяхъ. Во всякомъ случаѣ съ фигуры мужчины со скипетромъ начинается какая-то новая сцена. Робертъ и Мальмбергъ указали вполнѣ правильно на то, что группа четырехъ женщинъ въ нижнемъ фризѣ, не связанная съ мужскою группой нижняго фриза, занимаетъ странное положеніе на горитѣ и, взятая одна, является какъ-бы безъ содержанія. Вполнѣ правильно названные ученые указали и на то, что группа эта, будучи связана съ фигурами верхняго фриза, пріобрѣтаетъ значеніе. Мастеръ горита копировалъ, очевидно, какую-то композицію, гдѣ группа четырехъ женщинъ не занимала того страннаго положенія,

[1]) Ср., напр., Baumeister, Denkmäler des klass. Altertums, I, стр. 6, рис. 7.
[2]) Ср. Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 179.

которое она занимаетъ на горитѣ. Робертъ и В. К. Мальмбергъ, считавшіе послѣднія двѣ фигуры верхняго фриза справа за вставку мастера горита, думали, что нижняя группа изъ четырехъ женщинъ въ оригинальной композиціи, съ которой авторъ рельефовъ горита копировалъ, занимала мѣсто непосредственно вправо за фигурой Деидаміи, и что, такимъ образомъ, она принадлежитъ композиціи обнаруженія Ахилла. Не считая возможнымъ усматривать въ двухъ фигурахъ верхняго фриза произвольныя вставки, мы соединяемъ съ ними четыре женскихъ фигуры нижняго фриза, и намъ кажется, что такимъ образомъ получается новая законченная сцена. Нельзя не обратить вниманія на сходство типа юноши на правомъ концѣ верхняго фриза съ типомъ Ахилла. Интересно, что у юноши длинные волосы, расчесанные, какъ у женщинъ, на двѣ стороны. Наоборотъ у юноши, обучающаго мальчика стрѣльбѣ изъ лука, волосы—обычные, короткіе.

Юноша въ мужской группѣ нижняго фриза изображенъ опять съ такой же прической и въ томъ же типѣ, какъ Ахиллъ. Конечно, это не случайно. Въ трехъ, очевидно разныхъ, сценахъ на горитѣ повторяется одна фигура, въ которой все заставляетъ усматривать Ахилла. Итакъ, предъ нами—типичная для эллинистической эпохи композиція съ рядомъ сценъ, связанныхъ единствомъ дѣйствующаго лица! На горитѣ, очевидно, представленъ рядъ сценъ изъ жизни Ахилла. Обыкновенно ряды сценъ, относящихся къ одному разсказу, въ эллинистическомъ искусствѣ, какъ мы уже указали выше, представляютъ различные послѣдовательные моменты его.

Сцена, которую намъ удалось до сихъ поръ опредѣлить, изображаетъ обнаруженіе Ахилла Одиссеемъ на Скиросѣ среди дочерей Ликомеда. Разсказывалось, что по обнаруженіи на Скиросѣ Ахиллъ послѣдовалъ въ Трою вмѣстѣ съ открывшими его героями [1]). На вазахъ [2]) изображается часто отправленіе Ахилла со Скироса и прощаніе его съ семействомъ Ликомеда. Эту сцену мы и усматриваемъ на нашихъ обивкахъ въ двухъ фигурахъ на правой сторонѣ верхняго фриза и четырехъ женскихъ фигурахъ нижняго. На вазахъ сцена проводовъ Ахилла изображается по весьма распространеной схемѣ проводовъ воина или вооруженія его

---

[1]) Ср Escher y Pauly-Wissowa, Real-Encyklop., I, 226.
[2]) Ср. Löhr, *Arch.-epigr. Mitth. aus Oesterreich*, XIII, стр. 168 слл.

передъ походомъ въ кругу родственниковъ. Иногда собирающійся въ походъ воинъ изображается сидящимъ среди родныхъ и близкихъ [1]).

Въ центрѣ сцены сидитъ на возвышеніи почвы Ахиллъ. На немъ наброшенъ гиматій,—костюмъ, въ которомъ онъ отправится въ путь (ср. такой же костюмъ у странника Одиссея въ предыдущей сценѣ). Въ правой рукѣ Ахиллъ держитъ мечъ; около Ахилла лежатъ щитъ и шлемъ. Противъ Ахилла сидитъ на складномъ креслѣ Ликомедъ. Гиматій закрываетъ лишь нижнюю часть его фигуры. Скипетръ характеризуетъ его, какъ царя [2]). Мѣсто дѣйствія, очевидно,—подъ открытымъ небомъ, передъ дворцомъ, который, по распространенной схемѣ эллинистическаго искусства, характеризованъ на обивкѣ изъ Ильинецъ развѣшанными занавѣсами [3]).

Въ оригинальной композиціи, съ которой авторъ горита заимствовалъ свои группы, дворецъ находился, можетъ быть, нѣсколько ниже фигуръ Ликомеда и Ахилла, и пустое пространство подъ Ахилломъ и щитомъ могло быть хорошо заполнено сидящими женщинами. Женщинъ, изображенныхъ у занавѣсей, по имѣющимися аналогіямъ, надо, конечно, представлять находящимися внутри дворца и оттуда смотрящими въ печали на Ахилла [4]). Общее расположеніе фигуръ на оригинальной композиціи могло быть такое, какое мы часто встрѣчаемъ на вазахъ, гдѣ фигуры, изображенныя нѣсколько выше и наискось отъ другихъ, условно представляются находящимися передъ этими послѣдними [5]), или на разныхъ эллинистическихъ рельефахъ [6]). Особенно интересно группу

[1]) Tischbein, Collection of engravings from ancient vases, Naples, 1791—1795, V, табл. 76. (S. Reinach, Répertoire des vases peints, II, Paris, 1900, стр. 353).

[2]) Ср. фигуру Ликомеда на вазѣ, изд. въ *Отчетѣ Имп. Арх. Ком.* за 1874 г., табл. III; ср. Löhr, *Oesterr. Mitth.*, XIII, стр. 173.

[3]) Ср. Robert, Homerische Becher, *50 Winckelmannsprogramm*, Brl., 1890, стр. 26; Schreiber, Die Wiener Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani, стр. 25, рис. 11; Hellenistische Reliefbilder, Lpz., 1894, табл. XXXIX, XL, LX, LXXIII, XCVI; Springer-Michaelis, Handb. d. Kunstgesch., I, 1911, стр. 381, рис. 69; ср. римскія композиціи сценъ взятія Трои, стоящія, вѣроятно, подъ вліяніемъ эллинистическаго художника Ѳеона, ср. L. v. Sybel, Weltgeschichte der Kunst im Altertum, стр. 299 и 405 съ приведенной литературой (къ которой надо добавить Löhr, *Oesterr. Mitth.*, XIII, стр. 174 слл.), Baumeister, Denkm., I, стр. 15, 17; табл. XIII, 775; III, стр. 1765, 1849.

[4]) Ср. композицію съ изображеніемъ пріема Пріама Ахилломъ, Baumeister, Denkm., I, т. XIII, 775.

[5]) Ср. для примѣра *Monumenti dell'Instituto*, Supplem., табл. XXI; *Museo Italiano* III, табл. 1; *Mon. dell'Instit.*, IV, табл. 48 (S. Reinach, Répert. des vases, I, 132); Baumeister, Denkmäler, II, стр. 1, 117, рис. 13—14.

[6]) Ср. Schreiber, Hellenistische Reliefbilder, Lpz., 1894, табл. X.

на обивкахъ сравнить съ группой налѣво во второмъ ряду сверху на извѣстномъ рельефѣ Архелая изъ Пріены [1]).

Любопытно отмѣтить, что, какъ въ сценѣ обнаруженія Ахилла, такъ и здѣсь изображены четыре женщины. Одна изъ нихъ, съ матрональными формами, сидитъ опираясь на двухъ другихъ. Конечно, это—царица. Какъ и въ предыдущей сценѣ, царица сидитъ не на простомъ стулѣ, а на табуретѣ, поставленномъ на особую подставку. Стоящая женщина съ короткими волосами, конечно, служанка [2]). Двѣ другія дѣвушки—дочери Ликомеда, и сидящая около служанки, вѣроятно, Деидамія. Въ отличіе отъ другихъ у нея вѣнокъ на головѣ. Нѣсколько необычнымъ является ея одѣяніе—гиматій, оставляющій не прикрытою ея грудь, но эта вольность объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что женщины изображены находящимися внутри дворца, въ гинекеѣ (женской половинѣ дома).

Въ сценѣ, занимающей правую половину нижняго фриза, центральной фигурой является опять Ахиллъ. Онъ сидитъ на низкомъ табуретѣ. Гиматій только отчасти закрываетъ его фигуру. На полу передъ Ахилломъ лежатъ щитъ и шлемъ. Но что Ахиллъ держитъ въ рукахъ? Предметы эти изображены неясно на обѣихъ обивкахъ. Ясно, однако, что предметъ въ правой рукѣ—не мечъ, а въ лѣвой рукѣ—не ящикъ, какъ обыкновенно думаютъ [3]). Фигура Ахилла не представляетъ полнаго повторенія фигуры его же въ верхнемъ фризѣ. Картина одной апулійской вазы, которую Винкельманъ [4]) изучалъ въ Ватиканской библіотекѣ и которая нынѣ находится въ Луврѣ, въ Парижѣ [5]), можетъ дать указанія насчетъ того, что держитъ въ рукахъ Ахиллъ. На вазѣ представлена сцена вооруженія Ахилла. Онъ изображенъ сидящимъ, какъ на нашихъ обивкахъ, на низкомъ табуретѣ и въ такомъ же одѣяніи. Поворотъ фигуры Ахилла на вазѣ тоже такой, какъ на нашихъ обивкахъ; только положеніе рукъ нѣсколько иное. Какъ вѣрно уже видѣлъ Винкельманъ, и какъ совершенно ясно видно на оригиналѣ теперь [6]), Ахиллъ держитъ

---

[1]) Watzinger, Das Relief des Archelaos v. Priene, *63 Winckelmannspr.*, Brl., 1903, табл. I; Springer-Michaelis, Handb. d. Kunstgesch. I, стр. 406, рис. 750.

[2]) Интересенъ ея костюмъ съ накинутымъ на голову капюшономъ.

[3]) Ср. Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 90.

[4]) Winckelmann, Monumenti inediti, I, Roma, 1767, табл. 131; II, стр. 171 сл., capitolo XII; ср. Opere, tavole, CXXXV, 309.

[5]) S. Reinach, Peintures de vases recueillies par Millin, I, табл. 14; стр. 12 сл.

[6]) Ср. S. Reinach, ук. соч., стр. 13, гдѣ см. и литературу.

въ правой рукѣ кнемиду (поножь). Другая кнемида изображена висящею на стѣнѣ на правомъ краю композиціи. По сторонамъ Ахилла стоятъ три героя и одинъ сидитъ на правой сторонѣ. На нашихъ обивкахъ по сторонамъ Ахилла изображены также герои, два стоящихъ и одинъ сидящій на роскошномъ креслѣ, тронѣ. Поза героя, стоящаго налѣво отъ Ахилла и опирающагося на посохъ, чрезвычайно напоминаетъ позу Одиссея, стоящаго налѣво отъ Ахилла на вазѣ. Внизу вазовой картины видимъ Ѳетиду на гиппокампѣ въ сопровожденіи нереиды; она держитъ въ рукахъ панцырь, предназначенный для Ахилла. Близость общей композиціи и ряда мотивовъ на вазовой картинѣ къ композиціи и мотивамъ фигуръ на обивкахъ не случайна. Конечно, это были обычныя формы, установившіяся въ греческомъ искусствѣ для изображенія вооруженія Ахилла на славный бой его съ Гекторомъ [1]). Итакъ, вѣроятнѣе всего на обивкахъ сцена на правой сторонѣ нижняго фриза представляетъ тоже вооруженіе Ахилла на бой съ Гекторомъ. Въ этой сценѣ Ахиллъ обыкновенно изображается сидящимъ [2]). Въ Иліадѣ [3]) Ахиллъ предъ вооруженіемъ на бой предается печали по погибшемъ Патроклѣ. Въ рукахъ у Ахилла скорѣе всего надо усматривать кнемиды, которыя въ Иліадѣ [4]) герой надѣваетъ на ноги прежде всего. На вазѣ коллекціи Jatta въ Руво [5]) съ изображеніемъ нереидъ, несущихъ оружіе Ахиллу, одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ пару кнемидъ. Рисунокъ кнемидъ аналогиченъ ихъ рисунку на обивкахъ. Манера, какъ Ахиллъ держитъ кнемиду въ лѣвой рукѣ, напоминаетъ манеру держанія кнемидъ тою же нереидой [6]). Мотивъ правой руки съ кнемидой у Ахилла на обивкахъ представляетъ варіацію мотива на Луврской вазѣ. Оружіе, лежащее на полу, и въ томъ числѣ шлемъ, изображено по Иліадѣ; оружіе это принесено было Ахиллу Ѳетидой [7]). Героевъ, которые окружаютъ Ахилла, тоже не трудно назвать

[1]) Повидимому, композиція эта является варіаціей очень распространенной композиціи, изображающей посольство къ Ахиллу, напр., *Wiener Vorlegeblätter*, сер. C, табл. 6. Ср. Robert, *Arch. Ztg.*, XXXIX (1881), 137 слл.; Bild und Lied, 95 слл., 112.

[2]) Ср. *Monum. dell' Inst.*, XI, табл. VIII; C. Smith, Catalogue of the vases in the British museum, III, 363; S. Reinach, Répert. d. vases, I, 220, 4—5.

[3]) XIX, 301 слл.

[4]) XIX, 369: «κνημῖδας μὲν πρῶτα περὶ κνήμῃσιν ἔθηκεν», «прежде всего наложилъ онъ на голени латы ножныя» (перев. Н. М. Минскаго).

[5]) *Monum. dell' Inst.*, III, табл. XX; Heydemann, Nereiden mit den Waffen des Achill, Halle, 1879, табл. V, 1; S. Reinach, Répert. d. vases, I, 112, 1—3.

[6]) Ср. также Heydemann., ук. соч., табл. II и III; *Monum. dell' Inst.*, III, табл. XIX.

[7]) Ил., XIX, 3, 12, 380.

по именамъ, такъ какъ и они, очевидно, изображены по Иліадѣ. Ѳетида, принеся оружіе Ахиллу, совѣтуетъ ему созвать героевъ, отречься отъ гнѣва на Агамемнона и затѣмъ идти въ бой [1]). На зовъ Ахилла являются сначала Одиссей и Діомедъ, оба раненые; они хромаютъ и опираются на копья [2]). Затѣмъ является самъ Агамемнонъ, тоже страдающій отъ раны [3]). Съ нимъ происходитъ у Ахилла примиреніе, послѣ чего Ахиллъ вооружается на бой съ Гекторомъ [4]). Въ дѣлѣ примиренія Ахилла съ Агамемнономъ видную роль играетъ Одиссей [5]). На нашей обивкѣ, по всей вѣроятности, и представлено примиреніе Ахилла съ Агамемнономъ и вооруженіе Ахилла въ доспѣхи, принесенные ему Ѳетидой. Въ сидящей на тронѣ фигурѣ со скипетромъ надо усматривать Агамемнона [6]). Жестъ его закинутой на голову лѣвой руки типиченъ для фигуръ мирнаго, спокойнаго настроенія. Это указываетъ, что примиреніе уже состоялось. Налѣво отъ Ахилла стоитъ, конечно, Одиссей [7]), направо—Діомедъ. Оба они опираются на палки [8]) и хромаютъ вслѣдствіе ранъ.

Кого представляетъ женщина на правомъ концѣ нижняго фриза? Обыкновенно ее считали нянькой, уносящей на рукахъ спеленаннаго младенца, относили къ сценѣ обнаруженія Ахилла и въ младенцѣ видѣли Неоптолема [9]). Поставленная спиной къ мужской фигурѣ, заканчивающей предыдущую сцену, и такимъ образомъ выдѣленная изъ предыдущей

---

[1]) Ил. XIX, 34 слл.

[2]) XIX, 47 слл.

[3]) XIX, 51 слл.

[4]) XIX, 66 слл., 137 слл., 195 слл., 364 слл.

[5]) XIX, 216 слл., 238 слл.

[6]) Агамемнонъ для характеристики своего высокаго положенія изображенъ сидящимъ на богато украшенномъ тронѣ. По Иліадѣ (I, 278 слл.) «никто изъ царей скиптродержцевъ, прославленныхъ Зевсомъ, чести подобной, какъ онъ (Агамемнонъ), никогда не стяжалъ себѣ въ долю». Такъ же на тронѣ изображенъ Агамемнонъ на одномъ «гомеровскомъ» кубкѣ, гдѣ по ситуаціи тронъ не требовался (представлены сцены изъ Ифигеніи въ Авлидѣ Еврипида), и гдѣ онъ служитъ лишь для характеристики Агамемнона. Ср. Robert, Homerische Becher, стр. 51.

[7]) Ср. вазовыя картины *Wiener Vorlegeblätter*, ser. C, табл. 6; S. Reinach, Peintures de vases antiques rec. par Millin, I, табл. 14, стр. 13.

[8]) Никогда на античныхъ пластическихъ композиціяхъ мы не видимъ буквальнаго совпаденія всѣхъ деталей съ тѣми, которыя имѣются въ текстахъ, извѣстныхъ изъ литературы. Античные художники никогда не были иллюстраторами миѳовъ въ современномъ значеніи этого слова. Ср. Robert, Bild und Lied, введеніе. Такимъ образомъ насъ не должно удивлять, что въ Иліадѣ (XIX, 49) Одиссей и Діомедъ опираются на копья (ἔγχει ἐρειδομένω), а на обивкахъ—на палки. Важно совпаденіе общаго мотива, т. е. то, что герои изображены ранеными, хромающими, не могущими стоять безъ опоръ.

[9]) Ср. В. К. Мальмбергъ, Кург. Карагод., стр. 180.

группы, фигура эта безъ натяжекъ не можетъ быть связана съ предыдущей сценой [1]). Считать, что въ рукахъ у женщины ребенокъ, невозможно. Нельзя найти ни одного античнаго изображенія ребенка, гдѣ бы онъ былъ совершенно закрытъ, и гдѣ бы не была обозначена голова. Прежде, чѣмъ дать то или другое объясненіе, замѣтимъ, что въ общей композиціи эта одиночная фигура съ какимъ-то загадочнымъ предметомъ въ рукахъ соотвѣтствуетъ такой же одиночной фигурѣ юноши съ мальчикомъ на правомъ концѣ верхняго фриза. Эта группа начинаетъ циклъ сценъ, изображенныхъ на обивкахъ, а женская фигура, несущая неизвѣстный предметъ, заканчиваетъ его. Главную роль въ первой группѣ играетъ, конечно, мальчикъ, котораго юный герой обучаетъ пріемамъ стрѣльбы изъ лука. На землѣ у холмика, на которомъ стоитъ мальчикъ, лежитъ щитъ. Щитъ, конечно, относится къ этой группѣ, такъ какъ дѣвушка слѣдующей сцены обращена къ нему спиной и частью его заслоняетъ. По аналогіи съ извѣстныхъ малымъ фризомъ пергамскаго алтаря, на которомъ представленъ циклъ сценъ, относящихся къ жизни пергамскаго героя Телефа [2]), мы можемъ предполагать, что на рельефахъ нашихъ обивокъ, три сцены которыхъ, какъ мы уже видѣли, иллюстрируютъ различные послѣдовательные эпизоды изъ жизни Ахилла, былъ представленъ законченный циклъ сценъ, относящійся къ жизни этого героя. Въ такомъ случаѣ первая сцена должна относиться къ дѣтству Ахилла. Очевидно, мальчикъ въ первой группѣ — Ахиллъ. Его какой-то герой обучаетъ военному дѣлу. Рядомъ съ преданіемъ, что Ахилла обучалъ военному дѣлу Хиронъ [3]), существовало другое, по которому Ахиллъ воспитывался въ домѣ отца своего Пелея [4]). Въ Иліадѣ [5]) указывается еще, что Пелей поручилъ воспитаніе ребенка Ахилла и обученіе его военному дѣлу юному тогда Финику. Итакъ, въ юношѣ, обучающемъ

---

[1]) Сначала намъ казалось, что фигуру можно понимать, какъ несущую какой-нибудь предметъ вооруженія (ср., напр., *Altertümer von Pergamon*, III, 2: Winnefeld, Die Friese des grossen Altars, табл. XXXIV, 1; *Monum. dell' Inst.*, III, табл. 20; *Annali dell' Inst.*, 1858, табл. Q, все фигуры, несущія панцырь), и считать Ѳетидой, относя ее къ предыдущей сценѣ. Н. И. Веселовскій обратилъ наше вниманіе на движеніе фигуры въ другую сторону. Далѣе, предметъ, который несетъ женщина, совершенно закрытъ; оружіе обыкновенно не закрывается.

[2]) *Altertümer von Pergamon*, III, 2: Winnefeld, Die Friese des grossen Altars, 155 слл.

[3]) Escher у Pauly-Wissowa, Real-Encyklop., I, 225.

[4]) *Иліада*, I, 396; XVIII, 57 сл., 436 слл.

[5]) IX, 440, 485.

Ахилла стрѣльбѣ, можно усматривать если не самого Пелея, то Финика. То, что рядомъ изображено обнаруженіе Ахилла на Скиросѣ, говорило бы скорѣе за Пелея, такъ какъ нашъ художникъ слѣдовалъ, очевидно, Аполлодоровой версіи миѳа [1]), по которой Ахиллъ уже девятилѣтнимъ былъ отправленъ Ѳетидою на Скиросъ. По версіи Иліады Пелей отправляетъ Ахилла-юношу съ Финикомъ въ Аргосъ къ Агамемнону. Но вполнѣ возможно, что нашъ художникъ соединяетъ обѣ версіи миѳа. Какъ бы то ни было, ясно, что первая сцена на горитѣ изображаетъ обученіе мальчика-Ахилла обращенію съ оружіемъ. Воспитатель обращаетъ, повидимому, вниманіе на то, чтобы ребенокъ держалъ прямо ноги. Любопытно указать на описаніе одной картины, изображавшей воспитаніе ребенка-Ахилла у Филострата [2]): *„Хотя Ахиллъ еще нѣжнаго сложенія, но онъ отваженъ и уже хорошо держится на ногахъ; ноги мальчика уже стройны“*. Пониманіе ребенка-Ахилла на нашихъ обивкахъ, очевидно, такое же. Авторъ желалъ представить будущаго героя.

Если первая сцена на обивкахъ относится къ дѣтству Ахилла, то послѣдняя, очевидно, должна касаться его смерти. На пергамскомъ фризѣ послѣдняя сцена изображала погребеніе Телефа [3]). Тѣло Ахилла было торжественно сожжено на кострѣ [4]). По Проклу [5]) Ѳетида беретъ останки сына и уноситъ ихъ на островъ Левку, въ невѣдомую далекую страну, гдѣ малоазійскіе греки, и прежде всего милетяне, помѣщали страну блаженныхъ [6]). По Пиндару [7]) Ѳетида получаетъ изволеніе Зевса перенести сына на острова блаженныхъ, гдѣ живутъ Хроносъ, Радаманѳій, Кадмъ и Пелей. Намъ кажется возможнымъ предполагать въ женщинѣ, изображенной на обивкахъ, Ѳетиду. Богиня [8]) нѣжно, какъ ребенка, держитъ въ рукахъ совершенно прикрытые останки сына-героя, можетъ быть заключенные въ урну, и уноситъ ихъ въ далекую страну блаженныхъ.

---

[1]) Ср. Pauly-Wissowa, Real-Encykl., I, 226.

[2]) *Картины*, II, 2.

[3]) См. Winnefeld, ук. раб., Beilage, 7, фиг. 51 (реконструкція Шрадера).

[4]) Ср. *Одиссея*, XXIV, 43 слл.

[5]) Ср. Escher у Pauly-Wissowa, Real-Enc., I, 239.

[6]) Ср. Escher, ук. ст., 240.

[7]) *Olympia*, II, 78 слл.

[8]) Фигура ея напоминаетъ фигуры печальныхъ женщинъ на извѣстномъ саркофагѣ изъ Сидона. Ср. Hamdy-bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, табл. VI—XI; Collignon, Histoire de la sculpture grecque, II, Paris, 1897, стр. 401 слл.

Итакъ, рельефы обивокъ представляютъ рядъ послѣдовательныхъ сценъ изъ жизни Ахилла, который всегда былъ у грековъ идеаломъ элегантной силы и олицетвореніемъ прекрасной юности, настоящимъ идеаломъ героя-воина.

Зная впередъ о своей вѣрной гибели подъ Троей [1]), Ахиллъ страстно рвется въ бой, и никакія силы удержать его не могутъ [2]). Онъ добровольно и свободно идетъ въ битву, потому что воинскій пылъ—сущность его натуры [3]), потому что онъ воинъ въ душѣ, и слава—единственно, чѣмъ онъ дорожитъ. Жизнь Ахилла—это жизнь героя, жизнь славы:

. . . . Смерти богиню
Встрѣчу, когда лишь угодно Зевесу и прочимъ безсмертнымъ...
Лягу сраженный, но раньше добуду великую славу,

—говоритъ Ахиллъ въ Иліадѣ (XVIII, 116, 121).

Нельзя не замѣтить, что выборъ сценъ изъ жизни Ахилла на нашихъ обивкахъ не случайный. Выбраны тѣ моменты, гдѣ играетъ роль оружіе. Весь циклъ сценъ (разумѣется, кромѣ послѣдней) прославляетъ оружіе. Герой владѣетъ оружіемъ съ дѣтства! Увидѣвъ оружіе, Ахиллъ заражается настоящей „манiей Ареса“, онъ бросаетъ все, оставляетъ домъ Ликомеда, идя на вѣрную погибель подъ Трою, чтобы только добыть себѣ славу! Взглянувъ на оружіе, принесенное Ѳетидой, Ахиллъ

Сущей наполнился злобы и жажды сражаться. Какъ пламя,
Свѣтлыя очи его подъ рѣсницами грозно сверкнули [4]).

Ахиллъ палъ, но волею Зевса доблестный герой награжденъ блаженствомъ въ странѣ, куда его останки перенесены были матерью-богиней.

Рельефы нашихъ обивокъ—гимнъ герою и апоѳеозъ оружія, которое создаетъ героя. Оружіе даетъ имя и славу герою, даетъ истинное блаженство.

И по смерти ты именемъ живъ, Ахиллесъ, и навьки
Слава твоя сохранится во всѣхъ на земль поколѣніяхъ...
Сынъ Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты завидно былъ счастливъ!

---

[1]) *Іліада*, IX, 410 слл.
[2]) *Іліада*, XVIII, 126; XIX, 148.
[3]) Ср. Аристотель, *Ритор.*, II, 22.
[4]) *Іліада*, XIX, 16 сл.

—говоритъ тѣнь Агамемнона тѣни Ахилла въ Одиссеѣ (XXIV, 93 сл., 36). Удѣлъ героя — слава, это высшее счастье, которое можетъ даровать смертнымъ Судьба.

Вотъ идеи рельефовъ нашихъ обивокъ. Рельефы имѣютъ глубокое, прекрасное символическое значеніе. Они — выраженное въ образахъ пожеланіе славы герою обладателю горита. Рельефы удивительно подходятъ къ предмету, который украшаютъ. Авторъ ихъ былъ настоящимъ мастеромъ, истиннымъ художникомъ и, внѣ сомнѣній, эллиномъ. До того всѣ его идеи и чувства эллинскія!

VI.

Стиль главныхъ фризовъ, украшающихъ обивки.

Наиболѣе близкую аналогію по манерѣ композиціи фризамъ на нашихъ обивкахъ, или, быть можетъ, лучше сказать, фризу, послужившему имъ оригиналомъ, представляютъ, какъ мы уже нѣсколько разъ замѣтили, эллинистическіе фризы съ изображеніемъ послѣдовательныхъ сценъ одного разсказа и прежде всего пергамскій фризъ, иллюстрирующій эпизоды изъ жизни Телефа. Какъ на немъ [1]), такъ и на нашихъ обивкахъ группы не одинаковы по величинѣ. Крайнія группы меньше среднихъ, которыя состоятъ изъ бо̀льшаго числа фигуръ. Конечно, и при нашемъ объясненіи сценъ группу четырехъ женщинъ въ нижнемъ фризѣ нельзя назвать удачной, но все же она менѣе шокируетъ, чѣмъ при всякомъ иномъ, и не мѣшаетъ общему художественному впечатлѣнію. Эта группа безусловно указываетъ на несамостоятельность композиціи автора нашихъ обивокъ. Онъ заимствовалъ мотивы группъ и фигуръ, очевидно, съ какого-нибудь знаменитаго оригинала, на которомъ изображенъ былъ циклъ сценъ изъ жизни Ахилла. Композиція выдаетъ происхожденіе этого оригинала изъ эллинистической эпохи и изъ времени, близкаго къ тому, когда былъ исполненъ пергамскій фризъ, т. е. изъ времени Евмена II (197—159 г.г. до Р. Хр.). Это вполнѣ подходитъ къ тѣмъ указаніямъ на время возникновенія чертомлыцкой обивки, которыя даютъ находки въ насыпи Чертомлыцкаго кургана.

Съ оригинала нашъ художникъ, по всей вѣроятности, взялъ не все, а сдѣлалъ выборъ, остановившись на сценахъ, подходившихъ спеціально

[1]) Ср. указанную реконструкцію фриза въ Пергамѣ, данную Шрадеромъ.

для его цѣли, т. е. для украшенія горита, и какъ мы видѣли, показалъ себя истиннымъ художникомъ.

В. К. Мальмбергъ [1]) думалъ усматривать хронологическое указаніе въ чрезвычайномъ переполненіи композиціи чертомлыцкой обивки фигурами. По его мнѣнію, эта черта композиціи даетъ для обивки terminus ante quem въ композиціяхъ Мавзолея галикарнасскаго и даже Памятника съ Нереидами. Однако, переполненіе композиціи фигурами характерно и для эллинистическихъ памятниковъ. Мы его видимъ на фризѣ храма Артемиды Левкофрины въ Магнезіи на Меандрѣ [2]) и на рельефахъ пергамскаго алтаря [3]).

Итакъ, композиція обивокъ во всѣхъ отношеніяхъ для эллинистической эпохи вполнѣ обычна. Далѣе, самое пониманіе миѳовъ и трактовка сценъ обнаруживаютъ другой міръ воспріятій, чѣмъ какой мы наблюдаемъ на памятникахъ V и IV в. до Р. Хр. На изображеніяхъ обивокъ все находитъ себѣ аналогіи въ эллинистическомъ искусствѣ и особенно на его памятникахъ II вѣка до Р. Хр. Любопытно, что версія миѳа объ обнаруженіи Ахилла на Скиросѣ, изображенная на обивкахъ, совпадаетъ съ версіей его у Овидія [4]). Она, скорѣе всего, эллинистическая. Характерна въ композиціи обнаруженія Ахилла патетическая фигура героя, объятаго воинскимъ вдохновеніемъ, „маніей Ареса“. Эллинистическое искусство любило подобныя фигуры [5]). Вполнѣ аналогичной по мотиву и психологіи фигурою является, напр., воинъ на извѣстной картинѣ эллинистическаго художника съ о. Самоса Ѳеона, описываемой у Эліана [6]). Мы уже указывали выше на разныя чисто живописныя детали въ нашихъ композиціяхъ, находящія аналогію на эллинистическихъ живописныхъ рельефахъ: пунктирныя украшенія на утвари,

---

[1]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 174.

[2]) Ср. Humann, Kohte, Watzinger, Magnesia am Maeander, Brl. 1904, табл. XII слл.; S. Reinach, Répertoire des reliefs, I, Paris, 1909, стр. 181.

[3]) *Alterthümer von Pergamon*, III, 2, passim; S. Reinach, ук. соч., стр. 206 слл., 217 слл.

[4]) На обивкахъ, какъ у Овидія (*Превращ.*, XIII, 162 слл.), Ахилла обнаруживаетъ одинъ Одиссей. Въ другихъ версіяхъ (ср. Escher, у Pauly-Wissowa, Real-Encykl., I, стр. 226) являются съ Одиссеемъ еще Финикъ и Несторъ, или Діомедъ.

[5]) Ср. Löhr, *Arch.-epigr. Mitth. aus Oesterreich*, XIII (1890), стр. 174.

[6]) *V. H.*, II, 44; Overbeck, Schriftquellen zur Gesch. d. bild. Künste bei den Griechen, № 1948. Ср. слова „αὐτὸν ἐνθουσιᾶν ὥσπερ ἐξ Ἄρεως μανέντα“. Ср. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 169 слл. (252 слл.).

*

развѣшанныя занавѣси, подробности почвы. Рельефы трактованы такъ, что всюду получается въ композиціи по нѣскольку плановъ; рельефы даютъ понятіе о глубинѣ пространства. Въ лѣвой половинѣ верхняго фриза, напр., показаны четыре плана (фигура царицы, за ней дѣвушка, еще глубже—лежащій щитъ и за нимъ—холмъ, на которомъ стоитъ мальчикъ-Ахиллъ). Пунктиръ на холмѣ и внутри щита своими тѣнями еще болѣе углубляетъ пространство [1]). Формы холма напоминаютъ холмы на разныхъ эллинистическихъ и римскихъ рельефахъ [2]). Въ правой половинѣ нижняго фриза—три плана, равно какъ и въ главной группѣ въ сценѣ обнаруженія Ахилла. Интересно подчеркнутъ пунктиромъ задній планъ въ группѣ женщинъ на лѣвой сторонѣ нижняго фриза. Нельзя не обратить вниманія, что авторъ оригинала обивки любитъ изображенія въ сокращеніяхъ (щиты, вся мебель) [3]). Особенно интересна чисто живописная трактовка стула Ликомеда. На обивкѣ горита изъ кургана Карагодеуашхъ, одновременной съ обивками изъ Чертомлыка и Ильинецъ, детальная трактовка почвы и дерева также явно указываетъ мѣсто обивкамъ въ эллинистической эпохѣ [4]). А трактовка деревьевъ на ритонѣ съ звѣринымъ фризомъ, найденномъ въ Карагодеуашхскомъ курганѣ (стр. 140, рис. 16), аналогичная съ трактовкой ихъ на маломъ фризѣ пергамскаго алтаря и на живописныхъ эллинистическихъ рельефахъ, указываетъ, что всѣ обивки—карагодеуашхскую, чертомлыцкую и ильинецкую—надо датировать тоже временемъ не ранѣе II вѣка до Р. Хр. Въ виду указанныхъ соображеній весьма сомнительно, чтобы сцена обнаруженія Ахилла среди дочерей Ликомеда восходила, какъ это обыкновенно считалось до сихъ поръ [5]), къ картинѣ Полигнота. Рядъ разныхъ особенностей, которыя сближаютъ наши обивки съ эллинистическими живописными рельефами, говоритъ скорѣе за

---

[1]) Ср. Schreiber, Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani, стр. 24 слл., табл. III; Hellenistische Reliefbilder, т. XXVIII, LI, LII, LXVII, LXXIII, LXXXVIII, XCVII.

[2]) Ср., напр., Schreiber, Hell. Reliefbilder, т. IX, X; Watzinger, Das Relief des Archelaos von Priene, т. I и др.

[3]) Этихъ раккурсовъ нельзя было наблюдать по старой публикаціи чертомлыцкой обивки, и оттого понятны ошибочныя замѣчанія у Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 90.

[4]) В. К. Мальмбергъ въ своемъ изданіи древностей Карагодеуашха не обратилъ вовсе вниманія на характеръ трактовки на нихъ пейзажа.

[5]) Ср. Б. Фармаковскій, Аттич. вазовая живопись, стр. 102. Что на чертомлыцкой обивкѣ не можетъ быть вѣрной передачи Полигнота, замѣтилъ уже Gräf, ук. ст., стр. 92 слл.

то, что оригиналомъ, съ котораго скопированы обивки горитовъ, были какіе-нибудь металлическіе рельефы, въ родѣ тѣхъ, которые предполагаются оригиналами для эллинистическихъ и римскихъ мраморныхъ рельефовъ [1]). Пропорціи фигуръ, короткія, грузныя, тяжеловатыя [2]), не могутъ указывать, какъ это думалъ В. К. Мальмбергъ [3]), что чертомлыцкая обивка происходитъ изъ времени до середины IV. вѣка до Р. Хр., потому что короткія пропорціи встрѣчаются постоянно въ искусствѣ и послѣ середины IV вѣка. Укажемъ на рельефы храма Артемиды Левкофрины въ Магнезіи на Меандрѣ [4]), на „мегарскія“ чашки [5]) и другія рельефныя вазы эллинистической эпохи [6]) и т. д. Если мотивы отдѣльныхъ группъ и фигуръ обивокъ можно указать на памятникахъ V и IV вѣковъ до Р. Хр. [7]), то это даетъ для обивокъ лишь terminus post quem. Кромѣ того, мотивами V и IV вѣковъ широко пользуется эллинистическое искусство II вѣка [8]). Особенно важно то, что общій характеръ формъ у фигуръ обивокъ больше всего подходитъ къ фигурамъ на эллинистическихъ рельефахъ [9]). Не можетъ не броситься въ глаза сходство въ рисункѣ и характерѣ складокъ одежды (особенно развѣвающейся) у фигуръ нашихъ обивокъ съ пергамскими скульптурами.

Далѣе формы оружія, мебели, ихъ украшенія на нашихъ обивкахъ

---

[1]) Ср. Schreiber, Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani, стр. 26 сл., 31 слл. Шрейберу возражаетъ Sieveking, у Brunn-Bruckmann, *Denkm. griech. u. römisch. Sculptur*, текстъ къ табл. 621—630 (1910 г.). Работой Зивекинга, на которую обратилъ наше вниманіе М. И. Ростовцевъ, вопросъ, по нашему мнѣнію, однако, не исчерпывается.

[2]) Ср. Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 230.

[3]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 173 сл.

[4]) Humann, Kohte, Watzinger, Magnesia am Maeander, табл. XII слл. S. Reinach, Répert. des reliefs, I, стр. 181.

[5]) Robert, Homerische Becher, стр. 8 слл.; Dumont et Chaplain, Les céramiqnes de la Grèce propre, I, табл. XXXI.

[6]) *Древности Босфора Киммерійскаго*, табл. 47, 1—3; ср. Furtwängler, Collection Sabouroff, приб. къ табл. LXXXIII, стр. 16; Watzinger, *Athen. Mitt.* XXVI (1901), стр. 95; Э. Р. фонъ-Штернъ, *Изв. И. Арх. Комм.*, III, стр. 107, табл. XIV.

[7]) Ср. В. К. Мальмбергъ, Кург. Караг., стр. 174 слл.; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древности, II, стр. 143; Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 88 слл.

[8]) Ср. *Altertümer v. Pergamon*, III, 2: Winnefeld, Die Friese des grossen Altars, стр. 234 слл., 237 слл.

[9]) Ср. для Ахилла въ сценѣ обнаруженія *Magnesia am Maeander*, стр. 87, рис. 83—84, *Altertümer v. Pergamon*, III 2, табл. IV; для Ахилла и Деидаміи Pagenstecher, Die calenische Reliefkeramik, Brl., 1909, табл. 6, 8a; табл. 3, a. Ср. для стиля и Baumeister, Denkm., I, стр. 219, рис. 172 и т. д.

указываютъ постоянно на связь съ памятниками III и II вѣковъ до Р. Хр. [1]).

Итакъ, и стиль рельефовъ, украшающихъ наши обивки, совершенно опредѣленно [2]) указываетъ на эллинистическую эпоху и въ частности на II в. до Р. Хр., какъ на наиболѣе вѣроятное время возникновенiи горита изъ Ильинецъ, послужившаго оригиналомъ обивки, найденной въ Чертомлыцкомъ курганѣ. Аналогiи съ „мегарскими“ чашками, съ скульптурами Магнезiи на Меандрѣ и Пергама весьма интересны. Онѣ указываютъ, что мѣсто происхожденiя нашихъ обивокъ надо искать скорѣе всего гдѣ-либо въ Малой Азiи. Пропорцiи фигуръ, характеръ ихъ формъ и общее направленiе стиля, какъ это уже указывалось нашими предшественниками [3]), тоже говорятъ за то, что наши обивки должны происходить изъ Iонiи, которая во II в. до Р. Хр. возрождается къ новой жизни [4]).

VII.

Фризы съ изображенiемъ животныхъ; группа грифоновъ, терзающихъ пантеру; орнаментика обивокъ; группа грифоновъ на узкой сторонѣ горитовъ; происхожденiе стиля украшенiй горитовъ.

Фризъ съ изображенiемъ животныхъ [5]), украшающiй наши обивки въ верхней части, имѣетъ, конечно, прежде всего декоративное значенiе,

---

[1]) Ср. для шлемовъ Pagenstecher, Calen. Reliefker., табл. 6, 3 и 4; *Alt. v. Pergamon*, III, 2, табл. XXXIV, 1; Baumeister, Denkm., III, стр. 2032, рис. 2204; Wiegand, Milet, II, Berlin, 1908, табл. XI, XV; для мечей—*Alt. v. Pergamon*, III, 2, табл. XXXIII, 2 и 3; для формъ ручекъ у щитовъ—*Alt. v. Pergamon*, III, 2, табл. VIII, XVI и др.; для раккурсовъ щитовъ и ихъ орнаментовки внутри—Baumeister, Denkm., I, стр. 59, 63; *Alt. v. Pergamon*, III 2. текстъ, стр. 181, рис. 79; для трона Агамемнона—Baumeister, Denkm., I, стр. 16, рис. 18; табл. VI; стр. 416, рис. 449; S. Reinach, Peint. de vases antiques recueillies par Millingen, Paris, 1891, табл. 41; *Alt. v. Pergamon*, III 2, табл. XXXI, 7 и т. д.

[2]) Вопреки Gräf'y, *Hermes*, XXXVI, (1901), стр. 88, который не находилъ, правда, на основанiи неудовлетворительнаго изданiя, у чертомлыцкой обивки никакого стиля.

[3]) Ср. В. К. Мальмбергъ, Кург. Карагод., стр. 172; Winter, *Jahreshefte des oesterreich. Institutes*, V (1902), стр. 124 слл.

[4]) Ср. Haussoullier, Études sur l'histoire de Milet, Paris, 1902, глава IV; Wiegand, *Abhandl. d. preuss. Akademie d. Wissench.*, 1908, Anhang, стр., 38 слл.

[5]) Ихъ опредѣленiя ср. у В. К. Мальмберга, Кург. Карагод., стр. 165 слл.

какъ это мы часто наблюдаемъ на эллинистическихъ памятникахъ [1]). Однако, нельзя не отмѣтить, что, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, животныя подобраны не случайно. На предметѣ вооруженія, который предназначался для войны и охоты, для борьбы и побѣды, вполнѣ умѣстно было, съ одной стороны, сопоставить другъ противъ друга животныхъ, служившихъ въ древнемъ искусствѣ искони символами силы (левъ и вепрь, львица и быкъ, достойные другъ друга по силѣ и ярости соперники), и съ другой—изобразить сильныхъ животныхъ, терзающихъ другихъ, типичныхъ по своей слабости (львы и пантеры, уничтожающіе дикую козу и оленя). Подобныя группы искони примѣнялись и въ восточномъ и въ греческомъ искусствѣ для прославленія силы и несокрушимой мощи [2]).

Говоря о торжествѣ силы, изображенія животныхъ являются на оружіи какъ-бы пожеланіемъ и обезпеченіемъ побѣды, символомъ торжества оружія, которое они украшаютъ, представляютъ своего рода амулеты противъ пораженія, несчастія и вліянія силы колдовства (ἀποτρόπαια).

Такое же символическое значеніе имѣетъ на нашихъ обивкахъ и чрезвычайно красивая съ декоративной точки зрѣнія группа грифоновъ, терзающихъ пантеру [3]): страшный и сильный звѣрь сокрушается грозными сверхъестественными чудовищами. Стилизація грифоновъ на обивкахъ стоитъ опять ближе къ памятникамъ эллинистическимъ [4]), чѣмъ къ памятникамъ IV вѣка [5]).

---

[1]) Декоративные фризы животныхъ ведутъ начало, конечно, еще изъ древняго іонійскаго искусства. Затѣмъ они начинаютъ опять играть видную роль съ IV в. (примѣръ,—кумская ваза Императорскаго Эрмитажа, *Отчетъ Имп. Арх. Ком.* 1862 г., т. III; для эллинистической эпохи ср. S. Reinach, Peintures de vases recueillies par Millin, I, табл. 21, 58, 59 и др., Millingen, табл. 4; Б. Фармаковскій, *Изв. Имп. Арх. Ком.*, XIII, стр. 44 слл.; Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 47—52 и т. д.).

[2]) Ср. Стефани, *Отчетъ Имп. Археолог. Комиссіи* за 1864 г., стр. 146.

[3]) О грифонахъ ср. Furtwängler y Roscher, Lexikon der Mythologie, I, стр. 1759 слл., 1768; *Olympia*, IV, стр. 101; Dürrbach, y Daremberg-Saglio, Dictionn. des antiquités, II, стр. 1672 слл.; Hamdy bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, Paris, 1892, стр. 219 сл.

[4]) Ср. Pagenstecher, Die calen. Reliefker., табл. 11, 81; табл. 26, 19b; ср. Conze, Hauser, Benndorf, Samothrake, II, табл. LXIX (стр. 17, 45); *Altert. v. Pergamon*, III 2, табл. XIX (для характеристики крыльевъ); Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 47—52.

[5]) Ср., напр., *Отчетъ Имп. Арх. Ком.* за 1861 г., табл. II, за 1862 г., т. III; за 1866 г., т. IV.

Съ полной опредѣленностью выступаетъ эллинистическій характеръ въ орнаментикѣ нашихъ обивокъ. Особенно важны здѣсь формы аканѳовой вѣтви [1]), обрамляющей фигурныя композиціи обивокъ снизу и слѣва [2]).

Богатство формъ, разнообразіе рисунка цвѣтовъ въ аканѳовой вѣтви, заполненіе ими свободнаго пространства, формы ствола вѣтви, перехваты ствола передъ аканѳовыми листьями, словомъ, вся стилизація аканѳовой вѣтви выдаетъ происхожденіе изъ эпохи болѣе поздней, чѣмъ выстроенный Скопасомъ храмъ въ Тегеѣ (370—360 г. до Р. Хр.) [3]), аканѳовая вѣтвь симы [4]) и стѣнъ котораго (рис. 9) [5]) является, въ сра-

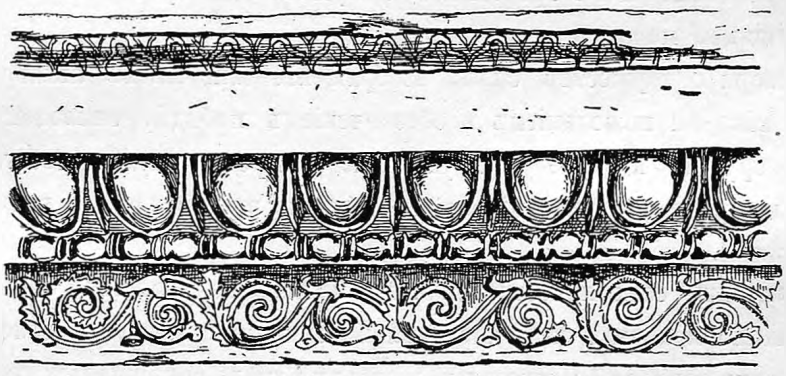

Рис. 9. Орнаментика на стѣнѣ храма въ Тегеѣ (370—360 г. до Р. Хр.).

вненіи съ аканѳовой вѣтвью на нашихъ обивкахъ, болѣе строгою и бѣдною. То же нужно сказать объ аканѳовыхъ вѣтвяхъ на симахъ другихъ зданій IV вѣка [6]). Болѣе строга, бѣдна и тяжела стилизація

[1]) Для исторіи аканѳоваго орнамента и аканѳовой вѣтви ср. Furtwängler, Coll. Sabouroff, I, введеніе къ скульптурѣ, стр. 7 слл.; Riegl, Stilfragen, стр. 70 сл., 155, 167 слл., 173 сл., 248 слл.; Meurer, *Jahrb. des Inst.*, XI (1896), стр. 117 сл.; Studniczka, Tropaeum Trajani, Lpz., 1904, стр. 71 слл. (гдѣ ср. и литературу); Schede, Das antike Traufleistenornament, 27 слл.; Meurer, Vergleichende Formenlehre des Ornamentes und der Pflanze, 1909, стр. 402 слл.

[2]) Въ эллинистическую эпоху аканѳовая вѣтвь широко употребляется для украшенія разныхъ предметовъ, чего ранѣе не видимъ. Ср. S. Reinach, Peintures de vases rec. par Millin, II, табл. 7, 27, 33, 38; Dörpfeld und Reisch, Griech. Theater, стр. 308, рис. 72; Walters, Catalogue of the vases in the Brit. mus., IV, табл. XI.

[3]) Ср. Schede, Antikes Traufleistenornament, стр. 45 сл.; *Revue de l'art ancien et moderne*, № 166 (10 janvier 1911), стр. 9 слл. (Dugas et Berchmans).

[4]) Schede, ук. соч., табл. V, 29.

[5]) *Bull. de corresp. Hellénique*, XXV (1901), стр. 253, рис. 4. Нашъ рисунокъ 9 сдѣланъ по рисунку перомъ К. П. Калачева съ рисунка въ названномъ изданіи.

[6]) Ср. Schede, ук. соч., т. V, 30—33; VI, 34—36, 38; Koldewey, Die antiken Baureste der Insel Lesbos, Brl., 1890, табл. 21; ср. Wace, *Annual of the Brit. School at Athens*, XII (1905—1906), стр. 293, рис. 4 и т. д.

аканѳовой вѣтви и на золотомъ пилосѣ (рис. 10) [1]) изъ могилы на Акбурунскомъ мысѣ, близъ Керчи, которая найденными въ ней монетой Александра Великаго [2]) и панаѳинейской амфорой [3]) датируется второй половиной IV вѣка до Р. Хр. [4]). Богатыя аканѳовыя вѣтви пріенскихъ храмовъ Аѳины [5]) и Асклепія [6]) все еще тяжелѣе и менѣе богаты, чѣмъ аканѳы на нашихъ обивкахъ. По легкости, тонкости и эле-

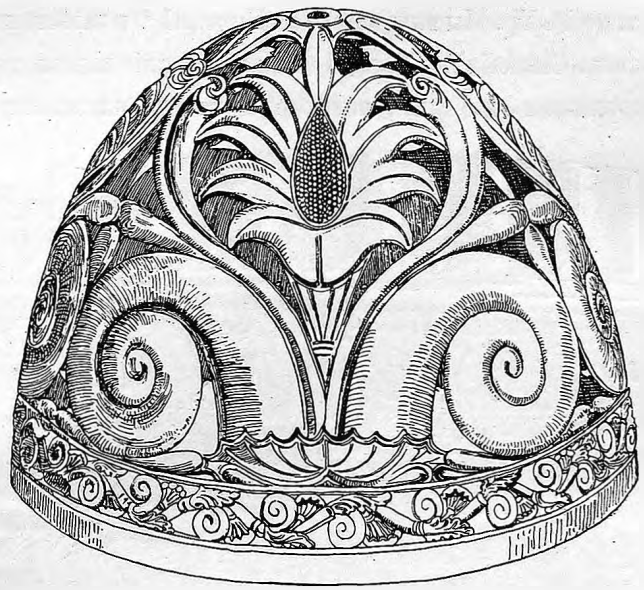

Рис. 10. Золотой пилосъ изъ могилы на Акбурунскомъ мысѣ, близъ Керчи (второй половины IV в. до Р. Хр.).

гантности ствола аканѳовой вѣтви и потому, что вѣтви при своихъ основаніяхъ имѣютъ по два листа аканѳа, передъ которыми сдѣланы по два перехвата, аканѳовыя вѣтви нашихъ обивокъ представляютъ болѣе ана-

---

[1]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1876 г., табл. II, рис. 1; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древн., I, стр. 46, рис. 56 (у нихъ ошибочно помѣчено мѣсто находки пилоса). Нашъ рис. 10—по рисунку перомъ К. П. Калачева съ изображенія въ Русскихъ Древностяхъ.

[2]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1876 г.*, т. II, рис. 5—6.

[3]) Тамъ же, т. II, рис. 1—3.

[4]) Ср. Стефани, *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1876 г.*, стр. 61 слл.

[5]) Wiegand und Schrader, Priene, стр. 103 слл., рис. 72, 74; Schede, Ant. Traufl., табл. VII, 42.

[6]) Wiegand und Schrader, ук. соч., стр. 146, рис. 117; Schede, ук. соч. т. VII, 43.

логій съ вѣтвями на эллинистическихъ памятникахъ архитектуры [1]) и керамики [2]).

Характерной чертой въ стилизаціи аканѳовой вѣтви на нашихъ обивкахъ является то, что маленькія извилистыя вѣточки, на которыхъ сидятъ цвѣты и плоды, пересѣкаютъ съ обратной стороны главные стволы аканѳа. Этого мы никогда не встрѣчаемъ въ аканѳовой вѣтви не только въ IV в., но даже и въ III в. Впервые этотъ мотивъ является, повидимому, только съ II в. до Р. Хр. Мы видимъ его въ Пергамѣ [3]) и затѣмъ на Сминѳіонѣ (храмѣ Аполлона Сминѳія) въ Троадѣ [4]). Прикрываніе завитковъ на концахъ разводовъ крупными цвѣтами, которое является на нашихъ обивкахъ,

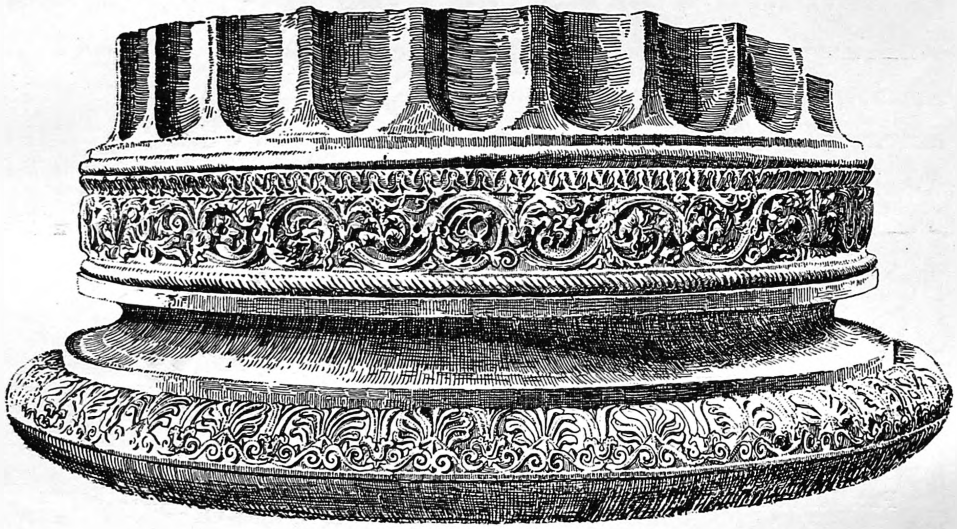

Рис. 11. База колонны восточнаго фасада храма Аполлона Дидимейскаго, близъ Милета (первой половины II в. до Р. Хр.).

находитъ себѣ аналогію въ аканѳовыхъ вѣтвяхъ на базахъ колоннъ главнаго фасада храма Аполлона Дидимейскаго (рис. 11) [5]), соору-

[1]) Ср. Conze, Hauser, Niemann, Samothrake, I, табл. 50, 3; текстъ, стр. 51; II, табл. 58; ср. Schede, ук. соч., стр. 73; Wiegand, Milet, II, табл. VIII (ср. табл. IX, 4); *Alt. v. Pergamon*, III, 2, текстъ, стр. 75, рис. 19; Pontremoli et Collignon, Pergame, Paris, 1900, стр. 55.

[2]) Ср., напр., Wiegand-Schrader, Priene, стр. 403, рис. 529, 27 и 28.

[3]) *Alt. v. Pergamon*, III, 2, текстъ, стр. 44, рис. 7.

[4]) Schede, Ant. Traufl., табл. VIII, 47; о времени сооруженіи Сминѳіона ср. Schede, ук. соч., стр. 82.

[5]) Pontremoli et Haussoullier, Didymes, Paris, 1904, стр. 145 (изъ этого изданія нашъ рис. 11, исполненный по рисунку перомъ К. П. Калачева); Winter, Kunstgeschichte in Bildern, I, табл. 18, 8 и 9. Рисунки у Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 16, 17, 52, и у Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 147, неточны. На аналогіи аканѳовой вѣтви чертомлыцкой обивки съ аканѳами Дидимейона указалъ уже Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 91.

женіе которыхъ, какъ теперь точно установлено надписями [1]), падаетъ на первую половину II вѣка до Р. Хр. Трактовка цвѣтовъ, введенныхъ въ аканѳовую вѣтвь, отличается на обивкахъ такимъ разнообразіемъ и свободой, какихъ до II в. не встрѣчается. Мы видимъ цвѣты то въ видѣ маленькихъ розетокъ (цвѣты сверху), то въ видѣ маленькихъ колокольчиковъ (цвѣты въ профиль). Кромѣ того, видимъ еще конусообразные плоды. Далѣе, интересны большіе цвѣты въ фасъ съ обозначеніемъ въ каждомъ сердцевины и двухъ усиковъ и большіе цвѣты въ профиль: изъ колоколообразной чашечки выдаются пестики въ три листика и по два усика. Форма цвѣтовъ въ IV вѣкѣ (ср. рис. 9 и 10) значительно строже и проще; того разнообразія въ формахъ, какое наблюдаемъ на обивкахъ, въ IV вѣкѣ встрѣтить нельзя [2]). Оно развивается лишь съ эллинистической эпохи [3]). Наиболѣе близкія аналогіи цвѣтамъ обивокъ представляютъ цвѣты въ орнаментикѣ храма Аполлона Дидимейскаго близъ Милета (ср. рис. 11) [4]).

На лѣвой сторонѣ обивки, параллельно аканѳовой вѣтви, идетъ орнаментъ въ видѣ крученаго шнура. Въ металлическомъ производствѣ этотъ орнаментъ вполнѣ естественъ. Онъ представляетъ воспроизведеніе крученой проволоки. На его распространеніе въ іонійскомъ искусствѣ было уже указано [5]). Въ архитектурѣ этотъ орнаментъ является впервые на Дидимейонѣ [6]). Интересно, что на нашихъ обивкахъ крученый шнуръ какъ-бы перевязываетъ горитъ, а на колоннахъ Дидимейона имъ перевязаны внизу базы. Мы замѣчаемъ не только сходство въ формахъ шнура на нашихъ обивкахъ и на колоннахъ Дидимейона, но и вполнѣ одинаковую конструктивную роль этого орнамента въ архитектоникѣ предмета, который имъ въ томъ и другомъ случаѣ украшенъ.

---

[1]) Pontremoli et Haussoullier, ук. соч., стр. 122; Wiegand, Anhang къ *Abhandl. d. preuss. Akademie d. Wissenschaften*, 1908 г., стр. 38 слл.

[2]) Ср. Gräf, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 91 сл. Ср. еще формы цвѣтовъ IV в. у Schede, ук. соч., V, 31; Riegl, Stilfragen, стр. 213, рис. 111; Winter, Kunstgeschichte in Bildern, табл. 17, 13; Defrasse et Lechat, Épidaure, Paris, 1895, табл. VI, стр. 115, 119.

[3]) Ср. S. Reinach, Peintures d. vases, rec. par. Millin, II, табл. 39; Jacobsthal, Araceenformen in der Flora des Ornamentes, Kaiserlautern, 1889, табл. 3, 16; ср. Watzinger, *Ath. Mitth.*, XXVI (1901), стр. 61, 9.

[4]) Jacobsthal, ук. соч., табл. I, 1; табл. II, 15; Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 47—51; ср. рельефъ изъ Пергама, Jacobsthal, ук. соч., табл. II, 8.

[5]) Ср. Studniczka, Tropaeum Trajani, стр. 77, пр. 7 и 8.

[6]) Studniczka, ук. соч., стр. 77; Ср. Schede, ук. соч. стр. 63.

Формы пальметнаго фриза [1]), украшающія нижнюю часть нашихъ обивокъ, ведутъ начало, конечно, отъ формъ, которыя мы наблюдаемъ въ пальметныхъ фризахъ на шейкахъ колоннъ сѣвернаго портика Эрехѳіона [2]) или на фризѣ Ѳолоса въ Эпидаврѣ [3]). Въ эллинистическомъ искусствѣ фризы, аналогичные фризамъ на нашихъ обивкахъ, мы видимъ на кругломъ зданіи на Самоѳракѣ [4]) и на колоннахъ восточнаго фасада Дидимейона [5]).

Нижній и верхній фризы раздѣляются на обивкахъ овами. Овы же украшаютъ правые края у фигурныхъ фризовъ и у фризовъ, украшенныхъ аканѳовою вѣтвью и пальметками. Углы при встрѣчѣ ововъ, обрамляющихъ верхній и нижній фигурные и орнаментальные фризы, заполнены пальметками изъ трехъ листиковъ [6]). Какъ указалъ Студничка [7]), киматіи, украшавшіеся овами (іонійскіе) и стилизированными листиками (лесбійскіе), не оставались въ древности неизмѣнными, но обнаруживаютъ вплоть до позднихъ эпохъ богатую жизнь. И формы ововъ не оставались однѣ и тѣ же. Та нѣсколько вытянутая и заостренная внизу форма, которую мы наблюдаемъ на нашихъ обивкахъ, характерна до II вѣка до Р. Хр. [8]). Ранѣе (ср. рис. 9) овы были шире и закругленнѣе.

Группа грифоновъ, терзающихъ пантеру, на обивкахъ обрамлена съ трехъ сторонъ овами и съ четвертой (справа) стилизированными листьями, между которыми вставлены трехлистныя пальметки. Лесбійскіе киматіи съ такими пальметками хорошо извѣстны [9]); они, по всей вѣроятности, іонійскаго происхожденія. Весьма распространены

---

[1]) Ср. для его исторіи Meurer, Vergl. Formenlehre des Ornamentes und der Pflanze, стр. 379 слл.

[2]) Ср. Riegl, Stilfragen, стр. 215, рис. 113; Schede, ук. соч., т. Ш, 20; Meurer, ук. соч., 393, Abth. XVI, Taf. 8; Winter, Kunstgesch. in Bildern, т. 17, 2.

[3]) Winter, Kunstgesch. in Bildern, т. 17, 11; Defrasse et Lechat, Épidaure, стр. 112 и 123, табл. VIII.

[4]) Conze, Hauser, Niemann, Archäologische Untersuchungen auf Samothrake, I, табл. LXI, LXIII и LXIV.

[5]) Pontremoli et Haussoullier, Didymes, стр. 144 слл.; Noak, Die Baukunst des Altertums, Brl., 1910, табл. 54—56; ср. нашъ рис. 11.

[6]) Ср. Schede, Ant. Traufleistenorn., табл. Ш, 19.

[7]) Studniczka, Tropaeum Trajani, стр. 72 слл.

[8]) Ср. *Alt. v. Pergamon,* VIII, Inschriften, 2, № 590; Studniczka, Tropaeum Trajani, стр. 77, рис. 39; Wiegand, Milet, II, табл. IX, 1; стр. 75, рис. 81; Pontremoli et Haussoullier, Didymes, стр. 79.

[9]) Ср. Puchstein, Das jonische Capitell, 47 *Winckelmannspr.*, Brl., 1887, стр. 10, рис. 7; ср. стр. 6, рис. 2; Studniczka, Trop. Trajani, стр. 79, пр. 16; Le Bas, Voyage archéolog., Archit., Athènes, II, 3, № 1; Baumeister, Denkm., Ш, табл. LVII, 1620.

они и на издѣліяхъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ эллинистической эпохи [1]). Элегантный кубокъ Императорскаго Эрмитажа, украшенный лесбійскимъ киматіемъ со вставными пальметками, найденъ былъ съ монетою Лисимаха [2]). Совершенно аналогичный ему по формѣ терракоттовый киликъ найденъ былъ нами въ Ольвіи въ 1901 г. въ одной могилѣ съ ольвійскою монетою и другими вещами II в. до Р. Хр. [3]).

Замѣчательно общее сочетаніе орнаментовъ на обивкахъ. Уже Стефани [4]), а за нимъ Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой [5]) замѣтили, что пышная орнаментика чертомлыцкой обивки ведетъ свое начало изъ архитектурнаго стиля іонянъ. Въ частности можно указать, что орнаментальные мотивы, которые мы наблюдаемъ на нашихъ обивкахъ, кромѣ ововъ, мы можемъ наблюдать сопоставленными вмѣстѣ на базѣ колонны Дидимейона, находящейся въ Луврѣ (рис. 11): пальметный фризъ, аканѳовую вѣтвь, крученый шнуръ, лесбійскій киматій, узкія и болѣе широкія гладкія рельефныя полоски. Такое совпаденіе нельзя, конечно, считать случайнымъ. Оно несомнѣнно является результатомъ одного и того же вкуса и любви къ пышной, богатой орнаментикѣ въ архитектурѣ и въ торевтикѣ и безусловно указываетъ не только на то, что наши обивки явились приблизительно тогда же, когда и орнаментованныя аналогично съ ними базы Дидимейона, т. е. въ первой половинѣ II в. до Р. Хр., но что онѣ вышли изъ той же художественной школы, которая создала богатую орнаментику храма Аполлона Дидимейскаго. Мы уже выше указали на вѣроятность происхожденія формъ нашихъ обивокъ изъ малоазійскаго іонійскаго искусства. Орнаментика обивокъ, повидимому, дѣло рѣшаетъ: обивки должны быть отнесены къ милетскому искусству первой половины II вѣка до Р. Хр. [6]).

---

[1]) *Древности Босфора Кимм.ерійскаго*, т. XXXVII, 3, 5, XXXVIII, 1. Эти предметы— III в. до Р. Хр. Ср. Watzinger, *Ath. Mitth.*, XXVI (1901), стр. 94 слл., 98, 2.

[2]) *Древн. Босф. Кимм.*, т. XXXVIII, 1. Ср. предыд. примѣч.

[3]) *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, VIII, стр. 39, рис. 35; ср. стр. 89, мог. № 85.

[4]) *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1864 г., стр. 142.

[5]) Русскія Древности, II, стр. 143.

[6]) Итакъ, ничего не греческаго, «варварскаго» въ этой орнаментикѣ, вопреки Gräf'y, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 87, нѣтъ. Нельзя, конечно, утверждать, что орнаментика обивокъ взята прямо съ колоннъ Дидимейона. Она только происходитъ изъ одного съ ними источника. Ремесленники легко могли пользоваться матеріалами, которые, вѣроятно, были собраны въ ναοποιεῖον, бюро по постройкѣ Дидимейона, о

Милетское происхожденіе обивокъ подтверждаютъ и другія пластинки, исполненныя въ той же техникѣ и стилѣ, что и разсмотрѣнныя нами, — пластинки, которыя принадлежали, несомнѣнно, тѣмъ же горитамъ (рис. 1).

Эти пластинки на обоихъ горитахъ имѣютъ одинаковыя изображенія грифоновъ въ геральдической группѣ [1]). Какъ и большая чертомлыцкая пластина, пластинка съ грифонами, происходящая изъ Чертомлыцкаго кургана [2]), скопирована съ пластинки, найденной въ Ильинцахъ (рис. 1). И самый мотивъ группы, и стилизація грифоновъ, и окружающіе ихъ листья и разводы аканѳа съ цвѣтами и конусовидными плодами на золотыхъ пластинкахъ находятъ ближайшія аналогіи въ орнаментикѣ Дидимейона [3]).

Выше мы уже указывали, что фигурные фризы обивокъ воспроизводятъ мотивы какого-нибудь іонійскаго рельефнаго фриза. Ахиллъ былъ весьма почитаемъ въ Милетѣ и имѣлъ тамъ героонъ [4]). Возможно, что и оригиналы, послужившіе образцомъ для украшенія главныхъ фризовъ горитовъ, находились въ Милетѣ.

VIII.

Гориты, какъ памятники художественной промышленности. Вѣроятное мѣсто ихъ изготовленія. Особенное значеніе ильинецкой обивки для исторіи эллинистическаго искусства. Искусство Милета и находки въ южнорусскихъ курганахъ.

Мы видѣли, что авторъ горита, которому принадлежала обивка изъ Ильинецъ и съ котораго скопирована, вѣроятно, обивка, найденная въ

которомъ говорятъ надписи. Ср. Haussoullier, Didymes, стр. 126. Подобныя бюро, гдѣ хранились модели воздвигаемыхъ храмовъ, были въ Аѳинахъ и засвидѣтельствованы для Епидавра. Ср. Wolters, *Jahrb. d. Instituts*, XXIV (1909), стр. 186, примѣч. 46; стр. 189.

[1]) Это старый іонійскій мотивъ, ведущій начало изъ восточнаго искусства. Ср. Puchstein, Das jonische Capitell, стр. 59, рис. 60; А. Н. Шварцъ, Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ, *Древности*, XV, стр. 26, пр. 4; Furtwängler, *Bayr. Sitzungsber.*, II, 1897, стр. 136, табл. IX. О распространеніи группы въ эллинистическую эпоху ср. Б. Фармаковскій, *Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи*, XIII, стр. 41 слл.; ср. Pernice, Griechisches Pferdegeschirr, *62 Winckelmannsprogr.*, Brl., 1896, стр. 6; Carapanos, Dodone et ses ruines, Paris, 1878, табл. XVIII, 2; Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 25.

[2]) *Древности Геродотовой Скиѳіи*, II, стр. 118; ср. стр. 113.

[3]) Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, табл. 47—52. Грифоны Дидимейона—не ранѣе 169 г. до Р. Хр. Ср. Pontremoli et Haussoullier, ук. соч., стр. 122.

[4]) Ср. Pauly-Wissowa, Real-Encyklop., I, стр. 223.

Чертомлыцкомъ курганѣ, пользовался, составляя свою композицію, готовыми мотивами, и что техника и стиль выдаютъ его зависимость отъ искусства Милета II вѣка до Р. Хр. Какъ пользовался мастеръ обивки этими готовыми чужими мотивами? создалъ ли онъ при этомъ что-либо свое?

Рельефныя украшенія обивокъ главныхъ сторонъ горитовъ раздѣляются на три части. Во-первыхъ, вверху мы видимъ узкій орнаментальный фризъ съ изображеніемъ животныхъ. Это какъ-бы верхняя рама композиціи. Далѣе широкая полоса, украшенная аканѳовой вѣтвью, пальметнымъ фризомъ и группою грифоновъ, терзающихъ пантеру, образуетъ раму композиціи внизу. Главную часть композиціи составляютъ два фигурные фриза, заполняющіе поле между указанными рамами. Такое дѣленіе общей композиціи, очевидно, вытекаетъ прямо изъ самой формы горита, изъ его, такъ сказать, архитектуры. Вся композиція украшеній выполнена, очевидно, по строго опредѣленному и хорошо придуманному плану [1]). Орнаментальныя рамы (узкая верхняя и широкая нижняя) даютъ идею объ остовѣ горита, будучи расположены по основнымъ его линіямъ. Вполнѣ естественно, что нижняя рама шире верхней, такъ какъ книзу идетъ и расширеніе горита, и увеличивается его тяжесть.

Подобное распредѣленіе орнаментальныхъ полосъ мы постоянно наблюдаемъ на произведеніяхъ греческаго искусства.

Выступъ справа внизу, украшенный не связанною съ остальными фигурными изображеніями группою грифоновъ, терзающихъ пантеру, подчеркиваетъ особенно нижнюю раму остова и указываетъ на самостоятельную роль ея въ композиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ нижней рамѣ единство, которое было бы безъ того затемнено изъ-за раздѣленія рамы на два расположенные одинъ надъ другимъ фриза. Что оба орнаментальные фриза образуютъ на горитѣ нѣчто единое, одну широкую раму,—это подчеркиваетъ, кромѣ того, еще лесбійскій киматій съ крупными листиками, обрамляющій группу грифоновъ справа. Выступъ съ правой стороны въ верхней части обивокъ, обрамляющій отверстіе для доставанія стрѣлъ, даетъ естественное дѣленіе этой части на два узкихъ фриза. Мастеръ украсилъ ихъ фигурными рельефами, и мы видѣли, что выборъ сюжетовъ ихъ былъ имъ сдѣланъ весьма удачно. Онъ

---

[1]) Этого не понялъ G r ä f, *Hermes*, XXXVI (1901), стр. 87.

показалъ, несомнѣнно, особую ловкость въ выборѣ мотивовъ фигуръ, приходившихся на правомъ срѣзанномъ снизу выступѣ горита.

Во избѣжаніе опасности умалить дѣйствіе фигурныхъ фризовъ, украшающихъ главное поле обивокъ, необходимо было взять для украшенія нижней рамы мелкій орнаментъ. По симметріи съ главнымъ полемъ мастеръ украсилъ нижнюю раму двумя расположенными одинъ надъ другимъ орнаментальными фризами. Чтобы связать въ одно цѣлое всѣ украшенія горита и подчеркнуть связь въ остовѣ его нижней рамы съ верхней, мастеръ, во-первыхъ, продолжилъ аканѳовую вѣтвь, образующую верхній фризъ на нижней рамѣ, вверхъ, налѣво отъ главныхъ фризовъ, и внизъ, налѣво отъ пальметнаго фриза, по линіи, гдѣ въ остовѣ находилась поперечная рама, связывавшая верхнюю и нижнюю рамы остова, и во-вторыхъ—помѣстилъ у лѣваго края горита орнаментъ въ видѣ крученаго шнура, который какъ-бы перевязываетъ весь остовъ горита (ср. рис. 1). Этотъ орнаментъ связываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ воедино всѣ стороны горита. Чтобъ не перегрузить композиціи лишними подробностями и не уничтожить единства украшеній нижней рамы, мастеръ отдѣлилъ орнаментальные фризы одинъ отъ другого простою гладкою полоскою. Съ этою же цѣлью имъ были оставлены безъ украшеній полоски сверху, снизу и слѣва у главныхъ фризовъ. Суженіе всѣхъ главныхъ и орнаментальныхъ фризовъ влѣво и выгибъ орнаментальной рамы въ лѣвой части обивокъ обусловливаются, очевидно, формами горита. Понятно, почему выгибъ рамы сдѣланъ вправо: онъ слѣдуетъ линіямъ внѣшнихъ контуровъ горита въ этомъ мѣстѣ.

Итакъ, въ композиціи авторъ обивокъ показалъ себя чрезвычайно искуснымъ мастеромъ. Если формы горита отличаются строгою цѣлесообразностью, то вся композиція украшенія до мелочей обусловлена ими, логически вытекаетъ изъ нихъ. Композиція несомнѣнно богата, но въ ней нѣтъ ничего лишняго; она проста, стройна, ясна, гармонична.

Не менѣе высоки и качества исполненія. Мастеръ ильинецкой обивки владѣлъ техникой дѣла въ совершенствѣ. Слабѣе исполненіе обивки чертомлыцкой, но и оно стоитъ на высотѣ античной художественной промышленности и потому заслужило справедливыя похвалы у всѣхъ критиковъ [1]).

[1]) Даже Гребъ, *Hermes*, XXXVI (1901), ук. м., которому все не нравилось на чертомлыцкой обивкѣ, признаетъ высокія качества исполненія.

Отличаясь строгою цѣлесообразностью формы, которая обусловливаетъ всѣ основныя линіи композиціи украшенія, обнаруживая удивительную тщательность и ловкость исполненія, гориты, которымъ принадлежали наши обивки, являются весьма замѣчательными памятниками античной художественной промышленности.

Украшенные рельефами, глубокое символическое содержаніе которыхъ прекрасно гармонируетъ съ ихъ назначеніемъ, гориты представляютъ настоящіе шедевры этой промышленности. Матеріалъ обивокъ, несравненный по роскоши и блеску колорита, о которомъ не могутъ дать понятія никакія воспроизведенія, усиливаетъ еще болѣе художественное дѣйствіе, получаемое отъ богатыхъ формъ. Гориты, коимъ принадлежали наши обивки, должны были производить удивительное впечатлѣніе. Подобно оружію Ахилла, золотое оружіе, въ которое въ видѣ составной части входили гориты, должно было возбуждать энтузіазмъ, заражать воинскимъ духомъ, „маніей Ареса“. Это истинно-классическіе примѣры художественной трактовки парадного оружія. Не можетъ быть сомнѣнія, на нашъ взглядъ, что авторомъ обивокъ былъ чистый эллинъ. Именно тѣ высокія качества, которыя мы отмѣтили на обивкахъ, являются неизмѣнными и постоянными качествами лучшихъ произведеній эллинской художественной промышленности.

Подобно всѣмъ издѣліямъ греческой художественной промышленности и гориты, которымъ принадлежали обивки, наряду съ глубиной общей концепціи и удивительной гармоничностью композиціи обнаруживаютъ разнаго рода недостатки въ мелочахъ. Какъ на аттическихъ мраморныхъ надгробіяхъ и на вазовыхъ картинахъ, удивительныхъ по художественности цѣлаго, можно найти и небрежно сдѣланныя руки или ноги, и промахи въ постановкѣ и движеніяхъ фигуръ и т. п., такъ и на нашихъ обивкахъ есть рядъ такихъ мелкихъ дефектовъ. Рисунокъ тѣла у фигуръ (ср., напр., особенно мальчика Ахилла) нѣсколько неувѣренъ и не обнаруживаетъ строгой школы. Въ движеніяхъ мало жизни (ср. особенно фигуру кормилицы, удерживающей Деидамію). Иногда несовершененъ рисунокъ (ср., напр., ноги у стоящей дѣвушки въ верхнемъ фризѣ, у кормилицы, Деидаміи; часто непропорціальны и слабо нарисованы руки и т. д.). Однако, всѣ эти мелочи не умаляютъ высоты общаго замысла и общаго художественнаго дѣйствія горитовъ, которымъ принадле-

жали обивки, и таланта ихъ автора [1]). Характернымъ для греческихъ ремесленниковъ является прежде всего то, что они, какъ авторъ нашихъ обивокъ, пользуясь готовыми мотивами современнаго искусства, умѣли оставаться и истинными художниками. Греческіе ремесленники никогда не дѣлаютъ буквальныхъ заимствованій и никогда не копируютъ рабски. Весь извѣстный имъ матеріалъ они обрабатываютъ и примѣняютъ для своихъ цѣлей совершенно самостоятельно, т. е. создаютъ нѣчто новое, свое, оригинальное. Они черпаютъ матеріалъ изъ монументальнаго искусства, но и чувствуютъ и живутъ сами. Ихъ чувства и идеалы, ихъ жизнь—тѣ же, что и въ современномъ имъ монументальномъ искусствѣ. Ихъ творенія—это какъ бы только развѣтвленія, рукава одного могучаго потока эллинскаго искусства.

Итакъ, горитъ, который украшала обивка изъ Ильинецъ, вѣроятнѣе всего, произведеніе художника—эллина. Гдѣ же, въ какихъ греческихъ областяхъ былъ сдѣланъ этотъ горитъ? Гориты, какъ мы видѣли, являются спеціальнымъ оружіемъ варваровъ, обитавшихъ на югѣ Россіи [2]). Мысль о происхожденіи обивокъ изъ одной изъ греческихъ колоній на югѣ Россіи напрашивается какъ-бы сама собою. Что къ варварамъ гориты попали изъ какой-либо греческой колоніи юга Россіи,—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Однако, ни на обивкѣ изъ Ильинецъ, ни на чертомлыцкой нѣтъ и ничего такого, что бы исключало возможность происхожденія ихъ изъ одного изъ центровъ греческаго міра, напр., изъ Милета, зависимость отъ искусства котораго въ стилѣ мы должны были констатировать у обивокъ.

Обѣ обивки должны происходить изъ того художественнаго центра, откуда вышла большая часть золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, найденныхъ въ курганахъ южной Россіи, названныхъ нами въ началѣ настоящей работы. Изъ того же центра ведутъ свое начало, вѣроятно, терракоттовые лакированные сосуды, одновременные съ издѣліями изъ драгоцѣнныхъ металловъ и часто воспроизводящіе ихъ формы и орнаментику [3]).

[1]) Не правъ поэтому Gräf, ук. ст., стр. 89.

[2]) Послѣ того, какъ мы установили, что обивки наши происходятъ изъ II в. до Р. Хр., мы не можемъ называть варваровъ, въ могилахъ которыхъ были найдены обивки, «скиѳами». Съ конца III в. геродотовыхъ скиѳовъ на югѣ Россіи смѣняютъ сарматскія племена, и наши обивки происходятъ изъ сарматскихъ погребеній.

[3]) Ср. Watzinger, *Ath. Mitth.*, XXVI (1901), стр. 98; Pagenstecher, Die calenische Reliefkeramik, стр. 159 слл.

Металлическія издѣлія одного стиля съ тѣми, которыя найдены были на югѣ Россіи, были находимы и въ другихъ областяхъ греческаго міра [1]). То же надо сказать о керамическихъ вазахъ, которыя представляютъ подражаніе металлическимъ. Совершенно невѣроятно допустить, чтобы тотъ могучій центръ искусства, изъ котораго вышли и металлическія издѣлія и керамическія вазы, распространенныя по всему греческому міру, находился въ какой-нибудь изъ отдаленныхъ греческихъ колоній на Понтѣ Евксинскомъ, тѣмъ болѣе, что раскопки, производившіяся до сихъ поръ и ознакомившія насъ съ художественною жизнью греческихъ колоній Понта въ эллинистическую эпоху довольно хорошо, не даютъ для такого предположенія никакихъ основаній [2]). Далѣе, что касается издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ, то важно отмѣтить результаты изслѣдованій А. Л. Бертье-Делагарда [3]), который убѣдительно показалъ, что золото и серебро шли въ колоніи Понта изъ областей юга и въ колоніяхъ имѣли бо̀льшую стоимость, чѣмъ въ метрополіяхъ и центрахъ греческаго міра. Такое положеніе дѣла, несомнѣнно, не могло благопріятствовать тому, чтобы гдѣ-либо въ колоніяхъ могла образоваться обширная фабрикація издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Мы видѣли, что и техника и стиль обивокъ указываютъ, какъ на мѣсто своего происхожденія, на Малую Азію, на Іонію, и въ частности на Милетъ. На М. Азію, какъ на мѣсто происхожденія стиля керамическихъ издѣлій, стоящихъ подъ вліяніемъ издѣлій металлическихъ, указывали Вацингеръ [4]), Цанъ [5]) и другіе [6]). Процвѣтаніе металлической художественной промышленности въ богатыхъ городахъ М. Азіи въ эллинистическую эпоху хорошо извѣстно [7]).

Итакъ, мы склоняемся къ тому, что шедевры греческой торевтики, найденные въ южнорусскихъ курганахъ, и въ

---

[1]) Ср. Puschi und Winter, *Jahreshefte des oesterr. Institutes*, V (1902), стр. 112 слл.

[2]) Ср. нашу статью въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, XXXIII (1909), стр. 136.

[3]) Относительная стоимость монетныхъ металловъ на Боспорѣ и Борисѳенѣ въ половинѣ IV в. до Р. Хр. Москва, 1909, стр. 99 (оттискъ изъ I тома *Нумизматическаго Сборника*).

[4]) Watzinger, *Ath. Mitth.*, XXVI (1901), стр. 98.

[5]) Zahn, у Wiegand-Schrader, Priene, стр. 397 слл.

[6]) Ср. Pagenstecher, Die calenische Reliefkeramik, стр. 184; Б. В. Фармаковскій, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, II (1902), стр. 75—80.

[7]) Ср. E. Saglio, Caelatura, у Daremberg-Saglio, Dictionn. des ant. grecques et romaines, I, стр. 804.

томъ числѣ и обѣ наши обивки сдѣланы были не въ какой-либо греческой колоніи на югѣ Россіи, а были привезены туда изъ Іоніи, и скорѣе всего изъ Милета. На дѣятельныя сношенія Милета и съ Ольвіей [1]) и съ Пантикапеемъ [2]) въ эллинистическую эпоху имѣются опредѣленныя указанія. Географическое положеніе мѣстъ находокъ (близъ Днѣпра) говоритъ скорѣе за то, что гориты, которымъ обивки принадлежали, попали къ варварамъ чрезъ Ольвію.

Обивка, найденная въ Ильинцахъ, какъ мы видѣли, по исполненію стоитъ выше чертомлыцкой. Другіе художественные предметы, найденные въ Чертомлыцкомъ курганѣ (особенно знаменитая серебряная ваза), по исполненію также выгодно отличаются отъ золотой обивки горита. На это обратилъ вниманіе уже Райэ [3]), который думалъ, поэтому, что въ то время, какъ серебряная ваза и другія драгоцѣнности, найденныя въ Чертомлыцкомъ курганѣ, представляютъ собою предметы, привезенные прямо изъ Греціи, обивка горита является мѣстнымъ издѣліемъ, вѣроятно Ольвіи [4]). Заключенія Райэ сходятся съ нашими выводами въ томъ, что обивка изъ Чертомлыцкаго кургана должна была быть сдѣлана позднѣе, чѣмъ ильинецкая, и что гравировка на ней—болѣе неловкаго, грубаго стиля.

Кѣмъ и почему копія была заказана, нельзя сказать, конечно, опредѣленно. Едва ли правъ Райэ, полагая, что чертомлыцкая обивка могла быть сдѣлана въ Ольвіи. Техника этой обивки доказываетъ, что она должна была быть изготовлена тамъ, гдѣ въ этой техникѣ работали легко и ловко, гдѣ она была хорошо извѣстна, т. е. скорѣе всего тамъ же, гдѣ была сдѣлана и ильинецкая обивка, т. е. въ Милетѣ. Можетъ быть, ольвіополиты заказали и пріобрѣли въ Милетѣ горитъ, обивка съ котораго найдена въ Ильинцахъ, для подношенія какому-нибудь изъ варварскихъ „скиптроносцевъ“, какъ называются въ извѣстной надписи

---

[1]) Ср. Wiegand, *Abhandl. d. preuss. Akademie*, XXV (1905), Anhang, стр. 544.

[2]) Ср. Pontremoli et Haussoullier, Didymes, стр. 110; В. В. Латышевъ, Понтика, СПБ., 1909, стр. 299.

[3]) Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 230.

[4]) Rayet, ук. м.: обивка ...«d'une execution beaucoup plus grossière... que je reconnaîtrais volontiers dans cette oeuvre d'une main assez maladroite un produit de l'orfévrerie d'Olbia».

Протогена изъ Ольвіи [1]) вожди кочевниковъ, окружавшихъ Ольвію. Какъ извѣстно, ольвіополиты въ эллинистическую эпоху часто должны были ублажать этихъ „скиптроносцевъ“ цѣнными дарами, покупая себѣ у нихъ такимъ образомъ независимость и свободу [2]). Заказавъ драгоцѣнное оружіе для одного „скиптроносца“, ольвіополиты могли быть вынуждены въ то же время сдѣлать такіе же подарки еще какому-нибудь другому „скиптроносцу“. Изъ надписи Протогена видимъ, что ольвіополитамъ приходилось иногда въ опредѣленные сроки дѣлать подношенія одновременно цѣлому ряду „скиптроносцевъ“. Для того, чтобы два „скиптроносца“ получили равные по достоинству и цѣнности дары, могли быть заказаны копіи съ предметовъ вооруженія, имѣвшихся уже для подношенія одному скиптроносцу. Такъ могъ быть заказанъ въ Милетѣ и второй экземпляръ горита. Ему принадлежала обивка, найденная въ Чертомлыцкомъ курганѣ.

Происхожденіе обивки, найденной въ Ильинцахъ, изъ Милета, или во всякомъ случаѣ изъ іонійскаго искусства Малой Азіи, придаетъ ей особенное значеніе для исторіи эллинистическаго искусства. Благодаря наличности у рельефовъ обивки въ стилѣ чертъ, которыя находятъ ближайшія аналогіи на мраморныхъ „живописныхъ“ рельефахъ, является новое указаніе въ пользу того, что оригиналами мраморныхъ живописныхъ рельефовъ послужили, вопреки Зивекингу, вѣроятно, именно металлическіе рельефы, а не какіе-либо иные, и что стиль мраморныхъ рельефовъ не александрійскій, какъ можно было думать раньше [3]), а малоазійскій [4]). Обивка изъ Ильинецъ наводитъ на мысль, что этотъ

---

[1]) Ср. Latyschev, *IosPE.* I, № 16, стр. 41: «πολλοὶ μὲν σκηπτοῦχοι ἐθεραπεύθησαν εὐκαίρως».

[2]) Ср. В. В. Латышевъ, Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи, Спб., 1887, стр. 93; Б. В. Фармаковскій, *Ольвія*, въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза—Ефрона, III доп. томъ, стр. 339.

[3]) Ср. Schreiber, Die Wiener Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani, стр. 18 сл.

[4]) Ср. Klein, Gesch. d. griechischen Kunst, III, стр. 144, пр. 1; Cultrera, Saggi sull'arte ellenistica e greco-romana, I, La corrente asiana, стр. 10 слл., 102 слл.; ср. и Sieveking, у Brunn-Bruckmann, *Denkm. d. griech. u. römich. Sculptur*, текстъ къ табл. 621—630. За происхожденіе рельефовъ изъ восточно-греческаго, іонійскаго искусства говоритъ еще бронзовый рельефъ, найденный на Делосѣ и изданный въ *Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et belles lettres*, 1909, стр. 415, и у Brunn-Bruckmann, ук. изд., текстъ къ табл. 621, рис. 1. Ср. A. J. Reinach, *Revue archéolog.*, 4 s., XIV (1909), стр. 437; Б. В. Фармаковскій, *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1910 г., январь, соврем. лѣтопись, стр. 14; Courby, *Comptes-rendus du Congrès international d'archéologie classique*, II session, Le Caire 1909, стр. 229 слл.

стиль ведетъ начало изъ стараго искусства Милета, и что образцами для мраморныхъ рельефовъ могли быть рельефы изъ металла, исполненные въ техникѣ, аналогичной рельефамъ обивокъ. Рельефы ильинецкой обивки, очень можетъ быть, представляютъ воспроизведенія именно какихъ-нибудь металлическихъ рельефовъ, украшавшихъ какой-либо храмъ, героонъ или иное зданіе въ области іонійскаго Милета, метрополіи Ольвіи и Пантикапея. Черезъ эти города, и особенно черезъ Ольвію, высоко-художественныя издѣлія Милета въ эллинистическую эпоху, какъ и раньше, попадали къ обитателямъ степей далекой Сарматіи. Грандіозные курганы юга Россіи, могилы сарматскихъ „скиптроносцевъ“, и сохранили намъ на удивленіе цѣлый рядъ шедевровъ торевтики милетской школы II вѣка до Р. Хр.

Среди этихъ произведеній обивки горитовъ изъ Ильинецъ и изъ Чертомлыцкаго кургана должны занимать видное мѣсто, такъ какъ, благодаря богатству ихъ формъ, онѣ даютъ важныя указанія насчетъ времени и происхожденія всѣхъ вообще предметовъ, найденныхъ въ курганахъ Чертомлыцкомъ, Куль-обскомъ, Карагодеуашхѣ, Чмыревомъ и т. д., т. е. значительнѣйшей части наиболѣе видныхъ предметовъ, извлеченныхъ изъ обители Леты трудами археологовъ и составившихъ нынѣ богатѣйшую и единственную въ своемъ родѣ коллекцію въ Отдѣленіи Древностей Императорскаго Эрмитажа.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ высказать сердечную, глубокую благодарность хранителямъ Императорскаго Эрмитажа Е. М. Придику и барону П. Ф. Мейендорфу, съ величайшей предупредительностью относившимся къ нашимъ занятіямъ въ Отдѣленія Древностей и его библіотекѣ и обставлявшимъ насъ всевозможными удобствами.

Б. Фармаковскій.

Рис. 1*а*.

Рис. 1*б*.

Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 году.

I.

Если греческія колоніи сѣвернаго побережья Чернаго моря сравнительно бѣдны памятниками религіознаго культа, которыми такъ богаты Греція и Малая Азія,—руинами храмовъ, вотивными рельефами и надписями, то тѣмъ богаче одна изъ нихъ, именно Керчь (др. Пантикапей), и ея область живописью религіознаго содержанія. Отвлекаясь отъ вазъ мѣстнаго производства—я имѣю главнымъ образомъ въ виду такъ называемыя акварельныя вазы, изученіе и опубликованіе которыхъ есть одна изъ очередныхъ и настоятельнѣйшихъ задачъ археологическаго изученія нашего юга,—укажу на росписи Керченскихъ и Таманскихъ гробницъ, дающихъ цѣлую серію изображеній религіознаго содержанія. Къ этимъ памятникамъ Керчи и Тамани нѣкоторыя дополненія даетъ роспись одной Херсонесской гробницы и, можетъ быть, дала бы роспись погребальной камеры кургана Карагадеуашхъ, если бы она была спасена для науки при раскопкѣ этого капитальнаго памятника.

Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на описаніи и толкованіи всѣхъ этихъ росписей, только въ нѣкоторой части описанныхъ и объясненныхъ; подробный разборъ ихъ будетъ данъ мною въ готовящейся публикаціи остатковъ античной декоративной живописи юга Россіи. Укажу здѣсь только на нѣкоторыя наиболѣе важныя особенности этихъ росписей вообще и остановлюсь на подробномъ истолкованіи росписей одной изъ гробницъ, той, которая была найдена и опубликована проф. Ю. А. Кулаковскимъ въ 1891 году.

Наиболѣе богаты религіозными сюжетами гробницы римскаго времени. Въ сравненіи съ ними немногочисленные памятники греческаго періода даютъ довольно бѣдный матеріалъ. Въ серіи этихъ греческихъ гробницъ на первомъ планѣ стоитъ погребальный склепъ кургана Большой Близницы [1]).

Всѣмъ извѣстна превосходная голова Деметры, которою украшенъ былъ ключевой камень первой изъ найденныхъ въ этомъ курганѣ въ 1864, 1865 и 1868 г.г. гробницъ [2]). Уже Стефани отмѣтилъ, что, судя по находкамъ въ другихъ, не разграбленныхъ склепахъ и могилахъ этого кургана, которыя всѣ датируются концомъ IV-го или началомъ III-го в. до Р. Хр., и наша гробница принадлежитъ къ серіи одновременно или почти одновременно выстроенныхъ усыпальницъ кургана. Его выводъ подтверждается и способомъ стройки всѣхъ гробницъ, и анализомъ орнаментовъ и всей схемы декоровки первой изъ нихъ, единственной, которая была богато и изящно расписана. Крупное значеніе имѣетъ и то, что въ этомъ тщательно разслѣдованномъ курганѣ гробницъ болѣе поздняго или болѣе ранняго времени найдено не было. Этотъ фактъ показываетъ, что курганъ нашъ созданъ былъ для погребенія подъ нимъ членовъ одной богатой и знатной семьи, время процвѣтанія которой относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ IV-го и первымъ III-го в. до Р. Хр.

Тотъ же Стефани [3]) отмѣтилъ несомнѣнный и очень важный фактъ близкой связи, въ которой стояла наша семья съ культомъ Деметры. Если даже отбросить рядъ натянутыхъ толкованій, старающихся связать съ культомъ Деметры всѣ подробности украшенія туалета погребенныхъ, весьма заманчиво будетъ всетаки привести въ связь съ этимъ культомъ и элевсинскими мистеріями головные уборы въ видѣ калаѳа двухъ погребенныхъ женщинъ, бляшки съ головами Деметры, Коры и Геракла [4]), нашитыя на одежду одной изъ нихъ, бляшки и перстни съ изображеніемъ экстатическаго танца на костюмѣ двухъ

---

[1]) *Отчетъ И. Арх. Комм.* за 1864 г., стр. IX; ср. Стефани, *Отчетъ* за 1865 г. (Объясненіе нѣк. древн. найд. въ 1864 г., стр. 5 слл.).

[2]) Воспроизведена въ краскахъ съ акварели, которую мнѣ не удалось отыскать въ архивѣ Коммиссіи (не удалось найти и снятой въ то же время фотографіи), на заглавномъ листѣ *Отчета* за 1865 г.

[3]) *Отчетъ И. А. К.* за 1865 г., стр. 16 сл. Ср. Керченскія древности въ Имп. Эрмитажѣ. Фотографическіе снимки съ оригиналовъ, изд. съ Высочайшаго соизволенія К. К. Ретгеромъ съ объясн. текстомъ Л. Стефани. Табл. I—VIII. Гробница жрицы Деметры. Спб. 1873.

[4]) *Отчетъ И. А. К.* за 1865 г., стр. 50, 53, 66. Атласъ, табл. II.

погребенныхъ женщинъ [1]). Въ этой связи пріобрѣтаетъ особое значеніе и упомянутая голова Деметры или Коры въ ключѣ уступчатаго свода первой гробницы.

Менѣе доказательны соображенія Стефани относительно такой же связи съ культомъ и мистеріями Деметры женщины, погребенной въ склепѣ Павловскаго кургана [2]).

Весьма характерно и то, что какъ разъ для нашего времени о популярности культа Деметры свидѣтельствуютъ всѣ три дошедшія до насъ посвященія Деметрѣ, найденныя въ Керчи: Ios PE. II, 7 (Левконъ I), 13 (Спартокъ III) и 20. Характерно, что послѣдняя надпись посвящена жрицей Деметры.

Къ нашей же эпохѣ относятся и монеты Ольвіи съ головой Деметры—основной типъ ольвійскихъ монетъ эпохи расцвѣта этой милетской колоніи.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ позволяетъ заключить, что IV—III в. до Р. Хр. былъ временемъ крупнаго расцвѣта культа Деметры въ Пантикапеѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ особаго распространенія элевсинскихъ мистерій, нашедшихъ себѣ здѣсь и, какъ увидимъ ниже, во всѣхъ остальныхъ колоніяхъ Черноморскаго побережья особо благопріятную почву. Каковы были причины этого, объ этомъ ниже.

Культъ элевсинскихъ боговъ и распространеніе элевсинскихъ мистерій не ограничивается, однако, намѣченной выше эпохой. Новый разцвѣтъ его мы наблюдаемъ въ императорское время, когда подобное же явленіе отмѣчается почти на всемъ протяженіи Римской имперіи, особенно же въ восточной ея половинѣ [3]).

Для этого времени мистеріи прямо засвидѣтельствованы намъ надписью IosPE. II, 342 (ср. Стефани, *Отчетъ* 1872, стр. 173). Характерно и то, что династія, правившая Боспоромъ съ конца I в. по Р. Хр. (Тиберій Юлій Рескупоридъ I и его потомство, Латышевъ, Ποντικά, стр. 112 слл.), выводитъ свой родъ отъ Геракла, Посидона и Евмолпа. Мнѣ кажется, какъ и В. В. Латышеву (l.l. 112, 1), болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что это, какъ и оракійскія имена ряда этихъ династовъ, указываетъ на связь

[1]) *Отчетъ И. А. К.* за 1865 г., стр. 56 и Атл. табл. III. Всѣ пляшущія дѣвушки носятъ калаѳы на головахъ: ibid. стр. 65, ср. стр. 70.

[2]) *Отчетъ* 1865 г., стр. 44, ср. *Отчетъ* 1859 г. Атласъ, т. III, 4—5.

[3]) Rohde, Psyche II, 398.

династіи съ Ѳракіей и, прибавлю я, на преданность этой же династіи культу Деметры и элевсинскимъ мистеріямъ, основателемъ которыхъ считали ѳракійца Евмолпа. Что эта связь основывается не исключительно на желаніи династіи связать себя съ Аѳинами и Элевсиномъ, а и на той роли, которую играли хѳонические культы и мистеріи, въ основѣ своей независимо отъ Элевсина, во всей Ѳракіи, это я постараюсь доказать ниже. Греческое вліяніе во Ѳракіи и на всемъ побережьѣ Чернаго моря такъ тѣсно слило мѣстные элементы съ формами религіознаго сознанія и культа греческими, что отдѣлить одно отъ другого и рѣзко различить оба элемента представляется весьма затруднительнымъ.

Рис. 2*а*.

Рис. 2*б*.

Хѳонической богиней я склоненъ былъ бы считать и ту богиню, голова которой, украшенная модіемъ или калаѳомъ, появляется впервые на монетахъ царицы Гепэпирисъ (41—42 г. по Р. Хр., см. заглавную виньетку, рис. 1) и повторяется на монетахъ Рескупорида I (68—92 г.) и Савромата I (93—123 г.); тотъ же бюстъ въ соединеніи съ бюстомъ царя часто встрѣчается на монетахъ Евпатора (см. рис. 2). Хѳоническимъ божествомъ я считаю и ту богиню съ калаѳомъ или стѣннымъ вѣнцомъ на головѣ, со скипетромъ и круглымъ предметомъ (часто характеризованъ несомнѣнно какъ патера) въ рукахъ, которая появляется въ видѣ сидящей на тронѣ богини (иногда въ соединеніи съ Эротомъ, хѳоническое значеніе котораго общеизвѣстно, или Никой) на боспорскихъ монетахъ, начиная съ эпохи Савромата II (174—210 по Р. Хр.). При Котисѣ III (227—234 по Р. Хр.) богиня наша появляется иногда на оборотѣ сопоставленныхъ бюстовъ царя и богини съ калаѳомъ на головѣ. Въ литературѣ принято называть нашу богиню Афродитой Ураніей.

Что проникновеніе въ Боспорское царство или новый расцвѣтъ культа элевсинскихъ хѳоническихъ боговъ и ихъ мистерій, можетъ быть не безъ вліянія и орфическихъ элементовъ, не было только явленіемъ на-

носнымъ, ограничивавшимся узкими кругами высшихъ слоевъ населенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только вышеуказанная надпись, но и тотъ фактъ, что въ цѣломъ рядѣ гробницъ Пантикапея I-го и II-го вѣка или, лучше, во всѣхъ почти гробницахъ этого времени и послѣдующихъ вѣковъ, гдѣ встрѣчаются изображенія изъ сферы религіи и культа, главную роль среди этихъ изображеній играютъ сцены, связанныя съ культомъ элевсинскихъ боговъ и съ мистико-орфическими взглядами на загробную жизнь.

Я не стану здѣсь подробно разбирать всѣ изображенія, такъ какъ это завело бы меня далеко за предѣлы этой статьи, укажу только на то, что въ большинствѣ гробницъ главная сцена изображаетъ похищеніе Коры Плутономъ. Такъ въ наиболѣе раннемъ изъ римскихъ погребальныхъ склеповъ, такъ называемомъ склепѣ Зайцевой [1]); такъ въ одной изъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою стилистически гробницъ, Анѳестерія, Алкима и гробницы 1891 г., о которой ниже подробнѣе,— а именно въ гробницѣ Алкима [2]). Кромѣ того, и здѣсь, какъ и въ склепѣ Зайцевой, въ ключѣ свода или въ центрѣ потолка, какъ и въ склепѣ Большой Близницы, изображены: голова Деметры впрямь — въ склепѣ Зайцевой, голова Деметры или Коры впрямь—въ гробницѣ Алкима. Цѣлый элевсинскій циклъ изображеній—ἀνθολογία, ἁρπαγὴ и πλάνη—представленъ на стѣнѣ первой камеры гробницы, открытой Ашикомъ въ 1845 г. [3]). Здѣсь, кромѣ того, фигура Деметры (?) встрѣчается и въ другой связи, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Фрагментъ сцены похищенія зарисованъ былъ, наконецъ, Бларамбергомъ съ плиты, извлеченной изъ погибшей, вѣроятно керченской же гробницы [4]).

Сцена похищенія Коры очень популярна въ античномъ искусствѣ. Особенно часто встрѣчается она на надгробныхъ стелахъ и на мозаикахъ и въ росписяхъ гробницъ [5]). Связь ея съ частью картинъ, прохо-

[1]) См. мою статью «Керченская декоративная живопись» въ *Журн. М. Н. Пр.* 1906 г. Май, стр. 220 сл.

[2]) Стефани, *Отчетъ* за 1868 г., стр. 114—116, ср. Кулаковскій, *Мат. по арх. Россіи*, № 19. Двѣ керченскія катакомбы съ фресками, СПБ. 1896, стр. 6 (эту работу буду приводить ниже только подъ именемъ автора); R. Foerster, Der Raub und die Rückkehr der Persephone, Stuttgart 1874, 228, 6.

[3]) Ашикъ, Керченскія древности. Одесса 1845 г., табл. V; Foerster, l.l., 229 слл., табл. I.

[4]) Одесское Общество Исторіи и Древностей. Альбомъ IV/109. Акварельный рисунокъ съ надписью Michel de Blaramberg del. Fouilles d'un grand tumulus sur le chemin de Kertsch à Yeni-Kalé.

[5]) См. Foerster, l. l. 99—267.

дившихъ передъ глазами мистовъ въ Элевсинѣ во время театрально-сакральнаго дѣйства, несомнѣнна. Несомнѣнно и то, что въ похищаемой Корѣ видѣли образъ похищенія человѣка смертью, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ стереотипное выраженіе метрическихъ и прозаическихъ эпитафій, говорящихъ о похищеніи покойнаго Аидомъ. Мистическій характеръ этого акта наиболѣе ярко сказывается въ росписи гробницы Вибіи, принадлежавшей къ мистамъ Сабазія: похищаемая Плутономъ женщина здѣсь приписью опредѣленно обозначена какъ сама Вибія [1]).

Сценой похищенія, однако, не исчерпывается кругъ изображеній элевсинскаго цикла въ гробницахъ Керчи. Въ гробницѣ, разрытой въ Керчи въ 1873 г., вѣроятно нѣсколько болѣе поздней, чѣмъ вышеприведенныя, мы имѣемъ, какъ и въ гробницѣ Ашика, изображеніе другой не менѣе популярной сцены изъ серіи сценъ элевсинскихъ дѣйствъ—сцену блужданія Деметры въ оригинальной мистической трактовкѣ.

Такъ какъ изображеніе это до сихъ поръ правильно истолковано не было (первый, давшій ему истолкованіе, былъ я, но мое толкованіе—выѣздъ Триптолема—неправильно), то придется сказать о немъ нѣсколько словъ. Изображеніе находится на правой стѣнѣ первой комнаты и продолжается на передней стѣнѣ. Въ лѣвой части боковой стѣны мы видимъ Деметру въ колесницѣ, запряженной драконами вправо; за ея плечами развѣвается хламида. Надъ Деметрой паритъ остатокъ фигуры съ кнутомъ въ рукѣ—очевидно Геката, постоянная спутница Деметры въ ея поискахъ дочери. Передъ колесницей влѣво, наклонившись всѣмъ корпусомъ, стоитъ или, скорѣе, тоже паритъ женская фигура; въ правой рукѣ она держитъ большой колосъ, въ лѣвой—рогъ изобилія. Въ сценахъ πλάνη Деметры у ногъ лошадей или подъ тѣлами драконовъ обыкновенно изображается Γῆ (земля). Наша фигура должна быть истолкована въ томъ же смыслѣ. Если это не Γῆ, то во всякомъ случаѣ олицетвореніе плодородной силы земли, которую можно, быть можетъ, назвать Горой. Далѣе вправо двѣ парящія женскія фигуры съ развѣвающимися пла-

[1]) См. Garrucci, Storia dell'arte cristiana, VI, 171, tav. 493; онъ же, Tre sepolcri con pitture ed iscrizioni appartenente alle superstizioni pagane del Bacco Sabazio e del Persidico Mitra, Napoli 1852, t. I; старая литература объ этой гробницѣ у Foerster, l.l. 231 сл. Рисунки Garrucci репродуцируетъ на двухъ таблицахъ Maass, Orpheus, München 1895, къ стр. 218. О сценѣ суда см. Ruhl, De mortuorum iudicio, Giessen 1903, 96 слл. Тѣ-же рисунки Garrucci повторяетъ Wendland, Die hellenistisch-römische Kultur, München 1907, 184 сл. Новые снимки даетъ Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, Taf. 132. 133.

щами надъ головами влѣво; такія же фигуры покрываютъ затѣмъ и часть плафона подъ нашей сценой. Рядомъ съ парящими женскими фигурами на входной стѣнѣ свинья или кабанъ влѣво; свинья или свиньи, какъ извѣстно, играютъ немаловажную роль въ разсказахъ о блужданіяхъ Деметры и въ пластическихъ и живописныхъ изображеніяхъ нашей сцены (свинья изображена и въ сценѣ πλάνη въ гробницѣ, открытой Ашикомъ) [1]).

Ново въ нашемъ изображеніи сравнительно съ обычнымъ типомъ сцены во-первыхъ то, что всѣ фигуры представлены парящими въ воздухѣ, во-вторыхъ хоръ женскихъ фигуръ, парящихъ вокругъ Деметры въ мистической пляскѣ. И тотъ, и другой мотивъ я склоненъ былъ бы относить къ орфическимъ представленіямъ. О первомъ рѣчь еще будетъ ниже, для второго укажу на роль, которую играютъ Горы въ орфической исторіи похищенія Коры. Горы—спутницы Коры, которыя естественно сопровождаютъ и мать Коры въ ея поискахъ дочери. Въ XLIII орфическомъ гимнѣ (Abel) они призываются (ст. 5 слл.), какъ Ὧραι ἀειθαλέες περικύκλαδες ἡδυπρόσωποι, | πέπλους ἐννύμεναι δροσεροὺς ἀνθῶν πολυθρέπτων, | ἀγνῆς Περσεφόνης συμπαίκτορες, εὖτέ ἐ Μοῖραι | καὶ Χάριτες κυκλίοισι χοροῖς ποτὶ φῶς ἀνάγωσι | Ζηνὶ χαριζόμεναι καὶ μητέρι καρποδοτείρῃ.

Любопытно появленіе Горъ на памятникѣ, наиболѣе близко стоящемъ къ изображенію нашей гробницы, — на саркофагѣ собранія Pembroke въ Wilton House (Wiltshire), гдѣ онѣ во всякомъ случаѣ изображены на крышкѣ саркофага, а можетъ быть и какъ участницы одной изъ главныхъ сценъ. Любопытно и то, что и на упомянутомъ саркофагѣ циклъ орфически-элевсинскій связанъ съ Аполлоновымъ: на короткихъ сторонахъ саркофага изображены грифоны у треножника. Въ нашей гробницѣ на прилегающей къ нашей сценѣ части задней стѣны изображенъ грифонъ у золотого сосуда [2]).

Въ циклъ представленій, связывающихъ Аполлона съ загробнымъ царствомъ и съ апоѳеозомъ умершаго, вводитъ насъ гробница 1875 г., гдѣ въ люнеткѣ изображенъ парящій на грифонѣ Аполлонъ и противъ

---

[1]) О роли свиньи въ орфической версіи мѳа см. Foerster, l.l. 78 и 43, 4.

[2]) Объ изображеніи πλάνη вообще см. Foerster, l.l. 248 слл., особ. 257 сл. (саркофаги), ср. Minto, Ausonia IV (1910), 165 слл. О саркофагѣ Wilton-House, кромѣ Foerster'a (l.l. 263), дающаго неправильное толкованіе, см. Müller-Wieseler-Wernicke, Antike Denkmäler, II, Taf. XIX, стр. 234 слл.

него женская фигура на быкѣ въ схемѣ Европы, но здѣсь очевидно имѣющая значеніе женской ипостаси хѳонического Аполлона (скорѣе всего Артемида, иногда изображаемая на быкѣ [1]). Въ связь съ этимъ Аполлоновымъ апоѳеозомъ надо поставить, несомнѣнно, и тѣхъ гусей или лебедей, которые парятъ въ центрѣ потолковъ двухъ камеръ Ашиковской гробницы и напоминаютъ сцену апоѳеоза одной изъ гробницъ на Латинской дорогѣ въ окрестностяхъ Рима [2]).

Не вхожу здѣсь въ оцѣнку изображенія „Парадиза“ съ богатой растительностью и звѣрями Стасовской гробницы, такъ какъ это повело бы меня въ рядъ иныхъ, можетъ быть, не греческихъ представленій о загробной жизни [3]).

Значительно слабѣе представленъ въ керченскихъ гробницахъ Діонисовскій элементъ, стоящій въ такой тѣсной связи съ загробнымъ міромъ на надгробныхъ стелахъ и въ украшеніи гробницъ и саркофаговъ другихъ частей греко-римскаго міра. Нѣкоторыя подробности въ трактовкѣ такъ называемыхъ погребальныхъ трапезъ въ гробницахъ (напр. виноградная лоза надъ сценой „трапезы“ въ гробницѣ, открытой Ашикомъ) стоятъ въ несомнѣнной зависимости отъ культа Діониса. Съ культомъ Діониса связанъ и рядъ изображеній апотропэическаго характера въ позднѣйшихъ гробницахъ, какъ, напр., голова Силена въ гробницѣ Сорака [4]) и головы Силена и Пана въ украшенной скульптурами гробницѣ въ Эль-Тегенѣ [5]). Апотропэическій характеръ изображеній Діонисовскаго круга съ древнѣйшаго и до позднѣйшихъ временъ общеизвѣстенъ [6]).

II.

Если изображенія изъ области цикла представленій, связанныхъ съ культомъ Деметры и Элевсиномъ, картины изъ области культа хѳонического Аполлона и Діониса, хотя и нуждаются въ болѣе подробномъ

---

[1]) *Отчетъ* за 1875 г., стр. XXV сл.; Стефани, *Отчетъ* за 1876 г., 218 сл.; Кулаковскій, 8. Объ Артемидѣ на быкѣ см. Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, II, 1293, 1 (на монетахъ Амфиполя въ Македоніи).

[2]) Ашикъ, ук. соч., 7, табл. VII и XII. О гробницѣ на Латинской дорогѣ будетъ сказано ниже.

[3]) Стасовъ въ *Отчетъ* за 1872 г., стр. 235 слл.

[4]) Кулаковскій, 16 слл.

[5]) Ростовцевъ, 16.

[6]) На этомъ повторно настаивалъ Стефани, *Отчетъ* 1866, 70 слл.; 1869, 129 сл. 1875, 31 сл.; 1876, 70 и 157 сл.

объясненіи, которое будетъ мною дано въ другомъ мѣстѣ, но все же представляютъ явленія обычныя въ загробномъ искусствѣ, то въ достаточной мѣрѣ необычными, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, покажутся изображенія, украшающія гробницу, открытую и описанную проф. Кулаковскимъ въ 1891 году [1]).

Я уже указалъ, что по стилю эта гробница составляетъ одно цѣлое съ гробницами Алкима и Анѳестерія и, очевидно, принадлежитъ тому же времени, которое можетъ быть ближе опредѣлено только въ общей связи развитія декоративной гробничной живописи въ Керчи. Сближаетъ эту серію гробницъ другъ съ другомъ и то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ памятникахъ сюжеты религіозные играютъ основную роль, сюжеты же изъ обыденной жизни покойнаго имѣютъ главнымъ образомъ подчиненное значеніе (иначе въ гробницахъ второй, можетъ быть болѣе поздней, группы,—гробницахъ Стасовской, 1875 г., и Ашиковской; среднее мѣсто занимаетъ гробница 1873 г.) [2]).

И схема размѣщенія этихъ изображеній во всѣхъ указанныхъ гробницахъ, включая сюда и гробницу Зайцевскую и одновременную ей гробницу 1852 г., одинакова. Главное изображеніе помѣщается въ люнеткѣ противъ входа, дополнительныя—по обѣ стороны главнаго входа въ гробницу.

Эти дополнительныя изображенія вездѣ одинаковы. Въ гробницѣ 1852 г. это двѣ неопредѣлимыя человѣческія фигуры, неправильно зарисованныя англійскимъ рисовальщикомъ Макферсона (онъ имъ придалъ львиныя головы) [3]); въ гробницѣ Зайцевой это Гермесъ и Калипсо, опредѣленные какъ таковые приписями; въ гробницѣ Анѳестерія это двѣ фигуры, которыя, если вѣрить рисунку, на мой взглядъ явно неточному, обѣ изображаютъ либо самого Гермеса, либо его женскую

[1]) Кулаковскій, 34 слл.

[2]) Сцены изъ реальной жизни первой группы стоятъ въ тѣсной связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ обычнаго изображенія семейной, такъ называемой, трапезы и носятъ мирный, идиллическій характеръ. Это главнымъ образомъ сцены изъ полукочевой сельскохозяйственной жизни керченскихъ землевладѣльцевъ, иллюстрирующія ихъ жизнь въ степи въ кибиткѣ или юртѣ. Гробницы второй группы рисуютъ главнымъ образомъ сцены боевыя—битвы и сраженія съ сосѣдними народами. Средину между обѣими группами занимаетъ Ашиковская гробница. Эта разница сюжетовъ зависитъ, вѣроятно, и отъ разницы во времени: періодъ мирной жизни I и II в. смѣнился періодомъ боевымъ конца II и III в. по Р. Хр.

[3]) Кулаковскій, Матеріалы, 5 и 9, удивительнымъ образомъ дѣлаетъ изъ одной гробницы, описанной въ 1852 г. Беккеромъ, а въ 1856 Макферсономъ, двѣ, которыя онъ называетъ гробницами 1852 и 1856 г.г. Ср. Ростовцевъ, 6.

ипостась: три пера на головахъ этихъ фигуръ нѣсколько напоминаютъ перо на головѣ нѣкоторыхъ изображеній Гермеса-Тота и Фортуны, разобранныхъ Furtwängler'омъ въ Bonner Jahrbücher [1]); въ гробницѣ, открытой Ашикомъ, вмѣсто отдѣльныхъ фигуръ даны цѣлыя сцены, въ которыхъ Гермесъ сочетается съ двумя женскими фигурами и координируется со сценой, напоминающей сцену такъ называемой загробной трапезы, въ которой, однако, въ первой камерѣ этой гробницы женская фигура опредѣлена колосомъ, можетъ быть, какъ изображеніе Деметры; не надо, однако, забывать, что точность рисунковъ Ашика несомнѣнно оставляетъ желать многаго [2]). Наконецъ, въ гробницѣ 1891 г. мы имѣемъ опять таки двѣ фигуры—мужскую и женскую, недостаточно точно описанныя Кулаковскимъ.

Направо отъ входа (для входящаго) [3]) изображена статуя Тихи на пьедесталѣ впрямь; правой рукой она опирается на руль, въ лѣвой держитъ рогъ изобилія. Надъ лбомъ ея возвышается какой-то высокій головной уборъ, къ сожалѣнію, почти не сохранившійся; думать возможно либо о калаѳѣ, либо о типичномъ головномъ уборѣ Изиды, либо о двухъ перьяхъ. Еще хуже сохранилась фигура налѣво отъ входа. Низъ ея совершенно исчезъ, но верхъ туловища, голова и руки сохранились. Изображенъ несомнѣнно нагой юноша впрямь. Голова обрамлена двумя густыми прядями кудрей, какъ на изображеніяхъ молодыхъ мужскихъ фигуръ элевсинскаго круга—Евбулея, Іакха и др. Правая рука опущена, согнута въ локтѣ и нѣсколько выставлена внередъ, въ ней какой-то округлый, большой, продолговатый предметъ, врядъ-ли, однако, кошель, скорѣе повязка или гирлянда; въ лѣвой рукѣ во всякомъ случаѣ не кадуцей, а какой-то фигурный скипетръ, почти несомнѣнно ѳиміатерій или, лучше, держатель для факела (совершенно очевидно, что это и не тирсъ). Къ ближайшему толкованію нашей пары и всѣхъ родственныхъ только что указанныхъ паръ я еще вернусь.

Главныя изображенія въ гробницѣ 1891 г., какъ и въ большинствѣ родственныхъ ей, помѣщены въ люнеткѣ противъ входа. Нишей, нахо-

[1]) Furtwängler, *Bonner Jahrbücher*, 103, 1 слл.; 107, 37 слл.; 108—109, 243; 114—115, 193 слл. Гробница, теперь варварски разрушенная (роспись нарочно счищена лопатой), опубликована въ *Отчетъ* за 1870—71 г., стр. 5 слл.; Атласъ табл. I (въ краскахъ); ср. *Отчетъ* 1877 г., стр. XIV сл.

[2]) Ашикъ, табл. III и VI.

[3]) Направо же отъ входа изображена и женская фигура въ гробницѣ Зайцевой. См. фигуры гробницы 1891 г. на табл. II, 2—3.

дящейся въ нижней части средины этой люнетки и обрамленной двумя цвѣтущими побѣгами розы, на которыхъ стоятъ вверху чаша и два павлина, склонившіе надъ ней головы, другъ противъ друга, люнетка раздѣлена на двѣ части; лѣвая занята изображеніемъ такъ называемой загробной семейной трапезы съ рядомъ реалистическихъ подробностей (юрта рядомъ съ ложемъ, около ложа колыбель съ младенцами), правая—изображеніемъ чисто религіознаго содержанія (см. табл. I, сдѣланную по акварели, написанной на мѣстѣ М. В. Фармаковскимъ) [1]).

Около цилиндрическаго алтаря съ профилированнымъ карнизомъ и базой стоитъ направо мужская фигура впрямь; голова обрамлена длинными, спадающими до плечъ волосами, на головѣ модій или калаѳъ; возможно, что мастеръ хотѣлъ изобразить фигуру бородатою; одѣта она, кажется, въ хитонъ съ короткими рукавами (?) и розоватый плащъ; ноги, вѣроятно, нагія. Правая рука протянута надъ алтаремъ, въ ней, вѣроятно, патера, въ лѣвой—большой голубой рогъ изобилія. Налѣво отъ алтаря стоитъ женская фигура также впрямь; лицо обрамлено длинными, вьющимися, спадающими на плечи волосами, на головѣ калаѳъ или модій, одѣта въ длинную до пятъ одежду, правая рука вытянута надъ алтаремъ, въ лѣвой голубой рогъ изобилія. На алтарѣ стоитъ какой-то овальный предметъ—яйцо или, вѣрнѣе, жертвенное печенье. Направо отъ описанной сцены женская пляшущая фигура впрямь, въ голубой одеждѣ; она обѣими руками поддерживаетъ надъ головой плащъ, образующій надъ ея головой полукругъ. Рядомъ съ нею дерево, направо отъ него олень, далѣе въ углу какое-то мясистое растеніе въ одинъ стебель и на немъ пестрая птица влѣво. Сзади двухъ главныхъ фигуръ, надъ ними, какъ бы въ отдаленіи, нѣсколько созерцающихъ главную сцену фигуръ: одна конная влѣво и передъ нею одна пѣшая, можетъ быть женская, сзади конной три пѣшихъ же, какъ кажется, женскихъ, всѣ, какъ кажется, впрямь, т. е. съ лицами, обращенными къ главной сценѣ.

Смыслъ описанной сцены до сихъ поръ, какъ слѣдуетъ, не объясненъ. Ни проф. Кулаковскій, ни я въ своей рецензіи на его работу не дали удовлетворительнаго толкованія всѣхъ деталей изображенія.

[1]) Таблица въ краскахъ, приложенная къ работѣ проф. Кулаковскаго, въ высшей степени неточна, не говоря уже о полной неудовлетворительности въ стилистическомъ отношеніи. Это показываетъ съ полной ясностью сличеніе съ снятыми для Имп. Археологической Коммиссіи фотографіями.

Такое детальное толкованіе возможно, однако, только послѣ того, какъ сдѣлается намъ понятнымъ значеніе главныхъ фигуръ изъ сопоставленія ихъ съ родственными изображеніями.

III.

Въ первую голову приходится устранить объясненіе, предложенное мною въ моей рецензіи. О томъ, чтобы изображены были Сарапись и Изида, думать не приходится, главнымъ образомъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Типы Сараписа и Изиды прочно установились въ греческой иконографіи главнымъ образомъ съ эпохи ранняго эллинизма. Одинъ изъ типовъ Сараписа (сидящій) создалъ Бріаксисъ [1]), другой—стоящій съ поднятой благословляющей правой рукой и со скипетромъ въ лѣвой созданъ былъ, вѣроятно, позднѣе [2]). Оба эти типа упрочились въ иконографіи, равно какъ и типъ Изиды, и сдѣлались каноническими [2]). Конструированный главнымъ образомъ Михаэлисомъ и по его слѣдамъ Дрекслеромъ [3]) третій типъ Сараписа и Изиды—стоящій или лежащій съ модіемъ на головѣ и съ рогомъ изобилія—хотя и имѣетъ большое распространеніе, но нигдѣ, какъ изображеніе Сараписа и Изиды, не обозначенъ и на родинѣ культа въ Александріи не встрѣчается. Между тѣмъ самый типъ созданъ рано, вѣроятно еще въ IV в., и по всей вѣроятности раньше типа Сараписа, на который онъ, вѣроятно, повліялъ.

Откуда же этотъ типъ и кого онъ изображаетъ?

Съ рогомъ изобилія въ рукахъ, стоящими и лежащими на клинѣ изображались въ Аѳинахъ со времени расцвѣта греческаго искусства въ связи, главнымъ образомъ, съ измѣненіемъ представленій о великомъ богѣ Аидѣ Плутонѣ подъ вліяніемъ элевсинскихъ мистическихъ идей различныя ипостаси хѳоническихъ боговъ, боговъ цѣлителей и боговъ плодородія и богатства [4])—Аида-Плутона, Зевса Филія и др., притомъ

[1]) См. Amelung, *Rev. arch.* 1903, II, 177 слл.

[2]) Michaelis, *Journ. of hell. St.* 1885, 293, ср. Petersen, *Arch. f. Rel.* 1910, 47 и 72.

[3]) Michaelis l.l., 300 сл.; Drexler, *Wiener Numism. Zeitschr.* 1889, 1 слл.; H. Ph. Weitz у Рошера, Lex. s. v. Sarapis 370, 60 (типъ 4 с.). Послѣдній даетъ гораздо болѣе сложную исторію развитія типа, не признавая пріоритета сидящей александрійской статуи, что врядъ-ли правильно. Многія варіаціи основныхъ типовъ врядъ-ли могутъ претендовать на то, чтобы ихъ отмѣчали какъ отдѣльные самостоятельные типы.

[4]) См. Scherer у Roscher'a, Lexicon s. v. Hades, стр. 1800 сл. и особ. Furtwängler, *Sitzungsber. der Münch. Ak.* 1897, 401 слл.; Harrison, Prolegomena to the study of the greek religion, 356.

часто, если не постоянно, въ сообществѣ съ женскимъ хѳоническимъ же коррелятомъ бога (Плутонъ-Персефона, θεὸς-θεά, Neleus-Basile, Dionysos-Basilinna, Klymenos-Chthonia, Trophonios-Herkyna и др.).

Внѣ Аттики хѳонические боги, какъ боги плодородія и богатства, въ видѣ бородатаго мужчины съ длинными волосами, съ патерой въ одной рукѣ и рогомъ въ другой, или въ видѣ женщины съ рогомъ и патерой встрѣчаются особенно часто на Понтійскомъ побережьѣ, въ греческихъ городахъ, основанныхъ главнымъ образомъ Милетомъ и Синопой. Здѣсь, въ этихъ ѳракійскихъ мѣстностяхъ греческій типъ слился съ мѣстными представленіями о великомъ основномъ хѳоническомъ божествѣ, и результатомъ этого было то, что основной типъ появляется то въ чистомъ видѣ, какъ лежащее или стоящее хѳоническое божество, то въ синкретизмѣ съ Діонисомъ, то въ сліяніи съ такъ называемымъ Ѳракійскимъ всадникомъ, хѳоническій характеръ котораго такъ ясно выраженъ въ цѣломъ рядѣ вотивныхъ рельефовъ этого бога, правда, главнымъ образомъ римскаго времени.

Однимъ изъ главныхъ центровъ хѳоническихъ культовъ на Ѳракійскомъ побережьѣ Понта былъ городъ Одессъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ рядъ монетъ эллинистическаго и римскаго времени [1]) и нѣкоторые другіе памятники. Здѣсь мы имѣемъ на монетахъ эллинистическаго времени и стоящаго бога съ рогомъ и патерой, обозначеннаго приписью какъ θεὸς μέγας [2]), и бога лежащаго, повторяющаго типъ Си-

---

[1]) См. табл. IV, 1—2. Объ эллинистическія монеты даны по слѣпкамъ съ оригиналовъ Парижскаго Cabinet des Médailles, римскія принадлежатъ: № 3—времени Гордіана (слѣпокъ съ монеты эрмитажнаго собранія, ср. Pick, *Num. Zeitschr.* 23, 56; Pick-Regling, Die ant. Münzen Nordgriechenlands, I, 2, № 2320), № 4—времени Александра Севера, см. Collection C. N. Lischine, Monnaies grecques. Thrace, n. 630; Pick-Regling, Die ant. Münz. Nordriech., I, 2, № 2309.

[2]) См. Pick, Thrakische Münzbilder. *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XIII (1899), 155; Ant. Münzen Nordgriech. I, Taf. IV, 1, 2 и стр. 520, 524 слл. (по опредѣленію Пика—вторая половина II в. до Р. Хр.). Непонятно, какъ до сихъ поръ еще находятся ученые, которые могутъ говорить, что θεὸς μέγας Одесса есть Сарапись, на основаніи приписи ΚΥΡΣΑ (вѣроятно, имя монетнаго магистрата), см. Perdrizet, Cultes et mythes du Pangée, 53. Выписать на монетѣ общее (θεὸς μέγας) и сократить индивидуальное (κυρ(ίου) Σα(ράπιδος), это верхъ нелѣпости. Упрекая Babelon'a въ томъ, что онъ плохо читалъ статью Пика, Perdrizet показываетъ, что онъ самъ читалъ ее очень поверхностно, такъ какъ говоритъ о polos на головѣ бога (polos появляется на римскихъ монетахъ, и то только со времени Севера, см. Pick l.l. 156 и Ant. Münz. Nordgr. I, 2, 524 слл., 526 слл.). Не можетъ быть рѣчи и объ идентификаціи нашего бога съ Сабазіемъ (Seure, *Rev. arch.* 1908, II, 44). Мѣстное имя нашего бога извѣстно (см. ниже), общее его имя—θεὸς μέγας.

нопскаго бога на монетахъ римскаго времени, о которомъ ниже [1]), и бородатаго хѳоническаго бога на лошади [2]), типъ, который встрѣчается и на монетахъ сосѣднихъ Томи, Истра и Каллатіи [3]). Типъ лежащаго бога, рядомъ съ которымъ сидитъ богиня, развиваетъ ѳракійская Бизія, медальоны которой Pick правильно объясняетъ какъ изображеніе въ видѣ возлежащаго бога Ѳракійскаго хѳоническаго всадника [4]).

Входить здѣсь въ подробности и описывать отдѣльныя монеты упомянутыхъ ѳракійскихъ городовъ я не стану. Все необходимое читатель найдетъ въ вышеуказанной статьѣ Пика.

Мнѣ хотѣлось бы, однако, въ дополненіе къ тому, что сдѣлано Пикомъ, указать на нѣкоторыя не подмѣченныя имъ весьма характерныя явленія.

Уже Пикъ отмѣтилъ, что типъ великаго бога Одесса сохраняется тамъ и въ римское время, причемъ однако въ это время богъ къ прежнимъ своимъ аттрибутамъ присоединяетъ иногда еще и модій на головѣ. Этотъ типъ бога съ модіемъ и безъ него повторяютъ затѣмъ Діонисополь [5]), Адріанополь (см. табл. III, 6) [6]) и, можетъ быть, Маркіанополь (Pick, Ant. Münzen Nordgriechenlands, 655*). Модій же появляется и на головѣ ѳракійскаго хѳоническаго всадника.

Въ этомъ появленіи модія на головѣ усматривали вліяніе типа Сараписа на родственнаго ему хѳоническаго греко-ѳракійскаго бога.

Не отмѣтилъ, однако, Pick того, что не въ однѣ эти формы вылился культъ хѳоническихъ божествъ на ѳракійскомъ побережьѣ и во Ѳракіи вообще. Чрезвычайно популяренъ во всей Ѳракіи, гдѣ мѣстный культъ особенно оживился въ римскую эпоху, какъ показываютъ монеты и рельефы, хѳонической богъ въ цѣломъ рядѣ ипостасей: на монетахъ

---

[1]) Лежащій богъ съ рогомъ, начиная съ IV в. до Р. Хр., и на поздне-эллинистическихъ монетахъ съ патерой, см. Pick l.l. 157 и Ant. Münz. Nordgr. I, 2, 523; женскій коррелятъ этого бога изображается на оборотѣ указанныхъ монетъ.

[2]) Pick l.l. 161 сл. и Ant. Münz. Nordgr. I, 2, 524 слл. Древнѣйшія монеты со всадникомъ относятся ко III в. до Р. Хр.

[3]) Pick l.l. 163 сл. и Pick-Regling, Ant. Münz. Nordgr. I, 2, 599 и 627. Kallatis, см. Pick, Ant. Münzen Nordgriech. I, 319 (Каракалла), 326 (Гета). На этихъ монетахъ всадникъ изображенъ безъ рога изобилія.

[4]) Pick l.l. 145 слл.; Harrison, Prolegomena to the study of the greek religion, 363, 112. Врядъ ли, какъ думаетъ Harrison, лежащій богъ есть Діонисъ. Монеты никакихъ указаній на это не даютъ. Впрочемъ, конный Діонисъ не невѣроятенъ: см. мою статью въ *Изв. Арх. Комм.*, вып. 40, 26.

[5]) Pick, Ant. Münz. Nordgriech. I, 376 (Северъ), 384—404 (Гордіанъ—одна голова).

[6]) См. Collection Lischine, № 458 (Гордіанъ III).

является онъ намъ почти во всѣхъ городахъ и въ видѣ Сараписа или Аида (такъ въ Каллатіи, Діонисополѣ, Маркіанополѣ, Никополѣ (табл. IV, 7), Томи (табл. IV, 8), Анхіалѣ, Бизіи, Адріанополѣ, Месембріи, Одессѣ, Перинѳѣ, Филиппополѣ, Сердикѣ), на рельефахъ повторяется и типъ θεὸς μέγας Одесса, и типъ Аида съ собакой, и наконецъ наиболѣе популярные боги Ѳракіи—Діонисъ и Ѳракійскій всадникъ—носятъ на цѣломъ рядѣ рельефовъ ярко выраженный хѳонический характеръ.

Не входя въ разсмотрѣніе типовъ изображенія Діониса, о чемъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ [1]), и типовъ изображенія Ѳракійскаго всадника, что завлекло бы меня слишкомъ далеко, укажу лишь на два очень характерныхъ рельефа, опубликованныхъ на табл. II, 1 и 4.

Одинъ изъ нихъ (табл. II, 4) найденъ въ округѣ Ески-Джума и изданъ въ плохомъ цинкѣ Добрускимъ (см. Археологически извѣстия на народния музей въ София. София 1907, стр. 178 сл., № 228, фиг. 148). Надпись на немъ гласитъ:

[Κυ]ρίῳ Δαρζάλ[ᾳ Τ]ούρβων | βου(λευτὴς) εὐχαριστήρι(ο)ν | [ἀνέθ]ηκεν.

Изображеніе даетъ бородатаго бога съ длинными волосами, обрамляющими его лицо, съ проборомъ посрединѣ, одѣтаго въ длинную тунику до ногъ и въ плащъ; правой рукой онъ либируетъ изъ патеры надъ алтаремъ, на которомъ горитъ огонь; въ огнѣ видна жертвенная лепешка; лѣвой рукой онъ держитъ большой рогъ изобилія.

Уже эта надпись показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ одесскимъ богомъ монетъ, съ θεὸς μέγας Одесса, какъ это ясно и изъ надписи въ честь θεὸς μέγας Δερζελάτης (см. Kalinka, Antike Denkmäler aus Bulgarien, стр. 108 и 114), найденной въ Варнѣ, и изъ монетъ Одесса, упоминающихъ игры Δαρζάλεια [2]). Еще яснѣе говоритъ объ этомъ типъ изображенія бога, репродуцирующій сравнительно точно типы эллинистическихъ и римскихъ монетъ Одесса [3]).

Описанный рельефъ показываетъ намъ, что мѣстный великій хѳонический богъ Одесса почитался въ типѣ, созданномъ для Одесса, и внѣ

---

[1]) См. *Изв. Арх. Комм.*, вып. 40, стр. 27 и 29.

[2]) См. Pick, *Jahrb.* XIII, 157, 63; Pick-Regling, Münzen Nordgr. I, 2, № 2370—2372 (Гордіанъ).

[3]) Указываю теперь же и на то, какъ близко стоятъ и рельефъ, и монеты къ нашему изображенію въ гробницѣ.

этого города. Рядомъ съ этимъ то обстоятельство, что богъ носитъ чисто мѣстное имя, какъ большинство такъ называемыхъ Θракійскихъ всадниковъ, и кромѣ него только общее имя θεὸς μέγας [1]), подтверждаетъ нашъ выводъ о томъ, что передъ нами только одна изъ ипостасей великаго общеѳракійскаго хѳоническаго бога, почитавшагося повсюду въ разныхъ образахъ и въ разныхъ аспектахъ своей многоликой натуры.

Одинъ изъ этихъ аспектовъ даетъ другой плохо сохранившійся и, какъ кажется, до сихъ поръ не опубликованный рельефъ Софійскаго музея № 2981, найденный, что весьма характерно, въ Варнѣ же, т. е. въ Одессѣ (шир. 0,265 м., выс. 0,195, правый нижній уголъ обломанъ; двойная рамка), см. табл. II, 1. Въ правой сторонѣ рельефа стоитъ бородатая длинноволосая мужская фигура. Верхъ тѣла бога обнаженъ; хламида, окутывающая низъ тѣла, переброшена черезъ лѣвое плечо. Правая рука опущена и, можетъ быть, лежитъ на головѣ сидящей у ногъ его собаки (влѣво), можетъ быть держитъ патеру. Лѣвой рукой богъ опирается на жезлъ. Къ нему приближается въ колесницѣ, запряженной двумя лошадьми или двумя мулами, съ трехугольными боковыми стѣнками кузова, женская фигура вправо, голова впрямь. За нею, какъ кажется, большой зажженный факелъ. Въ высшей степени вѣроятно, что мы имѣемъ передъ собой Плутона и Деметру или Кору, культъ которыхъ засвидѣтельствованъ съ древнѣйшаго времени для Одесса, причемъ богини на болѣе древнихъ монетахъ сочетаются съ изображеніемъ великаго бога [2]).

Типъ только что описаннаго бога и тотъ фактъ, что рельефъ бога Darzalas найденъ вмѣстѣ съ другимъ, изображающимъ Зевса, Геру и Аѳину (Добруски l.l., стр. 172, n. 219, фиг. 141), позволяетъ думать, что и многочисленные рельефы Θракіи (одинъ изъ нихъ см. на рис. 3; Добруски, Сб. на нар. умотв. XVI, 56, № 16 и 17, фиг. 28 и 29), дающіе изображеніе Зевса и Геры, въ сущности изображаютъ того же великаго бога Θракіи въ иномъ образѣ рядомъ съ его женской ипостасью [3]).

---

[1]) Ср. θεὸς и θεά въ Элевсинѣ.

[2]) См. Pick, *Jahrbuch*, XIII, 159 слл.; Münz. Nordgr. I, 2, 525.

[3]) Въ высшей степени интересно и то, что художественный типъ Зевса безъ хѳоническихъ аттрибутовъ почти всегда тотъ же, что на одесскихъ монетахъ и рельефахъ. Особенно поразительно совпаденіе между вышеопубликованнымъ рельефомъ съ одесскимъ богомъ и рельефомъ Бѣлградскаго музея, изданнымъ Добрускимъ, *Сб. на нар. умотв.* XVI, 52, 4, фиг. 25; тотъ же богъ изображенъ и на извѣстномъ рельефѣ Софійскаго музея Dumont-Homolle, 333, 34.

Второй въ высшей степени важный фактъ, не отмѣченный Пикомъ, это тотъ, что и женская ипостась великаго бога нашла себѣ во Ѳракіи адэкватный и родственный изображенію мужской ипостаси образъ. Самъ Пикъ отмѣтилъ присутствіе женскаго божества рядомъ съ мужскимъ на монетахъ Бизіи, онъ же указалъ на старый культъ Деметры и Коры въ Одессѣ. Но онъ не замѣтилъ необычайной популярности, которою пользуется на ѳракійскихъ монетахъ римскаго времени женское боже-

Рис. 3.

ство, изображаемое съ рогомъ изобилія и патерой въ рукахъ и съ модіемъ или калаѳомъ на головѣ (не стану перечислять отдѣльныхъ монетъ—ихъ сотни,—укажу лишь города, гдѣ этотъ типъ дома: Діонисополь, Маркіанополь, Никополь, Томи, Анхіалъ, Деультъ, Адріанополь, Маронея, Месембрія, Одессъ, Павталія, Перинѳъ, Филиппополь, Сердика, Augusta Traiana, Coela). Присутствіе калаѳа или модія и популярность изображенія препятствуютъ видѣть въ нашемъ типѣ репродукцію общеримскаго типа Конкордіи или Изобилія, какъ римскихъ олицетвореній; передъ нами, несомнѣнно, женскій коррелятъ великаго мужского бога, и

тотъ же коррелятъ я склоненъ былъ бы усматривать въ неменѣе часто изображаемой на монетахъ Ѳракіи богинѣ Тихѣ съ модіемъ на головѣ [1]).

Разобранная божественная пара встрѣчается не только во Ѳракіи. Она популярна и въ другихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ М. Азіи. Кромѣ монетъ, перечисленіе которыхъ читатель найдетъ въ вышеуказанной статьѣ Дрекслера, я могу сослаться на два рельефа, одинъ изъ Ксанѳа [2]), другой изъ Horrea Hadriani [3]), гдѣ наша пара изображена уже не порознь, какъ во Ѳракіи, а вмѣстѣ.

Характеръ хѳоническаго божества для мужского бога подчеркнутъ особенно рѣзко на одномъ рѣзномъ камнѣ Петербургской Эрмитажной коллекціи изображеніемъ рядомъ съ богомъ бабочки-души (см. табл. IV, 3) [4]).

Большинство приведенныхъ мною изображеній великаго хѳоническаго бога и его женскаго коррелята въ различныхъ мѣстныхъ аспектахъ подъ греческими образами, созданными главнымъ образомъ въ Аѳинахъ для тамошнихъ хѳоническихъ боговъ, не впервые привлекаютъ вниманіе изслѣдователя. Большинство ихъ, однако, принято въ наукѣ считать (конечно, за исключеніемъ аѳинскихъ изображеній) изображеніями Сараписа и Изиды. Такъ истолковалъ эти изображенія Михаэлисъ, и съ его легкой руки это опредѣленіе сдѣлалось каноническимъ.

Привело Михаэлиса къ этому опредѣленію, очевидно, главнымъ образомъ, украшеніе головъ нашихъ фигуръ калаѳами или модіями на тѣхъ памятникахъ, которые относятся къ римскому времени. Этотъ внѣшній признакъ, однако, далеко не убѣдителенъ. Калаѳъ или модій искони характеризуетъ божества хѳоническаго характера, правда, главнымъ образомъ женскія, но далеко не исключительно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что украшеніе головы Сараписа калаѳомъ вызвано было тѣмъ,

---

[1]) На приложенной таблицѣ монетъ (табл. IV) репродуцировано нѣсколько монетъ съ изображеніями т. наз. Конкордіи и Фортуны, главнымъ образомъ изъ коллекціи Лишина, поступившей нынѣ въ Эрмитажъ: № 9—Перинѳъ Домиціанъ, Coll. Lischine, 728—730; № 10—Никополь Каракалла, Pick 1527; № 11—Анхіалъ Септ. Северъ, Coll. Lisch. 147, ср. 148; № 12—Бизія Филиппъ, Coll. Lisch. 256.

[2]) Опубликованъ Michaelis'омъ въ *Journ. of hell. St.* 1885 (VI), 287 слл. и атласъ, pl. LVIII. Назначеніе рельефа неясно; на оборотной сторонѣ его изображенъ апотропэическій глазъ съ нападающими на него звѣрьми. Женскій коррелятъ мужского хѳоническаго бога здѣсь—Фортуна съ модіемъ на головѣ.

[3]) Рельефъ изъ Horrea Hadriani см. у Petersen и Luschan, Reisen in Lykien, II, 42, рис. 31.

[4]) Эрмитажъ A, 4, 6, 19; Michaelis l.l., 304. Архаизмъ изображенія бога указываетъ на древнее происхожденіе типа, во всякомъ случаѣ до появленія Сараписа; ср. Altmann, Die röm. Grabaltäre, 258; Furtwängler, Gemmen, III, 152.

что такъ украшена была уже и голова его прототипа, несомнѣнно хѳонического бога.

IV.

Но гдѣ искать этотъ прототипъ, гдѣ искать того хѳонического бога, образъ котораго легъ въ основаніе классическаго изображенія сборнаго александрійскаго бога? Гдѣ искать такимъ образомъ и прототипъ занимающаго насъ изображенія хѳонических боговъ? Какъ извѣстно, вопросъ о происхожденіи какъ самого бога Сараписа, такъ и его изображенія, былъ споренъ уже для древнихъ, и споръ этотъ не прекращается по сей день [1]). Здѣсь не мѣсто входить въ детальное разсмотрѣніе вопроса. Ограничусь тѣмъ, что вкратцѣ изложу свое мнѣніе объ этомъ спорномъ и больномъ вопросѣ.

Двѣ группы литературнаго преданія могутъ претендовать на особое значеніе и на особую авторитетность. Та, которая говоритъ о связи вавилонскаго бога Сараписа съ Александромъ Великимъ, особенно въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его смерти [2]), и та, которая разсказываетъ намъ культовую легенду великаго александрійскаго храма бога, созданнаго Птолемеемъ Сотеромъ [3]).

---

[1]) Не стану перепечатывать здѣсь богатую и обширную литературу вопроса; читатель найдетъ часть ея въ статьѣ Lehmann-Haupt, Sarapis въ миѳологическомъ словарѣ Рошера. Удивляетъ меня отсутствіе въ этомъ перечисленіи чрезвычайно важной статьи Amelung'a въ *Rev. arch.* 1903, II, 177 слл. (Le Sarapis de Bryaxis), отсутствіе указанія на докладъ A. Dieterich'a на Дрезденской Philologenversammlung (*Verhandlungen der 44 Vers.*, 31 сл.), неупоминаніе интересной статьи S. Reinach въ *Rev. arch.* 1902, II, 5 слл. и, наконецъ, неупоминаніе капитальной работы E. Schmidt'a Kultübertragungen. Giessen, 1910 (въ Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, VIII, 2), гдѣ третья глава (стр. 47 слл. появились и отдѣльно, какъ диссертація автора) посвящена легендамъ о Сараписѣ и на стр. 47 сл. имѣется на этотъ разъ полное перечисленіе работъ, касающихся Сараписа; ср. *Klio*, XI, 127 сл. (E. Schmidt); ср. X, 120 сл. (Weitz).

[2]) Это Plut. v. Alex. 73; Arr. Anab. 7, 26, 2; Plut. v. Al. 76. Всѣ эти мѣста полностью перепечатаны и хорошо разобраны въ указанной выше статьѣ Lehmann-Haupt, Sp. 339 сл. Извѣстія эти восходятъ несомнѣнно къ эфемеридамъ Александра и такимъ образомъ старше появленія Сараписа въ Александріи, если только не признавать интерполяціи эфемеридъ Птолемеемъ, что мало вѣроятно.

[3]) Особенно полно сопоставлены и разобраны тексты, касающіеся культовой легенды Сараписа, въ указанной книгѣ E. Schmidt'a, стр. 49 слл. Древнѣйшая культовая легенда, современная появленію Сараписа въ Александріи, знаетъ только Синопу какъ родину Сараписа. Позднѣе легенда исказилась и измѣнилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Основными текстами являются: Tac. Hist. IV, 83 сл., Plut. de Is. te Os. 28, Plut. de soll. an. 36, Dionys. Perieg. 255 и комментарій къ нему Евстаѳія. Различныя версіи преданія сообщаетъ Clemens Alex., Protr. IV, 48 (I. p. 37, 16 Stählin).

Согласно одной, Сарапись есть старый вавилонскій богъ, согласно другой культовая его статуя вывезена Птолемеемъ Сотеромъ изъ Синопы.

Сомнѣваться въ существованіи вавилонскаго бога этого имени достовѣрное и старое преданіе не даетъ никакого повода, но нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ и для того, чтобы утверждать прямой переносъ культа изъ Вавилона въ Александрію.

Съ другой стороны, и *перевезеніе* статуи Сараписа изъ Синопы въ Александрію есть несомнѣнно культовая легенда, какъ это ясно показали Dieterich и по его стопамъ Schmidt, и статуя Сараписа была несомнѣнно изготовлена въ Александріи Бріаксисомъ. Несомнѣннымъ можетъ считаться при сопоставленіи храмовой легенды и разсказа о вавилонскомъ Сараписѣ одно: культъ Сараписа и его статуя созданы были въ Александріи искусственнымъ путемъ, т. е. главнымъ образомъ путемъ контаминаціи, причемъ имя и часть религіозныхъ представленій далъ Вавилонъ [1]), другую часть—какой-то старый культъ или старые культы Синопы, позволившіе синкретизировать въ лицѣ одного бога и стараго вавилонскаго Сараписа, и представленія о хѳоническомъ богѣ, аналогичномъ греческому Аиду и Плутону съ его мистическимъ культомъ, и представленія о хѳоническомъ Діонисѣ. Это сліяніе Діониса и Плутона необходимо было, какъ выяснилъ Petersen, для того, чтобы имѣть возможность слить Сараписа съ хѳоническимъ египетскимъ Озирисомъ, котораго давно уже синкретизировали съ Діонисомъ и въ культѣ котораго священный быкъ, какъ и въ представленіяхъ о Діонисѣ, игралъ видную роль [2]).

Если не допустить того, что Синопа уже подготовила для Птолемея нужный ему синкретизмъ, то окажется абсолютно непонятнымъ, для чего культовая легенда, созданная Птолемеемъ и его помощниками, выбрала

[1]) Имя синопскаго бога, яко-бы перевезеннаго въ Александрію, даетъ Діонисій Періегетъ 255: это Ζεὺς Σινωπίτης. Къ его свидѣтельству можно относиться съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ хѳонические боги и на побережьѣ Понта, и въ другихъ мѣстахъ склонны обозначать себя самыми общими именами съ присоединеніемъ либо какого-нибудь эпитета (Φίλιος, Μειλίχιος и под.), либо географическаго опредѣленія (θεὸς μέγας Δαρζαλᾶς, Δαρζαλίτης въ Одессѣ и под.).

[2]) См. Petersen, *Arch. für Religionsw.* XIII (1910), 47 слл. Объ особенной девоціи Птолемеевъ Діонису см. P. Perdrizet, *Bull. de la soc. arch. d'Alexandrie*, XII (1910), 62 сл.; ср. F. Blumenthal въ *Arch. für Papyrusf.* V, 317 и 330. О близкой связи Діониса и Сараписа см. Wellman, *Hermes* 1896, 221 слл. Любопытна находка Маріеттомъ у входа въ мемфитскій Серапей двухъ скульптурныхъ группъ: Керберъ и пантера, ведомые діонисовскими геніями. Mariette, Choix de monuments etc. Paris 1856, Pl. VIII. IX; Perdrizet l. l. 76.

изъ многихъ греческихъ городовъ, гдѣ давно уже слился культъ Аида и Діониса въ орфическихъ мистеріяхъ, именно Синопу. Нельзя же серьезно разсуждать о томъ, какъ это дѣлаютъ Dieterich и Schmidt [1]), что Синопа лежала на пути изъ миѳической земли Гипербореевъ, откуда естественно было ждать эпифаніи новаго бога! Синопа въ это время не была никому невѣдомой деревней, а большимъ и могущественнымъ торговымъ и политическимъ центромъ, который хорошо извѣстенъ былъ торговымъ людямъ Греціи и спеціально Александріи, съ которой у Синопы были оживленныя торговыя сношенія. Легенда не нашла бы себѣ вѣры, если бы въ Синопѣ дѣйствительно не было того религіознаго синкретизма, который нуженъ былъ Птолемею.

Но, насколько мы знаемъ культы Синопы [2]), тамъ не было бога съ именемъ Сараписъ. И не могло быть, добавлю я, такъ какъ Сараписъ, согласно легендѣ, увезенъ былъ Птолемеемъ, въ Синопѣ же осталась только женская его ипостась, съ которой снятъ былъ слѣпокъ. Отсутствіе въ Синопѣ бога по имени Сараписъ легенда такимъ образомъ предусмотрѣла. Но аналогичные, сходные культы должны были остаться. Заставить александрійцевъ повѣрить миѳическому увозу бога, когда передъ ними предстала статуя Бріаксиса, было не трудно. Заставить весь міръ повѣрить легендѣ о происхожденіи Сараписа было бы невозможно, если бы въ Синопѣ дѣйствительно издавна не укрѣпились культы, въ основѣ идентичные культу новаго бога Сараписа. Не даромъ же александрійскій Сараписъ, какъ показываетъ нумизматика Синопы, нашелъ для себя въ Синопѣ въ императорское время такую благодатную почву [3]).

Знаемъ ли мы, однако, что-нибудь о культахъ Синопы, что бы позволило говорить о подготовкѣ александрійскаго синкретизма въ Синопѣ до эпохи Александра?

[1]) E. Schmidt, l. l. 108 сл.

[2]) См. David M. Robinson, Ancient Sinope. Baltimore 1906 (*Amer. Journ. of philol.* XXVII, 2), ch. X (p. 264 слл.): The cults of Sinope. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Страбонъ и Аппіанъ, разсказывая о мѣстной легендѣ объ Автоликѣ, не упоминаютъ о другихъ культахъ Синопы и спеціально о Сараписѣ, а тотъ же Страбонъ, говоря о Сараписѣ, не говоритъ о Синопѣ (см. Bouché-Leclercq, *Rev. de l'hist. des religions* 1902, 1 слл.; Amelung, *Rev. arch.* 1903, II, 181); Страбонъ говоритъ объ Автоликѣ попутно, такъ же какъ и Аппіанъ, т. е. въ связи съ исторіей пребыванія въ Синопѣ Лукулла. Упоминаніе Сараписа было бы тутъ совершенно непонятнымъ.

[3]) Въ этомъ отношеніи поучительно сравненіе съ другими малоазійскими городами: нѣтъ города въ М. Азіи, гдѣ бы Сараписъ и т. наз. Сараписъ, т. е. лежащій богъ съ модіемъ, были такъ популярны, какъ въ Синопѣ. См. сопоставленіе данныхъ въ упомянутой выше статьѣ Дрекслера.

Думаю, что знаемъ. Если нумизматика свободной Синопы въ этомъ отношеніи очень бѣдна, то тѣмъ богаче нумизматика Синопы римской.

Я имѣю въ виду главнымъ образомъ четыре монетныхъ типа.

a) Во-первыхъ, лежащаго на lectus бога съ модіемъ на головѣ, со скипетромъ въ одной рукѣ и орломъ на другой (начиная съ эпохи Антонина, см. Babelon-Reinach, Rec. gen. I, 202, 113, pl. XXVII, 23 и рядъ болѣе позднихъ; табл. IV, 16 и 17, экз. въ коллекціи Великаго Князя Александра Михаиловича). Сравненіе съ вышеупомянутымъ богомъ Одесса на монетахъ, вѣроятно, IV в. до Р. Хр. показываетъ, что мы имѣемъ дѣло со старымъ культомъ. Очевидно, и модій здѣсь—не заимствованіе отъ Сараписа, а старый аттрибутъ бога.

b) Во-вторыхъ, въ высшей степени интересныя монеты съ изображеніемъ головы и культовой статуи архаическаго бога ассиро-вавилонскаго типа, но опредѣленно эллинизованнаго (см. табл. IV, 14; Babelon-Reinach, Rec. gen. I, №130—131, 165 (начиная съ Адріана)—голова и № 123 (Септимій Северъ)—статуя, pl. XXVII, 21 и 30).

Голова и статуя несомнѣнно изображаютъ одного и того же бога. Даю описаніе обоихъ типовъ: 1) голова (безъ шеи и бюста, скорѣе маска) впрямь; длинная завитая борода, опущенные внизъ завитые усы, на головѣ низкій тюрбанъ; 2) богъ впрямь; туловище въ футлярѣ, какъ у малоазійскихъ Артемидъ; на груди футляра полумѣсяцъ, внизу, можетъ быть, фигуры; голова бородатая, съ опущенными усами, на ней высокая тіара, можетъ быть плетеная, съ широкимъ верхомъ. На обоихъ плечахъ бога, можетъ быть, по крылатой Никѣ архаическаго типа. Правой рукой богъ держитъ большую чашу, лѣвой опирается на скипетръ. Передъ нимъ слѣва цилиндрическій алтарь; стоитъ онъ, можетъ быть, въ низкой загородкѣ; не исключена, однако, возможность того, что направо видна не эта загородка, а щитъ или другой какой-либо предметъ. Статуя установлена на высокомъ постаментѣ. На переднихъ углахъ этого постамента—по фигурѣ въ сильномъ движеніи вправо и влѣво. Постаментъ расчлененъ колонками, между которыми, какъ въ нишахъ, стоятъ фигуры, всѣ въ сильномъ движеніи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что передъ нами архаическая, оріенталізирующая статуя бога, отожествленнаго греками съ Діонисомъ, какъ

показываетъ чаша въ его рукѣ [1]). Культъ Діониса въ чистогреческомъ обликѣ для Синопы засвидѣтельствованъ рядомъ монетныхъ типовъ. Одинъ неизданный (коллекція Великаго Князя Александра Михаиловича): IMP NERVA CAESAR AVGPMTR... Бюстъ императора въ лавровомъ вѣнкѣ вправо, R/C.I.F—ANNCX. Сидящій индійскій бородатый Вакхъ влѣво (табл. IV, 15). Ср. другіе два типа у Babelon-Reinach, Rec. gen. I, 164 и 168, 170 (Валеріанъ и Галліенъ) [2]).

c) Въ связи съ этимъ типомъ стоитъ интересная монета Александра Севера (табл. IV, 18). На оборотѣ ея изображена человѣческая нога, необутая, вправо, вплоть до колѣна включительно; на ней цилиндрическая плетенка (калаѳъ?) и на немъ бычья голова вправо; передъ ногой возженный цилиндрическій алтарь (см. Babelon-Reinach, l. l. № 146, pl. XXVIII, 13). S. de Ricci (*Rev. arch.* 1910, II, 96 слл.) [3]) правильно сопоставилъ эту ногу съ подобными же ногами александрійскаго культа, на которыхъ иногда покоится голова Сараписа, голову же быка—съ представленіями о Діонисѣ-быкѣ [4]).

d) Наконецъ имѣетъ значеніе и монетный типъ эпохи Домиціана (Babelon-Reinach, 102, pl. XXVII, 14), гдѣ на оборотѣ изображена

---

[1]) Итти дальше и настаивать на идентификаціи нашего бога съ однимъ изъ вавилонскихъ боговъ въ связи съ преданіемъ, дѣлающимся все болѣе вѣроятнымъ, о завоеваніи Синопы Ассиріей, я не считаю себя въ правѣ (см. Krall, Tacitus und der Orient. *Jahrb. d. arch. Inst.* XII. *Arch. Anz.* 1897, 168 слл. и статьи Lehmann-Haupt, перечисленныя имъ въ Roscher's Lexicon s. v. Sarapis, 838 сл.). Богъ несомнѣнно эллинизованъ и притомъ въ связи съ его идентификаціей съ Діонисомъ. Соединеніе такимъ образомъ въ Синопѣ струи, можетъ быть еще не эллинизованной ѳракійской, съ струей восточной—фактъ чрезвычайно любопытный. Не объясняетъ ли онъ восточной струи въ представленіяхъ о Діонисѣ—завоевателѣ, струи болѣе ранней чѣмъ Александръ?

[2]) Любопытны слѣды культа хѳоническаго Діониса въ другой царицѣ Понта—Гераклеѣ, см. монеты этого города 289—281 г. до Р. Хр. съ сидящимъ на тронѣ Діонисомъ у Babelon-Reinach, Rec. gen. I, 2, № 44, pl. LVI, 11 и 12, ср. № 45—46. Въ высшей степени любопытенъ другой гераклейскій типъ ранняго императорскаго времени, гдѣ на одной сторонѣ изображенъ либирующій Діонисъ, на другой—его хѳоническій женскій коррелятъ (Babelon-Reinach I, 2, № 67, pl. LVII, 8; женская фигура описана слѣдующимъ образомъ: déesse debout de face sur une base, vêtue d'un chiton talaire, coiffée d'un haut calathos et *voilée* (какъ подобаетъ хѳоническимъ божествамъ), tenant de la main droite une pomme (не патера ли?) au dessus d'un autel allumé et s'appuyant de la gauche sur un sceptre), ср. Діониса того же типа N. 99 и 100 (Траянъ) и женскія фигуры, аналогичныя нашей, на монетахъ N. 96 (Траянъ); 122 (Юлія Домна, pl. LIX, 10); 126 (Юлія Домна); 166 (Гета), pl. LX, 11.

[3]) Ср. A. Blanchet, Florilegium offert à Melch. Vogué, 1909, 59 сл. (цитую по ст. S. de Ricci).

[4]) Ср. Sal. Reinach, *Rev. arch.* 1902, II, 242 слл. (La mort d'Orphée).

женщина, одѣтая въ столу, правымъ локтемъ оперлась на колонку, въ лѣвой рогъ изобилія.

Приведенные монетные типы даютъ намъ какъ разъ то, что мы искали: культъ восточнаго бога, отожествленнаго съ Діонисомъ, культъ быка-Діониса, культъ хѳоническаго бога типа аѳинскаго Зевса (Φίλιος) и, вѣроятно, его женскаго хѳоническаго коррелята.

Сарапись въ отдѣльныхъ его составныхъ частяхъ былъ, такимъ образомъ, съ древнѣйшаго времени подготовленъ въ Синопѣ. Амальгаму этихъ составныхъ частей произвели александрійскіе теологи, а Бріаксисъ далъ этой амальгамѣ классически совершенную скульптурную форму. Откуда онъ взялъ своего трехликаго кербера съ головой льва, волка и собаки, изъ Малой ли Азіи, какъ думаетъ Петерсенъ, или изъ Вавилона, какъ думаетъ Lehmann-Haupt, этого я рѣшить не берусь. Синопскіе боги вліяли, однако, не только на созданіе Сараписа. Старые хѳоническіе культы этого стараго греко-семитическаго города несомнѣнно вліяли и на сосѣдей, сосѣдей малоазійскихъ и ѳракійскихъ. И если не самые хѳоническіе культы греко-ѳракійскихъ городовъ, то во всякомъ случаѣ ихъ олицетвореніе въ греческихъ образахъ впервые, вѣроятно, создалось на почвѣ этого города въ духѣ его іонійской родины. Типъ хѳоническаго бога съ *калаѳомъ на головѣ* родился, вѣроятно, здѣсь и отсюда разошелся повсюду, найдя себѣ особо благопріятную почву на ѳракійскомъ побережьѣ Понта, гдѣ хѳоническіе культы были не менѣе прочны и глубоки, но поздно переведены были на общегреческій образный языкъ подъ сильнымъ вліяніемъ Синопы и Іоніи съ одной стороны, образовъ элевсино-орфическаго культа съ другой.

Отсюда, можетъ быть изъ того же Одесса, образы великихъ хѳоническихъ боговъ перешли и въ Керчь и здѣсь нашли себѣ позднее запечатлѣніе въ двухъ божествахъ нашей гробницы, такъ близко родственныхъ и по типу, и по аттрибутамъ, и по группировкѣ своимъ ѳракійско-греческимъ и малоазійскимъ сородичамъ.

V.

Самъ собою напрашивается теперь вопросъ: каковъ смыслъ помѣщенія нашей хѳонической пары, какъ одной изъ главныхъ картинъ, украшавшихъ гробницу?

Напомню вкратцѣ нѣсколько общеизвѣстныхъ вещей, которыя позволятъ намъ ближе подойти къ интересующему насъ вопросу [1]).

Извѣстно, что культъ хѳоническихъ боговъ издревле въ Греціи носилъ мистическій характеръ. Наиболѣе ярко проявился этотъ мистическій характеръ въ элевсинскихъ культахъ съ одной стороны, въ религіи Діониса съ другой. Орфика, зародившаяся, вѣроятно, тамъ же, гдѣ и культъ Діониса, т. е. во Ѳракіи, была тѣмъ связующимъ звеномъ, которое соединило въ Элевсинѣ и Аграхъ оба мистическихъ культа. Главными центрами развитія орфики были, вѣроятно, побережья Понта, гдѣ мистика издревле была дома, и затѣмъ Малая Азія, гдѣ она развивалась главнымъ образомъ въ связи съ культомъ мѣстнаго фригійскаго (въ основѣ также, вѣроятно, ѳракійскаго) бога Сабазія [2]). Изъ М. Азіи—родины орфическаго богослуженія, теологіи и космогоніи—орфика пришла, вѣроятно, въ Аѳины и въ видѣ нѣкоторой примѣси къ культу Сабазія и въ видѣ того вліянія, которое она оказала на элевсинскія мистеріи, постепенная орфизація которыхъ кажется мнѣ сравнительно прочно установленнымъ фактомъ [3]).

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше орфика вліяетъ на умы грековъ и эллинизовавшихся варваровъ и вмѣстѣ съ культами Діониса, элевсинскихъ боговъ, Сабазія распространяется по всему эллинизованному міру и тамъ, гдѣ она издревле была дома, какъ во Ѳракіи, Македоніи, на понтійскомъ побережьѣ и въ М. Азіи, и тамъ, куда она попала вмѣстѣ съ греками. Спеціально въ Италіи она несомнѣнно сливается съ пиѳагорействомъ, въ Греціи вбираетъ въ себя элементы религіи Аполлона и оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на умъ и душу Греціи, претворившись въ высокія концепціи о загробной жизни, глашатаемъ которыхъ являются Платонъ и его ранніе и поздніе послѣдователи.

---

[1]) Не могу цитировать всей относящейся къ вопросу объ орфикѣ литературы, такъ какъ разсмотрѣніе орфики, какъ таковой, отнюдь не можетъ входить въ задачу этой статьи. Сдѣлаю только въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ нѣсколько наиболѣе необходимыхъ ссылокъ.

[2]) Основнымъ текстомъ, это доказывающимъ, является часто трактованный отрывокъ изъ Лукіана περὶ ὀρχήσεως 79, см. объ немъ Maass, Orpheus, 66 и 85 сл., ср. 162; W. Weber, Untersuch. z. Gesch. des K. Hadrians, 124; O. Kern, Die Herkunft des orphischen Hymnenbuches въ Robert's Genethliakon. Berlin 1910, 96 сл., ср. A. Dieterich, De Hymnis orphicis, 4.

[3]) Maass, Orpheus, 100; Norden, Введеніе къ изд. VI п. Энеиды, 38; Diels, Festschrift für Gomperz, Wien 1902, 11; Rohde, Psyche I, 284; ср. также Rizzo въ *Röm. Mitth.* 1910, 128 сл.

Всѣми этими путями орфика могущественно вліяетъ на представленія массы о загробной жизни, что сказывается и въ литературѣ (назову два полюса—Пиндара съ одной стороны, Вергилія съ другой), и въ надгробныхъ метрическихъ и прозаическихъ надписяхъ, и въ томъ языкѣ образовъ, которымъ говорятъ памятники загробнаго культа: росписи гробницъ, украшенія саркофаговъ, рельефы надгробныхъ стелъ [1]).

Орфическія представленія дѣлаются обыденными, входятъ въ образный языкъ, становятся достояніемъ массы. Не надо быть непремѣнно посвященнымъ въ орфическія мистеріи, чтобы пользоваться этимъ общимъ добромъ.

Общимъ достояніемъ дѣлается и идея о блаженномъ существованіи добрыхъ въ загробномъ царствѣ, въ Элизіи ли подъ землей или за границами земли, или въ океанѣ, или въ эѳирѣ, въ звѣздномъ царствѣ боговъ. Общимъ мѣстомъ дѣлается возможность сліянія съ богомъ или превращенія въ бога послѣ смерти, ходячимъ образомъ—жизнь вѣчная послѣ смерти на покрытыхъ цвѣтами лугахъ Элизія, гдѣ мисты проводятъ время въ священныхъ пляскахъ и въ пѣніи священныхъ гимновъ, группируясь около великаго пѣвца Орфея.

Въ эпоху великаго религіознаго синкретизма, въ первыхъ вѣкахъ послѣ Рождества Христова, всѣ эти идеи и образы проникаютъ вездѣ и повсюду; нельзя сказать, чтобы они носили характеръ строгой догмы, логически продуманной и вездѣ одинаковой; образы и идеи сплетаются и соединяются другъ съ другомъ подчасъ въ причудливыхъ сочетаніяхъ, въ смѣшеніи съ той или иной религіозной догмой, но все же ихъ присутствіе ощущается ясно и ихъ вліяніе колоссально. Я уже указалъ на то, насколько сильно ихъ вліяніе въ росписяхъ гробницъ юга Россіи; характерно то, что здѣсь особенно ярко ощущается ихъ связь съ кругомъ представленій элевсинскихъ, связь, которая далеко не такъ ясна въ другихъ частяхъ эллинизованнаго міра.

Постараюсь доказать это, насколько здѣсь вообще возможны доказательства, путемъ разбора изображеній, украшающихъ нашу гробницу 1891 года.

Разобранная выше хѳоническая божественная пара совершаетъ свое возліяніе надъ алтаремъ въ совершенно опредѣленной обстановкѣ. Пля-

[1]) Объ этомъ послѣднемъ см. прекрасныя сводныя замѣчанія E. Petersen въ *Ann. d. Ist.* 1860, особ. стр. 375 слл.

шущая женская фигура около нихъ, дерево и олень, цвѣты и птица ясно показываютъ, что мѣсто дѣйствія—блаженные луга и рощи Элизія.

Вспомнимъ нѣкоторыя важнѣйшія свидѣтельства. Въ „Лягушкахъ“ Аристофана хоръ посвященныхъ живетъ около дворца Плутона; имъ свѣтитъ солнце и здѣсь, они пляшутъ и поютъ въ миртовыхъ рощахъ подъ звуки флейты въ честь великихъ подземныхъ боговъ (Rohde, Psyche I, 316).

Въ одной изъ орфическихъ табличекъ изъ Θурій говорится:

χαῖρ(ε), χαῖρε
δεξιὰν ὁδοιπορ(ῶν) | λειμῶνάς
τε ἱεροὺς κατ' ἄλσεα |
Φε[ρ]σε[φ]ονείας.

Проклъ къ Plat. Resp. II, 340 (Kroll.=fr. 154 Abel):

οἳ μὲν εὐαγέωσιν ὑπ' αὐγὰς ἠελίοιο
αὖτις ἀποφθίμενοι μαλακώτερον οἶτον ἔχουσιν
ἐν καλῷ λειμῶνι βαθύρρουν ἀμφ' Ἀχέροντα.

Verg. Aen. VI, 642 слл.

pars in gramineis exercent membra palaestris,
contendunt ludo et fulva luctantur harena,
pars pedibus plaudunt choreas et carmina dicunt.

CIL. III 686; Buecheler, 1233; Cholodniak, 315 v. 12 слл.

et reparatus item vivis in Elysiis.
sic placitum est divis a[e]terna vivere form[a],
qui bene de supero [n]umine sit meritus:
quae tibi castifico promisit munera cursu
olim iussa deo simplicitas facilis.
nunc, seu te Bromio signatae mystides at se
florigero in prato congreg[em uti] satyrum,
sive canistriferae poscant sibi Naides aequ[e],
qui ducibus taedis agmina festa trahas eqs.

Вездѣ одинъ образъ, тотъ, который я нарисовалъ выше. Въ послѣднемъ надгробномъ стихотвореніи онъ особенно ярко пропитанъ и орфическими, и діонисовскими, и элевсинскими представленіями (для послѣдняго особенно характерны canistriferae Naides, — вспомнимъ спутницъ Деметры, уронившихъ корзины съ цвѣтами, въ гробницѣ Ашика, — и хоръ, предводительствуемый дадухами).

Тѣмъ же языкомъ говорятъ и памятники загробнаго культа. Въ извѣстной гробницѣ Вибіи, принадлежавшей къ Сабазіастамъ, орфическій характеръ росписи которой такъ правильно подчеркнулъ M a a s s, блаженные Сабазіасты, къ которымъ „добрый ангелъ“ ведетъ Вибію, пируютъ на лугу, покрытомъ пестрыми цвѣтами [1]). Здѣсь для меня важно не столько совпаденіе ситуаціи съ описаніемъ знаменитаго θρῆνος Пиндара и вышеприведенныхъ отрывковъ Аристофана, Вергилія и др., сколько соединеніе Элизія съ загробнымъ пиромъ; это объясняетъ намъ такое же соединеніе представленій разнаго происхожденія и въ южно-русскихъ гробницахъ и спеціально въ нашей, гдѣ рядомъ съ картиной Элизія изображена такъ называемая „загробная трапеза“ въ очень реалистической обстановкѣ.

На одномъ фрагментѣ рельефа въ Софійскомъ музеѣ (см. рис. 4), принадлежавшаго, вѣроятно, монументальному саркофагу, сохранилась фигура Діониса подъ виноградной сѣнью и рядомъ съ ней фигура пляшущей мэнады [2]), дающая какъ бы копію пляшущей фигуры нашей гробницы и пляшущаго хоровода, окружающаго выѣздъ Триптолема въ керченской гробницѣ 1873 г. Любопытно, что въ этой послѣдней летящія фигуры богинь и хора переносятъ мѣсто дѣйствія сцены какъ бы въ эѳиръ, въ надзвѣздный міръ, что намъ въ свою очередь напоминаетъ aeris campi Вергилія и локализацію ситуаціи стиховъ, приведенныхъ Прокломъ, въ воздухѣ (ibid. fr. 155 сл.), см. N o r d e n во введеніи къ своему изданію шестой пѣсни Энеиды, стр. 25 [3]). Объ этомъ, однако, будетъ рѣчь ниже. Впрочемъ, такія пляшущія фигуры, иногда обнаженныя и повернутыя къ зрителю задомъ, не рѣдкость: онѣ встрѣчаются и въ росписяхъ гробницъ (см. херсонесскую гробницу, Отчетъ И. А. Комм. 1894 г., стр. 71, рис. 1033 [4]), и декорацію другого loculus въ упомянутой уже катакомбѣ Сабазіастовъ), и въ скульптурѣ на саркофагахъ (см., напр., R o b e r t, Sarkoph. III. Taf. XLII

[1]) Ср. изображеніе сада въ гробницѣ Патрона на латинской дорогѣ: S e c c h i, Monumenti inediti d'un sepolcro di famiglia greca scop. a Roma su la via Latina. Roma 1843.

[2]) См. K a l i n k a, Antike Denkmäler in Bulgarien, n. 468, стр. 346, фиг. 147. Репродуцирую здѣсь еще разъ этотъ важный памятникъ, до сихъ поръ ни разу прилично не изданный.

[3]) Объ этой жизни въ эѳирѣ, на небѣ, на родинѣ души см. F r i e d l ä n d e r, Sittengeschichte, III, 6750; R o h d e, Psyche II, 384; C u m o n t, Religions orientales, 2 éd. 369 сл., 371 n. 65. Ср. также его же примѣчаніе къ надписи изъ Vesir-Kёpru въ его Studia Pontica III, 103 n. 86.

[4]) Ср. Альбомъ рисунковъ, n. 516.

137a, стр. 161, и одинъ любопытный саркофагъ изъ Бѣлградскаго музея, изданный Cumont'омъ въ *Arch.-ep. Mitth. aus Oest.* XII, 16 сл.), и въ скульптурахъ надгробныхъ стелъ (см., напр., Das Provinzialmuseum in Bonn, I (Bonn 1905), Taf. VI, 1; ср. сопоставленіе другихъ подобныхъ изображеній у Altmann, Die römischen Grabaltäre, 272 сл.).

Рис. 4.

Не должно насъ поражать и присутствіе въ Элизіи звѣрей и птицъ. Перенесеніе и ихъ въ царство блаженныхъ принадлежитъ въ кругу обычныхъ навѣянныхъ орфикой представленій, дѣлавшихъ понятнымъ для читателей прелестный Culex (см. Maass, Orpheus, 223 сл.).

Не можетъ быть, такимъ образомъ, сомнѣнія въ томъ, что наши хѳонические боги находятся въ Элизіи. Но кто они? Дѣйствительно ли боги, созерцаніе которыхъ дано той группѣ смертныхъ, что стоитъ на нашей картинѣ на второмъ планѣ, или просвѣтленные мисты бога, принявшіе образъ бога?

*

Просвѣтленный мистъ въ мистическомъ экстазѣ самъ становится богомъ—это основа всѣхъ мистическихъ религій (см. Rohde, Psyche II, 14, ср. 26). Ученіе о загробной жизни орфиковъ на этомъ настаиваетъ съ особой силой по отношенію спеціально къ скончавшимся мистамъ: «θεὸς ἐ[γ]ένου ἐξ ἀνθρώπου» говоритъ одна изъ извѣстныхъ орфическихъ табличекъ (I. Gr. XIV, 642); «ὄλβιε καὶ μακαριστέ, θεὸς δ' ἔσῃ ἀντὶ βροτοῖο», говоритъ другая (I. Gr. XIV, 641, см. O. Kern, Orphischer Totenkult, Aus der Anomia, 86 слл.). Мысли эти дѣлаются общимъ достояніемъ и чуть что не общимъ мѣстомъ. Онѣ объединяются съ идеей Аполлоновой религіи о похищеніи Аполлономъ праведныхъ въ его рай, страну гипербореевъ [1]), и питаютъ ученіе объ апоѳеозѣ людей, какъ оно, напримѣръ, сказывается въ упомянутой выше керченской гробницѣ, гдѣ на главномъ мѣстѣ въ люнеткѣ изображены Аполлонъ на грифонѣ и Артемида на быкѣ, или въ гробницѣ на Латинской дорогѣ, гдѣ въ центрѣ сохранившагося плафона паритъ душа покойника, уносимая грифономъ [2]); то же представленіе лежитъ въ основѣ изображеній апоѳеоза эллинистическихъ царей и римскихъ императоровъ, о чемъ, однако, здѣсь говорить не приходится.

Какъ глубоко проникло это представленіе въ обыденную жизнь, показываетъ, кромѣ безконечнаго количества отдѣльныхъ выраженій въ надгробныхъ эпиграммахъ, прелестная эпиграмма М. Лукцея Непота (CIL. VI 21521 (Августовское время); Buecheler 1109; Cholodniak 875; ср. Maass, Orpheus, 276; Norden, Введеніе къ VI пѣснѣ Энеиды, стр. 23 слл). Выпишу только нѣсколько стиховъ, напр. 15 слл.:

---

[1]) См. Bacch. Epin. III, 53 слл. (мѣсто это указано мнѣ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ); ср. Jebb ad l. и его экскурсъ о Гипербореяхъ, особенно же Зѣлинскій, Вакхилидъ (Изъ міра идей I, 74 слл.) и Schroeder въ *Arch. f. Rel.* VIII, 69 сл.; см. также Rohde, Psyche II, 388, 2; чрезвычайно интересны всѣ указанныя имъ свидѣтельства, особенно же Phleg. mirab. 3, p. 130, 16 слл. West.: Φοῖβος Ἀπόλλων Πύθιος μοι ἐὸν κρατερὸν θεράποντ' ἐπιπέμψας ἤγαγεν εἰς μακάρων τε δόμους καὶ Περσεφονείης.

[2]) См. *Mon. dell'Ist.* VI, tab. XLIII. XLIV. Ср. въ высшей степени поучительныя монеты Халкедона императорскаго времени. Одинъ типъ даетъ на оборотѣ изображеніе Аполлона, летящаго на лебедѣ съ лирой въ рукахъ (см. Babelon-Reinach, Rec. I, 2 № 58, 64, 69, 70, 75, 79, 93, 99, 108—отъ Траяна до Северовъ, ср. pl. XLVII, 11, 16, 23, 24), ср. Gruppe 1076, 6 и 123, 1; другой — Babelon-Reinach, Rec., № 62 (pl. XLVII, 14)—описанъ слѣдующимъ образомъ: Ἀντίνοος ἥρως. Buste d'Antinous, la poitrine nue à gauche. Rv. Καλχαδονίοις, à l'exergue Ἵππων. Antinous le buste nu, la main droite levée au dessus de la tête, enlevé par un griffon qui s'envole à dr. Объ эмблемахъ Аполлона на надгробныхъ памятникахъ см. Altmann, Die römischen Grabaltäre, 274 слл.

adfinis memorande! quid, o, me ad sidera coeli
ablatum quereris? desine flere deum!

и дальше (ст. 25 слл.):

surge! refer matri, ne me noctesque diesque
defleat, ut maerens Attica mater Ityn:
nam me sancta Venus sedes non nosse silentum
iussit et in coeli lucida templa tulit.

Въ дальнѣйшемъ покойный отождествляется съ Liber, Phoebus, Attis, Castor.

Распространеніе этихъ вѣрованій иллюстрируется рядомъ изображеній покойника въ видѣ бога и на надгробныхъ стелахъ, и въ гробницахъ въ видѣ отдѣльныхъ статуй, какъ, напр., въ римской гробницѣ Claudia Semne (надписи ея см. CIL. VI, 15592—95), и на другихъ памятникахъ, см. Schröder, *Bonn. Jahrb.* 108, 61 слл.; Altmann, Die römischen Grabaltäre, 280 слл., гдѣ приведена и литература вопроса.

Весьма вѣроятно, такимъ образомъ, что и наша божественная пара должна иллюстрировать просвѣтленіе мистовъ и принятіе ими божественнаго облика.

Та же идея лежитъ несомнѣнно и въ надгробномъ рельефѣ изъ Керчи, нынѣ въ Эрмитажѣ, который издаю здѣсь (табл. III)—въ первый разъ прилично—по фотографіи, предоставленной мнѣ Е. М. Придикомъ (см. Kieseritzky-Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, n. 407, Taf. XXVIII). Подробное описаніе рельефа Вацингеромъ избавляетъ меня отъ необходимости вновь описывать стелу. Укажу только на мое пониманіе изображенія. Въ монументальной гробницѣ въ два этажа, посвященной Деметрѣ, или находящейся подъ ея ближайшимъ покровительствомъ, какъ большинство вышеупомянутыхъ керченскихъ гробницъ (на посвященіе Деметры указываетъ голова Деметры во фронтонѣ), стоятъ двѣ фигуры: мужская бородатая съ длинными волосами, обрамляющими голову съ двухъ сторонъ, впрямь, въ панцырѣ и paludamentum; правой рукой она либируетъ надъ алтаремъ, лѣвой опирается на копье или скипетръ; парящая около нея Ника увѣнчиваетъ ее большимъ вѣнкомъ; женская фигура стоитъ также впрямь, одѣтая въ тунику и столу, capite velato, въ правой поднятой рукѣ держитъ патеру, въ лѣвой—большой жезлъ; за ея плечами—амуръ. Что передъ нами надгробный памят-

никъ, на это указываетъ герма, стоящая направо отъ мужчины (о роли гермъ на надгробныхъ стелахъ см. Pfuhl, *Jahrbuch* XX, 76 слл. и 80); несомнѣнно и здѣсь мы имѣемъ покойниковъ въ просвѣтленномъ, божественномъ обликѣ, но здѣсь слiяніе съ богомъ не такое полное, какъ на нашей картинѣ; Аресъ и Афродита, Зевсъ и Гера—эти опредѣленія напрашиваются сами собою, но правильнѣе будетъ здѣсь говорить только о приближеніи умершихъ къ этимъ типамъ, а не о полномъ слiяніи съ ними. Что и этотъ памятникъ стоитъ подъ вліяніемъ орфизма, на это указываетъ уже упомянутая голова Деметры на фронтонѣ [1]).

VI.

Явную связь съ орфикой имѣютъ и тѣ двѣ фигуры по обѣ стороны входа, которыя были мною описаны выше. Исходить при ихъ объясненіи надо прежде всего изъ того наблюденія, что онѣ повторяются, какъ было указано выше, почти во всѣхъ гробницахъ Керчи, расписанныхъ религіозными сюжетами элевсинско-орфическаго цикла.

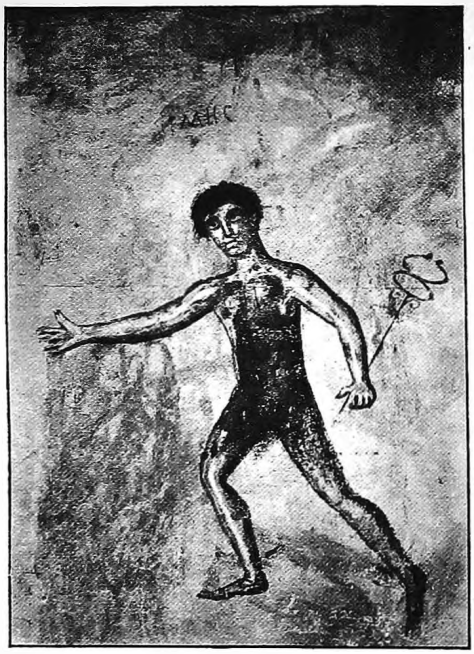

Рис. 5.

Важно отмѣтить, что въ гробницѣ Ашика двѣ фигуры—Гермія и женщины сгруппированы съ третьей, женской же, а не распредѣлены по обѣ стороны входа.

Въ большинствѣ гробницъ мужская фигура есть Гермій, женская только въ гробницѣ 1895 г. обозначена, какъ и Гермій, приписью ея имени — Καλυψώ (см. рис. 5 и 6).

[1]) Интересныя параллели даютъ боспорскія монеты (см. виньетку въ концѣ статьи). Во первыхъ тѣ, гдѣ царь Савроматъ II изображается съ аттрибутами Посидона и Геракла, увѣнчиваемымъ Никой. Обычнымъ типомъ его монетъ является и богиня, сидящая на тронѣ, съ калаѳомъ на головѣ и круглымъ предметомъ въ правой рукѣ, рядомъ съ которой на одномъ монетномъ типѣ изображенъ Эротъ, а на другомъ—Ника. Появленіе на монетахъ Котиса второго и послѣдующихъ царей, на оборотѣ изображеній этой же богини, бюстовъ божественнаго царя и богини съ калаѳомъ позволяетъ, можетъ быть, предполагать, что богиня монетъ Савромата II-го изображаетъ одновременно и царицу въ видѣ главнаго женскаго божества Пантикапея.

Аналогій фигурамъ по обѣ стороны входа я почти не знаю. Подобныя нашимъ фигуры были высѣчены изъ камня по обѣ стороны входа въ одной фригійской гробницѣ (*Journal of hell. St.* 1882, pl. XXVII, Phrygia 7 и p. 262 слл.), но, къ сожалѣнію, сбиты; были ли онѣ подобны нашимъ, или имѣли только апотропэическое значеніе, какъ голова Медузы въ центрѣ потолка этой гробницы, сказать трудно.

Группа, подобная группѣ Ашиковской катакомбы, встрѣчается иногда и въ росписяхъ гробницъ, и на саркофагахъ и стелахъ. Отмѣчу группы гробницы Насоніевъ, открытой около Рима въ XVIII в. [1]), и особенно изображеніе въ гробницѣ Вибіи (Maass, Orpheus, стр. 219 и табл. II), гдѣ къ трону Dispater и Aeracura приближаются Mercurius nuntius и двѣ женщины capitibus velatis (какъ тѣни, Altmann, Die röm. Grabaltäre, 225)—Vibia и Alcestis, какъ всѣ эти фигуры обозначены приписями.

Важно въ указанныхъ изображеніяхъ не сопровожденіе умершей Герміемъ психопомпомъ, что вполнѣ обычно и на памятникахъ изобразительнаго искусства (см. Rohde, Psyche II, 388, ср. надгробную стелу изъ Лидіи 187/8 г. у Keil-Premerstein, *Denkschr. der Wien. Ak.* LIII, 87, n. 189), а появленіе спутницы, въ гробницѣ Вибіи—Алкестиды, спутницы, встрѣчающей покойника у хода, какъ въ нашихъ гробницахъ, и провожающей ее къ трону великихъ судей преисподней.

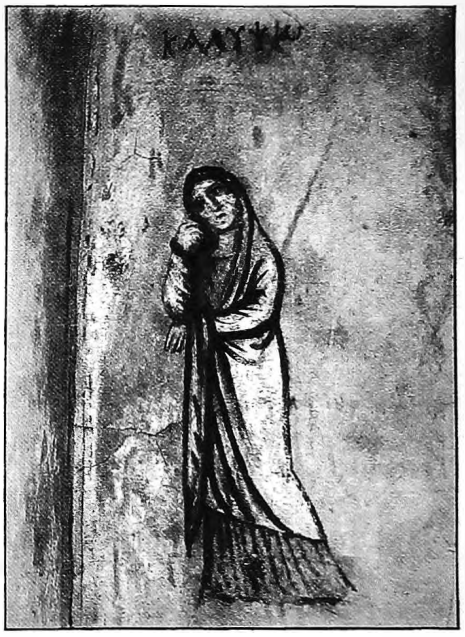

Рис. 6.

[1]) P. Santi Bartoli, Le pitture antiche del sepolcro dei Nasoni. Roma. 1680, tab. VIII; и здѣсь Гермій и женская фигура capite velato ведутъ третью женскую же фигуру къ Плутону и Персефонѣ. Впрочемъ, въ своей посмертной статьѣ въ *Jahrbuch* XXV (1910), 101 слл. Michaelis, опираясь на вѣскія данныя, считаетъ рисунокъ Bartoli интерполированнымъ; на оригиналѣ, какъ показываетъ другая копія, двухъ женскихъ фигуръ не было и изображенъ былъ, по мнѣнію Михаэлиса, выводъ Персефоны Герміемъ изъ преисподней.

Связь этого сопровожденія съ орфикой достаточно выяснена Maass'омъ (Orpheus, особ. 227 и 241 слл.); не отмѣтилъ онъ, однако, одного на мой взглядъ кардинальнаго явленія.

И Алкестида въ гробницѣ Вибіи, и Калипсо къ гробницѣ 1895 г. принадлежатъ къ постояннымъ обитательницамъ Аида, какъ ближайшія спутницы Коры-Персефоны. Относительно Алкестиды это выяснено Maass'омъ, для Калипсо—требуетъ доказательствъ.

По мнѣнію Виламовица (Hom. Unters. 115 слл.), единственное самостоятельное упоминаніе Калипсо—это въ пятой пѣснѣ Одиссеи, все остальное литературное преданіе о ней есть дериватъ изъ Гомера, которымъ Калипсо и вызвана была къ жизни, какъ pendant къ Киркѣ. Не думаю, чтобы это мнѣніе было правильно. У Гесіода Theog. 359 она—Океанида, въ Hymn. ad Cer. 423—спутница Персефоны, у Еврипида Cycl. 264—Нереида, на вазѣ Астея—даже Гесперида. И у Гесіода, и въ гимнѣ Калипсо связывается со Стиксой прозвищемъ Ὠγυγίη (Hes. Theog. 806). Все это указываетъ, какъ и само имя Καλυφώ (не Verbergerin, какъ переводитъ Виламовицъ, а Verhüllerin, не скрывающая, а покрывающая), на исконное отношеніе ея къ загробному царству, какъ хѳонической богини, которая, какъ земля или подземное царство, охватываетъ мертвыхъ (см. Eitrem, Hermes und die Toten, 45, 3), на то, что первоначально это была, вѣроятно, царица подземнаго царства, низведенная, какъ и Алкестида съ ея мужемъ Адметомъ, благодаря Персефонѣ и Элевсину, на роль простой спутницы Персефоны (для Адмета и Алкестиды это доказалъ Виламовицъ, слѣдуя за O. Müller'омъ; см. O. Müller, Prolegomena, 300 слл.; Wilamowitz, Isyllos, 75 слл.). Ясно, что и эпизодъ Калипсо въ Одиссеѣ есть, какъ на это правильно указалъ E. Meyer (Gesch. des Alt. II, 104), простой дупликатъ эпизода Феаковъ (а не Кирки), т. е. тотъ же Аидъ, гдѣ царствуетъ богиня смерти—Калипсо.

Любопытно установить, что въ орфическомъ культѣ Нереиды играли чрезвычайно важную роль, какъ основательницы культа Вакха и Персефоны (орфическій гимнъ Нереидамъ—Hymn. orph. XXIV. Ср. роль Naides въ эпиграммѣ изъ Македоніи (CIL. III 686), часть которой была мною приведена выше, стр. 145 [1]).

---

[1]) Ср. также роль Нереидъ въ орнаментикѣ надгробныхъ памятниковъ: Petersen, *Annali dell'Ist.* 1860, 396 слл.

Въ высшей степени важно отмѣтить, что и Алкестида и Калипсо—когда-то царицы подземнаго царства—являются спутницами хѳоническаго Гермія, тоже когда-то царя преисподней (см. Eitrem, Hermes und die Toten, passim), его женскими коррелятами. Вспомнимъ, что хѳоническія божества всегда выступаютъ парой—въ мужской и женской ипостаси.

Что это, дѣйствительно, реминисценція стараго, а не какое-либо новшество или индивидуальная игра фантазіи, показываетъ неоднократное упоминаніе въ нашихъ литературныхъ источникахъ—греческихъ и римскихъ—хѳоническихъ женскихъ коррелятовъ Гермія и Меркурія (такими коррелятами являются прежде всего Гестія, затѣмъ Вгimo въ Ѳессаліи, Персефона на Самоѳракѣ и др., въ Римѣ—мать Ларовъ и мать Мановъ, dea Tacita, dea Muta; послѣднія имена въ высшей степени характерны: они настоящій pendant къ греческому Καλυφώ (см. Eitrem, Hermes und die Toten, 9).

Еще интереснѣе связь и самого Гермія и его женскаго коррелята съ порогомъ, съ дверьми Аида и его мѣднымъ порогомъ, сказывающаяся въ преданіи о богинѣ Οὐδαία (см. Lykophr. 49: Λέπτυνι οὐ τρέμουσαν Οὐδαίαν θεόν; 698: Ὀβριμοῦς τ' ἄλσος οὐδαίας Κόρης, ср. схоліи къ этимъ мѣстамъ и Eitrem, Hermes und die Toten, 16).

Не стоитъ ли въ связи съ этимъ роль нашихъ богинь въ гробницахъ, ихъ встрѣча души у порога и проводы этой души къ подножію Персефоны?

Но въ нашей гробницѣ сторожами входа и проводниками души являются не Гермій и его женскій коррелятъ, а Тиха и какая-то фигура элевсинскаго круга, юный дадухъ типа Евбулея и Іакха. Этотъ въ высшей степени интересный варіантъ возвращаетъ насъ еще разъ въ кругъ элевсино-орфическихъ идей и представленій.

Напомню прежде всего аѳинскій рельефъ изъ коллекціи Якобсена, изданный и объясненный Фуртвенглеромъ (*Münch. Sitzungsb.* 1897, 401 слл.). Здѣсь рядомъ съ Зевсомъ Филіемъ и его матерью Φιλία появляется Ἀγαθὴ Τύχη—жена Филія. Хѳоническій характеръ Ἀγαθῆς Τύχης здѣсь рѣзко бьетъ въ глаза.

Не стану вновь приводить часто сопоставленныя свѣдѣнія о связи Ἀγαθὴ Τύχη и Ἀγαθὸς Δαίμων, укажу только на то, что хѳоническій характеръ этой пары еще до Фуртвенглера рѣзко подчеркнутъ былъ, какъ

главный и основной, Роде въ его Psyche I, 259. Думается, что и Роде, и Фуртвенглеръ правы, и что напрасно выдвигать на первый планъ, какъ это дѣлаютъ Roscher (Roschers Lexicon s. v. Agathodaemon) и Wernicke (Pauly-Wissowa RE. s. v Agathodaimon), аграрный характеръ Агаѳодемона.

Ἀγαθὴ Τύχη и Ἀγαθὸς Δαίμων естественнѣе всего было бы назвать и пару нашей гробницы. Можетъ быть, это и такъ, но во всякомъ случаѣ Ἀγαθὸς Δαίμων здѣсь рѣзко связанъ съ кругомъ элевсинскихъ представленій, съ фигурами вродѣ Іакха и Евбулея, а если дѣйствительно онъ держитъ въ рукѣ кошель, а не вѣнокъ или повязку, то появляется и еще нѣчто новое, т. е. синкретизмъ хѳоническаго элевсинскаго божества съ хѳоническимъ Герміемъ психопомпомъ. Думаю, что не ошибусь, если и это поставлю въ связь съ орфикой. Параллельнымъ явленіемъ можно считать и тѣ двѣ фигуры, которыя стоятъ по обѣ стороны входа въ гробницѣ Анѳестерія въ Керчи, вѣроятно, расписанной тѣмъ же художникомъ, что и наша. Здѣсь у дверей стоятъ двѣ, повидимому, одна женская, другая мужская фигуры, обѣ съ аттрибутами Гермія и обѣ съ тремя перьями на головѣ.

М. Ростовцевъ.

Рис. 7.

Скиѳы и Гальштаттъ.

При нѣкоторомъ вниманіи къ русскимъ древностямъ не можетъ укрыться то обстоятельство, что Россія не обдѣлена остатками такъ называемой Гальштаттской культуры и что районъ распространенія этой культуры здѣсь даже значителенъ. Не говоря о Польшѣ, гдѣ Гальштаттская культура естественна, она уже выступила вполнѣ опредѣленно на Волыни и въ Подоліи, пока въ видѣ кладовъ и отдѣльныхъ находокъ. Въ 1909 году С. С. Гамченко нашелъ въ обиліи и черепки отъ посуды Гальштаттскаго типа, на Немировскомъ городищѣ. Употребляя терминъ „Гальштаттъ", мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны понимать, что собственно нѣтъ единой, однородной культуры этого имени. Это—цѣлая сѣть культурныхъ настроеній, объединенныхъ однимъ временемъ и общимъ происхожденіемъ изъ одного источника (бронзовый вѣкъ) и заканчивающихся, если довѣрять мнѣнію западно-европейскихъ изслѣдователей, въ VI—V в. до Р. Хр. Тѣмъ лучше для русской археологіи, которая современемъ можетъ съ полною точностью разобраться, откуда именно идутъ находимыя у насъ вещи этой культуры и какого онѣ времени. Съ какими мѣстными памятниками старины русскій Гальштаттъ связанъ, это должно опредѣлиться спеціальными изысканіями и раскопками, которыхъ пока никѣмъ не было произведено. Какъ и многое иное у насъ, это—дѣло будущихъ изслѣдователей.

Каждый, кто близко интересовался общими результатами многолѣтнихъ раскопокъ графа А. А. Бобринскаго въ кіевскихъ курганахъ, понимаетъ, что скиѳская культура должна быть строго отличаема отъ сарматской. Онѣ принадлежатъ двумъ разнымъ народамъ, имѣютъ разное происхожденіе и объединяются въ нѣкоторой степени лишь въ сравнительно позднее время, по политическимъ обстоятельствамъ и подъ обобщающимъ вліяніемъ грековъ. Есть характерныя вещи, встрѣчающіяся исключительно

въ скиѳскихъ курганахъ: глиняныя чарки съ высокими ручками, большія мѣдныя булавки, золотыя бляшки въ видѣ трехугольника съ орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ; обрядъ погребенія—исключительно въ широкихъ ямахъ или срубахъ. Сарматы—кочевники и иранцы, а что такое скиѳы, мы еще не знаемъ и должны быть готовы къ самымъ неожиданнымъ открытіямъ здѣсь. Названіе Скиѳіи, скорѣе всего, перенесено греками со Скиѳіи дунайской, ѳракійской. Мы знаемъ, что это была земледѣльческая культура (родоначальникомъ которой въ Европѣ, надо думать, служитъ наша трипольская), и что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые скиѳы близки къ ѳракійцамъ. Скиѳская культура охватываетъ юго-западный край Россіи и Полтавщину. Въ ней отчетливо выдѣляются два основные періода: догреческій и ольвійскій; первый совершенно не имѣетъ никакихъ классическихъ вещей, во второмъ онѣ довольно обычны. Второй, въ свою очередь, подраздѣляется на собственно-ольвійскій и ольвійско-сарматскій, послѣдній съ сильнымъ преобладаніемъ сарматскихъ вещей.

Никакъ нельзя было предполагать, что скиѳская культура имѣетъ связь съ Гальштаттской. Но это обнаружилось само собою, какъ только получилась возможность ознакомиться со скиѳскими древностями старѣе V в. до Р. Х. Такая роль выпала на долю Немировскаго городища (Брацлавскаго у. Подольской губ.), которое мы изучали лѣтомъ 1910 г. Такъ какъ раскопки этого городища оказались интересными съ разныхъ сторонъ, то позволимъ себѣ изложить ихъ исторію съ бо́льшими подробностями, чѣмъ это требовалось бы настоящею темою.

Княгиня М. Г. Щербатова предложила чрезъ графа А. А. Бобринскаго Имп. Археологической Коммиссіи произвести на ея средства изслѣдованіе расположеннаго близъ м. Немирова городища и тѣмъ спасти его отъ расхищенія крестьянами, начавшими здѣсь хищническія раскопки. Въ виду того, что С. С. Гамченко, уже производившій на городищѣ пробныя раскопки, не могъ туда ѣхать, задача изслѣдованія возложена была на меня, причемъ надлежало организовать дѣло такъ, чтобы раскопки, по возможности, не прекращались все лѣто. Этого можно было достичь при содѣйствіи моихъ университетскихъ слушателей, которымъ здѣсь представлялся отличный случай принять участіе въ отвѣтственныхъ раскопкахъ. Было рѣшено, что мы всѣ вмѣстѣ начнемъ изслѣдованіе, опредѣлимъ характеръ памятника и пріемы работъ, а затѣмъ продлимъ

ихъ чередующимися партіями. Въ бесѣдѣ съ С. С. Гамченкомъ можно было вывести заключеніе, что главный интересъ городища заключается въ обильномъ количествѣ „глиняныхъ площадокъ“, расположившихся на его площади въ семь рядовъ; изслѣдованіе ихъ обѣщало быть особенно интереснымъ потому, что нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались, повидимому, въ ямахъ, слѣдовательно, съ сохранными до нѣкоторой степени стѣнками и потолками. Задача продлить при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ начатыя мною въ прежнее время изслѣдованія загадочныхъ „площадокъ“ для меня лично представлялась крайне заманчивою. Имѣлись и иныя надежды. Представлялась возможность составить собраніе древне-греческихъ и гальштаттскихъ черепковъ, обнаружить слѣды старо-русскаго поселенія. Наконецъ, въ качествѣ дополнительнаго интереса, являлась перспектива личнаго ознакомленія съ расположенными въ районѣ городища огромными валами. Графъ А. А. Бобринской, первый русскій археологъ, заинтересовавшійся большими городищами южной Россіи, уже съ давняго времени осторожно, со свойственной ему мягкостью и уваженіемъ къ чужимъ научнымъ интересамъ, обращалъ мое вниманіе на Немировскіе валы, какъ представляющіе весьма интересную задачу. Постепенно овладѣвая матеріаломъ, я дошелъ до предположенія, что такія городища могутъ имѣть близкую связь съ длинными зміевыми валами, не менѣе загадочными. Я никакъ не могъ раздѣлять мнѣнія проф. В. Б. Антоновича о русскомъ происхожденіи послѣднихъ, какъ не могъ придавать какого-либо значенія и находкѣ въ валу Матронинскаго городища римской или византійской монеты; и валы, и городища мнѣ стали казаться памятниками болѣе отдаленной древности.

Предварительныя раскопки всей нашей молодой археологической семьи въ Лужскомъ у., быстрое передвиженіе до Немирова,—и вотъ четверо изъ насъ, усталые отъ зимнихъ работъ и отъ произведенныхъ раскопокъ, но довольные и полные ожиданія, уже спѣшимъ на городище, изумляясь роскошной природѣ Подольскаго края. Подымаемся наверхъ по довольно крутому склону самого городка и идемъ прекраснымъ ржанымъ полемъ до вала, чтобы окинуть общимъ взоромъ мѣсто предстоящаго намъ труда. Валъ почти незамѣтенъ. Вся широкая площадь городка, слегка наклоненная впередъ, покрыта парчею хлѣбнаго поля, скрывшаго всѣ возвышенія и ямы. Невольный бѣглый взглядъ на великолѣпный полукругъ огромнаго вала, картинно раскинувшагося предъ

глазами вдали по ту сторону рѣчки,—и мы всею душою погружены въ мѣрную, мелодичную работу лопатъ, начавшихъ свое дѣло.

Работы назначены сперва на какомъ-то низкомъ курганообразномъ возвышеніи у самаго вала, сильно испорченномъ кладоискателями въ 1909 г., а вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько далѣе, на краю площадки, кругомъ обширной „ямы", обратившей на себя вниманіе крестьянъ, а послѣ и г. Гамченка.

Всякая раскопка трудна. Нѣтъ памятниковъ старины, совершенно повторяющихъ другъ друга. Чѣмъ болѣе углубляетесь вы въ изслѣдованіе кургановъ и городищъ, казалось бы, совершенно однородныхъ, тѣмъ разнообразнѣе становится ихъ содержаніе. По мѣрѣ вниканія, въ изслѣдуемомъ памятникѣ выступаютъ новыя и новыя стороны. Немировское городище оказалось очень сложнымъ, богатымъ и доставило намъ рядъ неожиданностей. Въ „курганѣ" мы разбирались дней пять, все ожидая встрѣтить въ немъ признаки погребенія, но такъ ихъ и не дождались. Понемногу мы поняли, что насыпь сложена изъ семи слоевъ земли, взятой тутъ же на культурной площади городища; слои эти вынимались изъ почвы своеобразно: сперва культурный пластъ, затѣмъ материкъ, затѣмъ новый концентрическій кругъ изъ культурной земли и материка, и такъ до семи разъ. Въ насыпи обнаружены были 4 грабительскія ямы, почти всѣ доходившія до материка. Въ одной такой ямѣ на днѣ была найдена деревянная пастушья бирка и обрывки фабричной бумажной этикетки недавняго времени. Погребальною намъ показалась вначалѣ какая-то грунтовая неглубокая яма, открытая почти по срединѣ насыпи, тѣмъ болѣе, что надъ нею обнаружены были большіе камни, но въ концѣ концовъ никакихъ признаковъ погребенія здѣсь не было усмотрѣно,—ни косточки, ни черепка, ни одной вещицы. Прошедшая здѣсь грабительская яма въ нижней части имѣла безпорядочный видъ, такъ какъ копатель пробовалъ въ разныхъ мѣстахъ ея стѣнки и дно. Пришлось придти къ выводу, что яма существовала еще до сооруженія насыпи. Тѣмъ загадочнѣе стала эта насыпь и ея дѣйствительное назначеніе. Можно было убѣдиться лишь въ томъ, что она образована была еще до русскаго заселенія городища. Цѣлая пола насыпи нами была оставлена не раскопанною до слѣдующихъ изысканій.

„Яма", возбуждавшая столько надеждъ и стоившая столько труда, весьма насъ раздосадовала, когда стало выясняться, что она ни къ ка-

кому зданію не можетъ имѣть отношенія, а представляетъ собою какой-то внутренній провалъ, видимо, сравнительно недавняго происхожденія. Въ концѣ было рѣшено прорѣзать ее крестъ-на-крестъ, чтобы опредѣлить ея края, но когда на глубинѣ человѣческаго роста вырыты были канавки такой же глубины и далѣе впущенъ былъ желѣзный щупъ болѣе сажени длиною, то еще не было обнаружено ни дна ямы, ни пустоты. Я лично полагаю, что это естественный провалъ въ каменистой подпочвѣ городища. Изслѣдовать его далѣе мы не стали, такъ какъ желающіе всегда могутъ провѣрить это предположеніе, а намъ время и силы нужны были на иныя изысканія. Чтобы осторожнѣе подойти къ ямѣ, кругомъ ея назначенъ былъ раскопъ длиною 10, шириною 7 саж., 14-ю кесонами. Увлекаясь своею основною цѣлью, мы допустили мѣстами невнимательную выемку земли рабочими нѣсколькихъ пластовъ земли и тѣмъ повредили верхнія части какихъ-то грунтовыхъ ямъ. Эти ямы, обнаруженныя въ довольно значительномъ количествѣ, потребовали затѣмъ большого вниманія къ себѣ, такъ какъ являлись новостью въ русской археологіи. Надо было расчистить ихъ какъ слѣдуетъ, собрать всѣ находки, которыя могли имѣть къ нимъ отношеніе, обслѣдовать находившіеся въ нихъ очаги и какія-то каменки изъ пережженныхъ валуновъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе умножались трудности изслѣдованія. Молодежь забыла о своихъ шуткахъ и веселье; хотя мы понимали, что попали на трудное и уже попорченное мѣсто, что при благопріятныхъ условіяхъ все легче выяснится, но это не облегчало намъ положенія. Поэтому истиннымъ наслажденіемъ было для насъ сознаніе, что въ концѣ концовъ мы выработали вполнѣ надежный пріемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій: мы стали разбивать каждый отдѣльный кесонъ нашей раскопки на возможно малыя ямы, чтобы какъ можно долѣе удерживать въ виду нетронутыя стѣнки съ сохранившимся чередованіями слоевъ, и были крайне довольны результатами нашей новой сноровки.

Этотъ пріемъ былъ примѣняемъ при дальнѣйшихъ раскопкахъ, произведенныхъ на городищѣ самостоятельно моими товарищами по поѣздкѣ, и далъ хорошіе результаты. Они провели отъ „ямы“ длинный раскопъ до самой средины городища, на разстояніи 32 саж., шириною въ 4—6 саж. При этомъ были вскрыты 2 большія круглыя ямы, 8 жилищныхъ ямъ квадратной формы по 5 саж. каждая сторона, надо думать русскихъ, нѣсколько десятковъ ямъ для зерна и до полудюжины каменокъ.

Въ жилищахъ находимы были очаги; въ жилое помѣщеніе обыкновенно вели длинные открытые ходы. Изъ хлѣбныхъ ямъ однѣ, видимо, имѣли тоношеніе къ жилищамъ, а другія принадлежатъ къ болѣе старому времени; эти послѣднія глубже, имѣютъ расширяющіяся ко дну стѣнки и засыпаны землею съ древними черепками. Одна изъ каменокъ оказалась расположенною надъ жилищною ямою; отсюда слѣдуетъ, что каменки должны быть относимы къ еще болѣе поздней культурѣ.

Находки вещей дали хорошіе и неожиданные результаты. Добираясь съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ до ямы, мы не просѣвали культурной земли ситами и не перебирали ея руками, горсть за горстью. Все же, благодаря назначенію отдѣльныхъ премій за найденныя вещицы, собранъ былъ характерный матеріалъ: нѣсколько отличныхъ кремневыхъ скребковъ, часть небольшого мѣднаго кельта, нѣсколько бронзовыхъ скиѳскихъ стрѣлокъ и булавокъ курганнаго типа, обломокъ костянаго фигурнаго псалія, нѣсколько русскихъ вещей XI—XII в. (напр., обычный курганный мѣдный бубенчикъ). Эти находки ничего новаго и неожиданнаго не доставили; новостью были только глиняныя катушки и грубыя пряслицы. Найдено было нѣсколько изящныхъ пряслицъ времени латена.

Важны находки иныя. Городище оказалось чрезвычайно богато черепками. Они копились грудами, затрудняя раскопки и передвиженіе. Особенно много собрано ихъ было кругомъ ямы. Мы не досадовали на большое количество черепковъ, а были очень довольны этимъ обстоятельствомъ, зная, что черепки представляютъ для археологическихъ изслѣдованій матеріалъ первосортнаго достоинства. Это и подтвердилось на Немировскомъ городищѣ блестящимъ образомъ. Благодаря черепкамъ, уже съ перваго дня раскопокъ мы знали, съ какими культурами имѣемъ дѣло. Въ первые затѣмъ свободные часы мы занялись промывкой и классификаціей нашей громоздкой добычи, какъ ни страшно было приступить къ собравшейся горѣ матеріала. Это была торжественная минута, когда явилась возможность подвести итоги изслѣдованію немировскихъ черепковъ! Въ группу старѣйшихъ выдѣлились черепки трипольской культуры, которыхъ нельзя было не признать сразу по превосходной ихъ техникѣ, окраскѣ и тонкому штриховому рисунку. Вторую группу, немногочисленную, составили черепки отъ нѣсколькихъ греческихъ сосудовъ родосскаго типа (VI в. до Р. Х.), съ

черными фигурами животныхъ по бѣлому полю. Въ третью группу, весьма обильную, вошли массивные большіе ярко-черные черепки Гальштаттскаго типа, съ блестящею поверхностью, выпуклымъ орнаментомъ изъ концентрическихъ полукруговъ, выступами, шишечками; изрѣдка та же посуда имѣла пепельный или блѣдно-желтоватый цвѣтъ. Послѣ нѣкотораго раздумья, къ той же группѣ были отнесены извѣстныя чарки съ высокими ручками и нѣкоторыя блюда. Основаніемъ для такой рѣшимости послужило изученіе техники этой посуды и ея матеріала; конечно, къ Гальштатту можетъ быть отнесено лишь начало этого рода издѣлій, державшихся затѣмъ долгое время. Затѣмъ, въ новую группу выдѣлилось огромное количество черепковъ отъ разнообразной посуды, извѣстной по раскопкамъ скиѳскихъ кіевскихъ кургановъ: корчагъ, горшковъ, плошекъ, чарокъ, блюдцевъ. Изученіе этой посуды показало, что въ ней нѣтъ ничего новаго сравнительно съ Гальштаттомъ: матеріалъ, техника, формы, украшенія—все то же самое, только проще и небрежнѣе. Это посуда à la Halstatt, какъ мы ее и стали называть. Открытіе это и было самымъ важнымъ событіемъ нашихъ раскопокъ. Къ той же группѣ прочно примкнули черепки съ шероховатою поверхностью (которыхъ вѣнчики и внутреннія поверхности обрабатывались по общему пріему гладью и покрывались блескомъ), а также—весьма многочисленные грубые черепки съ лѣпнымъ орнаментомъ по краю вѣнчика. Послѣдніе были присоединены къ данной группѣ не сразу, а лишь послѣ того, какъ на нѣкоторыхъ черепкахъ Гальштаттской посуды былъ обнаруженъ тотъ же самый орнаментъ. Впослѣдствіи оказалось, что это соображеніе было вполнѣ основательно. Послѣ очень небольшой группы черепковъ латенскаго типа (тонкихъ, сѣрыхъ, отличной работы и черныхъ блестящихъ съ пояскомъ изъ косыхъ граней) выступила многочисленная группа черепковъ русскихъ, вѣроятно, раннихъ (посуда въ формѣ удлиненныхъ вазъ, глина съ примѣсью дресвы, сѣрая, орнаменты линейный и волнообразный).

Мы были не мало изумлены результатами классификаціи немировской посуды и сперва отказывались вѣрить своимъ наблюденіямъ: такъ значитъ—„скиѳская“ посуда находится въ тѣсной связи съ Гальштаттской? Но не могло быть сомнѣній: да, дѣйствительно такъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и дальнѣйшія перспективы. Стало ясно, что мы на Немировскомъ городищѣ въ изученіи скиѳскихъ древностей поднялись выше на одинъ-два вѣка.

Отсюда слѣдовало, что городище и мѣстная культура его существовали еще до времени основанія Ольвіи, откуда уже потомъ стала проникать классическая посуда, а быть можетъ, и нѣкоторыя иныя вещи. Ни одного черепка чернофигурной или краснофигурной посуды нами найдено не было. Если ихъ вовсе нѣтъ на городищѣ, это значило бы, что оно запустѣло рано, до V—IV в. Разъ скиѳская культура органически связана съ Гальштаттскою, отсюда слѣдовалъ неизбѣжный выводъ, что основа ея должна лежать здѣсь, въ западныхъ древностяхъ (если только, конечно, Гальштаттъ и скиѳская культура не выходятъ изъ одного источника, или послѣдняя не повліяла на первый). Такъ мы на Немировскомъ городищѣ углубились въ скиѳскія дали и выработали новую постановку вопроса о характерѣ и происхожденіи скиѳской культуры. Скиѳія стала передъ нами обширной, богатой и многолюдной страной, съ особою варварскою культурою, воспринявшею греческіе элементы лишь позднѣе и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ скиѳы вполнѣ могли обойтись и безъ нихъ. Греки находились въ большей зависимости отъ скиѳовъ, получая отъ нихъ значительную часть своего хлѣба. Скиѳы жили въ исконной земледѣльческой странѣ и сами были земледѣльческимъ народомъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ древніе писатели. Подольская глина плодороднѣе всякаго чернозема; мы воочію видѣли, какъ сильна здѣсь растительность. Земледѣліе — неизбѣжный удѣлъ всѣхъ обитателей Подоліи, какъ прежняго, настоящаго, такъ и будущаго времени. Это настоящее царство хлѣбовъ. По расчету времени, мы находились на городищѣ приблизительно временъ похода на скиѳовъ царя Дарія (конечно, если только онъ дѣйствительно былъ). Всѣ наши соображенія были новы и увлекательны.

Позднѣе, при разборѣ находокъ съ Немировскаго городища, неожиданно выступила еще очень важная тема. Среди вещей обнаружена была половина глиняной статуэтки, напоминающей статуэтки Трипольской культуры, но Гальштаттской техники: желтоватой съ блестящею поверхностью. Находка статуэтки интересна сама по себѣ, но если она дѣйствительно имѣетъ связь съ трипольскими, то здѣсь возникаетъ первый намекъ на возможность органическаго отношенія Трипольской культуры къ Гальштаттской, а далѣе и къ скиѳской. Это естественно допустимо, но никакихъ данныхъ для этого до сихъ поръ не было обнаружено.

Что же глиняныя площадки, на которыя былъ такой разсчетъ? Ихъ не было найдено. Въ раскопѣ онѣ отсутствовали, а на хлѣбномъ полѣ ихъ нельзя было искать въ иныхъ мѣстахъ. Зато при нашихъ раскопкахъ попадалось не мало печины отъ площадокъ, которую мы тщательно собирали, а я пользовался всякимъ удобнымъ моментомъ, чтобы заняться ея изученіемъ. Сразу же стало ясно, что прежнее мое мнѣніе объ отсутствіи у площадокъ глиняныхъ стѣнокъ основано было на недостаточномъ матеріалѣ. По обломкамъ печины, какъ они ни были малы, все же можно было убѣдиться, что для стѣнокъ сооружался каркасъ изъ гибкихъ прутьевъ лозы, видимо, съ рѣдкими ячейками, который затѣмъ забрасывался глиною, и все это обжигалось огнемъ изнутри. Естественнѣе думать, что верхъ сооруженій былъ круглый.

Что же валы городища? Они были у насъ на заднемъ планѣ! Работа на городищѣ шла напряженная. Все вниманіе сосредоточено было на раскопкахъ, требовавшихъ неустаннаго вниманія. Валы являлись лишь досаднымъ осложненіемъ. Тѣмъ не менѣе они были на лицо, вонъ тамъ, на самомъ виду, торжественные и значительные. Подошло время, когда нельзя было не думать объ нихъ. Мои сотрудники прошли ихъ цѣликомъ (болѣе 4-хъ верстъ), я вслѣдъ за ними осмотрѣлъ ближайшую къ городищу часть валовъ и могъ освоиться съ общимъ видомъ городка. Это величавая картина. Предъ вами огражденный каймою массивнѣйшаго вала обширный посадъ, расположенный наполовину въ долинѣ рѣчки, наполовину въ нагорной ея части, въ срединѣ котораго располагается мысъ городища, образованный оврагами. Тутъ могъ бы раскинуться небольшой уѣздный городъ нашего времени, съ соборною площадью посрединѣ. Чѣмъ болѣе вы всматриваетесь, тѣмъ яснѣе становится, что между валами и городищемъ имѣется какая-то внутренняя связь; это центръ, съ котораго виденъ весь валъ и который наблюдается съ каждой точки вала. Такимъ образомъ, возможно, что они одного времени или, по крайней мѣрѣ, одной культуры,—какой именно, это долженъ былъ бы показать анализъ культуръ городища. Дѣлаемъ попытку опредѣлить ее путемъ исключенія. Славянамъ валы не могли принадлежать уже по своей обширности; старый Кіевъ занялъ бы только часть такой площади. Ни у одного славянскаго городища нельзя встрѣтить валовъ такой высоты (до 9 саж. въ профилѣ). Въ періодъ латена населеніе если здѣсь и было, то незначительное. Остаются на выборъ двѣ культуры—трипольскую

ская и скиѳская. Такъ какъ городища Немировскаго типа имѣются и тамъ, гдѣ трипольской культуры не обнаружено, напр., въ Полтавщинѣ, то единственнымъ кандидатомъ остаются скиѳы. На нихъ и приходится пока остановиться. Древніе мѣстные, скиѳскіе черепки, а равно и классическіе, найдены на всѣхъ извѣстныхъ городищахъ этого типа; распространеніе ихъ вполнѣ совпадаетъ съ распространеніемъ скиѳскихъ кургановъ. Конечно, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ валы могли быть сооружены и раньше, и послѣ устройства городища. Какъ ни соблазнителенъ изложенный выводъ, осторожность требуетъ дальнѣйшихъ изысканій о томъ, не могли ли немировскіе валы быть сооружены совсѣмъ иною народностью. Не очень трудно и назвать кандидата—народъ мѣднаго періода, оставившій величественные курганы съ окрашенными костяками. Это было вообще время монументальныхъ сооруженій—долменовъ, скальныхъ помѣщеній, кромлеховъ, крапноговъ. Тѣми же народами могли быть сооружаемы огромныя земельныя насыпи любой длины. Венгерскіе большіе валы едва-ли не принадлежатъ мѣдному вѣку. Геродотъ знаетъ о кимерійскихъ валахъ, сооруженныхъ въ южной Россіи до прихода въ страну скиѳовъ. Весьма важно, что въ валу нѣкоторыхъ большихъ городищъ, въ томъ числѣ и Немировскаго, найдены были скиѳскіе черепки и вещи. Если эти находки происходятъ не изъ верхнихъ слоевъ, то ясно, что городище не можетъ быть старше скиѳскаго времени.

Вопросъ о дѣйствительномъ назначеніи валовъ также съ трудомъ поддается разрѣшенію. Столь длинные валы трудно защищать отъ нападенія даже значительному гарнизону, тѣмъ болѣе, что они, какъ земляные, не могли быть отвѣсны и, слѣдовательно, были легко доступны въ каждой свой точкѣ. Особенно трудно защищать часть валовъ, примыкающихъ къ рѣчкѣ. Объ устройствѣ по гребню вала большой деревянной стѣны при старой техникѣ плотницкаго искусства нечего было и думать. Если же валы сооружались не для защиты отъ непріятеля, то и совсѣмъ непонятно, ради какой же иной цѣли. Еще въ большей мѣрѣ затруднительно рѣшеніе вопроса, не имѣютъ ли большія городища отношенія къ зміевымъ валамъ. Это казалось бы естественнымъ, но пока ничѣмъ не можетъ быть подтверждено; нѣтъ главнаго — точныхъ картъ расположенія валовъ. Но эти памятники древности значительные, важные; разъ ихъ увидишь, нельзя не испытывать къ нимъ живѣйшаго влеченія.

Мы оставили Немировское городище съ сильными впечатлѣніями. Здѣсь мы проникли въ таинственную даль скиѳской жизни, ощутили реальную близость большого земледѣльческаго народа, оставившаго любопытную, единую и стройную культуру и покрывшаго свою страну сѣтью грандіозныхъ сооруженій, какія могли быть по плечу лишь народу съ развитою государственною жизнью. Скиѳы навсегда стали нашими друзьями. Посылая насъ на Немировское городище, графъ А. А. Бобринской не могъ предполагать, что создастъ изъ насъ рѣшительныхъ соперниковъ себѣ въ интересѣ къ скиѳскому міру.

На обратномъ пути трое изъ насъ могли остановиться въ Кіевѣ и ознакомиться съ коллекціями мѣстнаго городского музея. Мы нашли въ немъ поучительный для насъ матеріалъ и прежде всего могли осмотрѣть огромное, единственное собраніе курганныхъ древностей изъ долголѣтнихъ раскопокъ графа А. А. Бобринскаго. Здѣсь имѣется въ цѣломъ видѣ та самая посуда, которую мы возстановили съ такимъ трудомъ по обломкамъ на Немировскомъ городищѣ, и притомъ въ обиліи и разнообразіи. Нѣтъ въ этой коллекціи только посуды Гальштаттскаго типа, ни разу не встрѣченной въ курганахъ. Всѣ отдѣльныя находки скиѳскихъ вещей Немировскаго городища, конечно, оказались въ этомъ собраніи на лицо, и въ значительномъ количествѣ. Значеніе коллекціи весьма умаляется тѣмъ, что она въ музеѣ расположена не въ порядкѣ по внутреннему содержанію, напр., хронологическому, а по мѣстностямъ или даже по удобству расположенія вещей въ залѣ. Какъ намъ нужно было видѣть въ одномъ мѣстѣ, напр., всѣ тѣ древнѣйшіе скиѳскіе курганы, въ которыхъ не встрѣчается греческой посуды! Скиѳскіе сосуды размѣщены по стѣнамъ безъ вниманія къ взаимному ихъ отношенію. Отсутствіе системы, впрочемъ, есть недостатокъ всѣхъ безъ исключенія русскихъ музеевъ,— лучшее доказательство слабости нашей археологіи. За колоннами въ разныхъ мѣстахъ мы разыскали очень очень важные для насъ картоны съ вещами съ Пастерскаго городища, аналогичнаго Немировскому, но оказавшагося менѣе разнообразнымъ и болѣе позднимъ. Черепки его вполнѣ соотвѣтствуютъ находкамъ изъ кіевскихъ кургановъ, не исключая и греческой посуды. Ни латенской, ни славянской культуры здѣсь нѣтъ; греческихъ позднихъ черепковъ на Пастерскомъ городищѣ довольно много. Есть печина отъ глиняныхъ площадокъ.

Въ Петербургѣ я съ понятнымъ нетерпѣніемъ обратился къ Геродоту и своимъ матеріаламъ по скиѳскимъ древностямъ, большимъ городищамъ и зміевымъ валамъ.

Геродотъ. По Бугу за каллипидами—хорошо знакомые съ земледѣліемъ алазоны, выше скиѳы-пахари; по Днѣпру выше Полѣсья—скиѳы-земледѣльцы. Все это, взятое вмѣстѣ, есть именно тотъ районъ, гдѣ наблюдается древняя однородная скиѳская культура, большія городища и валы. На востокѣ до Дона скиѳы иные, кочевники, въ томъ числѣ и царскіе. Однѣ изъ извѣстныхъ Геродоту большихъ стѣнъ приписываются имъ царю Дарію, другія киммерійцамъ. Не разумѣть ли подъ которыми-нибудь валы зміевы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ? Въ рѣзкомъ несогласіи съ предыдущими соображеніями находится категорическое утвержденіе Геродота о томъ, что у скиѳовъ нѣтъ городовъ. Но скиѳы есть западные и восточные; у которыхъ же изъ нихъ нѣтъ городовъ? Земледѣльцамъ безъ города невозможно обойтись; здѣсь ихъ купцы, ремесленники и ихъ защита. Часть скиѳовъ (агаѳирсы) Геродотомъ прямо отнесена къ ѳракійцамъ, племени, какъ извѣстно, весьма знакомому съ земледѣліемъ и издавна доставлявшему грекамъ лучшее зерно. Одни ли только агаѳирсы были ѳракійскимъ племенемъ на русской почвѣ? Ефоръ сосѣдями скиѳовъ называетъ кельтовъ (а имъ приписывается разцвѣтъ Гальштатта); Страбонъ упоминаетъ о племени кельто-скиѳовъ.

Скиѳскіе курганы. Пріятно было вновь убѣдиться, что наши немировскія находки попадаются на всемъ пространствѣ страны земледѣльческихъ скиѳовъ, включая полтавскій и харьковскій районы. Еще интереснѣе было среди курганныхъ находокъ этой страны опредѣлить нѣсколько вещицъ, близкихъ къ Гальштатту. Это прежде всего—извѣстныя золотыя бляшки въ видѣ трехугольника, орнаментированныя концентрическими кружками съ точкою посрединѣ (подобныя найдены въ южной Италіи), и затѣмъ—мѣдныя подвѣски въ видѣ схематическихъ изображеній человѣческихъ фигуръ. Гальштаттскія вещи обнаружены были мною и въ витринахъ кіевскаго музея. Справки, наведенныя въ литературѣ объ отношеніи инкрустированной черной посуды къ Гальштаттскому періоду, показали, что наличность такого рода посуды въ данномъ періодѣ болѣе чѣмъ вѣроятна. Вновь возбудило во мнѣ вниманіе то заманчивое обстоятельство, что скиѳская посуда въ кіевскихъ

курганахъ (раскопки графа А. А. Бобринскаго) найдена была при скорченномъ костякѣ, и не менѣе важно, что въ древнѣйшихъ изъ этихъ кургановъ погребенія обнаруживаются въ деревянныхъ склепахъ и подъ шатромъ: это также роднитъ ихъ съ курганами, заключающими скорченныя погребенія. Въ нѣсколькихъ подольскихъ курганахъ, раскопанныхъ г. Пуласкимъ, скиѳская посуда найдена также при скорченныхъ костякахъ. Рѣшительнаго значенія этимъ наблюденіямъ нельзя придавать, но ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду; во всякомъ случаѣ нѣкоторыя точки соприкосновенія—на лицо. Нельзя не обратить вниманія также на сравнительную бѣдность скиѳскихъ кургановъ золотомъ; въ одновременныхъ сарматскихъ курганахъ его попадается много. Это обстоятельство хорошо объясняется, если допустить, что скиѳское золото получалось съ береговъ Средиземнаго моря, все равно чрезъ Италію, Балканы или Грецію, а сарматское—съ востока. Геродотъ говоритъ о любви къ золоту алазоновъ, но это, вѣроятно, надо понимать въ относительномъ смыслѣ.

Свѣдѣнія о большихъ городищахъ, и прежде всего о полтавскомъ Бѣльскомъ, изслѣдованномъ В. А. Городцовымъ. Два внутренніе городка. длина сохранившейся части внѣшняго вала 30 верстъ При раскопкахъ найдены скиѳская посуда и черепки отъ греческихъ чернофигурныхъ сосудовъ. Возможно, что раскопанные г. Городцовымъ „Зольники“ близки „кургану“ Немировскаго городища. Слѣдовъ жилищъ на Бѣльскомъ городищѣ пока не найдено, за исключеніемъ отмѣченныхъ ниже и не имѣющихъ связи съ немировскими жилищными ямами.

Осенняя поѣздка въ Москву дала мнѣ и моимъ сотрудникамъ возможность осмотрѣть самыя находки, сдѣланныя на Бѣльскомъ городищѣ и въ окружающихъ курганахъ. Находки эти въ общемъ оказались тождественны съ Немировскими и Пастерскими; немногочисленные греческіе черепки, кажется, относятся къ V в., Гальштаттскихъ нѣтъ. Найдено много пряслицъ, глиняныхъ пуговокъ, а также глиняныя катушки немировскаго типа; металлическихъ подѣлокъ собрано очень мало. По словамъ В. А. Городцова, одинъ изъ зольниковъ отчасти былъ прикрытъ валомъ (внѣшнимъ) и, слѣдовательно, существовалъ раньше его. Въ другомъ зольникѣ найдены остатки жилища съ глинобитною печкою.

Посуда извѣстныхъ харьковскихъ скиѳскихъ кургановъ, раскопанныхъ Зарѣцкимъ, оказалась вполнѣ немировскихъ типовъ.

Личная моя бесѣда въ Москвѣ съ проф. Вс. Ѳ. Миллеромъ, виднѣйшимъ въ Россіи проводникомъ взгляда на скиѳовъ, какъ на иранское племя, показала, что онъ относится къ этому вопросу съ большою осмотрительностью, опредѣленно выдѣляя сарматовъ въ качествѣ иранцевъ и отказываясь отъ сужденія о собственныхъ скиѳахъ. Такъ какъ въ керченскихъ надписяхъ нерѣдки ѳракійскія имена, то, по мнѣнію проф. Миллера, среди этихъ скиѳовъ возможенъ и ѳракійскій элементъ.

Тѣмъ наши изысканія пока и кончились. Добавимъ, впрочемъ, слѣдующее. Нѣтъ никакого основанія утверждать, что наши скиѳы находились всегда или когда-нибудь въ близкой зависимости отъ запада. Для какого-нибудь времени естественна и совершенно обратная картина. Ни на минуту нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что лучшая страна въ Европѣ для земледѣлія—южная Россія, а въ частности—Подоліе. Первая обширная земледѣльческая культурная страна должна была основаться у насъ и по Дунаю. Сходство культуръ у скиѳовъ и кельтовъ можетъ быть частію объясняемо и заимствованіемъ изъ одного общаго источника, пока неизвѣстнаго.

Именно вамъ, многоуважаемый графъ, неустанной личной энергіи вашей и любви къ дѣлу наука обязана тѣмъ богатымъ матеріаламъ по скиѳскимъ древностямъ, какими она нынѣ обладаетъ. Моя настоящая тема никому не можетъ быть столь близка, какъ вамъ, и тѣмъ пріятнѣе для меня посвятить ее вашему имени.

А. Спицынъ.

Къ исторіи христіанства на Кавказѣ.

Греческія надписи изъ Ново-Аѳонскаго монастыря.

I.

На восточномъ побережьѣ Чернаго моря, въ Абхазіи, въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Сухума, въ прекрасной мѣстности, орошаемой рѣчкою Псыртсхою, расположенъ Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь, основанный иноками Аѳонскаго Русскаго монастыря св. Пантелеимона въ 1876 г. Вблизи монастыря находится возстановленный въ 1882 г. изъ развалинъ храмъ византійской эпохи, въ которомъ, по преданію, сохранившемуся у абхазцевъ и грузинъ, почивали мощи св. апостола Симона Кананита. Немного дальше отъ монастыря, на гребнѣ такъ называемой „Иверской горы“, одной изъ тѣхъ, между которыми вьется р. Псыртсха, вырываясь къ морю изъ живописнаго ущелья, образуемаго этими горами, сохранились развалины византійской крѣпости (сильно передѣланной впослѣдствіи), состоящія изъ стѣны, сложенной въ нижнихъ частяхъ изъ массивныхъ гладко обдѣланныхъ камней, съ выдающимися полукруглыми бастіонами, расположенными на равныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, съ двумя башнями (надъ одной изъ которыхъ устроена часовня), съ цистерною на просторномъ внутреннемъ дворѣ и съ развалинами церкви византійской эпохи. Крѣпость эта обыкновенно отождествляется съ упоминаемою у Прокопія (De b. Gotth. IV, 9) Трахеею или съ Никопсіею (Анакопіею) другихъ византійскихъ писателей.

Первое подробное описаніе развалинъ крѣпости далъ Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, I, стр. 273—276. Ср. также Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства. *Зап. Общ. Люб. Кавк. Археологіи*, кн. I (Тифл. 1875), стр. 25, и. сл. Анакопія.

Въ 1884 г. архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), проводя лѣто въ Симоно-Кананитской обители и обративъ вниманіе на отсутствіе въ русской литературѣ описанія ея, составилъ таковое вмѣстѣ съ описаніемъ всей Абхазіи и древнихъ памятниковъ христіанства въ ней и въ слѣдующемъ году выпустилъ его въ свѣтъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь. Съ планомъ Абхазскаго приморскаго берега, съ 21 рисункомъ памятниковъ христіанства въ Абхазіи и съ планомъ Ново-Аѳонскаго монастыря. Въ пользу строящейся обители. Составилъ А. Л.“ [1]). Москва 1885. 8⁰.

Въ 1887 г. вышло второе изданіе этого труда, а въ 1898 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое носитъ трудъ архимандрита Леонида, появилось новое описаніе Абхазіи и Симоно-Кананитской обители, на заглавномъ листѣ котораго читается: „составилъ И. Н.“ Указавъ въ предисловіи новѣйшіе труды по изслѣдованію Кавказа, потребовавшіе исправленій въ составленномъ арх. Леонидомъ описаніи Абхазіи и обители, И. Н. на стр. 10-й говоритъ: „Вслѣдствіе этого изъ прежняго сочиненія „Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь“ мало измѣненными и только исправленными въ редакціонномъ отношеніи и дополненными позднѣйшими фактами останутся отдѣлы: Историческій очеркъ Абхазіи, Судьбы христіанства въ ней, Памятники христіанства и Историческій очеркъ обители. Описаніе же современнаго состоянія Симоно-Кананитскаго монастыря составлено по личнымъ моимъ впечатлѣніямъ. Я неоднократно посѣщалъ монастырь и, проживая въ немъ иногда по мѣсяцамъ, имѣлъ возможность хорошо изучить его“. Указанныя въ качествѣ „мало измѣненныхъ“ части труда арх. Леонида представляютъ въ большинствѣ случаевъ простую перепечатку изъ этого труда, причемъ даже тѣ фразы, гдѣ арх. Леонидъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, остались не измѣненными. Такимъ образомъ эти части въ новомъ изданіи книги, по заглавію составленномъ И. Н., производятъ впечатлѣніе крайне страннаго плагіата.

Въ обоихъ изданіяхъ „Абхазіи“, т. е. какъ въ Леонидовомъ, такъ и въ составленномъ И. Н., приведены, между прочимъ, и греческія

[1]) Что эти иниціалы обозначаютъ «архимандритъ Леонидъ»,—это указалъ И. Н. на стр. 5-й предисловія къ книгѣ, о которой говорится ниже въ текстѣ.

надписи, найденныя въ вышеупомянутыхъ развалинахъ византійской эпохи, у арх. Леонида четыре, а у И. Н.—пять.

Описывая возобновленный въ 1882 г. храмъ св. Симона Кананита, арх. Леонидъ (стр. 50 = И. Н., стр. 114) говоритъ: „Надъ южными входными дверями вмѣсто притолки лежитъ большой продолговатый камень (вѣроятно, прежняя надгробная плита), на которомъ въ срединѣ имѣемъ кругъ, въ коемъ четвероконечный крестъ съ обычными греческими словами [ICXCNIKA]; по сторонамъ круга на каждой сторонѣ его по три греческихъ буквы подъ титломъ: $\overset{\tau}{\text{М}}$. Θ. $\overset{\tau}{\text{С}}$. $\overset{\tau}{\text{Г}}$. $\overset{\tau}{\text{Ү}}$. $\overset{\tau}{\text{Σ}}$». Для этихъ буквъ арх. Леонидъ предлагаетъ совершенно произвольныя дополненія: М(ῆτερ) Θ(εοῦ) σ(ῶσον) Г(εώργιον) ὑ(πέρτιμον) Σ(κόμης) [1]).

Эта надпись—единственный изъ эпиграфическихъ памятниковъ данной мѣстности, вошедшій въ „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа“ И. В. Помяловскаго, гдѣ онъ данъ (стр. 41, № 65) по копіи г. Чернявскаго, сообщенной въ письмѣ къ покойному Л. Н. Майкову. Эта копія представляетъ два отличія отъ копіи архим. Леонида, именно на 2-мъ мѣстѣ вмѣсто Θ стоитъ Φ и на послѣднемъ вмѣсто Σ дана Z. По словамъ И. В. Помяловскаго, проф. Дестунисъ первыя три буквы гадательно разрѣшалъ такъ: М(ή)τ(ηρ) Φ(ω)τ(ὸς) Σ(ω)τ(ῆρος). Такимъ образомъ значеніе буквъ пока еще не выяснено.

Вторая надпись, приведенная у арх. Леонида (стр. 50) и И. Н. (стр. 115), находится „на одномъ изъ камней алтарной стѣны того же храма. Въ ней ясно читается только первая строка: Χ(ριστ)ὲ ἄνα(ξ). φύλατ(τ)ε τὸν δοῦλόν [σου]. Вторая строка представлена сильно попорченною и не поддающеюся возстановленію, а далѣе сохранились только начальныя буквы четырехъ строкъ.

Перейдя къ описанію остатковъ крѣпости на „Иверской горѣ“, арх. Леонидъ (стр. 55—56) приводитъ двѣ другія надписи на камняхъ, „открытыхъ при расчисткѣ внутренней площади замка“. Онъ даетъ ихъ на отдѣльныхъ таблицахъ въ видѣ гравированныхъ снимковъ съ фотографій, затѣмъ приводитъ въ точныхъ (по его словамъ) спискахъ, рядомъ ставитъ „греческое полнословное *чтеніе* [2]) оныхъ“, принадлежащее протоіерею Ѳеодосіевскаго собора о. Іоанну Паксимаде, и, на-

[1]) Допущенныя авторомъ ошибки въ орѳографіи и удареніяхъ нами исправлены.

[2]) Курсивъ арх. Леонида.

конецъ, русскій переводъ. О „чтеніяхъ“ о. Паксимаде достаточно сказать, что они совершенно фантастичны и свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ незнакомствѣ о. протоіерея съ дешифровкою греческихъ эпиграфическихъ памятниковъ. И. Н. на стр. 121—122 рабски воспроизводитъ эти тексты и ихъ чтенія, прилагаетъ тѣ же гравированные снимки и, кромѣ того, на стр. 119 приводитъ обычными печатными маюскулами съ вѣрнымъ русскимъ переводомъ еще одну надпись на камнѣ, найденномъ, по его словамъ, въ 1866 г.[1]) въ развалинахъ церкви на „Иверской горѣ“, за алтарной ея частью. Въ эпиграфической литературѣ всѣ эти надписи, повидимому, совершенно не были замѣчены.

Художникъ архитекторъ К. К. Романовъ, работавшій лѣтомъ 1910 г. въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ надъ изслѣдованіемъ развалинъ упомянутаго храма, который настоятель монастыря предполагаетъ реставрировать, привезъ намъ фотографическіе снимки этихъ трехъ надписей, изданныхъ у арх. Леонида и И. Н., и еще одной, о которой мы не нашли пока никакихъ упоминаній въ литературѣ, хотя по содержанію она оказалась наиболѣе важною. Камни съ этими надписями находятся нынѣ въ библіотекѣ Ново-Аѳонскаго монастыря. Размѣры ихъ и указанія на мѣста находки любезно сообщены, по нашей просьбѣ, настоятелемъ монастыря о. архимандритомъ Іерономъ. Изслѣдованіе этихъ четырехъ документовъ и составитъ предметъ настоящаго этюда. Но прежде, чѣмъ перейти къ изученію ихъ, считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько общихъ историко-географическихъ замѣчаній и приноминаній для выясненія обстоятельствъ, при которыхъ появились на свѣтъ эти памятники.

II.

Архимандритъ Леонидъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги неоднократно категорически называетъ крѣпость, развалины которой сохранились вблизи Ново-Аѳонскаго монастыря, Анакопіей (Никопсіей), а р. Псыртсху по сходству названія отождествляетъ съ упоминаемой древними и византійскими писателями рѣкой Апсарой (точнѣе: Апсаромъ, Ἄψαρος).

[1]) Эта дата намъ кажется невѣрною, такъ какъ въ 1866 г. интересующая насъ мѣстность была пустынна и въ ней врядъ-ли производились какія-нибудь раскопки; кромѣ того, если бы камень былъ извѣстенъ съ 1866 г., то архим. Леонидъ едва ли опустилъ бы его въ своемъ описаніи. Вѣроятно, 1866 г. явился вслѣдствіе опечатки вмѣсто 1886 или 1896.

На самомъ дѣлѣ, однако, какъ отождествленіе Анакопіи съ Никопсіей, такъ и Апсара съ Псыртсхой неправильны. Рѣка Апсаръ, съ лежавшимъ при устьѣ ея сильнымъ римскимъ укрѣпленіемъ того же имени, находилась гораздо южнѣе, въ 70 римскихъ миляхъ къ югу отъ Фасида, и соотвѣтствовала нынѣшнему Чороху [1]). Что же касается до Никопсіи, то периплъ Безыменнаго, сохранившій древнѣйшее упоминаніе о ней (§ 58), помѣщаетъ ее въ Старой Лазикѣ близъ р. Ψάχαψις, а Константинъ Багрянородный совершенно опредѣленно называетъ рѣку Νίκοψις (съ находящеюся при ней соименною крѣпостью) пограничною между Зихіею и Авазгіею [2]), тогда какъ интересующая насъ мѣстность находится недалеко отъ юго-восточнаго предѣла Авазгіи—Сотиріуполя. Показаніе Константина категорически подтверждается свидѣтельствами списковъ епархій Константинопольскаго престола (notitiae episcopatuum), въ которыхъ автономный архіепископъ Никопсійскій (ὁ Νικόψεως) является однимъ изъ трехъ архіепископовъ Зихійской епархіи (другіе два—Херсонскій и Воспорскій), а Авазгія составляетъ отдѣльную епархію съ каѳедрою въ Севастополѣ или Сотиріуполѣ (см. ниже). И въ другихъ источникахъ Никопсія является зихійскимъ городомъ [3]). Новые ученые, повидимому, совершенно правильно отождествляютъ рѣку Никопсію съ нынѣшнею Негопсухо [4]).

Противъ принятаго Дюбуа-де-Монпере и, вслѣдъ за нимъ, Муравьевымъ отождествленія интересующей насъ крѣпости съ Трахеею Прокопія самъ архим. Леонидъ высказываетъ (стр. 52, прим. 1=И. Н., стр. 117, прим.) вѣскіе доводы, прибавляя, что, по мнѣнію мѣстнаго археолога г. Чернявскаго, слѣды Трахеи Прокопія находятся ниже Сухума, у р. Келасуры.

---

[1]) Свидѣтельства древнихъ собраны Томашкомъ въ Pauly-Wissowa, R. E. s. vv. Apsaros и Akampsis.

[2]) De adm. imp. cap. 42 (p. 181 Bonn.): ἀπὸ τὸ Ταμάταρχά ἐστι ποταμὸς ... λεγόμενος Οὐκρούχ, ὁ διαχωρίζων τὴν Ζιχίαν καὶ τὸ Ταμάταρχα, ἀπὸ δὲ τοῦ Οὐκρούχ μέχρι τοῦ Νικόψεως ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ κάστρον ἐστὶν ὁμώνυμον τῷ ποταμῷ, ἔστιν ἡ χώρα τῆς Ζιχίας ... τὸ δὲ παραθαλάσσιον ἀπὸ τῆς συμπληρώσεως τῆς Ζιχίας ἤτοι Νικόψεως ποταμοῦ ἐστὶν ἡ τῆς Ἀβασγίας χώρα μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως· εἰσὶ δὲ μίλια τ'. Отсюда ясно, что Зихія лежала къ с.-з. отъ Авазгіи.

[3]) Ср. Петровскаго въ *Зап. Од. Общ.* т. 21, стр. 168.

[4]) См. Брунъ, Черноморье, ч. II, стр. 259; Tomaschek у Pauly-Wissowa, R. E. s. v. Abaskoi. Архим. Леонидъ не замѣтилъ даже того, что, если отождествлять интересующую насъ крѣпость съ Никопсіею, то и мѣстная рѣка (нын. Псыртсха) должна быть называема, согласно Константину Багрянородному, Никопсіею, а не Апсарою.

Напротивъ, пріуроченіе къ нашей крѣпости названія Анакопіи или Анакуфы (Ἀνακουφή у Георгія Кедрина, v. II p. 503 Bonn., см. ниже), повидимому, должно считаться вполнѣ основательнымъ, такъ какъ средневѣковыя итальянскія карты именно въ этой мѣстности показываютъ небольшую береговую рѣчку съ именемъ *nicoffa*, *nicofia* (нѣкоторыя—съ очевидно искаженнымъ именемъ *nicola*), въ которомъ нельзя не видѣть отзвука византійскаго названія [1]).

Преданія о проповѣди св. Симона Кананита на восточномъ побережьѣ Чернаго моря и о погребеніи его въ Анакуфѣ мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ эпиграфическіе документы, составляющіе главный предметъ настоящаго этюда, отношенія къ этому преданію не имѣютъ. Замѣтимъ только, что, во всякомъ случаѣ, гробница св. Симона указывается преданіемъ въ Воспорѣ и въ Никопсіи, а не въ Анакуфѣ, и что само преданіе принадлежитъ къ числу апокрифическихъ и не можетъ претендовать на историческую достовѣрность. Напомнимъ, что по вопросу объ апостольской проповѣди на Кавказѣ и въ предѣлахъ нынѣшней Россіи въ нашей литературѣ имѣются солидныя изслѣдованія: покойнаго В. Г. Васильевскаго „Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ“ (*Журн. М. Н. Просв.* 1877, январь и февраль= Труды В. Г. Васильевскаго, т. II вып. 1, Спб. 1909, стр. 213—295); свящ. С. В. Петровскаго „Апокрифическія сказанія объ апостольской проповѣди по Черноморскому побережью“ (*Зап. Одесскаго общ. ист. и древн.* т. XX (1897), стр. 29—148, и т. XXI (1898), стр. 1—184); И. А. Джавахова „Проповѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи“ (*Журн. М. Н. Пр.* 1901, январь, стр. 77—113).

Абхазы у древне-греческихъ и византійскихъ писателей носятъ названіе Ἀβασκοί или Ἀβασγοί. Это былъ аборигенный народъ, занимавшій часть восточнаго побережья Понта Евксинскаго [2]). По словамъ Фл. Арріана, въ „Периплѣ“ котораго (134 г. по Р. Хр.) мы имѣемъ древнѣйшее упоминаніе объ Аваскахъ [3]), они жили на побережьѣ между Апсилами

[1]) См. „Топографическую таблицу восточнаго берега Чернаго моря по периплу Безыменнаго и по компасовымъ картамъ въ сравненіи съ нынѣшними“, приложенную ко 2-й части «Черноморья» Бруна, гдѣ приведены выписи изъ 10 картъ съ 1318 по 1519 годъ. Ср. въ текстѣ стр. 256.

[2]) Обзоръ русской литературы объ Абхазіи см. въ статьѣ Н. С. Державина «Абхазія въ этнограф. отношеніи» въ *Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа*, вып. 37 (1907).

[3]) См. наши Scythica et Cauc. I, стр. 222, § 15.

и Санигами, въ области которыхъ лежалъ Севастополь (Діоскуріада). Слѣдовательно, при Арріанѣ они жили нѣсколько южнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, при Прокопіи, который помѣщаетъ ихъ какъ разъ въ нынѣшней Абхазіи (см. ниже). Н. Я. Марръ справедливо замѣчаетъ, что терминъ „Абхазы“ въ древности не представлялъ той постоянной величины, какая придается теперь этому уже чисто географическому термину [1]). При Арріанѣ Аваски находились въ сферѣ римскаго вліянія и имѣли царя Рисмага, поставленнаго имп. Адріаномъ. Но вообще исторія ихъ въ римскую эпоху совершенно неизвѣстна, или, вѣрнѣе сказать, они и не имѣли никакой исторіи, ведя, безъ сомнѣнія, такой же дикій образъ жизни, какъ ихъ сосѣди, описанные Страбономъ [2]). Дальнѣйшія довольно подробныя свѣдѣнія объ Авазгахъ, относящіяся уже къ царствованію Юстиніана I, даетъ намъ Прокопій. Во 2-й книгѣ de b. Pers., c. 29, онъ называетъ ихъ въ числѣ народовъ, жившихъ между Кавказскими горами и побережьемъ Чернаго моря, прибавляя, что они издревле были дружественны христіанамъ и Римлянамъ. Затѣмъ въ IV книгѣ de b. Gotth., c. 3, нашъ авторъ еще точнѣе опредѣляетъ мѣсто жительства Авазговъ, говоря, что они жили по побережью за Апсиліями и началомъ луновиднаго (μηνοειδής) изгиба берега, доходя до Кавказскихъ горъ, а съ другой стороны граница съ Зикхами. Покойный проф. Г. С. Дестуницъ въ своемъ комментаріи къ переводу 2-й книги Прокопіевой „Исторіи войнъ Римлянъ съ Персами“ [3]) для точнаго выясненія мѣста жительства Авазговъ занялся разсмотрѣніемъ вопроса, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ луновиднымъ изгибомъ, и пришелъ къ выводу, что „Авазговъ Прокопія нужно пріурочить приблизительно къ нынѣшнему отдѣлу Сухумскому, туда же, выражаясь не совсѣмъ точно, гдѣ живутъ Абхазы и понынѣ“. Далѣе Прокопій разсказываетъ (l. c.), что Авазги изстари были подвластны Лазамъ и управлялись двумя начальниками изъ своего племени, изъ коихъ одинъ правилъ западною частью области, а другой восточною. До времени Прокопія Авазги были язычниками и чтили рощи и лѣса, „съ варварскою наивностью признавая деревья богами“. Царьки Авазговъ страшно

[1]) «Историческій очеркъ Грузинской церкви съ древн. временъ» въ *Прилож. къ Церк. Вѣд.* 1907 г., № 3, стр. 121.

[2]) Geogr. XI, 2, 12 sqq. (Scyth. et Cauc. I, стр. 133 слл.).

[3]) *Записки ист.-филолог. фак. Имп. Спб. унив.*, ч. VI (1880), стр. 222 и Прилож. III, стр. 263.

притѣсняли ихъ и, между прочимъ, отнимали у родителей красивѣйшихъ мальчиковъ, кастрировали ихъ и за большія деньги продавали въ Византію для службы евнухами, убивая при этомъ отцовъ мальчиковъ изъ боязни ихъ мести за дѣтей. Императоръ Юстиніанъ принялъ мѣры къ прекращенію этого постыднаго и жестокаго промысла и,ославъ къ царькамъ придворнаго евнуха Евфранту, родомъ Авазга, категорически запретилъ калѣчить мальчиковъ. Послѣдствіемъ вмѣшательства Юстиніана было то, что Авазги низвергли обоихъ царьковъ и организовали „свободную“ форму правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли христіанство [1]). Юстиніанъ построилъ для нихъ храмъ во имя Богоматери, поставилъ священниковъ и принялъ надлежащія мѣры къ просвѣщенію новокрещенныхъ въ вѣрѣ (около 546 г.).

Прокопій не упоминаетъ, гдѣ именно былъ построенъ этотъ храмъ, но въ разсказѣ грузинской хроники „Картлисъ-цховреба“ (см. о ней ниже, стр. 170) о принятіи христіанства Авазгами, согласномъ съ Прокопіевымъ, мѣстомъ построенія храма прямо названъ г. Бичвинта, греч. Питіунтъ, нынѣ Пицунда [2]).

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ обширномъ арабскомъ житіи св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, найденномъ Н. Я. Марромъ въ одной Синайской рукописи, св. Григорію приписывается и крещеніе абхазовъ. См. Н. Я. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ. *Зап. Вост. Отд. И. Русскаго Археолог. Общ.*, т. XVI (1905), стр. 63—211.—Разсказъ Прокопія вкратцѣ цитируетъ Евагрій, Hist. eccl. IV, 22. Ср. Le Quien, Oriens christ. I (Par. 1740), ст. 1351.

[2]) Histoire de la Géorgie, éd. Brosset, I (St. Pétersb. 1849), ср. 213: «Justinien construisit donc une église de la Se Vierge à Bidchwinta, dans l'Aphchasie, et y attacha des prêtres, destinés à enseigner publiquement la religion chrétienne».

Въ русской наукѣ прочно держалось мнѣніе (основанное, безъ сомнѣнія, на этомъ свидѣтельствѣ Картлисъ-цховребы), что Юстиніановъ храмъ находился въ Пицундѣ, но проф. Ю. А. Кулаковскій въ 1897 г. въ спеціальной статьѣ («Гдѣ былъ построенъ Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ?» *Археолог. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Арх. Общ.*, т. V, стр. 33—37) возсталъ противъ этого мнѣнія, доказывая, что храмъ былъ построенъ въ Севастополѣ (Діоскуріадѣ). Главнымъ основаніемъ для автора послужило сообщаемое тѣмъ же Прокопіемъ въ другомъ сочиненіи (De aedif. III, 7) извѣстіе, что послѣ разрушенія двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ, оставшихся въ рукахъ Византійцевъ къ С. отъ Фасида, именно Севастополя и Питіунта, при нашествіи Хозроя, Юстиніаномъ былъ возстановленъ въ великолѣпномъ видѣ только Севастополь, а о возстановленіи Питіунта не упоминается, и что позднѣе, по спискамъ епархій Константинопольскаго патріархата (Notitiae episcopatuum), каѳедральнымъ городомъ Авазгійской автокефальной архіепископіи былъ Севастополь, а затѣмъ Сотиріуполь. При этомъ, однако, г. Кулаковскій совершенно игнорируетъ свидѣтельство Картлисъ-цховребы. Конечно, слѣдовало бы справиться, имѣется ли указаніе на Бичвинту въ подлинномъ грузинскомъ текстѣ и не прибавлено ли въ видѣ поясненія переводчикомъ, но пока не доказана несостоятельность этого свидѣтельства, съ нимъ необходимо считаться.

Повидимому, христіанство со временъ Юстиніана I стало прочно утверждаться въ Авазгіи. Отъ 70-хъ годовъ VII в., т. е. отъ времени на 100 съ небольшимъ лѣтъ позднѣйшаго, мы имѣемъ интересное свидѣтельство, восхваляющее благочестіе и христіанскую доброту Авазговъ и князя ихъ Григорія. Разумѣемъ письмо св. Анастасія апокрисіарія къ пресвитеру Гангрскому Θеодосію [1]). Авторъ письма вмѣстѣ съ другимъ Анастасіемъ былъ въ числѣ учениковъ св. Максима исповѣдника, который въ 662 г. послѣ многихъ мученій былъ сосланъ въ крѣпость Схимарій въ Аланіи, гдѣ вскорѣ и скончался [2]); авторъ письма одновременно съ учителемъ былъ сосланъ въ крѣпость Букулъ въ Мисиміанѣ (а другой Анастасій—въ крѣпость Скотоній въ Апсиліи, гдѣ также вскорѣ умеръ) и здѣсь среди множества разныхъ напастей и лишеній былъ переводимъ изъ одного мѣста въ другое, пока не попалъ въ Авазгію, гдѣ былъ принятъ княземъ Григоріемъ съ подобающею честью и получилъ спокойное и удобное помѣщеніе [3]). Св. Анастасій въ своемъ письмѣ, между прочимъ, упоминаетъ о св. Стефанѣ, сынѣ блаженнаго пресвитера Іоанна, ключаря (cimiliarcha) мѣстной церкви, много потрудившемся на миссіонерскомъ поприщѣ среди мѣстныхъ жителей и съ трудомъ разыскавшемъ Анастасія въ мѣстѣ его поселенія, причемъ ему пришлось обойти всю Лазику, Апсилію и Авазгію.

Ни Прокопій, ни „Картлисъ-цовреба“ не упоминаютъ, чтобы Юстиніанъ, построивъ храмъ Авазгамъ и прославъ священниковъ, далъ имъ и епископа, и время возникновенія здѣсь епископской каѳедры остается неизвѣстнымъ въ точности. Однако, упомянутыя уже Notitiae episcopatuum [4]) свидѣтельствуютъ, что въ концѣ VII или началѣ VIII в. въ Авазгіи была уже автокефальная архіепископія. Въ древнѣйшемъ

[1]) Anastasii presbyteri et apocrisiarii Romae epistola ad Theodosium presbyterum Gangrensem. Migne, Patr. Gr. 90, ст. 171—178.

[2]) Житія св. Максима см. у Migne, P. G. 90, ст. 67—172.

[3]) Epist. cap. VIII (c. 175): «Excitavit autem Deus Spiritum suum in viro boni aemulatore, qui Dei habeat in se timorem pariter et amorem, et vere pheronyme vigilantem secundum Deum possideat mentem, qui cum Deo nunc praeest regioni, et Deum imitante condescensione seu compassione motus reduxit me a via crebro dicti Schemareos castri et constituit me quasi quinque signis longius a divinitus custodienda domo sua in loco monachos veraciter condecente, praebens necessarias largissime corporis utilitates».

[4]) Ed. G. Parthey, Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum. Berol. 1866.—Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani. Ed. H. Gelzer. Lips. 1890.—De Boor, Nachträge zu den Notitiae episcopatuum. *Zeitschr. für Kirchengesch.* XII (1891).

изъ извѣстныхъ намъ документовъ этого рода, изданномъ у Parthey подъ № 7 съ именемъ Епифанія Кипрскаго и относящемся къ концу VII или къ началу VIII в. [1]), въ числѣ αὐτοκέφαλοι ἀρχιεπίσκοποι читается на 34 мѣстѣ: Ἐπαρχίας Ἀβασγίας—ὁ Σεβαστοπόλεως. Въ not. 6, относящейся ко времени патріарха Никифора (806—815), а также въ not. 8 поставлена въ числѣ автокефальныхъ епархій на 35 мѣстѣ Ἐπαρχία Ἀμασίας—ὁ Σεβαστουπόλεως, но здѣсь очевидно слѣдуетъ вмѣсто Ἀμασίας читать (какъ указываетъ издатель) Ἀβασγίας. Въ Νέα τακτικὰ времени Льва Мудраго (886—911) въ спискѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріаршему престолу, на 36 мѣстѣ стоитъ ἡ Σωτηριούπολις [2]). Въ notitia 2 Parth., относящейся ко времени Алексѣя Комнина, тотъ же городъ поставленъ на 26 мѣстѣ. Итакъ, мы видимъ, что мѣстное христіанство, возникнувъ подъ прямымъ греческимъ вліяніемъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ сохраняло тѣсную связь съ Константинопольскимъ патріархатомъ. Необходимо, однако, замѣтить, что въ грузинскихъ источникахъ съ 720 г. упоминаются самостоятельные абхазскіе католикосы [3]). Вопросъ о томъ, были ли они тожественны съ автокефальными архіепископами, упоминаемыми въ Notitiae episcopatuum, кажется, еще не выясненъ окончательно [4]).

Что касается до дальнѣйшей политической исторіи Авазговъ, то у византійскихъ писателей встрѣчаются лишь случайныя извѣстія объ отдѣльныхъ событіяхъ, не дающія возможности возстановить связный

---

[1]) О хронологіи этихъ документовъ см. Gelzer, Zur Zeitbestimmung der griech. Notitiae episcopatuum въ *Jahrb. für protest. Theologie*, XII (1886), стр. 337—372, 528—575. Ср. Ю. А. Кулаковскаго, *Виз. Врем.* V, стр. 8.

[2]) Georgii Cyrii Descr. ed. Gelzer, стр. 57 слл. Ю. А. Кулаковскій въ статьѣ по вопросу о мѣстѣ построенія Юстиніаномъ храма для Авазговъ (см. выше стр. 176, прим. 2) отождествлялъ Сотиріуполь съ Питіунтомъ и вывелъ заключеніе о перенесеніи каѳедры архіепископа изъ одного города въ другой, но въ слѣдующемъ же году, въ статьѣ «Христіанство у Аланъ» отмѣтилъ слѣдующее (*Виз. Врем.* V, стр. 12, прим. 1): «Уважаемый проф. В. В. Болотовъ высказалъ въ частномъ письмѣ къ намъ свое несогласіе такъ понять перемѣну имени каѳедръ Авазгійской епархіи и привелъ цѣлый рядъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что перемѣнилось только имя Севастополь въ Сотиріуполь». Г. Кулаковскимъ не воспроизведены эти аргументы, но и безъ нихъ авторитетное мнѣніе такого ученаго, какимъ былъ покойный Болотовъ, не можетъ быть обойдено молчаніемъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что по Константину Багрянородному (De adm. imp. 42) Сотиріуполь былъ крайнимъ предѣломъ Авазгіи на ю.-в., что вполнѣ приложимо къ Севастополю, но никакъ не къ Питіунту.

[3]) См. объ этомъ Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 239, прим. 6.

[4]) Ихъ отождествляетъ, напр., арх. Макарій, Исторія христ. въ Россіи до Влад. Св., изд. 2 (Спб. 1868), стр. 135.

ходъ ихъ исторической жизни [1]). Гораздо болѣе свѣдѣній даютъ грузинскія лѣтописи, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ „Картлисъ-цховреба“, изданная во французскомъ переводѣ академикомъ Броссе [2]), и армянскіе историки. Изъ нихъ мы знаемъ, что Абхазія съ 787 года составляла особое царство [3]) подъ властію царей изъ династіи Багратидовъ, и имѣемъ довольно много свѣдѣній объ участіи ея въ политической жизни сосѣднихъ областей Кавказа, особенно Грузіи. Мы не будемъ, однако, слѣдить за этими перипетіями въ VII—IX в.в., такъ какъ онѣ не нужны для цѣлей настоящей статьи [4]). Замѣтимъ только, что отношенія Абхазіи къ Византіи въ разныя времена были различны. При Юстиніанѣ I, вскорѣ послѣ упомянутаго переворота, Авазги, недовольные притѣсненіями со стороны имперскихъ солдатъ, вновь избрали себѣ двухъ царьковъ, Опсита и Скепарну, и подъ предводительствомъ перваго возстали противъ Римлянъ. Но сильная армія, двинутая противъ нихъ по повелѣнію Юстиніана подъ начальствомъ Улигага и Іоанна, сумѣла овладѣть главнымъ оплотомъ ихъ, неприступною крѣпостью Трахеею на границахъ Авазгіи и Апсиліи, и вновь подчинила все племя римской власти [5]). Затѣмъ при Юстинѣ II въ 572 г. и при Ираклiи въ 624 г. Авазги помогали Византіи въ борьбѣ съ Персіею [6])

---

[1]) Извѣстія византійскихъ писателей въ латинскомъ переводѣ собраны Stritter'омъ въ Memoriae populorum, т. IV, стр. 178—194.

[2]) Histoire de la Géorgie, I. S.-Pétersb. 1849. Начальная часть «Картлисъ-цховребы», повѣствующая о древнѣйшемъ періодѣ грузинской исторіи до царя Вахтанга Гургасала, принадлежитъ перу грузинскаго историка Леонтія Мровели. См. И. А. Джавахова, Госуд. строй древней Грузіи и древней Арменіи (Спб. 1905), стр. 11 слл.— Три грузинскихъ хроники издалъ Е. С. Такайшвили въ *Сборникѣ матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа*, вып. 28 (Тифл. 1900), стр. 1—216, съ подробными примѣчаніями. Изъ нихъ особенно важна для насъ исторія грузинскихъ Багратидовъ, составленная Сумбатомъ, сыномъ Давида (стр. 167—182), и оканчивающаяся путешествіемъ царицы Маріи, матери Баграта IV, въ Константинополь (см. ниже стр. 183).— восточныхъ источниковъ даетъ Скабалановичъ, Визант. государство и церковь въ XI в. (Спб. 1884), стр. XLVIII слл.

[3]) Hist. de la Géorgie I, p. 259. Царскій титулъ принялъ эриставъ (князь) Леонъ II.

[4]) См. Brosset, Introduction и Additions et éclaircissements, особенно Addition IX (на стр. 175 дана генеалогическая таблица абхазскихъ царей по грузинскимъ источникамъ). Популярное изложеніе исторіи Грузіи и Абхазіи даютъ, напр., князь С. Баратовъ, Исторія Грузіи, тетр. I—V. Спб. 1865—71; В. Е. Романовскій, Очерки изъ исторіи Грузіи, Тифл. 1902 (съ обзоромъ литературы на стр. 1—12).

[5]) Procop. De b. Gotth. IV, 9.

[6]) См. Г. Ласкинъ, Ираклій (Харьк. 1889), стр. 49 слл.

по свидѣтельству Картлисъ-цховребы, Ираклій далъ абхазскому эриставу Леону I инвеституру на наслѣдственное владѣніе этой страной [1]).

При Юстиніанѣ Ринотмитѣ Авазги являются врагами Византійцевъ, причемъ протоспаѳарій Левъ (будущій императоръ Левъ Исавръ) дѣйствуетъ противъ Авазгіи, Лазики и Иверіи при помощи Аланъ [2]). Въ IX в. при Ѳеофилѣ и сынѣ его Михаилѣ III византійскія арміи трижды терпятъ отъ Авазговъ жестокія пораженія.

Однако, въ 1-й половинѣ X в., въ царствованіе Константина Багрянороднаго, мы снова видимъ Абхазію въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Византійской имперіи. Ея правители оффиціально назывались тогда не царями, а „волостелями“ (ἐξουσιασταί) и, подобно нѣкоторымъ другимъ кавказскимъ властителямъ, получали отъ Византійскихъ императоровъ „приказы“ (κελεύσεις) [3]). Усилившаяся къ тому времени Аланія въ оффиціальныхъ отношеніяхъ къ Византіи стояла выше Авазгіи, Иверіи и Албаніи, и ея властитель удостоивался чести признанія самостоятельнымъ государемъ дружественной державы [4]).

Въ 955 г. умеръ современный Константину абхазскій волостель, называемый въ письмѣ патріарха Николая Мистика Григоріемъ, а въ другихъ источникахъ—Георгіемъ [5]). Послѣ него правилъ два года сынъ его Леонъ III, умершій бездѣтнымъ и оставившій престолъ брату своему

---

[1]) Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 243.

[2]) См. Ю. А. Кулаковскаго, Аланы по свѣд. класс. и виз. писателей (*Чтенія въ общ. лѣтописца Нестора*, кн. 13), стр. 142 сл.

[3]) Const. Porphyrog. De cerim. II, 48 (p. I, p. 688 Bonn.): εἰς τὸν ἐξουσιαστὴν Ἀβασγίας· βούλλα χρυσῆ δισολδία· «κέλευσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων δεσποτῶν πρὸς ὁ δεῖνα τὸν περιφανῆ ἐξουσιαστὴν Ἀβασγίας». Ср. De admin. imp. c. 45 (III, p. 201, 7 Bonn.) и 46 (ibid. p. 206, 19, 21). Ср. также письмо современника Константинова, патріарха Николая Мистика, къ абхазскому волостелю (Migne, Patr. Gr. 111, №162) съ заголовкомъ: Γρηγορίῳ ἐξουσιαστῇ Ἀβασγίας. Объ отношеніяхъ имперіи при Константинѣ къ кавказскимъ вассаламъ ср. A. Rambaud, L'empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète (Par. 1870), стр. 524 слл.

[4]) Ср. Ю. А. Кулаковскаго въ *Визант. Врем.* V, стр. 8 («Христіанство у Аланъ»).

[5]) О событіяхъ на Кавказѣ во 2-й половинѣ X и 1-й половинѣ XI в. изъ византійскихъ писателей сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія Георгій Кедринъ; главными же источниками исторіи этого времени являются Картлисъ-цховреба, нѣкоторые армянскіе историки (Аристагесъ Ластивердскій, Асохикъ, Матвѣй Едесскій и др.), а также Яхъя Антіохійскій, извлеченія изъ лѣтописи котораго, какъ извѣстно, изданы съ русскимъ переводомъ покойнымъ бароном В. Р. Розеномъ (Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Спб. 1883). Новѣйшее и самое полное изложеніе событій на Кавказѣ за указанное время даетъ Gustave Schlumberger, L'épopée Byzantine à la fin du dixième siècle, part. I—III (Paris 1896—1905), въ разныхъ главахъ.

Димитрію. Третій братъ Ѳеодосій, получившій воспитаніе въ Византіи, изъявилъ притязаніе на престолъ и поднялъ возстаніе противъ брата. Послѣ неблагопріятныхъ для Ѳеодосія военныхъ дѣйствій Димитрій, при посредничествѣ Кахетинскаго князя Квирике II, примирился съ нимъ, но вскорѣ за тѣмъ вѣроломно схватилъ его, приказалъ ослѣпить и послалъ въ заточеніе. Этотъ безчеловѣчный поступокъ глубоко возмутилъ абхазцевъ. Въ 979 г. они свергли Димитрія и провозгласили царемъ слѣпого Ѳеодосія, но въ слѣдующемъ же году, видя, что онъ не въ состояніи управлять страною, подчинились власти Карталинскаго царя Баграта III, сына куропалата Гургена и сестры Ѳеодосія. Незадолго передъ тѣмъ Багратъ былъ усыновленъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ кавказскихъ князей того времени, Давидомъ куропалатомъ, владѣтелемъ Тао и Кларджетіи [1]), и возведенъ на карталинскій престолъ при жизни своего слабоумнаго дѣда Баграта Регвени, причемъ фактически управленіе страною, по молодости Баграта, сосредоточилось въ рукахъ отца его Гургена. Такимъ образомъ въ 980 г. прекратилось самостоятельное существованіе Абхазскаго царства. Слѣпой Ѳеодосій былъ высланъ во владѣнія Давида куропалата, гдѣ и умеръ, и порядокъ въ Карталиніи и Абхазіи скоро былъ возстановленъ справедливыми и умѣлыми дѣйствіями Гургена и Баграта III.

Въ 1001 г. умеръ насильственною смертью Давидъ куропалатъ завѣщавъ свои владѣнія не Баграту, какъ обѣщалъ раньше, а византійскому императору Василію Болгаробойцѣ. Послѣдній вскорѣ явился на Кавказъ, былъ почтительно встрѣченъ Гургеномъ и Багратомъ и далъ первому титулъ магистра, а второму—куропалата, оставивъ подъ ихъ управленіемъ завѣщанныя земли, изъ которыхъ была образована особая Иверійская ѳема [2]). По смерти Гургена въ 1008 г. Багратъ успѣшными дѣйствіями (отчасти въ союзѣ съ армянскимъ царемъ Гагикомъ I) объединилъ подъ своею властью всю Грузію.

Послѣ смерти Баграта III весною 1014 г. (по счету армянской хроники и Аристагеса—въ 1015) на престолъ вступилъ 18-лѣтній сынъ его Георгій I, объединившій, подобно отцу, подъ своею властью Карталинію и Абхазію. Несмотря на блестящее состояніе, въ которомъ оставилъ Грузію

[1]) Это усыновленіе впослѣдствіи было, повидимому, отмѣнено. Ср. бар. Розенъ, ук. с. стр. 372. Характеристику Давида см. у Schlumberger, ук. соч. II, стр. 159 слл.

[2]) См. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 201.

Багратъ III, послѣ смерти его возникли разнаго рода замѣшательства. Прежде всего отпала Кахетія, затѣмъ императоръ Василій потребовалъ земель, завѣщанныхъ ему Давидомъ куропалатомъ и временно оставленныхъ въ управленіи Гургена и Баграта III. Самолюбивый и самонадѣянный Георгій наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе. Василій рѣшилъ принудить его къ повиновенію военною силою и, хотя возстаніе Никифора Фоки на нѣкоторое время замедлило военныя дѣйствія, всетаки Василій въ 1023 г. одержалъ блестящую побѣду надъ Георгіемъ [1]) и вынудилъ его уступить всѣ владѣнія Давида куропалата и дать въ заложники на 3 года своего трехлѣтняго сына Баграта, который и былъ отправленъ въ Константинополь. Союзникъ Георгія, армянскій царь Іоаннъ Семпадъ (Ἰωβανεσίκης у Кедрина), наслѣдовавшій въ 1020 г. вмѣстѣ съ братомъ Ашодомъ IV отцу своему Гагику I, также вынужденъ былъ принять весьма тяжкія условія мира и письменно обѣщать имперіи свое царство послѣ своей смерти [2]).

Въ 1027 г. Георгій I скончался еще въ очень молодыхъ годахъ. Ему наслѣдовалъ упомянутый сынъ Багратъ (IV-й царь этого имени, Παγκράτιος у Кедрина, царствовалъ съ 1027 по 1072 г.), возвратившійся въ отечество по окончаніи срока своего заложничества. За малолѣтствомъ его управленіе государственными дѣлами перешло въ руки матери его Маріи (или Маріамъ), женщины умной и энергичной. Въ это время въ царствѣ Баграта обнаружилось сильное движеніе въ пользу Византіи. Правитель иверійской ѳемы, евнухъ Никита убѣдилъ многихъ лицъ изъ мѣстной знати отказаться отъ своихъ земель и отправиться въ Византію. Здѣсь они были встрѣчены очень ласково, получили чины, дары и помѣстья въ другихъ земляхъ, а прежнія владѣнія ихъ были присоединены къ иверійской ѳемѣ. Между приверженцами и противниками Византіи произошли смуты, побудившія императора Константина VIII двинуть въ Иверію имперскія войска съ требованіемъ сдачи крѣпостей, которыя Георгій уступилъ императору Василію. Преемникъ Константина Романъ III Аргиръ (1028—1034) отозвалъ эти войска, и иверійскія правящія сферы постарались всѣми силами поддержать миролюбивое настроеніе новаго императора. Католикосъ Мельхиседекъ

[1]) Интересно отмѣтить, что въ этой войнѣ въ войскѣ Василія II упомнаются *русскіе полки*. См. В. Г. Васильевскаго Труды, т. I (Спб. 1908), стр. 211 слл. Ср. Такайшвили, ук. с. стр. 167.

[2]) Schlumberger, L'épopée Byz. II, 469 слл., III, 35 sqq.

былъ отправленъ въ Византію съ привѣтствіемъ отъ имени Баграта IV, затѣмъ и мать послѣдняго Марія отправилась туда же и, увѣривъ Романа въ преданности ему грузинскаго царя и народа, испросила для сына обычный титулъ куропалата и руку племянницы императора Елены. Царевна вскорѣ послѣ брака скончалась въ Кутаисѣ, успѣвъ, однако, оставить по себѣ память окончаніемъ постройки Кутаисскаго собора.

У Баграта IV былъ братъ Димитрій отъ другой матери, Алды, родомъ Аланки (по словамъ Кедрина, а по словамъ Картлисъ-цховребы— дочери царя Осовъ) и, повидимому, простой наложницы Георгія I (такъ какъ она жила одновременно съ царицею Маріею). Ему была дана для жительства крѣпость Анакуфа. По словамъ Картлисъ-цховребы [1]), среди абхазскихъ дворянъ („азнауровъ“) составился заговоръ съ цѣлью низложить Баграта и возвести на престолъ Димитрія, но не удался, благодаря бдительности Баграта и его матери. Димитрій отправился къ императору Роману и передалъ ему Анакуфу, которая и осталась въ непосредственномъ владѣніи императора. Кедринъ, не упоминая о заговорѣ, говоритъ (подъ 1033 годомъ), что Анакуфу передала императору Алда и что императоръ почтилъ за это Димитрія саномъ магистра [2]).

Обходя молчаніемъ дальнѣйшія попытки Димитрія отнять престолъ у Баграта и борьбу послѣдняго съ мятежнымъ княземъ Липаритомъ [3]), остановимся на весьма важномъ для Византійской имперіи событіи— покореніи г. Ани. Въ 1040 г. умерли одинъ за другимъ упомянутые уже Іоаннъ Семпадъ и братъ его Ашодъ IV. Первый не оставилъ потомства, и ближайшимъ кандидатомъ на престолъ явился сынъ Ашода-14-лѣтній Гагикъ [4]). Но часть армянскихъ вельможъ не хотѣла признать его, вслѣдствіе чего произошло довольно продолжительное между-

[1]) Brosset, Hist. de la Géorgie, I, 315.

[2]) Cedr. II, p. 503 Bonn.: Τότε δὲ καὶ Ἀλδὴ ἡ Γεωργίου τοῦ Ἀβασγοῦ γυνή, τοῦ γένους οὖσα τῶν Ἀλανῶν, προσερρύη τῷ βασιλεῖ, παραδοῦσα καὶ τὸ ὀχυρώτατον φρούριον τὴν Ἀνακουφήν. ἧς τὸν υἱὸν Δημήτριον ὁ βασιλεὺς τῷ τῶν μαγίστρων τετίμηκεν ἀξιώματι. — Schlumberger въ разсказѣ объ этомъ событіи (ук. соч. III, стр. 140, пр. 2) допускаетъ странную ошибку, отождествляя Анакуфу съ нынѣшнею Анапою. Еще болѣе курьезную ошибку дѣлаетъ князь Баратовъ (Ист. Грузіи, III, стр. 56), называющій Алду *дѣдомъ* Димитрія.

[3]) См. Schlumberger, ук. соч. III, стр. 208 слл.

[4]) Кедринъ (II p. 557 Bonn.) невѣрно называетъ Гагика (Καχίκιος) сыномъ Іованесика, т. е. Іоанна Семпада.

царствіе, во время котораго одинъ вельможа захватилъ столицу царства, г. Ани. Между тѣмъ императоръ Михаилъ Пафлагонъ, основываясь на обѣщаніи Іоанна Семпада, упомянутомъ нами выше, предъявилъ свои права на Армянское царство и отправилъ противъ Ани сильную армію, которая, однако, потерпѣла пораженіе.

Второй преемникъ Пафлагона, Константинъ IX Мономахъ не оставилъ мысли овладѣть Армянскимъ царствомъ и, найдя въ дворцовомъ архивѣ письменное обѣщаніе Іоанна Семпада, потребовалъ у Гагика II, вступившаго между тѣмъ на престолъ, исполненія завѣщанія его дяди [1]). Гагикъ, занятый борьбою съ внутренними врагами, соглашался признать себя вѣрнымъ вассаломъ императора, но не могъ рѣшиться отказаться отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Вопросъ могъ быть рѣшенъ только оружіемъ.

Въ 1044 г. сильная греческая армія подъ начальствомъ веста Михаила Ясита, катепана Иверійской ѳемы, двинулась противъ Ани, но встрѣтила упорное сопротивленіе. Была послана на подкрѣпленіе вторая армія подъ начальствомъ проедра Николая, которая дѣйствовала также неудачно. Императоръ пригласилъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Арменіи близкаго сосѣда ея, эмира Двинскаго Абулъ-Севара (Ἀπλησφάρης у Кедрина), обѣщавъ отдать ему тѣ земли, которыя эмиръ завоюетъ у Гагика. Эмиръ вторгся въ Арменію и подвергъ ее жестокому опустошенію. Гагику удалось, повидимому, склонить его къ миру, но всетаки онъ оставался въ ужасномъ положеніи, отовсюду окруженный интригами и измѣною. Въ концѣ концовъ онъ рѣшился отправиться въ Константинополь для личныхъ переговоровъ съ императоромъ и здѣсь былъ вынужденъ формально уступить Ани, получивъ титулъ магистра и взамѣнъ Арменіи нѣкоторыя владѣнія въ Каппадокіи. Католикосъ Петръ, которому Гагикъ передъ отъѣздомъ поручилъ верховную власть въ Ани, и другіе вельможи нѣкоторое время продолжали сопротивляться осаждающимъ, но потомъ сдались на милость побѣдителя. Таковъ былъ конецъ правленія династіи Багратидовъ въ Ани. Этотъ городъ съ территоріей сдѣлался пограничнымъ византійскимъ владѣніемъ, и въ 1045 г. Михаилъ Яситъ водворился здѣсь въ качествѣ византійскаго дука, причемъ долженъ былъ немедленно вступить въ войну съ Абулъ-Севаромъ...

[1]) См. Schlumberger ibid., 478 слл.

Къ этому именно времени относятся двѣ важнѣйшія надписи изъ Ново-Аѳонскаго монастыря.

Поэтому мы остановимъ здѣсь нашъ краткій историческій очеркъ и обратимся къ разсмотрѣнію документовъ, сообщенныхъ намъ г. Романовымъ, начиная съ древнѣйшаго.

III.

1. Большой крестъ, выдѣланный изъ цѣльной глыбы известняка вмѣстѣ съ грубо обдѣланнымъ постаментомъ, который при установкѣ креста былъ зарытъ въ землю. Къ сожалѣнію, верхняя часть памятника обломана. Сохранились только нижняя часть ствола креста (безъ перекрестій) и постаментъ. Вышина всей сохранившейся части съ постаментомъ 0,39 м., вышина поля надписи 0,25 м., средняя ширина его 0,13 м., толщ. 0,14. Верхняя часть вырѣзанной на крестѣ надписи пропала при разбитіи его. На сохранившейся части ствола уцѣлѣли 17 строкъ, въ томъ числѣ 4 верхнія не вполнѣ и 13 полностью. Надпись вырѣзана старательно между двойными линейками, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ строкъ, вырѣзанныхъ безъ линеекъ. Между окончаніями отдѣльныхъ частей (абзацовъ) надписи и началами слѣдующихъ оставлены небольшіе свободные промежутки (стр. 2, 7, 11). Вязь встрѣчается въ словахъ MHNH (стр. 5) и AMHN (стр. 11), сокращенія въ словахъ: ἔτ(ους) въ стр. 6, Θ(εό)ς стр. 7 и 12), κ(αί) въ стр. 8 и 9, Χ(ριστ)ὲ въ стр. 12. Въ словахъ ὁμοῦσιε (стр. 12) слогъ σι былъ пропущенъ рѣзчикомъ, который, замѣтивъ ошибку, вставилъ маленькую букву ϲ между ῦ и Ϲ, но буквы ι не прибавилъ, повидимому, за недостаткомъ мѣста.

(См. общій видъ памятника и текстъ надписи на рис. 1).

Первыя четыре строки, составляющія, очевидно, конецъ надгробной надписи, намъ не удалось возстановить даже приблизительно [1]), о фантастическихъ же возстановленіяхъ прот. Паксимаде у архим. Леонида не стоитъ и говорить.

Въ стр. 5—7 помѣщена дата надписи, обозначенная мѣсяцемъ, годомъ отъ сотворенія міра и индиктомъ, далѣе въ стр. 7—11 молитва

[1]) Соблазнительно было бы въ стр. 3—4 возстановить: . . . κ̣ς ἐπὶϲ[κοπος Ἀν]α-κουφῶ[ν], но мы боимся вступить на скользкій путь необоснованныхъ догадокъ.

за усопшаго, погребеннаго подъ крестомъ, и наконецъ въ стр. 11—17 молитва автора (или рѣзчика?) надписи пресвитера Евстаѳія за самого себя. Въ исправленной орѳографіи [1]) и съ разрѣшеніемъ сокращеній надпись читается слѣдующимъ образомъ:

1 ΟΥΑΓ
Χ Ν
ΑCΕΠΙC'Ι
ΑΚΟΥΦΩΙ
5 Μηνὶ Μαρτίῳ. .
ἔτ(ους) ϡυλζ', ἰν. β'. .
CΙ: ὁ Θ(εὸ)ς ὁ ἐπου-
ράνιος κ(αὶ) ἰσχυρὸ-
ς κ(αὶ) ἀθάνατος,
10 ἀνάπαυσε αὐτ-
όν. ἀμήν. Τριὰς
ὁμοὐσ(ι)ε, Χ(ριστ)ὲ ὁ Θ(εό)ς, σῶ-
σον τὸν ἀνάξιο-
ν δ͡ῦλόν σ͡ῦ Εὐστά-
15 θιον πρεσβύτερ-
ον τὸν γράψαντα.
ἀμήν.

Переводъ: ...Мѣсяца марта.., лѣта 6437, индикта 2... Боже небесный, крѣпкій и безсмертный, упокой его. Аминь.—Троице единосущная, Христе Боже, спаси недостойнаго раба Твоего Евстаѳія пресвитера, написавшаго (сіе). Аминь.

Поставленный въ надписи 6437-й годъ соотвѣтствуетъ, по общепринятому счету, 929-му по Р. Хр. Индиктъ года помѣченъ правильно. Обозначеніе числа мѣсяца въ концѣ стр. 5-й попорчено. Относящіеся къ датѣ знаки въ началѣ стр. 7-й не удалось разгадать: быть можетъ, они обозначаютъ часъ дня.

Вся дата относится, безъ сомнѣнія, ко времени кончины лица, надъ могилою котораго былъ поставленъ этотъ памятникъ. Имя и зва-

[1]) Орѳографическія поправки не отмѣчаются скобками, дабы не пестрить ими текста.

Рис. 1.

ніе этого лица, къ сожалѣнію, не сохранились, но по тщательности обработки креста и по длинной, старательно изсѣченной надписи, составленной или вырѣзанной на камнѣ [1]) *пресвитеромъ*, можно предположить, что это было какое-либо знатное духовное или свѣтское лицо. Молитва за усопшаго (стр. 7—11) представляетъ собою варіацію „Трисвятаго“ съ слѣдующими измѣненіями: вмѣсто прилаг. ἅγιος при Θεὸς поставлено ἐπουράνιος, при слѣдующихъ двухъ прилагательныхъ ἅγιος пропущено, и заключительное прошеніе ἐλέησον ἡμᾶς измѣнено въ ἀνάπαυσε αὐτόν [2]).

Такимъ образомъ, наша надпись представляетъ собою документъ несомнѣннаго существованія въ данной мѣстности христіанства съ греческими или, по крайней мѣрѣ, говорившими и писавшими по-гречески пресвитерами въ 30-хъ годахъ X вѣка по Р. Хр., въ царствованіе Константина Багрянороднаго.

---

2. Четырехугольная плита изъ известняка выш. 0,34 м., шир. 0,44, толщ. 0,19. Какъ видно на рисункѣ 2-мъ, воспроизведенномъ съ фотограф. снимка, плита со всѣхъ сторонъ обведена выпуклой рамкой и снизу имѣетъ полукруглый вырѣзъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что она представляла собою архитектурную часть какой-либо постройки, скорѣе всего верхній наличникъ окна. Надъ упомянутымъ вырѣзомъ находится архивольтъ съ профилемъ выкружки, заключенной между двумя полочками. Въ срединѣ плиты между архивольтомъ и верхней рамкой изваянъ равноконечный крестъ съ сильно расширяющимися къ концамъ перекрестьями, образующими трехугольники со сторонами, слегка вогнутыми дугообразно. Внутри каждаго трехугольника глубоко врѣзанными чертами образованы меньшіе трехугольники, внутри которыхъ поставлено по одной большой точкѣ. Изъ боковыхъ перекрестій вправо и влѣво выходятъ до половины очень грубо изваянныя животныя. Въ животномъ, видимомъ влѣво (для зрителя) отъ креста, по огромнымъ зубамъ, разинутой пасти и поперечнымъ штрихамъ на шеѣ, обозначающимъ гриву, можно признать льва, а въ другомъ, выступающемъ вправо отъ креста, рога являются признакомъ быка (тельца). Переднія ноги животныхъ непропорціонально малы и сдѣланы такъ грубо, что у льва

[1]) Глаголъ γράφειν можно понимать и въ томъ и въ другомъ смыслѣ.

[2]) Формы 2 лица imper. aor. съ окончаніемъ -ε вмѣсто -ον (ἀνάπαυσον) обычны въ византійскую эпоху.

видны какъ бы копыта. Въ этихъ животныхъ по сторонамъ креста, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ видѣть символы двухъ Евангелистовъ.

К. К. Романовъ любезно сообщилъ намъ слѣдующую справку объ этомъ мотивѣ украшенія креста: „Ближайшими аналогіями изображенію креста съ двумя эмблемами Евангелистовъ (львомъ и тельцомъ) на ново-аѳонскомъ камнѣ являются двѣ плиты изъ баптистерія въ Чи-

Рис. 2.

видале (762—776 г.). Средняя часть первой [1]) раздѣлена по высотѣ на двѣ половины, изъ коихъ въ верхней изображенъ четырехконечный крестъ съ уширенными концами среди двухъ стилизованныхъ деревьевъ, двухъ розетокъ и двухъ свѣтильниковъ, а въ нижней—дерево съ птицами, клюющими плоды, и подъ нимъ два грифона. По сторонамъ центральной части плиты по два круга, одинъ надъ другимъ. Въ кругахъ

[1]) G. T. Rivoira, Le origini della architettura Lombarda. Vol. I (Roma 1901), p. 118.

изображены эмблемы Евангелистовъ: налѣво вверху орелъ, внизу телецъ, весьма близкій къ тельцу ново-аѳонскаго камня, направо вверху человѣкъ, внизу левъ, также очень близкій къ ново-аѳонскому. На второй плитѣ средняя часть представляетъ квадратную раму, раздѣленную на четыре квадратныя поля двумя перекладинами, образующими крестъ. Кайма рамы и крестъ орнаментированы связной плетенкой. Въ двухъ верхнихъ поляхъ изображены телецъ (налѣво) и орелъ (направо), а нижнія поля заполнены растительными мотивами, но на рисункѣ не вполнѣ видны. На обѣихъ плитахъ всѣ эмблемы крылаты, и каждая держитъ дощечку съ надписью. По надписямъ видно, что орелъ усвояется св. Евангелисту Іоанну, телецъ—Лукѣ, левъ—Марку и человѣкъ—Матѳею, т. е. эмблемы распредѣлены обычнымъ, донынѣ сохранившимся образомъ".

По сообщенію о. архимандрита Іерона, камень „снятъ со стѣны цистерны для собиранія дождевой воды, которая стекала въ это отверстіе (т. е. полукруглый вырѣзъ внизу) около бывшаго храма". Что онъ составлялъ собою архитектурную принадлежность этого храма,—это доказывается, кромѣ религіознаго характера его орнаментировки, также и найденными среди развалинъ двумя другими плитами (безъ надписей), сообщенными намъ въ фотограф. снимкахъ также К. К. Романовымъ. Обѣ плиты чрезвычайно схожи по обработкѣ съ описываемою и также снабжены внизу полукруглыми вырѣзами (рис. 3 и 4 въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ рис. 2). На одной изъ нихъ (рис. 3) изображенъ левъ, весьма схожій съ изваяннымъ на плитѣ съ надписью, а на другой (рис. 4)—рыба, безъ сомнѣнія, представляющая собою извѣстный символъ Іисуса Христа (ΙΧΘΥΣ). Ясно, что эти плиты принадлежали зданію, имѣвшему религіозное назначеніе.

Продолжаемъ описаніе плиты съ надписью. По сторонамъ верхняго перекрестья креста, занимающаго центральную часть плиты, были вырѣзаны обычныя буквы НС (вм. ІС) ХС; первыя двѣ видны влѣво отъ перекрестья въ промежуткѣ между буквами А и Л первой строки надписи, а вторыя двѣ—вправо отъ перекрестья между 1-ю и 2-ю строками надписи. Соотвѣтствующихъ буквъ NIKA по сторонамъ нижняго перекрестья не видно. Вѣроятно, онѣ были изглажены при вырѣзкѣ большой надписи или вошли въ составъ буквъ ея.

Находящаяся на плитѣ большая надпись вырѣзана уже послѣ окончанія архитектурной отдѣлки плиты и выдѣлки на ней креста съ эмблемами Евангелистовъ и буквами ICXC [NIKA]. Это замѣтно съ перваго взгляда по расположенію строкъ надписи, для которой рѣзчикъ воспользовался всѣми мѣстами, которыя остались свободными послѣ архитектурной и скульптурной отдѣлки плиты. Онъ началъ надпись (поставивъ впереди обычный крестикъ) подъ верхнею рамкою въ свободномъ полѣ влѣво отъ креста, затѣмъ, дойдя до верхней полочки архивольта, перенесъ надпись въ поле вправо отъ креста; заполнивъ и это поле, перешелъ въ углубленіе между полочками, гдѣ умѣстилъ одну строку, извивая ее по изгибу углубленія; отсюда перешелъ на нижнюю рамку, также соотвѣтственно изгибу, и умѣстилъ здѣсь 1½ строки; не успѣвъ, однако, закончить надпись и здѣсь, онъ перенесъ ее на верхнюю рамку и затѣмъ на правую, на срединѣ которой и окончилъ свой текстъ.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рѣзчикъ старательно и глубоко врѣзывалъ буквы, но плохо зналъ грамоту, вовсе не зналъ, конечно, правилъ орѳографіи и писалъ согласно своему произношенію. Поэтому надпись изобилуетъ орѳографическими ошибками (особенно въ смѣшеніи О съ Ω и въ употребленіи знаковъ для обозначенія звука І и кромѣ того представляетъ слѣдующія доказательства невнимательности или малограмотности рѣзчика: 1) на 5-мъ мѣстѣ отъ начала нижней строки поставлено лишнее О; 2) въ

самой нижней полустрокѣ, начинающейся отъ средины арочки, въ словѣ ΒΙΑΛΑΝΤΗ, быть можетъ, поставлена также лишняя I (см. ниже); 3) при переносѣ надписи на верхнюю рамку неправильно вырѣзаны двѣ послѣднія буквы мѣстоименія αὕτη; 4) на верхней рамкѣ послѣ прилагательнаго ἡ θαυμαστή пропущено существительное, опредѣляемое этимъ прилагательнымъ, и наконецъ 5) въ цифровомъ обозначеніи года, вѣроятно, плохо разобранномъ рѣзчикомъ въ рукописи, ошибочно вырѣзано ΙΘΡΝΑ вмѣсто ϛΦΝΔ [1]).

Принимая во вниманіе указанныя ошибки и исправивъ орѳографическія особенности, мы получимъ слѣдующую транскрипцію надписи:

+ Ἐκαλλιεργήθη προνοίᾳ Θ(εο)ῦ καὶ τῆς Θ(εοτό)κου καὶ τῇ μεγάλῃ εὐτυχίᾳ Κωσταντίνου μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων τοῦ Μονομάχου διὰ συνδρομῆς Εὐγενίου πρωτοσπαθαρίου ⟨ο⟩ τοῦ Δεσπότου καὶ Θεοδώρου ταξιάρχου Κασῆς τοῦ Β(ι)αλάντη [αὕ]|τη ἡ θαυμαστὴ... ἔτ(ου)ς [ϛϕ]νδ', μηνὶ Φευ[ρουα]ρίῳ, ἰνδικτ[ι]ῶνος ιδ'.

Переводъ. Построена промысломъ Бога и Богородицы и великимъ счастіемъ Константина Мономаха, великаго царя и самодержца Римлянъ, содѣйствіемъ Евгенія протоспаѳарія Деспота и Ѳеодора Валанти, таксіарха Касы, сія дивная . . . лѣта 6554, въ мѣсяцѣ февралѣ, индикта 14-го.

3. Прежде, чѣмъ обратиться къ объясненію частностей прочитанной нами надписи, необходимо разсмотрѣть другую надпись, упоминающую о тѣхъ же лицахъ—протоспаѳаріи Евгеніи и таксіархѣ Ѳеодорѣ Валанти и относящуюся къ тому же 6554 году.

По словамъ архим. Леонида, издавшаго эту надпись съ фантастическими возстановленіями протоіерея Паксимаде (стр. 56), камень найденъ на днѣ цистерны на внутреннемъ дворѣ крѣпости, а по сообщенію о. архимандрита Іерона, „снятъ съ могилы около самаго храма“ [2]).

Какъ видно по прилагаемому рисунку 5-му, на которомъ камень изображенъ по фотограф. снимку вмѣстѣ съ издаваемымъ ниже подъ № 4, надпись вырѣзана на грубо обдѣланной известняковой плитѣ. Вышина ея—0,39 м., шир. 0,57, толщ. 0,13. Замѣтное на снимкѣ въ срединѣ верхней части камня углубленіе въ видѣ „ласточкина хвоста“, безъ сомнѣнія, представляетъ собою часть нижняго перекрестья боль-

[1]) Годъ точно опредѣляется надписью № 3.

[2]) Изъ цистерны, по словамъ о. Іерона, происходитъ предыдущій камень.

шого креста. Отсюда видно, что до насъ дошелъ лишь небольшой обломокъ отъ нижней части плиты и что отъ надписи сохранился только конецъ; такъ какъ на приложенномъ рисункѣ буквы надписи видны

Рис. 5.

очень плохо, то для удобства чтенія М. В. Фармаковскій, по нашей просьбѣ, сдѣлалъ прилагаемый (рис. 6) точный снимокъ съ фотографіи [1]).

Рис. 6.

Разсматривая этотъ снимокъ, мы видимъ, что въ строкѣ 1-й сохранились лишь нижнія части буквъ AIOPΩN, въ которыхъ можно пред-

[1]) Къ сожалѣнію, по не замѣченному своевременно недосмотру, предпослѣдній знакъ въ обозначеніи года въ копіи М. В. Фармаковскаго данъ въ формѣ Г. тогда какъ на фотограф. снимкѣ этотъ знакъ, хотя и попорченный, несомнѣнно долженъ быть принятъ за N.

полагать остатокъ слова [Αὐτοκρ]α[τ]όρων. Въ строкѣ 2-й три первые знака вправо отъ остатка креста должны представлять собою сокращеніе слова πρωτοσπαθαρίου. Въ стр. 3-й первая половина (слѣва отъ остатка креста) сильно попорчена и не поддается разбору. Остальная часть надписи представляетъ почти буквальное повтореніе второй половины предыдущей надписи, съ разницею только въ мѣсяцѣ и въ мѣстѣ обозначенія года. Такимъ образомъ, вся надпись въ исправленной транскрипціи при помощи предыдущаго текста можетъ быть прочтена слѣдующимъ образомъ:

1 .....Αὐτοκρ]α[τ]όρων [? διὰ συνδρο-
μῆς?] Εὐγενίου (πρωτοσπαθαρίου) τοῦ Δ[εσπό-
του. . .] ΑΝΔΙΑ (?) καὶ Θεοδώ[ρου]
τα[ξι]άρχου Κασῆς τοῦ Βα[λάν-
5 τ]η, μηνὶ Μαρτίῳ ἰνδικ[τιῶν]-
ος ιδ′, ἔτους [ϛ]φ[ν]δ′.

Хотя цифры года въ № 2, какъ мы уже замѣтили, невѣрно вырѣзаны рѣзчикомъ, но совпаденіе индикта съ отмѣченнымъ въ № 3 и упоминаніе въ обѣихъ надписяхъ однихъ и тѣхъ же лицъ дѣлаютъ несомнѣннымъ, что обѣ надписи относятся къ одному и тому же году, именно 6554 = 1046 по Р. Хр. (индиктъ котораго, дѣйствительно, былъ 14-й), и разнятся между собою по времени только на мѣсяцъ.

Какое именно существительное пропущено въ № 2 послѣ прилагательнаго ἡ θαυμαστή, навѣрное сказать нельзя, но скорѣе всего можно думать о существительномъ οἰκοδομή. Врядъ ли пропущеннымъ словомъ было ἐκκλησία, потому что это слово въ обычномъ употребленіи обозначаетъ церковь въ смыслѣ общества вѣрующихъ, тогда какъ церковное зданіе въ храмозданныхъ записяхъ обозначается обыкновенно словомъ ναός [1]). Во всякомъ случаѣ по отмѣченному уже религіозному характеру скульптурной обдѣлки плиты съ надписью № 2 и двухъ подобныхъ ей и по упоминанію о Θεοῦ πρόνοια по отношенію къ постройкѣ мы полагаемъ

[1]) Ср., напр., C. I. Gr. IV, №№ 8608, 8625, 8682 (съ глаг. ἐκαλλιεργήθη, какъ въ нашей надписи), 8685 (гл. ἐκαλλιέργησεν), 8686, 8690, 8693, 8705, 8716, 8717, 8730, 8737, 8738, 8742, 8753, 8764, 8803, 8839 и др. Встрѣчается также οἶκος съ опредѣленіемъ τῶν ἁγίων, τῆς Θεοτόκου и др., напр. ibid. №№ 8609, 8627, 8638, 8821, 8846 и др. (ср. древнерусское «домъ Пресвятыя Богородицы», «домъ св. Софіи» и т. п.), а также ἱερόν (8653), εὐκτήριον (8668, 8820, 8872 и др.).

вполнѣ увѣренно, что эта надпись гласитъ о постройкѣ именно *храма*, а не какого-либо другого зданія въ крѣпости. Съ другой стороны, разъ „храмозданная“ надпись была уже сдѣлана въ февралѣ 1046 г., незачѣмъ было, казалось бы, повторять ее въ мартѣ того же года. Поэтому мы думаемъ, что надпись № 3 относится къ постройкѣ (или возобновленію, или капитальному ремонту) какого-либо другого зданія въ крѣпости или ея стѣнъ.

Въ представленномъ выше краткомъ историческомъ очеркѣ судебъ Абхазіи въ первой половинѣ XI в. мы видѣли, что Анакуфа, переданная въ 1033 г. Алдою или сыномъ ея Димитріемъ Роману Аргиру, оставалась во владѣніи Византійскихъ императоровъ. Послѣ покоренія Ани прекрасное стратегическое положеніе этой крѣпости легко могло внушить Константину Мономаху мысль сдѣлать ее одною изъ операціонныхъ базъ на побережьѣ, и въ этихъ видахъ онъ, по всей вѣроятности, и отдалъ протоспаѳарію Евгенію и таксіарху Ѳеодору повелѣніе ремонтировать укрѣпленія или вновь построить какія-либо необходимыя крѣпостныя зданія, а для удовлетворенія религіозныхъ потребностей гарнизона воздвигнуть церковь, которой раньше въ самой крѣпости, быть можетъ, вовсе не было. Какъ бы то ни было, наши два памятника даютъ намъ непреложныя документальныя свидѣтельства изъ исторіи отношеній Византіи къ восточному побережью Чернаго моря въ царствованіе Константина Мономаха.

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію частностей нашихъ интересныхъ документовъ.

Упоминаніе о Промыслѣ Божіемъ (Θεοῦ πρόνοια) въ надписяхъ византійскаго времени о постройкахъ довольно обычно [1]). Упоминаніе о „великомъ счастіи“ (μεγάλη εὐτυχία) императора Константина является, очевидно, отголоскомъ недавняго важнаго и счастливаго для Византійской имперіи событія на Кавказѣ—покоренія Ани. Титулъ императора данъ точь въ точь въ той же формѣ въ немного болѣе поздней херсонесской надписи временъ Исаака Комнина: ἐπὶ Ἰσαακίου μεγάλου βασιλέ(ως) καὶ αὐτοκράτορ(ος) Ῥωμαί(ων) τοῦ Κομνηνοῦ [2]). Написаніе имени

[1]) Ср., напр., C. I. Gr. IV, 8822 и особенно 8646 (надпись 577 г. изъ Филъ Египетскихъ): Τῇ τοῦ δεσπότου Θεοῦ προνοίᾳ καὶ τύχῃ τῶν εὐσεβεστάτων ἡμῶν δεσποτῶν . . . ἀνεκτίσθη τὸ τεῖχος τοῦτο κτλ.

[2]) Нашъ Сборникъ греч. надп. христ. временъ изъ южной Россіи, стр. 16, № 8. Ср. C. I. Gr. IV, 8734 (1164 г.).

Κωσταντῖνος и другихъ, происходящихъ отъ того же корня, безъ N нерѣдко встрѣчается въ византійскія времена, начиная уже съ Константина Великаго, почему мы и оставили его въ транскрипціи нетронутымъ [1]).

Что касается до двухъ магистратовъ, при содѣйствіи (διὰ συνδρομῆς) которыхъ произведены постройки, именно протоспаѳарія Евгенія и таксіарха Ѳеодора, то мы не нашли упоминаній о нихъ въ другихъ источникахъ, описывающихъ событія разсматриваемаго времени, и роль ихъ въ этихъ событіяхъ не ясна. Можно думать, что Евгеній, судя по его высокому чину, былъ начальникомъ имперскихъ войскъ въ Абхазіи, а Ѳеодоръ занималъ какую-нибудь должность въ самой Анакуфѣ. Слова τοῦ δεσπότου при имени Евгенія стоятъ на такомъ мѣстѣ (послѣ чина или должности), гдѣ ихъ легко можно было бы принять за фамилію, но по имѣющимся аналогіямъ скорѣе можно полагать, что они замѣняютъ собою прилагательное βασιλικοῦ [2]), которое, какъ извѣстно, ставится при названіи чина протоспаѳарія. Напротивъ, слово Βιαλάντη (въ № 2) или Βα[λάντ]η (въ № 3) при имени таксіарха Ѳеодора несомнѣнно слѣдуетъ считать фамиліей. Изъ этихъ двухъ формъ болѣе правильною представляется вторая по аналогіи съ формою Βαλάντιος у Кедрина [3]).

Что касается до Κασή, то о ней упоминаетъ Константинъ Багрянородный [4]), какъ о турмѣ (подраздѣленіи ѳемы), перечисленной при императорѣ Львѣ VI изъ Каппадокійской ѳемы въ Харсіанскую [5]). Извѣстный изслѣдователь исторической географіи Малой Азіи W. M.

[1]) Ср. объ этомъ написаніи на папирусахъ, монетахъ и утвари замѣчанія I. S. въ *Byzant. Zeitschrift*, т. 11, стр. 671 и 12, стр. 436.

[2]) Ср., напр., надпись на перстнѣ у Schlumberger, Mélanges d'archéologie Byzantine, I (Paris 1895), стр. 40: Κύριε βοήθ(ει) Βασιλείῳ παρακοιμουμ(ένῳ) τοῦ δεσπ(ότου). Печать X—XI в. тамъ же, стр. 243, № 76: Κ(ύρι)ε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Πέτρῳ β(ασιλικῷ) ὀστ(ιαρίῳ) καὶ α' βέστ(η) τοῦ φιλοχρ(ίστου) δεσπότου. Быть можетъ, къ фамиліи Евгенія относятся въ надписи № 3 буквы ΑΝΔΙΑ въ строкѣ 3-й.

[3]) Hist. comp. II, p. 294 Bonn.: ὁ Βαλάντιος καὶ ὁ λεγόμενος Ἀτζιμωρος, τουρμάρχαι καὶ ἄμφω ὄντες. — Похожую фамилію Βαλιανίτης носилъ, напр., малоизвѣстный писатель XII вѣка. См. Krumbacher, Gesch. der Byzant. Litter.², стр. 474.

[4]) De adm. imp. 50 (II, p. 225 Bonn.): ἀπὸ δὲ τοῦ Καππαδοκῶν εἰς τὸ τοῦ Χαρσιανοῦ θέμα ταῦτα τὰ βάνδα μετετέθησαν, ἤτοι ἡ τοῦρμα Κασῆς ἐξ ὁλοκλήρου καὶ ἡ τοποτηρησία Νύσσης μετὰ τῆς Καισαρείας.

[5]) Объ этихъ ѳемахъ см. Скабалановича, Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, стр. 208.—О турмахъ—тамъ же, стр. 188. О ѳемахъ вообще см. Ch. Diehl, L'origine du régime des thèmes dans l'empire Byzantin въ Études d'histoire dédiées à Monod, Paris 1896.—H. Gelzer, Die Genesis der byzant. Themenverfassung. Leipz. 1899.—Ѳ. И. Успенскій, Военное устройство Византійской имперіи въ *Изв. Русскаго Арх. Инст. въ Константинополѣ*, т. VI, вып. I (1900), стр. 154—208.

Ramsay помѣщаетъ эту турму на Веназскомъ плато, къ В. отъ г. Назіанза и къ С. отъ Тіанъ [1]). Такъ какъ эта мѣстность находилась весьма далеко отъ Абхазіи и никакихъ административныхъ связей съ нею не имѣла, то появленіе Касскаго таксіарха въ административной роли въ абхазской крѣпости для насъ не ясно.

---

4. Известковый камень въ видѣ полукруга, на прямомъ обрѣзѣ котораго вырѣзана надпись въ двѣ строки. Ширина обрѣза съ надписью (resp. вышина камня) 0,68 м., высота его (resp. толщина камня) 0,12 м., разстояніе по радіусу отъ обрѣза до окружности 0,56 м. По мнѣнію о. архимандрита Іерона, камень могъ служить престольною доскою въ алтарной нишѣ храма; форма камня вполнѣ допускаетъ такое предположеніе.

По словамъ И. Н. (см. выше стр. 172), камень найденъ за алтарною частью церкви на Иверской горѣ въ 1866 г., но, какъ мы уже отмѣтили, эта дата намъ кажется ошибочною.

Общій видъ камня со стороны обрѣза съ надписью представленъ на рис. 5 (внизу), но такъ какъ надпись на немъ разбирается очень плохо, то здѣсь дается еще facsimile, снятое съ фотограф. снимка М. В. Фармаковскимъ (рис. 7).

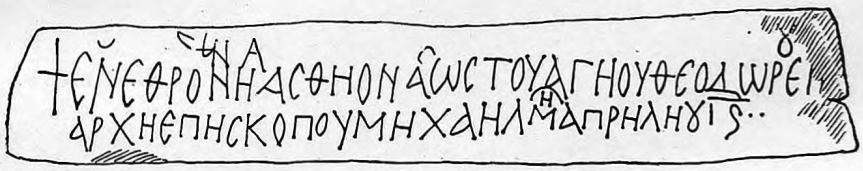

Рис. 7.

Какъ видно по снимку, надпись сохранилась цѣликомъ, за исключеніемъ двухъ попорченныхъ буквъ въ концѣ 1-й строки, которыя, однако, въ копіи И. Н. показаны еще сохранившимися, такъ что въ общемъ чтеніе надписи не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Отмѣтимъ только, что надъ первою строкою имѣются двѣ лишнія буквы, вырѣзанныя, быть можетъ, впослѣдствіи изъ шалости, и что дифтонгъ ϒ въ оконча-

---

[1]) W. M. Ramsay, The historical geography of Asia Minor (Lond. 1890), стр. 220. 250, 293 и особенно 356. См. также приложенную къ книгѣ карту: Galatia with parts of Cappadocia and Lycaonia.

ніи слова Θεοδώρου вырѣзанъ надъ строкою. Значекъ надъ первыми буквами ЄN, вѣроятно, слѣдуетъ принять за придыханіе, а надъ буквами Αω слова NAωC—за удареніе. Въ исправленной транскрипціи надпись гласитъ:

Ἐνεθρονιάσθη ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου Θεοδώρου ἐ[πὶ]
ἀρχιεπισκόπου Μιχαὴλ μη(νὸς) Ἀπριλίου ις'.

„Освященъ [1]) храмъ святаго Θеодора при архіепископѣ Михаилѣ мѣсяца Апрѣля 16-го".

Годъ освященія храма св. Θеодора въ надписи, къ сожалѣнію, не отмѣченъ, но по характеру письма она вполнѣ можетъ быть отнесена къ XI вѣку. Письмо ея очень сходно, напр., съ письмомъ упомянутой Херсонесской надписи о возобновленіи городскихъ воротъ при Исаакѣ Комнинѣ въ 1059 году [2]). Разница только та, что херсонесская надпись вырѣзана вообще старательнѣе и ровнѣе и буквы въ ней строго вертикальныя, тогда какъ въ нашей поставлены съ наклономъ вправо. Если же отнести ее къ XI в., то можно будетъ допустить, что она гласитъ о первомъ освященіи того же храма, о постройкѣ котораго сообщила намъ надпись № 2 (вырѣзанная, несомнѣнно, другимъ рѣзчикомъ), и отнести ее къ тому же 1046 году. Во всякомъ случаѣ мы узнаемъ изъ нея, во имя какого святого былъ воздвигнутъ храмъ и при какомъ архіепископѣ освященъ.

В. Латышевъ.

---

[1]) «Ἐνθρονίζειν, Ἐνθρονιάζειν, *Ecclesiam dedicare, ejus Encaenia celebrare*: quod in ea θρόνος, seu Cathedra Episcopi collocetur, jusque habeat in Ecclesia a se dedicata, quoties voluerit, *Cathedram collocare*». Du-Cange, Gloss. mediae et inf. Graec. s. v. θρόνος.

[2]) Сборникъ греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, № 8.

„Святославовъ Крестъ“ въ г. Юрьевѣ-Польскомъ.

„Святославовымъ Крестомъ“ въ городѣ Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірской губ., называютъ рельефное изображеніе Распятія съ предстоящими (см. табл.), вставленное, какъ мѣстный образъ, въ иконостасъ Крестовоздвиженскаго придѣла теплаго Троицкаго собора [1]).

Изслѣдованіе „Креста“ лѣтомъ 1909 и 1910 гг. показало, что въ существующемъ видѣ онъ составленъ изъ шести сцементированныхъ кусковъ бѣлаго известняка, къ сожалѣнію, расцвѣченнаго масляною краскою; всѣ фигуры покрыты серебряными, позолоченными ризами. Рельефъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

На первомъ (среднемъ) камнѣ изображена распятая фигура Христа (выш. 0,478 саж.); распростертыя руки Его умѣстились на камнѣ по локоть; шестиконечный крестъ въ вышину почти до верхней перекладины. Тѣло Христа свисшее, опоясано драпировкою, спадающею до колѣнъ. Голова склонилась. Вокругъ нея крестчатый нимбъ; въ промежуткахъ между сторонами креста буквы Ѳ, О и Н, рѣзанныя въ глубь. Глаза Христа закрыты. Слѣдки прибиты къ средней стойкѣ креста двумя гвоздями. Изображенія гвоздей исполнены точкой съ кружкомъ вокругъ, врѣзанными въ поверхность ноги; такъ же исполнены гвозди и на сосѣднихъ камняхъ на рукахъ Христа. Сосцы изображены врѣзанными колечками. Анатомическое строеніе грудной клѣтки и верхней части живота исполнено грубо, но не безъ знаній. Внизу камня по сторонамъ креста, несмотря на шпаклевку, ясно замѣтны слѣды сбитыхъ окончаній растительныхъ орнаментовъ.

---

[1]) Троицкій придѣлъ теплаго собора пристроенъ къ сѣверной сторонѣ древняго Георгіевскаго собора въ 1809 г., вмѣсто стараго, разобраннаго придѣла. Крестовоздвиженскій придѣлъ пристроенъ къ сѣверной сторонѣ Троицкаго и оконченъ въ 1816 г. Оба придѣла вмѣстѣ образуютъ нынѣшній теплый Троицкій соборъ.

На второмъ (лѣвомъ) камнѣ подъ правой пригвожденной рукой Распятаго изображены Богоматерь и три жены, послѣднія безъ нимбовъ. Богоматерь (выш. 0,35 саж.) лѣвой рукой подперла щеку, правую приложила къ груди. На ней хитонъ и мафорій.

Св. жены одѣты такъ же, какъ и Богоматерь. Двѣ изъ нихъ ясно видны во весь ростъ, съ ногами [1]); у третьей, стоящей сзади,—лишь намѣчена верхушка головы. Позы мироносицъ болѣе спокойныя, чѣмъ поза Богоматери. Подъ фигурами дуга растительнаго орнамента.

На третьемъ (правомъ) камнѣ, подъ лѣвой пригвожденной рукой Христа, изображены: скорбящій ап. Іоаннъ и Лонгинъ сотникъ; оба въ нимбахъ [2]). Ап. Іоаннъ закутанъ въ длинный плащъ безъ запоны; изъ-подъ плаща виденъ хитонъ. Ноги босы. Правой рукой Іоаннъ подперъ голову, въ лѣвой держитъ край плаща. Голова апостола непокрыта; волосы расчесаны на двѣ стороны съ прямымъ проборомъ и длинными локонами падаютъ на плечи. Сотникъ высоко поднялъ правую руку съ именословнымъ перстосложеніемъ; въ лѣвой онъ держитъ круглый щитъ. На св. Лонгинѣ панцырь, надѣтый поверхъ недлинной рубашки съ узкими рукавами, и плащъ, стянутый на груди. Ноги въ высокихъ сапогахъ. На головѣ платъ. Подъ фигурами, такъ же, какъ на второмъ камнѣ, части травчатыхъ узоровъ.

Четвертый камень вѣнчаетъ первый, центральный. На немъ помѣщена верхняя часть креста съ изображеніемъ „*гетимасіи*“ или уготованнаго престола. Рельефъ гетимасіи вырѣзанъ изъ ровно подготовленной плоскости трехъ верхнихъ концовъ креста, и поэтому по сторонамъ его тѣло креста углублено, а край креста обведенъ двойной каймой.

Пятый и шестой камни приставлены по бокамъ четырехъ среднихъ; на каждомъ изъ нихъ изображено по святителю [3]) въ подризникѣ, фелони, эпитрахили и омофорѣ, съ длиннымъ свиткомъ въ рукахъ. Верхъ свитковъ украшенъ бусинами, а поле—условно изображенными надписями. Волосы лѣваго святителя расчесаны съ косымъ проборомъ; борода округлая, маленькая, жидкая: подбородокъ почти безъ волосъ. У праваго святителя волоса расчесаны съ прямымъ проборомъ; борода густая, длинная, съ острымъ концомъ. Омофоры съ продолговатыми

[1]) Ростъ передней св. жены—0,345 саж.
[2]) Ростъ Ап. Іоанна 0,35 саж., Лонгина сотника 0,345 саж.
[3]) Ростъ праваго святителя—0,457 саж., лѣваго—0,453 саж.

попарно равноконечными крестами, рѣзанными вглубь. Концы крестовъ уширены. Такими же крестами, но помельче, украшена эпитрахиль праваго святителя. Эпитрахиль лѣваго святителя составлена изъ двухъ концовъ полосы, обведенной вокругъ шеи; на нижнемъ концѣ эпитрахиль украшена прямоугольникомъ. На фонахъ фигуръ святителей окончанія растительныхъ орнаментовъ.

Надъ среднимъ камнемъ, вверху, острый уголъ рамы заполненъ штукатурнымъ изображеніемъ скорбящаго Бога Отца въ облакахъ, типа работы XIX в.

Четыре средніе камня „Святославова Креста“ поставлены въ одной ровной плоскости, два боковые немного отошли отъ нея, выдвинувшись внѣшними вертикальными сторонами. Получается видъ, похожій на раскрытый триптихъ съ не вполнѣ выровненными боковыми створками.

Серебряныя позолоченныя ризы, которыми прикрыты нимбъ и опоясаніе Христа, а также одежды и нимбы всѣхъ остальныхъ фигуръ снабжены пробирными клеймами съ датами: клеймо вѣнчика Христа (1)818 г. (на заднемъ обручѣ нимба), ризы Богоматери—1822 г., Лонгина сотника и обоихъ святителей—1823 годъ. На ризѣ ап. Іоанна клеймо не найдено, но она совершенно одинаковой работы съ остальными и украшена цвѣтными каменьями такъ же, какъ риза Богоматери и нимбъ Христа. По стилю ризы носятъ вполнѣ выраженный типъ начала XIX в., а потому клейма можно считать современными ихъ изготовленію.

Раскраска рельефа очень груба, фонъ сдѣланъ почти чернымъ; одежды цвѣтныя; лики съ ярко красными губами; волосы преобладаютъ темно-коричневаго цвѣта. Масляная краска наложена густымъ слоемъ поверхъ плохо счищенныхъ неоднократныхъ побѣлокъ рельефа известью, послѣ зашпаклевки неровностей камня и швовъ между камнями. Въ осыпавшихся мѣстахъ подъ шпаклевкой слѣдовъ краски не найдено, слѣдовательно, рельефъ былъ раскрашенъ лишь послѣ установки его на нынѣшнемъ мѣстѣ, послѣ 1816 г. По собраннымъ изустнымъ свѣдѣніямъ, окраска за послѣднія 50 лѣтъ ни разу не подновлялась, а по литературнымъ свѣдѣніямъ (см. ниже) извѣстно, что рельефъ въ 1824 г. былъ уже раскрашенъ.

Въ каменный массивъ, на которомъ поставленъ рельефъ, вдѣлана плита изъ бѣлаго известняка. Лицевая сторона ея представляетъ ровное поле съ гладкой полочкой по нижнему краю; лѣвый край плиты обдѣ-

ланъ очень грубо сработаннымъ барельефнымъ изображеніемъ колонки, отъ которой сохранилась лишь нижняя часть. Вверху гладкое поле не закончено, а правый край плиты сбитъ. По среднему гладкому полю плиты идетъ рѣзанная вглубь надпись въ четыре строки, пятая строка прошла по нижней полочкѣ:

мц҃а іюнѧ въ а҃ д. . .
памѧ с҃тго і҃ѡ воин . .
ка поставлєнъ кр҃тъ . .
с҃тославъмь всево . . .
дичємь ами. . . . .

Правый край надписи погибъ вмѣстѣ съ отбитымъ краемъ плиты. Утерянная часть приведенныхъ пяти строкъ дополняется проф. И. А. Шляпкинымъ [1]) такъ:

мц҃а іюнѧ въ а҃ д(нь на)
памѧ с҃тго і҃ѡ воин(и)
ка поставлєнъ кр҃тъ (сь)
с҃тославъмь всево(ло)
дичємь ами(нь).

Въ дошедшей до насъ надписи не хватаетъ первой строки, которая должна была заключать годъ даты.

Изъ особенностей надписи любопытна ошибка: память св. Іоанна Воина празднуется православною церковью не 30-го іюня, какъ значится въ надписи, а 30-го іюля. Ошибка эта впервые замѣчена покойнымъ Арс. Ал. Смирновымъ, послѣ выхода въ свѣтъ работы проф. Шляпкина о Святославовомъ крестѣ [2]).

Въ иконостасѣ Троицкаго собора каменная надпись прикрыта деревянной доской съ надписью черной масляной краской по бѣлому полю: „Сооружéнъ сéй честный и животворящій Кр҃тъ Г҃дн҃ь Благовѣрнымъ Великимъ Кн҃земъ Свѧтослáвомъ Всéволодовичемъ, во святомъ крещéніи Гавріи́ломъ, въ лѣто ѳ҃ сотворенія міра ѧSѰЛВ-е ѳ҃ рж҃тва же по плоти Бга Слóва ѧскд-е [3]). Въ лѣто ѳ҃ сотворéнія мира ѰТКГ, ѳ҃ рж҃тва же по

[1]) Шляпкинъ, Каменный крестъ 1224 г. князя Святослава Всеволодовича въ г. Юрьевѣ-Польскомъ. *Записки отд. русск. и слав. археологіи Имп. Р. Арх. Общ.* т. V, вып. II, стр. 48.

[2]) См. протоколъ засѣданія 9 апрѣля 1910 г. Русск. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.

[3]) 6732 г. отъ сотв. міра = 1224 по Р. Хр.

плоти (Бга Слова) [1]) ѦѮSI-е мца ноемр. . . в . . [2]) день совершено пренесеніе сего чтнаго и животворящаго Крта гдня изъ каменной въ оградѣ при сей церкви стоявшей часовни прежде въ сей придѣльный храмъ пртыя Трцы, а изъ оной поставленъ въ придѣльномъ храмѣ воздвиженія чтнаго и животворящаго крта Гдня, сооруженномъ въ лѣто отъ мірозданія ѰТКД-е, въ рствa же Хртва въ ѦѮSI-е“ [3]).

При знакомствѣ съ Юрьевскимъ Распятіемъ возникаютъ четыре главныхъ вопроса: правильно ли связывается съ рельефомъ имя великаго князя Святослава III Всеволодовича (+ 1252); заслуживаетъ ли довѣрія дата новой надписи на деревянной доскѣ, взятая, какъ-будто, съ древней; имѣемъ ли мы передъ собою цѣльное произведеніе, и гдѣ оно могло помѣщаться въ древности, такъ какъ на нынѣшнемъ мѣстѣ „Крестъ“ стоитъ недавно.

Свидѣтельства о разновременныхъ мѣстахъ установокъ „Святославова Креста“ очень кратки и не восходятъ далѣе второй половины XVIII в. Они исчерпываются въ двухъ замѣткахъ 1824 г. Статья о Святославовомъ Крестѣ въ IV части „Отечественныхъ Достопамятностей“ [4]) описываетъ крестъ на нынѣшнемъ его мѣстѣ и сообщаетъ, что „оный въ Юрьевѣ изъ каменной часовни въ оградѣ 1816 г. перенесенъ въ соборный придѣлъ. Тамошніе старожилы еще помнятъ, по замѣчанію протоіерея Іоанна Соловьева, что оный вставленъ былъ лицомъ наружу въ западной стѣнѣ прежней осьмиугольной колокольни, разобранной 1781 года. По изустному свидѣтельству юрьевскаго помѣщика Д. А. Бороздина, Святославовъ памятникъ благочестія въ древнемъ соборѣ, изъ остатковъ коего построенъ нынѣшній, находился въ алтарѣ собора за престоломъ“ [5]).

Въ томъ же 1824 г. въ запискѣ о Святославовомъ Крестѣ отъ 1-го марта Снегиревъ повторилъ свѣдѣнія статьи „Отечественныхъ Достопамятностей“, лишь дополнивъ ихъ свидѣтельствомъ, что въ быт-

---

[1]) Слова, поставленныя въ скобки, читаются не ясно.

[2]) Стерты двѣ буквы.

[3]) Во второй части надписи обозначены годы отъ сотв. міра 7323 и 7324 = отъ Р. Хр. 1815 и 1816, причемъ для обозначенія 7000 вмѣсто ѯ ошибочно поставленъ знакъ Ѱ.

[4]) Стр. 160—162, изд. Ширяева. Разрѣшеніе на печатаніе дано 17 янв. 1824 г.

[5]) Послѣднее сообщеніе, фантастичное по указанію мѣста установки рельефа въ Святославовомъ соборѣ, весьма цѣнно, какъ преданіе, связывающее рельефъ съ соборомъ.

ность его въ Юрьевѣ, ранѣе 1816 г., „изваяніе... стояло въ каменной часовнѣ при оградѣ церковной“ [1]).

Тихонравовъ во „Владимірскомъ Сборникѣ“ 1857 г. повторилъ свѣдѣнія 1824 г. Въ 1867 г. Срезневскій напечаталъ замѣтку о „Святославовомъ Крестѣ“, указавъ со словъ художника Струкова (самъ Срезневскій не видѣлъ креста), что въ его время крестъ будто бы былъ вдѣланъ въ стѣну собора за алтаремъ [2]). Срезневскій первый отнесся критически къ памятнику, привелъ точный текстъ надписи на каменной плитѣ подъ рельефомъ, переданный неправильно его предшественниками, и первый усумнился въ точности даты новой надписи на деревянной доскѣ. Онъ предложилъ вмѣсто 6732 года читать 6742 г.,—годъ окончанія постройки Георгіевскаго собора княземъ Святославомъ III по лѣтописямъ, и тѣмъ самымъ связалъ установку креста съ постройкой собора. Ошибку новой надписи въ датировкѣ Срезневскій объяснялъ ошибкой переписчика, принявшаго связныя буквы даты М и В = МВ за ЛВ. Надпись на камнѣ Срезневскій отнесъ, палеографически, безусловно къ XIII в.

Авторы „Русскихъ Древностей“ [3]) разобрали „Святославовъ Крестъ“ исключительно съ стилистической точки зрѣнія и вполнѣ правильно указали на сходство техники рельефа съ рельефами Георгіевскаго собора. Датой памятника они приняли 6732 (= 1224 г.).

Всѣ авторы не заподозривали принадлежности „Креста“ Святославу III, сообщали, что по сторонамъ его стоятъ два святителя: св. Николай Чудотворецъ и св. Тихонъ Амаѳунтскій и (кромѣ гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, не касавшихся этого) что рельефъ составленъ изъ пяти камней. То же самое повторилъ и проф. И. А. Шляпкинъ, напечатавшій въ 1904 г. спеціальную работу о „Святославовомъ Крестѣ“ [4]). Желая отвѣтить на всѣ поставленные выше вопросы, проф. Шляпкинъ, посредствомъ смѣлыхъ предположеній, пришелъ къ заключенію,

---

[1]) Записки и труды въ Общ. Истор. и Др. росс. при Имп. Моск. Унив. Ч. II. М. 1824, стр. 195—197.

[2]) Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизвѣстныхъ памятникахъ. I, стр. 1—4. СПб. 1867.

[3]) Графъ И. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія Древности, вып. VI, стр. 89—90. СПб. 1899.

[4]) Каменный крестъ 1224 г. кн. Святослава Всев. въ г. Юрьевѣ-Польскомъ. *Зап. отд. русской и слав. археологіи Имп. Русск. Археолог. Общ.* т. V, вып. II, стр. 43—52.

что 1224 годъ установки распятія въ новой надписи указанъ правильно, „что распятіе составляло отдѣльное отъ собора и болѣе раннее (1224) сооруженіе, можетъ быть, каменницу... т. е. часовню“ [1]) и что „Святославовъ Крестъ“ составляетъ цѣльное произведеніе, поставленное княземъ Святославомъ III въ память нѣкоторыхъ событій его жизни [2]). Отсюда естественно [3]) у проф. Шляпкина получился выводъ, что Георгіевскій „соборъ самъ по себѣ, и крестъ самъ по себѣ“ [4]).

Четыре средніе камня Святославова Креста, изображающіе Распятіе съ предстоящими: Богоматерью, св. женами, ап. Іоанномъ и св. Лонгиномъ сотникомъ и (вверху) „*гетимасію*“, представляютъ связную композицію; стояли всегда рядомъ.

По матеріалу (бѣлому известняку аморфнаго строенія), техникѣ исполненія и стилю рѣзьбы эти камни тожественны съ рельефами наружныхъ украшеній древняго Георгіевскаго собора, выстроеннаго (1230—1234 г.) княземъ Святославомъ III [5]). Одинаковы какъ общій характеръ рисунка рельефовъ, такъ и исполненіе деталей: головъ, волосъ, бородъ, глазъ, рукъ, одеждъ, складокъ и узоровъ на драпировкахъ. Одежда св. Іоанна Богослова неоднократно встрѣчается на изображеніяхъ апостоловъ Святославова храма; а узоръ каймы плаща апостола весьма типиченъ для послѣднихъ и попадается въ подавляющемъ количествѣ примѣровъ. Поворотъ головы и трактовка волосъ, включая какъ общую схему ихъ расположенія, такъ и всѣ детали, обычны въ рельефахъ древняго Георгіевскаго собора (болѣе 30 фигуръ). Положеніе лѣвой руки Іоанна, держащей плащъ со свѣшивающимся въ видѣ петли концомъ его, сходно съ двумя изображеніями воиновъ въ арочномъ поясѣ сѣверной стѣны собора.

Рисунокъ панцыря Лонгина сотника встрѣчается два раза тамъ же, рядомъ съ такимъ же плащомъ и такой же короткой рубашкой; тождественный рисунокъ высокихъ сапогъ есть у нѣсколькихъ фигуръ. Именословное перстосложеніе правой руки сотника повторяется еще двадцать два раза въ рельефахъ Святославова храма при тождественномъ поло-

---

[1]) Ibid., стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 50, 51 и 52.

[3]) Но вопреки преданію, записанному въ 1824 г.

[4]) Ibid., стр. 49—50.

[5]) Объ этомъ соборѣ см. К. Романовъ, Георг. соборъ въ г. Юрьевѣ-Польскомъ. Краткій отчетъ о командировкѣ осенью 1909 г. (*Изв. Имп. Арх. Ком.*, вып. 36).

женіи руки. Обычны также для послѣднихъ одежда Богоматери и рисунокъ ея мафорія. Нимбы предстоящихъ точно такіе же, какъ у всѣхъ Святославовыхъ фигуръ.

Голова Распятаго на рельефѣ весьма близка къ лику „Спаса нерукотвореннаго“ южной стѣны Георгіевскаго собора [1]). Тождественно исполнены носъ, лобъ, уши, нижняя губа, слегка раздвоенная борода, волосы и волны расходящихся въ стороны кудрей. На лбу обоихъ ликовъ совершенно одинаково исполненъ небольшой завитокъ волосъ у начала прямого пробора. Тождественны и крестчатые нимбы.

На фонѣ камней съ изображеніемъ предстоящихъ видны части ковровыхъ растительныхъ орнаментовъ невысокаго рельефа, такихъ же, какъ на фонахъ всѣхъ фигуръ древняго Георгіевскаго собора, происходящихъ не изъ арочнаго пояса. Такіе же орнаменты были и на фонѣ средняго камня съ изображеніемъ Распятія; они срублены, но слѣды остались. Оборванность ковровыхъ узоровъ на фонѣ среднихъ четырехъ камней „Святославова Креста“ показываетъ, что композиція, помѣщенная на нихъ, не является законченной и поле ея продолжалось внизъ и въ стороны.

По размѣру фигуръ и высотѣ рельефа предстоящихъ у креста, а также по присутствію на фонѣ ковровыхъ орнаментовъ, четыре средніе камня „Святославова Креста“ тождественны съ рельефами типа Преображенія Георгіевскаго собора [2]).

Того же стиля, какъ средніе четыре камня „Святославова Креста“ и изъ того же бѣлаго известняка, но нѣсколько иной работы, фигуры двухъ святителей на боковыхъ камняхъ рельефа. Исполненіе ихъ немного суше. Сухость рисунка сказывается сильнѣе всего въ фелоняхъ съ угловатыми плоскими складками, изображеніи бородъ и контурахъ.

По размѣру, выполненію и присутствію на фонахъ оборванныхъ частей растительнаго орнамента оба святителя вполнѣ тождественны съ изображеніями двухъ святителей на южной стѣнѣ Георгіевскаго собора надъ среднимъ окномъ. Тождество не ограничивается общими чертами рисунка, но доходитъ до мельчайшихъ деталей (напр. орнаментъ одинаковый вверху всѣхъ свитковъ), но святители не копируютъ другъ друга и всѣ четыре съ разными ликами (ср. таблицу и рис. 1).

---

[1]) См. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 36, стр. 87, рис. 20.

[2]) См. тамъ же стр. 83 и табл. VIII.

Рис. 1.

Два святителя южной стѣны Георгіевскаго собора находятся въ кладкахъ второго періода [1]), слѣдовательно, попали на ихъ нынѣшнее мѣсто въ 1471 г. при возсозданіи Георгіевскаго собора 1234 г. Дм. В. Ермолинымъ. Оба изображенія несомнѣнно относятся ко времени Святослава III, но есть основанія думать, что они происходятъ не изъ Георгіевскаго собора.

Размѣръ фигуръ святителей, поставленныхъ по сторонамъ „Святославова Креста", гораздо больше размѣра фигуръ предстоящихъ у креста; своей массой святители убиваютъ въ рельефѣ фигуры предстоящихъ и мѣшаютъ даже выдѣленію центральной фигуры Распятаго изъ общаго поля рельефа. Между тѣмъ, художники Святослава III не разъ блестяще показали на Георгіевскомъ соборѣ свое декоративное искусство. Невольно возникаетъ предположеніе, что святители не принадлежали въ древности къ рельефу четырехъ среднихъ камней „Святославова Креста", и это предположеніе подтверждается при детальномъ осмотрѣ.

---

[1]) О перекладкахъ собора по даннымъ осмотра см. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 36. Отчетъ К. Романова. Кладки перваго періода относятся къ 1230—34 гг., второго—къ 1471 г. (ср. Ермол. лѣт. П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 159).

Окончанія травчатыхъ узоровъ на фонѣ лѣваго святителя не совпадаютъ съ узорами сосѣдняго камня, на которомъ изображены Богоматерь и св. жены, а на камнѣ праваго святителя ни при какой реконструкціи не могутъ совпасть съ узорами камня ап. Іоанна и Лонгина сотника. Ясно, что „Святославовъ Крестъ“ состоитъ изъ двухъ искусственно соединенныхъ вмѣстѣ частей: средніе четыре камня происходятъ, вѣроятно, какъ и Преображеніе, изъ закомаръ Святославова храма, а два святителя—оттуда же, откуда и два святителя южной стѣны собора.

На чердакѣ западнаго притвора, въ западной стѣнѣ (въ кладкѣ второго періода) Георгіевскаго собора находится позднѣйшая прямоугольная задѣлка части фасада. Эта задѣлка обращала на себя большое вниманіе при самомъ началѣ изслѣдованія собора. Нижній край ея (на уровнѣ верха капителей пилястръ) ясно виденъ благодаря обрѣзу въ 0,025 саж. Задѣлка расположена, какъ разъ, на серединѣ средней закомары, имѣетъ въ длину 1,38 саж. и занимаетъ почти всю ширину закомары. Боковыя стѣнки задѣлки вертикальны; верхъ ея не сохранился, такъ какъ верхъ закомары разрушенъ. Задѣлка заложена съ правой стороны однимъ рядомъ бѣлыхъ камней въ 0,18 саж. по горизонтальному направленію, слѣва—кирпичемъ на 1,20 саж. ширины. При изслѣдованіи кирпичной задѣлки она оказалась всего въ 0,085—0,15 саж. толщины, за ней находится известняковая забутка стѣны второго періода собора, и такимъ образомъ задѣлка является перелицовкой стѣны, послѣ удаленія изъ нея бѣлыхъ облицовочныхъ камней кладки второго періода. По ширинѣ въ 1,38 саж. перелицовка весьма близка къ горизонтальной длинѣ шести камней „Святославова Креста“, въ его нынѣшнемъ видѣ равной 1,25 саж., но ширина „Креста“ при выпрямленіи камней съ изображеніями святителей въ одну плоскость съ средними четырьмя камнями еще нѣсколько увеличилась бы; а при выломкѣ облицовки изъ стѣны необходимо было, во избѣжаніе поврежденій, разобрать верхъ кладки и пробить въ сосѣднихъ камняхъ вертикальную борозду, слѣдовательно, выломать бо́льшую поверхность, чѣмъ поверхность вынутой облицовки.

Мѣсто перелицовки въ XVIII ст. было сплошь застроено восьмигранной колокольней, слѣды которой сохранились надъ западнымъ при-

творомъ собора [1]). Восточная стѣна колокольни вплотную примыкала къ западной стѣнѣ собора.

По свѣдѣніямъ же 1824 г. (см. выше) видно, что до разрушенія въ 1781 г. восьмигранной колокольни въ западную стѣну ея былъ вдѣланъ „Святославовъ Крестъ“. Естественно предположить, что въ западную стѣну колокольни (построенной не раньше XVII в.) „Святославовъ Крестъ“ былъ перенесенъ изъ западной стѣны собора; при этомъ кажущееся положеніе его почти не измѣнилось.

Допустивъ высказанное предположеніе, судьбу „Святославова Креста“ можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1471 г., при возстановленіи Георгіевскаго собора изъ развалинъ Ермолинымъ, четыре средніе камня Распятія, какъ единственная связная композиція, найденная среди разбросанныхъ рельефовъ эпохи Святослава III, ставятся на самомъ видномъ мѣстѣ, вверху, въ центрѣ западной стѣны собора. По бокамъ ихъ ставятъ двухъ парныхъ святителей. Но установка послѣднихъ носила совершенно случайный характеръ, такъ же, какъ установка другой пары святителей на южной стѣнѣ, по сторонамъ маленькаго херувима и пророка [2]).

У строителя подъ руками были двѣ пары рѣзко выдѣляющихся парныхъ святителей, и онъ поставилъ ихъ симметрично на главныхъ для него фасадахъ [3]), западномъ и южномъ. Не понимая разрозненныхъ композицій, Ермолинъ все же старался ставить камни въ систему; это замѣтно по фигурамъ, бросающимся въ глаза своею парностью; онъ ставилъ ихъ или рядомъ (напр., парящіе ангелы), или со случайной серединой (два изумленныхъ ангела по сторонамъ оранты изъ вновь открытой композиціи, упомянутые святители южной стѣны и т. п.).

При постройкѣ восьмигранной колокольни, когда она должна была загородить всю среднюю закомару западной стѣны собора, а вмѣстѣ съ нею и всѣ шесть камней нынѣшняго „Святославова Креста“, строители не рѣшились застроить композицію Распятія; къ ней и къ мѣсту ея въ то время, вѣроятно, уже привыкли юрьевцы. Композиція четырехъ

[1]) См. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 36, стр. 80.

[2]) Такихъ точно херувимовъ въ кладкахъ второго періода Георгіевскаго собора (т. е. Ермолинскаго) находится шесть, а пророковъ—двадцать два, при чемъ всѣ они разбросаны въ безпорядкѣ.

[3]) Изъ боковыхъ фасадовъ главное вниманіе было обращено при Святославѣ III на сѣверный, при Ермолинѣ—на южный.

среднихъ камней, а вмѣстѣ съ нею и два святителя, стоящіе по бокамъ, были вынуты изъ соборной стѣны и перенесены на западную стѣну колокольни. Установка въ кирпичномъ сооруженіи шести камней бѣлаго известняка съ рельефами сходной работы и со связной на первый взглядъ композиціей должна была пріучить юрьевцевъ считать всѣ шесть камней композиціей цѣльной. Во всѣ позднѣйшія перенесенія „Креста“ (извѣстныя по почти современнымъ имъ записямъ 1824 г.) переносились одновременно уже всѣ шесть камней, а этимъ еще болѣе закрѣплялась въ народномъ представленіи цѣльность композиціи шести камней. Двойственное происхожденіе частей ея было забыто и ни разу послѣ того не заподозривалось.

Въ тѣсной связи съ вопросами о происхожденіи „Святославова Креста“ и объ его послѣдовательныхъ перемѣщеніяхъ стоитъ вопросъ о времени начала его почитанія, какъ чудотворной иконы. Собрать объ этомъ какія бы то ни было свѣдѣнія на мѣстѣ, въ г. Юрьевѣ, намъ не удалось; никакихъ преданій на этотъ счетъ нѣтъ. Думается, что въ Святославовомъ храмѣ (1234 г.) рельефъ, вставленный въ закомару, не могъ быть моленнымъ, какъ нельзя назвать моленными картины стѣнописей внутри церкви. Не могъ онъ быть моленнымъ и въ то время, когда былъ вдѣланъ въ закомару Ермолинскаго храма 1471 г.; его не подняли бы опять на недосягаемую для молящихся высоту. Но уже въ этомъ храмѣ онъ долженъ былъ привлечь на себя большое вниманіе, какъ единственная понятная композиція. Вниманіе должно было еще увеличиться со времени перенесенія „Креста“ на западную стѣну восьмигранной колокольни, надъ главнымъ входомъ. На этомъ мѣстѣ, вѣроятно, началось молитвенное обращеніе къ нему, какъ къ надвходной иконѣ, а переносъ креста въ 1781 г., послѣ разрушенія колокольни, въ часовню въ оградѣ былъ окончательнымъ признаніемъ его иконою. Вѣроятно въ бытность креста на стѣнѣ восьмигранной колокольни или въ часовнѣ распространилась вѣсть и объ его чудотвореніи.

Рельефъ четырехъ среднихъ камней „Святославова Креста“, какъ было указано, не полонъ и продолжался во всѣхъ направленіяхъ. Дополнить его можно предположительно по близкимъ къ нему памятникамъ.

Ближайшими являются византійскія композиціи распятія XI—XII вѣковъ. Сообразуясь съ ними, можно предположить, что вверху, по сторонамъ креста, помѣщались поясные смятенные ангелы; можетъ быть, еще

солнце и луна, хотя на ближайшей аналогіи къ нашему рельефу—византійскомъ эмалевомъ образкѣ частнаго собранія въ Грузіи — послѣднихъ нѣтъ. Внизу подъ крестомъ фигуръ (какъ, напр., на Мюнхенскомъ окладѣ), вѣроятно, не было; окончанія растительныхъ орнаментовъ и широкіе разводы ихъ размѣщены на рельефѣ такъ, что фигуры подъ ними умѣстились бы при реконструкціи узоровъ лишь на большомъ разстояніи отъ фигуръ предстоящихъ. По сторонамъ рельефа также, повидимому, были одни растительные орнаменты; фигуръ по сторонамъ нѣтъ и въ византійскихъ изображеніяхъ Распятія нашего типа, т. е. съ нѣсколькими предстоящими.

Не вполнѣ ясенъ вопросъ о надписи. Такъ какъ всѣ изслѣдователи палеографическихъ особенностей ея (Срезневскій, а за нимъ—Шляпкинъ) безусловно относятъ ее къ XIII вѣку [1]), то слѣдуетъ признать, что надпись или стояла въ закомарѣ древняго Георгіевскаго собора подъ рельефомъ распятія, называя сложную композицію Распятія крестомъ, или происходитъ отъ другого креста, поставленнаго Святославомъ III. Въ первомъ случаѣ первую строку ея слѣдуетъ возстановлять съ датой 6742 г., такъ какъ годъ окончанія нашего рельефа 1234, а не 1224, какъ въ новой надписи.

К. Романовъ.

[1]) А. И. Соболевскій, къ которому мы обращались по этому вопросу весьма обязательно сообщилъ, что какъ съ палеографической стороны, такъ и по языку надпись подъ «Святославовымъ Крестомъ» несомнѣнно принадлежитъ XIII в. Казавшаяся намъ сомнительною форма изложенія («поставленъ... Святославомъ Всеволодовичемъ» вмѣсто «я князь Святославъ» и т. д.), указывающая, какъ будто, на установку надписи не самимъ княземъ Святославомъ III, а въ память его, по мнѣнію акад. Соболевскаго, является лишь скромной формой.

Рис. 1.

Древніе полы въ кіевскомъ соборѣ св. Софіи.

Кіево-Софійскій соборъ, несмотря на свою широкую извѣстность и неоднократныя обслѣдованія, представляетъ собою памятникъ, далеко еще не вполнѣ изученный. Однимъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ изученіи этого памятника является отсутствіе изслѣдованія его половъ.

Въ октябрѣ 1909 года было предпринято переустройство существующаго чугуннаго пола въ главномъ алтарѣ собора: духовенство рѣшило замѣнить его болѣе теплымъ деревяннымъ паркетомъ. Эти работы Императорская Археологическая Коммиссія не могла оставить безъ надлежащихъ наблюденій и необходимыхъ научныхъ изслѣдованій, порученіемъ которыхъ почтила меня.

Въ настоящемъ сообщеніи я имѣю въ виду изложить результаты моихъ занятій.

Когда сняли чугунный полъ и слой чистаго песку, на которомъ онъ былъ уложенъ, оказалось, что на глубинѣ 25 сант. лежитъ полъ изъ шестигранныхъ кирпичныхъ плитокъ (рис. 1), хорошо сохранившійся почти на всей площади главной апсиды; плитки его имѣютъ значительные размѣры (26 сант. шир. и 4 сант. толщ.).

Для дальнѣйшихъ изслѣдованій были взяты четыре небольшія ямы (показаны на планѣ на рис. 2). Подъ шестигранными плитками пола и

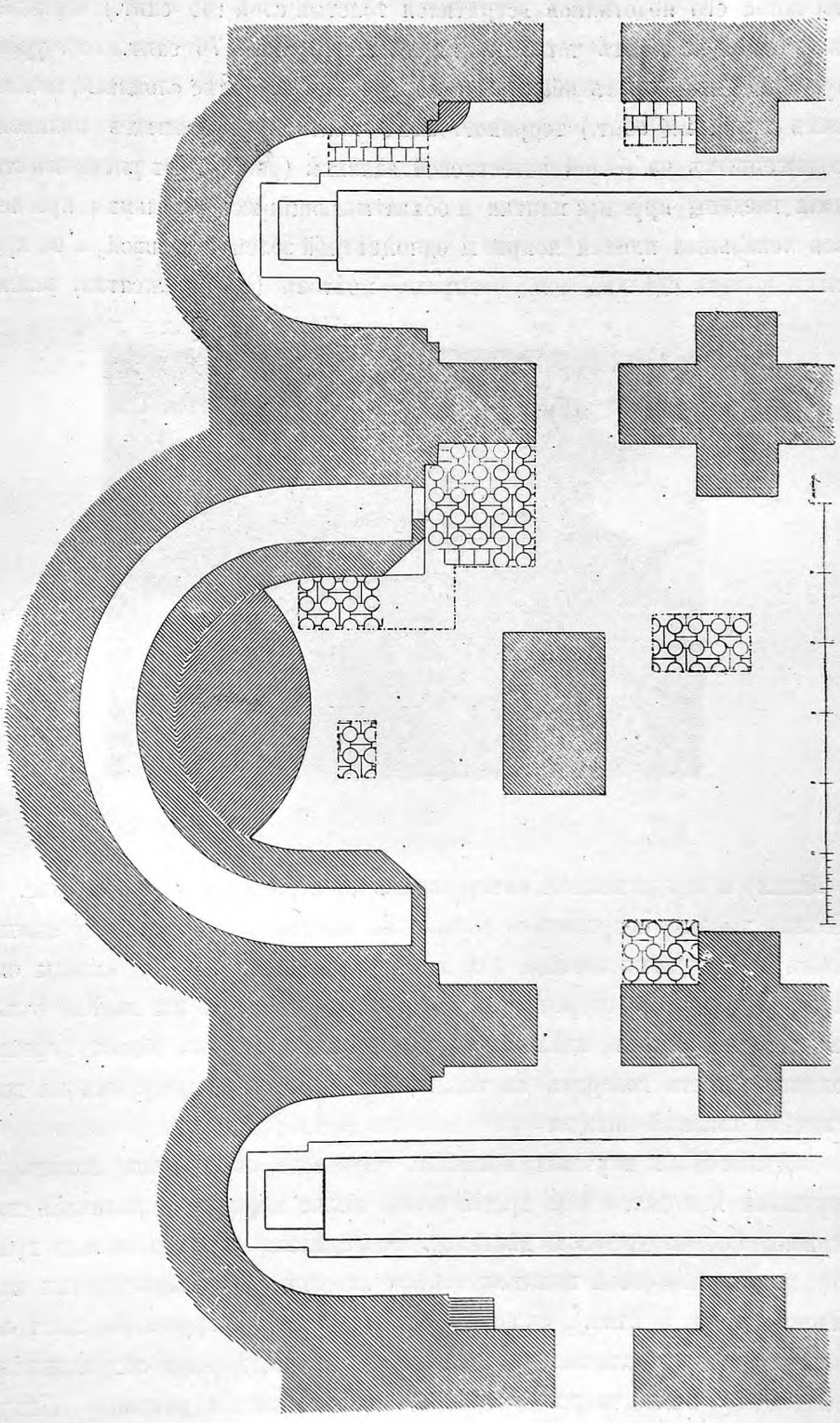

Рис. 2.

песчаной его подстилкой встрѣтился толстый слой (35 сант.) чернозема; подъ нимъ во всѣхъ четырехъ ямахъ на глубинѣ 70 сант. отъ уровня чугуннаго пола былъ обнаруженъ второй полъ, болѣе сложный, изъ тонкихъ (толщ. 2½ сант.) терракоттовыхъ плитокъ, покрытыхъ поливой и положенныхъ на бѣлой известковой заливкѣ (рис. 3). Въ рисунокъ этого пола введены круглыя плитки и обхватывающія ихъ лекальныя, при чемъ всѣ лекальныя плитки покрыты одноцвѣтной зеленой поливой, а на круглыхъ полива сдѣлана изъ четырехъ цвѣтовъ (синяя, желтая, зеленая

Рис. 3.

и бѣлая) и представляетъ интересный концентрическій рисунокъ (рис. 4). Полива хорошо сохранилась только на плиткахъ, лежащихъ у самыхъ стѣнъ и въ углахъ апсиды, гдѣ меньше ходили, а внутри апсиды оказалась совершенно стертой. Хотя этотъ поливной полъ мы видѣли только въ четырехъ ямахъ, сдѣланныхъ для изслѣдованій, но общая хорошая сохранность его говоритъ за то, что онъ лежитъ нетронутымъ на всей площади главной апсиды.

Дальнѣйшія изученія показали, что подъ поливнымъ поломъ съ кружками находится еще третій полъ, также хорошо сохранившій свою первоначальную древнюю настилку. Онъ сдѣланъ изъ удивительно крѣпкой великокняжеской цемянки (смѣси извести съ мелкотолченымъ кирпичемъ, толщ. 5 сант.), въ которую насаживались инкрустаціи; хотя онѣ во многихъ мѣстахъ оказывались выбитыми, но хорошо сохранившіяся гнѣзда отъ нихъ точно дополняютъ весь сложный рисунокъ. Инкру-

стація эта выполнена разноцвѣтными смальтовыми плитками (свѣтло-зелеными, желтыми, темнокрасными) разной формы и величины и представляетъ сложный ковровый рисунокъ. Открытая нами незначительная часть этого пола позволяетъ только приблизительно судить объ общей композиціи. У стѣны проходитъ дорожка, выложенная большими прямо-

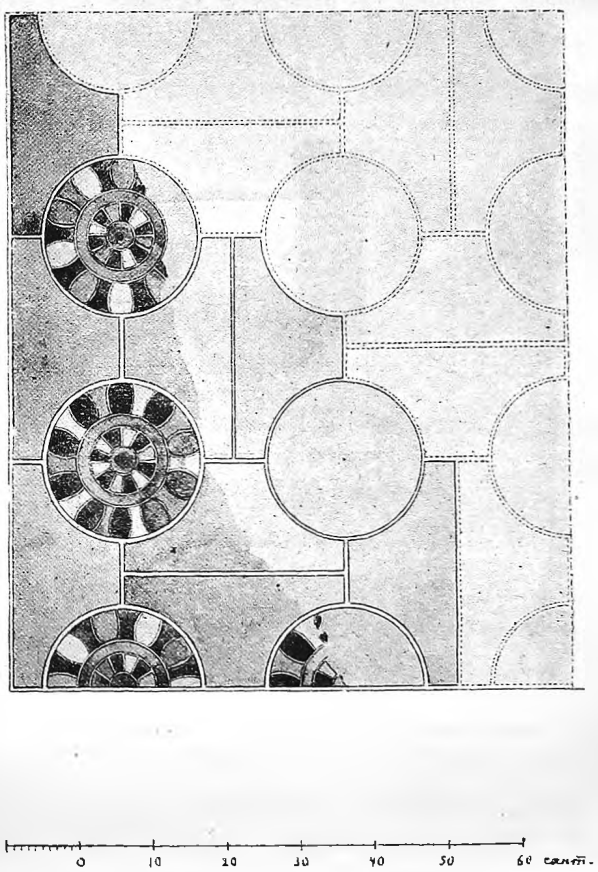

Рис. 4.

угольными плитками красной смальты. Внутри вписанъ кругъ также дорожкой, выложенной большими плитками; въ центрѣ его заключенъ еще кружокъ; остальныя мѣста заполнены мелкимъ узоромъ мозаической инкрустаціи изъ трехугольной, квадратной и прямоугольной смальты (рис. 5). Этотъ мозаичный полъ — пока единственный у насъ сохранившійся in situ.

При изслѣдованіи мозаичнаго пола намъ удалось сдѣлать весьма важныя разъясненія. Края этого пола, прилегающіе къ стѣнѣ, оказа-

лись наклонными, какъ бы осѣвшими (рис. 6), причемъ въ этихъ мѣстахъ сверху снова залиты древней великокняжеской цемянкой и снова украшены инкрустаціей. Это обстоятельство убѣждаетъ насъ, что нами открытъ первоначальный полъ св. Софіи, сдѣланный вскорѣ по возведеніи стѣнъ, до окончательной осадки ихъ. Дальнѣйшая осадка стѣнъ повлекла за собою деформацію половъ и вызвала ихъ ремонтъ.

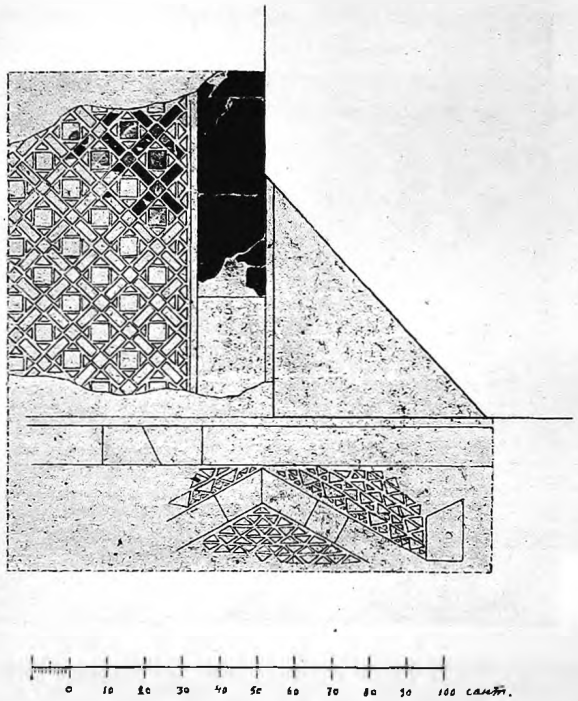

Рис. 5.

Въ юго-восточномъ углу апсиды мы сдѣлали необходимыя изслѣдованія для изученія горняго полукружія или сопрестолія. До сихъ поръ всѣ описанія его крайне противорѣчивы. Обнаруженный пролетъ, ведущій подъ сопрестоліе и заложенный новымъ кирпичемъ, позволилъ намъ проникнуть подъ ступени сопрестолія. Здѣсь оказался полусводъ, сложенный изъ тонкаго великокняжескаго кирпича на древней цемянкѣ. Устройство его должно быть отнесено ко времени постройки собора. Первоначальныя же наружныя формы сопрестолія оказались измѣненными, прямые углы сбиты и сдѣланы тупыми, ступени надложены новымъ кирпичемъ (что вызывалось повышеніемъ уровня пола) и укра-

шены кафельными поливными плитами. Эти передѣлки можно относить ко времени устройства поливного пола; въ этомъ убѣждаетъ насъ тождественность техники тѣхъ и другихъ плитокъ, а также однородность извести, на которой онѣ положены.

Перейдя къ изслѣдованію въ діаконикѣ и жертвенникѣ, мы нашли, что здѣсь всѣ полы разрушены прокладкой калориферныхъ каналовъ для отопленія, которые заложены ниже уровня древняго пола и заняли почти все пространство внутри южной и сѣверной апсиды.

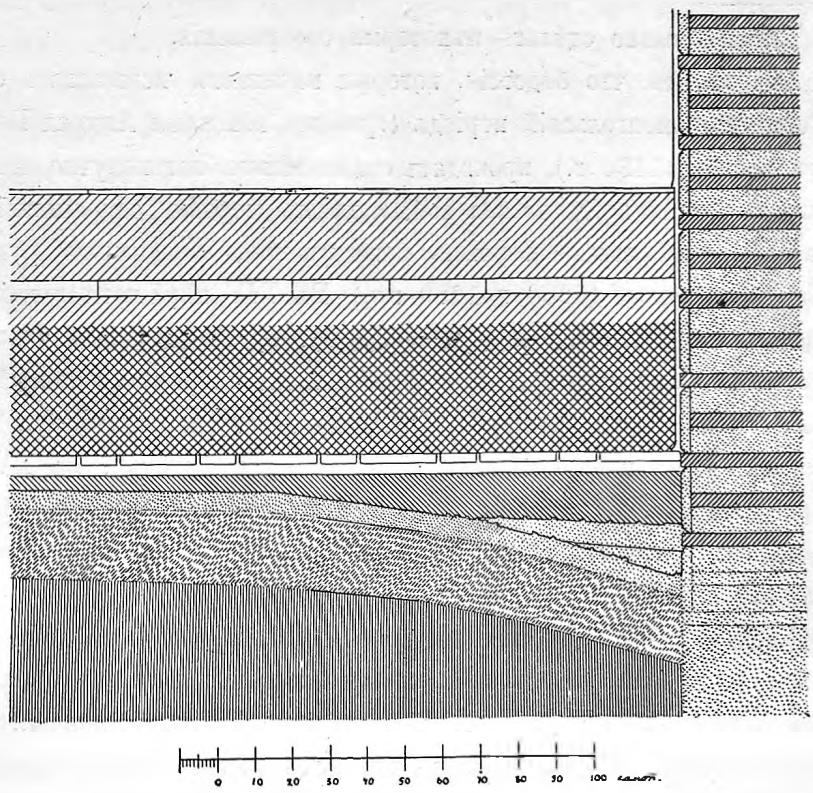

Рис. 6.

Такимъ образомъ, изслѣдованія здѣсь могли быть произведены только по бокамъ этихъ каналовъ, гдѣ и были обнаружены незначительные слѣды половъ, соотвѣтствующихъ открытымъ въ главной апсидѣ. Особый интересъ здѣсь представило открытіе фрески на южной стѣнѣ діаконика. Фреска изображаетъ части орнамента; краски ея прекрасно сохранились и не тронуты поновленіями. На нижнемъ краѣ штукатурки этой фрески ясенъ загибъ на стыкъ съ поломъ, здѣсь уже разрушен-

нымъ. Уровень этого края фрески соотвѣтствуетъ осѣвшимъ краямъ мозаичнаго пола въ главной апсидѣ.

Такимъ образомъ наши изслѣдованія даютъ возможность установить время настилки самаго нижняго (мозаичнаго) пола, это—время постройки св. Софіи. Что касается времени устройства слѣдующихъ половъ, лежащихъ выше, то хотя матеріалы и техника ихъ приблизительно указываютъ эпохи, но болѣе точно опредѣлить ихъ пока затруднительно за неимѣніемъ опредѣленныхъ указаній въ историческихъ источникахъ.

Можно только сдѣлать нѣкоторыя соображенія.

Мы знаемъ, что бѣдствія, которыя начинаетъ испытывать св. Софія еще въ домонгольскій періодъ (грабежъ войсками Андрея Боголюбскаго, пожаръ 1180 г.), проходятъ сравнительно благополучно, что послѣ Батыя св. Софія представляла собою храмъ хорошо сохранившійся,—въ немъ продолжаютъ совершать богослуженія, совершаютъ рукоположенія въ епископы (1288 и 1289 г.г.). Въ XIV вѣкѣ хотя митрополитъ Кипріанъ и живетъ еще при соборной церкви св. Софіи, но благолѣпіе перестаетъ поддерживаться, а съ переселеніемъ митрополитовъ въ Москву храмъ начинаетъ ветшать: „Св. Софія не строится, не имѣющи господаря, аки вдова и осиротѣвшая красоты своея лишена“. Въ XV вѣкѣ довершается разореніе Кіева [1]), и соборъ приходитъ еще въ большій упадокъ; XVI вѣкъ застаетъ св. Софію въ окончательномъ запустѣніи, на кровлѣ ея растутъ кустарники.

Хотя въ 1577 году, при митрополитѣ Иліи, Софійскій намѣстникъ Богушъ-Гулькевичъ Глѣбовскій „своими власными пенезми учинилъ не малый поратунокъ и подпоможенье въ оправѣ великое церкви, ее покрылъ и побилъ“ [2]), но, очевидно, это былъ очень незначительный ремонтъ, ибо вскорѣ, передъ захватомъ уніатами, св. Софія, по описанію двухъ современниковъ (Гейденштейна и Верещинскаго), представляется въ самомъ жалкомъ состояніи, и въ ней уже не совершаются богослуженія. Гейденштейнъ описываетъ св. Софію въ 1596 году словами: „Въ такомъ запущеніи это прекрасное зданіе, что кровли на немъ нѣтъ, и оно все болѣе и болѣе близится къ уничтоженію“ [3]). Въ такомъ видѣ св. Софія переходитъ въ руки уніатовъ, которые, владѣя соборомъ

[1]) Нашествіе Едигея 1416 г. и Менгли-Гирея 1482 г.
[2]) Акты Ю. З. Р., т. III, № 83.
[3]) Сборникъ мат. для И. Т. К. (Кіевъ 1874), отд. II, стр. 23—24.

(37 лѣтъ), не только не дѣлаютъ какихъ-либо исправленій, но довершаютъ упадокъ, расхищаютъ „каменье тесанное на столбахъ и сходахъ“ [1]).

Слѣдовательно, за весь періодъ отъ нашествія Батыя и до начала XVII вѣка, при общемъ упадкѣ Кіева, некому было думать даже о самой неотложной поддержкѣ, не только о внутреннемъ обновленіи собора. И только съ первой половины XVII вѣка, когда соборъ вновь перешелъ въ руки православныхъ, начинаются ревностныя о немъ заботы. Эти обновленія проходятъ какъ черезъ всю вторую половину XVII вѣка, такъ и черезъ XVIII вѣкъ, и завершаются послѣдней реставраціей (1853 г.).

Первымъ возстановителемъ собора былъ митрополитъ Петръ Могила. Онъ получилъ отъ уніатовъ св. Софію „безпокровну, едва не до конца разоренную“, но то обстоятельство, что тотчасъ же по отобраніи явилась возможность освященія св. Софіи (въ іюлѣ 1633 г.) и начатія въ ней богослуженія неопустительно, показываетъ, что соборъ далеко не былъ окончательно разрушенъ. На капитальный ремонтъ безусловно требовалось не мало времени, и хотя „св. Софія иждивеніемъ митрополита Петра Могилы и благочестивыхъ жертвователей начатъ обновлятися“, и заботы о благоустройствѣ св. Софіи продолжаются въ теченіе всей остальной жизни (около 13 лѣтъ) митрополита, но все же онъ не успѣваетъ докончить начатое возобновленіе. Коссовъ въ Патерикѣ, изданномъ въ 1635 году, говоритъ, что Петръ Могила св. Софію „едва только могъ отъ руинъ освободить и отчасти свѣту исправленною показать“.

Теперь является вопросъ, насколько реставрація Петра Могилы коснулась внутренней отдѣлки собора, въ частности—были ли сдѣланы новые полы въ соборѣ, или оставались древніе мозаичные? Изслѣдованіе этихъ древнихъ половъ показываетъ сравнительно хорошую сохранность ихъ, а если принять во вниманіе, что Петру Могилѣ на первыхъ порахъ возстановленія много было работы и болѣе неотложной, къ тому же и средствъ матеріальныхъ было немного, то не представляется невозможнымъ, что при немъ новые полы еще не были сдѣланы.

Описаніе св. Софіи въ томъ видѣ, въ какомъ она осталась послѣ ремонта Петра Могилы, далъ намъ Павелъ Алеппскій въ 1655 году.

[1]) Матер. для ист. зап.-русской церкви. Кіевъ. 1893, стр. 58.

Въ этомъ удивительно тщательномъ описаніи св. Софіи мы читаемъ: „Когда входишь въ храмъ чрезъ западныя двери, то глазамъ твоимъ открывается полъ хороса, сдѣланный изъ удивительной многоцѣнной мозаики съ разнообразными тонкостями искусства. Такой же полъ внутри алтарей и передъ ними“ [1]). При описаніи алтаря Павелъ восхищается „подборомъ цвѣтовъ мозаики на его стѣнахъ и на полу“. Дальше подробно описывается горнее мѣсто: „Весь полукругъ каѳедры (горняго мѣста) съ гремя высокими ступеньками, а посрединѣ его тронъ съ шестью такими же ступенями. Вокругъ него, на высотѣ около полроста, выложено (по стѣнѣ) всевозможными породами мрамора и чуднѣйшей цвѣтной мозаикой“ [2]).

Такой внимательный очевидецъ, мнѣ кажется, никакъ не могъ смѣшать мозаику съ поливной кафлей. Описывая Михайловскій монастырь, онъ указываетъ, что „весь полъ церкви сдѣланъ изъ большихъ красныхъ плитъ“ [3]).

Если Павелъ Алеппскій дѣйствительно видѣлъ въ Софіи древніе мозаичные полы, которые, слѣдовательно, еще оставались послѣ ремонта Петра Могилы, то тогда настилку терракоттовыхъ поливныхъ половъ можно будетъ отнести къ концу XVII вѣка, послѣ 1686 года, когда Кіевская митрополія подчинилась Московскому патріарху и когда вновь начинаются капитальные ремонты св. Софіи. Съ 1686 года митрополитъ Гедеонъ ремонтируетъ св. Софію, „долготою лѣтъ и небытіемъ властнаго пастыря опалую, не жалуючи на тое кошту“, и умирая оставляетъ ей 20,000 золотыхъ, чтобы „храмъ Божій св. Софіи въ позосталыхъ руинахъ своихъ оправлялся“.

Въ управленіе слѣдующаго митрополита Варлаама Ясинскаго снова „св. Софія значне обновлена въ своемъ украшеніи“. И именно къ этому періоду, т. е. къ концу XVII вѣка, и можетъ быть отнесено устройство новыхъ поливныхъ половъ и обдѣлка горняго мѣста поливными кафлями.

Что касается времени сооруженія слѣдующаго пола изъ шестигранныхъ плитокъ, то казалось бы возможнымъ отнести его къ первой половинѣ XVIII вѣка, времени митрополита Рафаила Заборовскаго

---

[1]) *Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Др. Р.* 1897, кн. 4, стр. 69.
[2]) Тамъ же, стр. 70.
[3]) Тамъ же, стр. 73.

(1731 — 1747), когда начали устраивать новый большой иконостасъ. вмѣсто могилянскаго, и при этомъ, очевидно, понадобилось поднять солею, для чего насыпали на поливной полъ толстый слой чернозема и песку, на которомъ и былъ устланъ новый полъ изъ шестигранныхъ плитокъ.

При послѣдней реставраціи собора (1843—1853) этотъ полъ былъ замѣненъ чугуннымъ по Высочайше утвержденному рисунку, при чемъ солея была еще повышена подсыпкой слоя песку для укладки чугунныхъ плитъ. Наконецъ теперь, вмѣсто чугуннаго пола, положенъ паркетъ.

Итакъ, за долгій періодъ жизни св. Софіи главный алтарь переживаетъ уже пятую настилку половъ, и постепенныя наслоенія ихъ, поднимая уровень пола до одного метра, закрываютъ драгоцѣнный полъ Ярослава.

Д. Милѣевъ.

Рис. 1. Супрасльскій монастырь. Общій видъ съ юго-запада (по снимку худ. Петрова 1864 г.).

Благовѣщенская церковь въ Супрасльскомъ монастырѣ.

Въ 1907 году преосвященный Владиміръ, епископъ Бѣлостокскій, обратился въ Императорскую Археологическую Коммиссію съ заявленіемъ о необходимости произвести ремонтъ и реставрацію искаженной уніатами Благовѣщенской церкви извѣстнаго монастыря въ м. Супрасль, Бѣлостокскаго у. Гродненской губ. [1]). Будучи командированъ для осмотра этой церкви, я попутно сдѣлалъ измѣренія ея и, хотя не считаю мои наблюденія исчерпывающими, однако думаю, что опубликованіе ихъ представитъ интересъ для спеціалистовъ архитекторовъ, такъ какъ церкви въ типѣ, подобномъ супрасльскому, не были до сего времени издаваемы архитектурно, а между тѣмъ являются чрезвычайно оригинальными по очень ясно выраженному крѣпостному устройству и по готическимъ деталямъ. Болѣе древними (начала XV в.) церквами того же типа,

[1]) *Извѣстія Имп. Арх. Ком.*, в. 26, стр. 25—27.

но безъ куполовъ и ложныхъ закомаръ на боковыхъ фасадахъ, въ Литвѣ являются: Маломожейковская, Сынковичская и Брестская [1]).

Обмѣры исполнены мною совмѣстно съ помощникомъ моимъ Л. И. Кирилловымъ, чертежи исполнены имъ же и просмотрѣны и исправлены мною. При измѣреніяхъ мы не имѣли времени провѣрить стѣны по отвѣсу; на глазъ онѣ кажутся отвѣсными; наклонъ средней главы показанъ по соображенію съ фотографическими снимками, которые исполнены мною въ большомъ количествѣ и служили, вообще, большимъ подспорьемъ при составленіи чертежей. Фундаменты, чердакъ надъ крыльцомъ и верхи башенокъ не изслѣдованы также по недостатку времени. Полъ въ церкви принятъ горизонтальнымъ, равно какъ и ряды кирпичей на фасадахъ, ватерпасовка произведена лишь для плановъ и разрѣзовъ хоръ и чердака. Съ полнѣйшею точностью измѣренъ планъ чердака, какъ болѣе доступный.

Историческая справка о Супрасльскомъ монастырѣ. Монастырь основанъ въ 1498 г. иждивеніемъ князя Александра Ходкевича, Великаго Маршала княжества Литовскаго, который, въ видахъ защиты православія отъ начинавшейся латинской пропаганды, призвалъ сюда иноковъ Кіево-Печерской лавры (а по другимъ свѣдѣніямъ — Аѳонскихъ монаховъ). Первоначально мѣстомъ для монастыря былъ избранъ „Городокъ“ — имѣніе ктитора Ходкевича [2]), возведшаго здѣсь обширный замокъ для защиты монастыря отъ случайностей тогдашней Московско-литовской войны. Но, вслѣдствіе быстраго увеличенія населенія кругомъ замка, стали искать болѣе уединеннаго мѣста. По древнему обычаю, былъ спущенъ въ рѣчку Супрасль деревянный крестъ и, когда замѣтили мѣсто, къ которому его прибило теченіемъ,—это мѣсто (урочище Сухой Грудъ, принадлежавшее тому же ктитору) принято было, какъ Божіе указаніе. На новомъ мѣстѣ сперва была построена маленькая деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова и освящена кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ 22 мая 1505 г. Она впослѣдствіи сгорѣла. Существованіе монастыря упрочено благословенною грамотою 1505 г. патріарха Константинопольскаго Іоакима. Время построенія большой каменной

---

[1]) П. Н. Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва, рис. на стр. 129, 135, 141, объясненія къ рисункамъ—стр. 129, 131, 132—133. Ср. его же: Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, атласъ VI.

[2]) Нынѣ село Бѣлостокскаго уѣзда.

Благовѣщенской церкви относится къ 1509—1510 годамъ [1]). Она освящена была также Іосифомъ Солтаномъ 15 октября 1510 г. Монастырь подчинился уніи въ началѣ XVII в., послѣ упорнаго сопротивленія со стороны архимандрита Иларіона Массальскаго, и возвращенъ православной церкви въ 1839 г. Временемъ наивысшаго матеріальнаго благосостоянія обители въ православный періодъ считается средина XVI в., архимандритство Сергія Кимбаря, когда церковь была украшена стѣнописью, а иконы въ иконостасѣ—богатыми серебряными ризами, въ уніатскій же періодъ — XVIII вѣкъ, до закрытія типографіи, которая была однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій уніатской пропаганды. Въ XVIII в. произведены наибольшія передѣлки въ Благовѣщенской церкви, уничтожены ризы на мѣстныхъ иконахъ, кромѣ иконъ Спасителя и Божіей Матери, построены обширные и прочные корпуса, воздвигнута вновь, послѣ пожара, колокольня и проч. [2]). Въ монастырѣ хранятся доселѣ замѣчательныя святыни: частица Животворящаго Креста въ крестѣ начала XVI в., чудотворная икона Божіей Матери „Супрасльская“, икона Спасителя и другія.

Архитектурное описаніе Благовѣщенской церкви. Общія замѣчанія. Оригинальность устройства церкви объясняется желаніемъ зодчаго, мало знакомаго съ готикой, придать православной церкви готическій стиль и крѣпостное назначеніе; стремленіе это привело къ необычайному развитію церковнаго чердака (разрѣзъ, рис. 3) [3]), къ возведенію четырехъ минаретообразныхъ башенокъ по угламъ (планъ—рис. 2, фасадъ—рис. 4) и большого количества бойницъ въ главномъ карнизѣ и выше его—въ декоративныхъ закомарахъ, заслоняющихъ чердакъ. Куполъ, по русско-византійскому обычаю долженствовавшій освѣщать церковь, получился поэтому въ видѣ колодца. Башенки, имѣющія назначеніе крѣпостное—обстрѣливать фасадные фланки, пригодились и для устройства винтовыхъ лѣстницъ на чердакъ—средоточіе защиты, и для декоративнаго подражанія пятиглавію русскихъ церквей. Хоры имѣютъ также двѣ бойницы. На хорахъ видны два отверстія въ видѣ вертикальныхъ каналовъ въ сводѣ, приходящемся надъ западнымъ входомъ въ церковь, для цѣпей,

[1]) Архимандритъ Николай Далматовъ. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. СПб. 1892, стр. 43.—П. Н. Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва. Объясненіе къ рисункамъ, стр. 137.

[2]) Архим. Николай, ук. соч., стр. 201, 264, 265, 424, 468, 469.

[3]) Большинство рисунковъ помѣщено на отдѣльныхъ таблицахъ.

посредствомъ коихъ поднимался и опускался желѣзный заслонъ къ этому входу. Фасады, какъ бы умышленно, маскируютъ расположеніе внутреннихъ помѣщеній.

Планъ церкви. На черт. 2 заштрихованъ планъ церкви, а различными пунктирами показаны планы ктиторскаго склепа, хоръ и чердака. Въ общемъ планъ представляется удлиненнымъ въ восточно-западномъ направленіи, перекошеннымъ на восточной сторонѣ, съ круглыми башенками по угламъ, съ граненымъ алтаремъ, жертвенникомъ и діаконикомъ. Паперть съ запада пристроена въ притыкъ къ основному зданію, крыша ея заслоняетъ непонятую пока арку на фасадѣ (рис. 5); поэтому нельзя не принять во вниманіе рисунокъ 1644 г., имѣющійся на мѣстной иконѣ св. Іоанна Богослова и не изобразившій паперти [1]) (рис. 6). Пристройка къ ю.-в. углу алтаря сдѣлана въ 1550-хъ годахъ архимандритомъ Сергіемъ Кимбаремъ и служила трапезою, ризницею, закристіею [2]), а въ 1853 г. игуменъ Викентій Журовскій сломалъ въ ней внутреннюю отъ ризницы стѣну, раздѣлявшую корридорчикъ, ведшій изъ алтаря па монастырскій дворъ, „снялъ всю крышу“ съ этой пристройки и устроилъ здѣсь теплую церковь во имя св. Іоанна Богослова, которая въ 1890 г. переведена въ новое некрасивое зданіе [3]), пристроенное къ типичному уніатскому корпусу XVIII в., въ коемъ помѣщаются настоятельскія кельи.

Рис. 6.

Разрѣзъ церкви (рис. 3). Собственно церковь внутри занимаетъ едва половину объема всего зданія. Съ паперти входятъ въ „литійный притворъ“ чрезъ дверь, сохранившую древнія окованныя желѣзомъ створы. Сводъ надъ литійнымъ притворомъ красиво украшенъ въ позднеготическомъ вкусѣ и раздѣленъ на три части плоскими гуртами (рис. 7 и 8). Стѣны до подоконковъ прикрыты деревянною панелью. По отнятіи панели на сѣверной стѣнѣ обнаружены малые остатки уніатской орнаментальной росписи, очень легко стирающейся. Штукатурка сопрѣла, подъ нею не нашлось древнѣйшаго слоя. Низы стѣпъ здѣсь сильно прѣютъ вслѣдствіе

[1]) Архим. Николай, ук. соч., стр. 141, 426, 466—467. Рисунокъ, однако же, неясенъ.

[2]) Тамъ же, стр. 467.

[3]) Тамъ же, стр. 444.

отсутствія отдушинъ. Надъ сводомъ „литійнаго притвора“ устроены хоры съ придѣльнымъ алтаремъ, обращеннымъ на югъ. На хоры поднимаются по винтовой лѣстницѣ въ с.-з. башенкѣ; они перекрыты тремя крестовыми сводами, раздѣленными другъ отъ друга двумя мощными арками на антахъ, изъ коихъ оба восточные всѣми массами своими свѣшиваются изъ-за плоскости стѣны (разрѣзъ на черт. 3, планъ на черт. 2). Хоры открываются въ церковь неширокою аркою, чрезъ которую попадаютъ на деревянный балконъ съ затѣйливою желѣзною рѣшеткою, устроенный уніатами и украшенный въ очень красивомъ, хотя нѣсколько испорченномъ здѣсь стилѣ Louis XV (рис. 9 и 10); онъ тянется по всей западной стѣнѣ

Рис. 8. Сѣверное окно и часть свода въ литійномъ притворѣ (по снимку худ. Петрова 1864 г.).

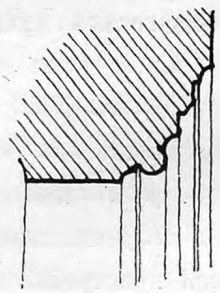

Рис. 11. Профиль сѣверной подпружной аркп.

церкви, упираясь въ южную и сѣверную ея стѣны. На разрѣзѣ (черт. 3) лѣстница съ хоръ на балконъ показана пунктиромъ, самый же балконъ не показанъ. „Литійный притворъ“ сообщается съ церковью тремя арками, софиты коихъ въ уніатское время обшиты досками безъ орнаментовъ, лицевыя же стороны украшены деревянною рѣзьбою. Войдя въ церковь подъ куполъ, поражаешься необыкновенною его колодцеобразностью. Купольный сводъ кажется снизу звѣздою, благодаря распалубкамъ надъ свѣтовыми окнами, очень эффектенъ по замыслу, но испорченъ плохою новою росписью. Восьмигранный барабанъ купола покоится на западной стѣнѣ и на трехъ подпружныхъ аркахъ готической формы. Сѣверная и южная изъ нихъ обведены богатыми тягами русско-готическаго профиля (см. рис. 9 и эскизный рис. 11); архивольтъ восточной арки наполовину сокращенъ противъ него. Опорами для подпружныхъ арокъ въ

срединѣ церкви служатъ два восьмигранныхъ столба. Стѣнки подкупольнаго восьмерика въ предѣлахъ церковнаго чердака, съ внѣшней своей стороны, облегчены большими нишами, исполненными небрежно, не фасадно и не симметрично [1]), а снизу, по внутреннимъ угламъ, укрѣплены пилястрами (см. разрѣзъ на рис. 3), производящими, на первый взглядъ, впечатлѣніе незаконченности и какой-то передѣлки, но стѣнопись, ихъ покрывающая, одновременна со всею древнею стѣнописью въ церкви. Изъ деталей для начала XVI в. интересны двухъярусные зубчики въ капителяхъ столбовъ и въ парусахъ; они въ изобиліи примѣнены на фасадныхъ карнизахъ и поясахъ. Въ восьмерикѣ сохранились 4 деревянныхъ связи, концы коихъ видны и съ чердака. Тонкія стѣнки чердака надъ купольнымъ сводикомъ прорѣзаны несимметрично бойничками, а снаружи украшены декоративными нишами, которыя вмѣстѣ съ ниже расположенными свѣтовыми окнами придаютъ надкровельному фасаду восьмерика двухъэтажный видъ [2]).

Узкія пространства между боковыми подпружными арками и стѣнами церкви перекрыты крестовыми сводиками съ готическими нервюрами (см. рис. 9, справа и слѣва).

Предъиконостасное почти квадратное пространство покрыто вспарушенно-крестовымъ сводомъ, затѣйливо украшеннымъ на подобіе барочно-готическаго звѣздчатаго свода, не совсѣмъ понятаго (рис. 12, 13 и 3); нервюры его имѣютъ довольно строгій, суховатый профиль, но не кажутся сухими, благодаря умѣлому рисунку древней росписи, хорошо, кажется, здѣсь сохранившейся. Съ сѣвера и съ юга этотъ звѣздчатый сводъ ограниченъ сильными арками-гуртами, за коими—къ стѣнамъ церкви—узкіе крестовые сводики, подобные вышеупомянутымъ подкупольнымъ (рис. 13).

Восточная стѣна церкви заслонена иконостасомъ, поэтому сводъ на разрѣзѣ въ семъ мѣстѣ не дорисованъ.

Стѣны внутри церкви кругомъ снизу прикрыты деревянною панелью („табулятурою“) уніатскаго времени. Въ подкупольной части панель эта на сѣверной и южной стѣнахъ неудачно передѣлывалась послѣ уніатовъ. По отнятіи сѣверной панели обнаружилась ниша неправильной формы,

[1]) Этимъ я хочу сказать, что чердакъ и ложныя закомары одновременны съ колодцеобразнымъ подкупольнымъ восьмерикомъ.

[2]) Деталь, искусно обманывающая глазъ и маскирующая присутствіе колоссальнаго чердака и ложность закомаръ.

выдолбленная, можетъ быть, для вставленія иконы. Такая же ниша (и съ тою же цѣлью устроенная) оказалась и на южной симметричной стѣнѣ, когда отняли [1]) тамъ панель ради помѣщенія мощей св. младенца Гавріила, перенесенныхъ сюда лѣтомъ 1910 г. (о семъ подробнѣе—ниже). На сѣверной стѣнѣ подъ побѣлкою мною открыты изображенія преподобныхъ великихъ пустынниковъ; среди выцарапанныхъ на штукатуркѣ надписей самыми поздними датами оказались: 1751 и 1749, гдѣ цифра 4 похожа и на 9. Этимъ доказывается, что панель поставлена здѣсь никакъ не раньше этихъ датъ. Предъиконостасное пространство, служившее въ уніатское время chor'омъ, обставлено очень красиво и густо въ стилѣ Louis XV; здѣсь панель, скамьи, пюпитры, каѳедра и епископское мѣсто (рис. 14, 15, 16).

Обломанные нынѣ замѣчательно красивые, ажурные, рѣзные верхи табулятуры, имѣющіеся на снимкахъ 1864 г. (рис. 16), теперь валяются на чердакѣ; поэтому сейчасъ непонятными кажутся галтели-колонки, какъ бы обрѣзанныя вверху.

Иконостасъ (рис. 26), оконченный въ 1664 г., сработанъ въ Данцигѣ, съ которымъ Супрасль имѣла сообщеніе по водѣ (отправляла хлѣбъ). Въ устройствѣ его участвовалъ рѣзчикъ и позолотчикъ Андрей Модзелевскій. Иконы для иконостаса писалъ нѣкто „Викентій“ [2]). Въ 1839 г. изъ иконостаса удалены статуи. Отъ первоначальнаго иконостаса (1510 г.) остались лишь мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери (чудотворная „Супрасльская“). Онѣ поставлены у столбовъ въ кіотахъ, служившихъ ранѣе алтарями. Въ 1839 г. алтари уничтожены. Ризы на этихъ иконахъ первоначально сооружены архимандритомъ Сергіемъ Кимбаремъ, но нѣсколько передѣланы архимандритомъ Гавріиломъ Календой въ 1668 г. [3])

Алтарь въ 1770 году былъ украшенъ замѣчательною въ художественномъ отношеніи лѣпкой и живописью [4]) (см. рис. 16).

Въ надъалтарный тайникъ восходятъ по винтовой лѣстницѣ въ ю.-в. башнѣ, входъ въ которую—изъ діаконика. Лѣстница въ с.-в. башнѣ недоступна, равно какъ и лѣстница въ ю.-з. башнѣ, разрушенная въ большей своей части (часть башни на высотѣ хоръ служитъ кладовою придѣльнаго

---

[1]) Безъ вѣдома Императорской Археологической Коммиссіи.

[2]) Архим. Николай, ук. соч., стр. 140—142.

[3]) Тамъ же, стр. 160, 173 и 465. П. Н. Батюшковъ, ук. соч., объясненіе къ рисункамъ, стр. 58.

[4]) Архим. Николай, ук. соч., стр. 282, 283, 470.

алтаря). Въ с.-з. башнѣ были помѣщены часы, колоколъ отъ коихъ переданъ въ 1867 г. въ Сокольскую церковь [1]).

Чердакъ надъ сводами церкви. Поломъ для чердака служитъ выравненная поверхность церковныхъ сводовъ. Защитники стояли на этомъ полу, для стрѣльбы чрезъ навѣсныя бойницы (рис. 18). Въ ложныхъ закомарахъ (по одной на каждомъ фасадѣ) имѣются еще три яруса бойницъ (считаю въ томъ числѣ одиночныя бойнички въ верхнихъ заостреніяхъ закомаръ), стрѣлять изъ нихъ можно было только стоя на стропильныхъ прогонахъ. Стропильныя дуги исполнены изъ брусьевъ, расположены въ разстояніи немного менѣе 2 арш. ось отъ оси и весьма

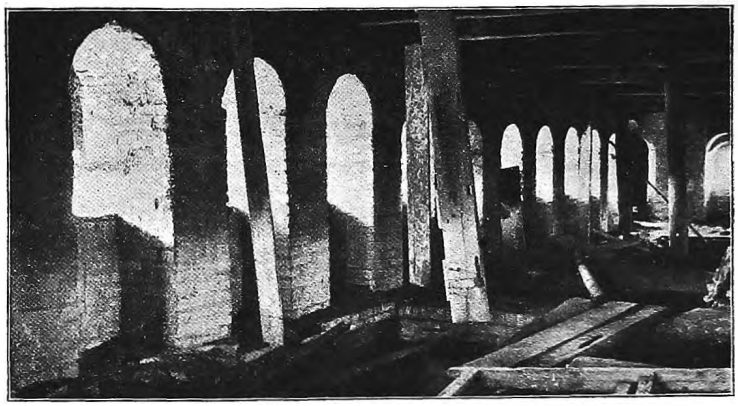

Рис. 18. Видъ съ чердака на сѣверный рядъ навѣсныхъ бойницъ 1510 г. (По снимку П. П. Покрышкина 1909 г.).

крѣпко связаны продольными и поперечными прогонами и укрѣплены стойками; вся деревянная конструкція кажется въ общемъ густымъ высокимъ лѣсомъ. Ветхость замѣчена только въ с.-з. ендовѣ (здѣсь сгнили кружала, стойки и прогоны).

Внѣшній видъ церкви. Въ настоящее время фасады представляютъ красивые кирпичные фоны, на которыхъ выдѣляются выбѣленные карнизы, пояса, закомары и наличники. Кирпичный цоколь украшенъ узорами изъ черныхъ желѣзняковыхъ кирпичей. Была ли въ древности побѣлка на карнизахъ, наличникахъ и поясахъ—неизвѣстно. (Маломожейковская церковь, судя по рисунку, изданному у Батюшкова, до 1880-хъ годовъ имѣла побѣлку только въ глубинахъ нишъ, теперь же ея детали бѣлы.

[1]) Тамъ же, стр. 467. Я не успѣлъ побывать на всѣхъ башенныхъ лѣстницахъ. На чердакъ я неоднократно поднимался, помнится, по с.-з. лѣстницѣ, а на крышу—по с.-в. Ступени ихъ сосновыя изъ брусьевъ, цѣльныя, высотою 5¼ вершковъ.

а фона оставлены въ кирпичѣ, какъ и въ Супрасльской церкви). Красивы наличники высокихъ стройныхъ оконъ, уходящіе въ глубь стѣнъ; сочный карнизъ съ навѣсными бойницами, идущій тотчасъ надъ этими окнами, удачно съ ними связанъ. Смѣлы по линіямъ архивольты—жгуты готическаго профиля въ ложныхъ закомарахъ. Въ трехъ закомарахъ имѣются подобія оконъ, устроенныхъ, видимо, ради того, чтобы замаскировать чердакъ. Пятнышки бойницъ оживляютъ плоскости закомаръ и поверхности башенокъ. Персидская линія ложныхъ закомаръ, заостренная надъ жгутомъ подъ крышу, не вполнѣ первоначальна, ибо крыша закрываетъ фасадную обработку подкупольнаго восьмерика. Сохранилась выдра и прежней крыши (рис. 3). Деревянные верхи на куполѣ и башняхъ якобы сдѣланы въ 1859 году[1]) вмѣсто луковицъ (рис. 6), существовавшихъ въ 1644 г. Но относительно главнаго купола въ этомъ можно сомнѣваться, ибо наблюдаемый нынѣ наклонъ къ юго-западу его деревяннаго верха (а не каменнаго восьмерика, который на глазъ вертикаленъ) отмѣченъ уже въ 1778 году [2]). Этотъ верхъ исправленъ въ 1908-мъ году съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи. Для постановки шпилей на башенкахъ были стесаны верхи круглыхъ башенъ, какъ совершенно испорченные, вмѣстѣ съ нѣкоторою частью карнизовъ [3]).

Западный фасадъ. Притворъ-крыльцо, вѣроятно, пристроенъ позднѣе 1644 года [4]): 1) онъ пристроенъ въ притыкъ, 2) крыша его заслоняетъ фасадную нишу-арку; но есть одна озадачивающая деталь: поясъ съ зубчиками, поднятый противъ пояса боковыхъ фасадовъ, какъ бы спеціально для связи съ карнизомъ крыльца. Эти неясности, вѣроятно, разсѣются, когда будетъ изслѣдованъ чердакъ притвора. Притворъ измѣненъ послѣ 1867 года [5]), а именно: въ немъ задѣланы боковыя арки, западная же арка украшена каменными полуколоннами съ зубчатымъ архивольтомъ. Круглыя окна подъ навѣсными бойницами служатъ для освѣщенія хоръ. Бѣлые граненые верхи башенъ устроены на описы-

[1]) Архим. Николай, ук. соч. стр. 426.

[2]) Тамъ же, стр. 467.

[3]) Тамъ же, стр. 426.

[4]) Какъ упомянуто уже при описаніи плана. См. фотографич. снимокъ Петрова 1864 года (рис. 4).

[5]) Рис. Р. С. Кудрявцева, литографиров. въ книгѣ: «Достопримѣчательности с.-з. Руси» (отд. I, 1867 г.), изд. подъ редакціей И. П. Трутнева при Управл. Вил. уч. окр. Статья П. Р. *Вил. Вѣстникъ*, 1862, № 142, и рис. В. В. Грязнова у Батюшкова: Бѣлоруссія и Литва, стр. 165.

ваемомъ фасадѣ различно: ниши, въ поляхъ коихъ прорѣзаны окна, въ южной башнѣ подняты подъ карнизикъ, а въ сѣверной онѣ вдвое ниже. (Та же разница и въ восточной парѣ башенокъ, къ чему я болѣе не возвращусь).

Боковые фасады. Обращаютъ на себя вниманіе окна въ западныхъ концахъ этихъ фасадовъ: они раздѣлены на два свѣта, и хотя имѣютъ общій наличникъ, но выдаютъ существованіе хоръ въ церкви. На восточномъ фасадѣ ложная закомара до крайности упрощена. Архивольтъ ея превращенъ въ очень тоненькую выкружку. Алтарныя окна, вѣроятно, перештукатурены отчасти въ уніатское время; второй свѣтъ, какъ видно по разрѣзу, назначенъ для надъалтарнаго тайника (рис. 19).

Ктиторскій склепъ. Устроенъ подъ солеею и алтаремъ, а входъ въ него былъ изъ церкви чрезъ западню въ полу, поэтому склепъ могъ служить и тайникомъ. Отдѣленія его южное и сѣверное вмѣщаютъ въ себѣ распавшіеся деревянные гробы съ останками ктиторовъ, архимандритовъ, епископовъ и митрополитовъ [1]).

Есть склепъ, отдѣльный отъ церкви, къ югу отъ нея, — подвалъ разобранной въ 1850-хъ годахъ архимандритомъ Викентіемъ Журовскимъ Воскресенской церкви [2]).

Кирпичъ, изъ котораго сложена Благовѣщенская церковь,—красный, хорошо обожженный, крѣпкій. Размѣры его: въ ложныхъ закомарахъ и въ подкупольномъ восьмерикѣ — $1^{11}/_{16} \times 3^{6}/_{16} \times 6^{11}/_{16}$ вершк., въ стѣнкахъ надкупольнаго чердака—$1^{11}/_{16} \times 3^{6}/_{16} \times 7$ вершк.; здѣсь замѣчены борозды на нижнихъ постеляхъ кирпичей (3 борозды); въ облицовкѣ высота четырехъ рядовъ со швами $= 8\frac{1}{2}$ вершкамъ. Размѣры кирпича въ притворѣ $1\frac{1}{2} \times 3^{1}/_{8}$ вершковъ. Въ известковомъ растворѣ примѣсь кирпичнаго щебня, но преимущественно мельчайшей гальки.

Стѣнопись относится къ 1550-мъ годамъ, къ архимандритству Сергія Кимбаря [3]). Алтарь былъ расписанъ въ то же время изображеніями Святителей и Діаконовъ. Но въ 1770 г. стѣнопись въ алтарѣ закрыта и, быть можетъ, уничтожена гипсовою лѣпкою и уніатскою живописью [4]). Въ 1826 г. и эта (алтарная) живопись обновлена, а въ 1887 г. стѣны алтаря

---

[1]) Архим. Николай, ук. соч. стр. 63, 73. Батюшковъ, описаніе рисунковъ, стр. 140.

[2]) Архим. Николай, ук. соч. стр. 3—4.

[3]) Тамъ же, стр. 52, 53, 470.

[4]) Тамъ же, стр. 282, 283.

окрашены въ прежніе колера масляною краскою (вмѣсто бывшей клеевой). Литійный притворъ при Кимбарѣ не былъ расписанъ. При осмотрѣ церкви въ 1833-мъ году епископомъ Литовскимъ Іосифомъ Сѣмашко обращено было вниманіе на крайнюю ветхость крышъ [1]), а въ 1852—1859 г.г. констатировано, что вода на чердакахъ скоплялась въ такомъ количествѣ, что достигала глубины по колѣно [2]), фрески попортились, и это вызвало побѣлку ихъ, за что игуменъ Викентій поплатился эпитиміею. О побѣлкѣ, впрочемъ, упоминается еще въ 1828 г. [3]) и позднѣе — въ 1876 г. [3]). Совсѣмъ не забѣливались: сводъ надъ солеею, на всѣхъ аркахъ и въ купольномъ сводѣ—изображеніе Спасителя [4]). Въ 1887 г., на пожертвованныя средства, побѣлка удалена сухимъ способомъ, утраченныя же мѣста очень худо поправлены [5]). До 1910 г. оставались закрытыми уніатскою „табулятурою“ низы стѣнъ до подоконковъ, а въ семъ году часть табулятуры на южной стѣнѣ (противъ купола) удалена и стѣнопись исправлена, безъ вѣдома Императорской Археологической Коммиссіи, художникомъ Бодалевымъ, который удовлетворительно исправилъ только лики, надписи же, доличное и панель имъ пройдены спѣшно, небрежно и невѣрно по контурамъ и краскамъ. Необходимо счистить эту небрежную и невѣрную реставрацію.

Роспись въ куполѣ и въ восьмерикѣ подъ нимъ [6]). Куполъ (рис. 20) съ распалубками и орнаменты вокругъ окопъ очень грубо и невѣрно обновлены въ кричащихъ анилиновыхъ тонахъ, съ прибавленіемъ сюда еще и коричневаго тяжелаго тона. Въ восьмерикѣ роспись сохранилась, кажется, въ первоначальномъ видѣ [7]). Подъ ю.-в., ю.-з., с.-в. и ю.-в. окнами восьмерика написаны шестокрылые Ангелы, по два, съ надписями у нимбовъ: ⁂. Лики ихъ посреди крыльевъ, обнаженныя ноги стоятъ прямо, руки распростерты горизонтально и держатъ вертикально рипиды; земля—

---

[1]) Тамъ же, стр. 390.

[2]) Тамъ же, стр. 424.

[3]) Тамъ же, стр. 471.

[4]) Но съ нимъ поступлено еще хуже: его обновили очень неумѣло.

[5]) Архим. Николай, стр. 439. Батюшковъ, Бѣлоруссія и Литва, стр. 141.

[6]) Наблюденія и снимки, произведенные съ высоты двухъ нижнихъ связей (см. рис. 3 и 9), на коихъ для сего положены были двѣ доски.

[7]) Приводимыя ниже надписи не могли быть воспроизведены типографскими средствами вполнѣ точно (напр. буквы, написанныя вязью, пришлось отдѣлить одну отъ другой). О характерѣ письма могутъ дать представленіе нѣкоторыя надписи видныя на рис. 21—23. Надписи, написанныя въ 2—3 строки, соединены въ одну строку, причемъ раздѣленіе строкъ отмѣчено вертикальными черточками.

бѣлая, выше — широкая полоса зеленая, еще выше — темносиній фонъ. Подъ остальными окнами (ю., с., в. и з.) по два Ангела съ надписями: а҃гг гн҃ъ. Подъ Ангелами—орнаментальный поясъ выс. 0,40 с., ниже—Пророки выс. 1,095 с,, по три на каждой сторонѣ. На восточной сторонѣ Моисей, Соломонъ и Давидъ съ надписями: пр҃о мон, п҃ со҃, п҃ дд.

На ю.-в.—Илія, Елисей, Іона съ надписями: пр҃о ілїа, пр҃о єлїсе́й, пр҃о їѡна.

На южной—Захарія (?), Аввакумъ, Амосъ съ надписями: пр҃о заѯє, авк҃ѵ, ам҃о.

На ю.-з.—Аггей, Енохъ (?), Софонія съ надписями: аггеа, єноє, софоніє.

На з.—Михей и два другихъ съ попорченными надписями: мїхеы, імв . . .

На с.-з.—Самуилъ, Іоиль и неизвѣстный (сам҃оі, їѡиль, . . .).

На сѣверной—Даніилъ, Малахія, Осія (данїи, мя҃ї, ѡсіє).

На с.-з.—Ааронъ, Іезекіиль, Іеремія (ааронъ, єзк҃л, єрнміє).

Ниже пророковъ вновь орнаментальная полоса, богаче вышеупомянутой, шириною (высотою) 0,46 с. Еще ниже—св. Апостолы. На восточной стѣнѣ восьмерика Петръ, Павелъ и Іоаннъ Богословъ (рис. 21 съ надписями).

На ю.-в.—Андрей и Лука (рис. 22 съ надписями).

На ю.—Іаковъ и Симонъ (сты і҃авъ, сты сн҃онь).

На ю.-з.—Варѳоломей и Иродіонъ (вр҃ѳ҃ме|н, ирод҃їѡ҃).

На зап.—Ареѳа (?) и Олимпій (рис. 23 съ надписями).

На с.-з.—Сила и Силуанъ (с҃н, снл҃ѵа҃).

На сѣв.—Филиппъ и Ѳома (фнл҃н, ѳѡма).

На с.-в.—Маркъ и Матѳей (сты марко, сты маѳєн).

На нѣкоторыхъ нимбахъ сохранилась позолота. а подъ нею виднѣется черно-малиновый тонъ [1]).

Ниже апостольскаго ряда поколѣнныя изображенія: на вост. стѣнѣ—свв. Маркъ, Іустинъ, Тимоѳей (рис. 21 съ надписями). на ю.-в.—Василій. Ѳерапонтъ (рис. 22 съ надписями). на ю. — Евпсихій и Исидоръ (сты єпс҃ѵхїс, сты сн҃о҃р҃ъ), на ю.-зап.—Артемонъ и Ѳалелей (сты арт҃е҃ нь, сты талєлѣ|н). На западѣ окно, обрамленное орнаментомъ. На с.-з.—Евтропій

[1]) Всѣ нимбы супрасльской стѣнописи черны. При изслѣдованіи В. К. Масо-ѣдовымъ Спасо-Нередицкой (въ Новгородѣ) стѣнописи, благодаря указанію Г. О. Чирикова, выяснено, что сурикъ отъ времени чернѣетъ.

и Клеоникъ (сты єѵ҃тропіа, сты клєѡникъ); на сѣв.—Евлогій и Василискъ (сты мєвлогіа, сты васк҃ъ); на с.-в.—Кодратъ и Агаѳоникъ (конъдратъ, сты агатонікъ).

Въ нижнемъ ярусѣ восьмерика, въ круглыхъ медальонахъ: на вост. стѣнѣ—Корнутъ, Акакій (сты корн҃ѵ҃, сты акакіє); на ю.-в.—Мартинъ, Иларіонъ (сты мартн҃, сты иларіѡ҃); на ю.—Климентъ, Сава (сты клименьтъ, сты сава); на ю.-з.—Симеонъ, Кодратъ (сты сімє҃, сты кѡ҃дра҃); на зап.—Іоаннъ, Павелъ (сты їѡ҃н, сты павє҃); на с.-з. — Анѳимъ, Аристіонъ (сты анѳимъ, сты аристѡ҃н); на с. Вавила, Кириллъ (стыи вавн, стыи кѵ҃лъ); на с.-в. Стефанъ и Петръ (стыи стєф҃а҃, стыи пєт҃ръ).

Въ парусахъ св. Евангелисты: въ с.-в. Маркъ (мрко) въ видѣ орла (рис. 24), въ ю.-в.—Іоаннъ (їѡ҃) въ видѣ льва, въ ю.-з.—Лука (лѡ҃ѵ) въ видѣ тельца, въ с.-з. — Матѳей (маѳєи) —Ангелъ.

Въ восточной подпружной аркѣ [1]) съ сѣвера къ югу: Саулъ (?), Самсонъ, Евфросинъ, Акакій, Ксенофонтъ, Аркадій, Іоаннъ, Пименъ съ надписями: таоѵ҃, самьсѡ҃, єфросн҃, акакіє, ѯєноф҃|онтъ, аркадіє, їѡ҃, пйнь.

Въ сѣверной подпружной аркѣ съ запада къ востоку: свв. Евпраксія, Ѳекла, Евѳимія, Ѳеодора, Минодора, Нимфодора, Іулитта (ст҃аа євпраксіа, ст҃аа ѳєкла, ст҃аа єоѵ҃ѳи|мі|є, ѳ҃єора, мінѡ҃рн, нйф҃ѡрн, оѵлита).

Въ южной подпружной аркѣ съ востока къ западу (рис. 25): св. Антоній (аинтоні), три изображенія безъ надписей, далѣе Мамантъ, Созонтъ, Корнилій, Савватій (мамота, созонта, корнил, саватіє).

Въ сѣверной аркѣ предъиконостаснаго свода съ запада къ востоку: Мардарій, Евгеній, Авксентій (?), Евстратій, Провъ, Тархъ, Андроникъ. Лукіанъ (мар҃аріє, євъген|їа, євъкє|нтіє, єкѵстр|атіє, профъ, тархъ, андрон|їкъ, лѵкіа҃н).

Въ южной аркѣ того же свода: Іоаннъ, Мисаилъ, Азарія, Ананія, Максиміанъ, Іамвлихъ, Мартиніанъ, Діонисій (їѡ҃, мїсаїлъ, азаріа, анан҃і, мазимїан, нмвл|нха, мартнм|іанъ, днонисіє).

Въ звѣздчатомъ предъиконостасномъ сводѣ: въ восьми ромбахъ средней звѣзды — шестикрылые херувимы; въ лучахъ: ю.-в., ю.-з., с.-з. и с.-в., въ каждомъ по четыре эмблемы Евангелистовъ: Ангелъ, Орелъ, Левъ, Телецъ, съ крыльями, въ сѣверномъ квадратѣ Іисусъ Христосъ Еммануилъ.

[1]) Всѣ нижеперечисленныя изображенія наблюдались въ бинокль, исключеніе представляютъ тѣ изображенія, которыя соприкасаются съ балкономъ хоръ.

(і̃с х̃с еманоуилъ), въ западномъ квадратѣ Саваоѳъ (с̃а̃ѡ̃), въ южномъ: великаѳ сѵѣта аг̃ела, въ восточномъ Св. Духъ въ видѣ голубя.

Въ двухъ восточныхъ трехугольникахъ изображены, по одному въ каждомъ, шестикрылые херувимы. Въ двухъ южныхъ трехугольникахъ свв. Косма и Даміанъ (сты козма, сты дамнѧ); въ двухъ западныхъ трехугольникахъ пророки Іезекіиль и Исаія (пр̃о єзнкилъ, исаіа), въ двухъ сѣверныхъ трехугольникахъ свв. Ермолай и Пантелеимонъ (сты ермола, пантелєє).

Въ арочкѣ съ сѣвернаго столба на сѣв. стѣну—изображенія двухъ святыхъ, сильно испорченныя малярною поправкою.

Въ арочкѣ съ южнаго столба на южную стѣну св.—Исаакій (исакіє, далъматіє).

На прямыхъ вертикальныхъ частяхъ этихъ арокъ у столбовъ—поколѣнныя изображенія святыхъ.

Сѣверная стѣна. Верхъ, слѣва отъ лѣваго окна: Вознесеніе (възн...іє); справа отъ окна—худо записанная вновь картина Сошествія Св. Духа, внизу ея: козм; правѣе, къ слѣдующему окну, такъ же худо перемалеванное Преображеніе, еще правѣе, у иконостаса, такъ же испорченное Воскресеніе Христово (възкр̃есеніе х̃во).

Ярусъ ниже, *акаѳистовый* [1]). У хоръ заслонено и сбито при устройствѣ ихъ; правѣе окна надпись неразборчива, Богоматерь съ воздѣтыми руками, посреди двухъ Ангеловъ; правѣе два сюжета: 1) икона Знаменія Б. М. посреди двухъ Святителей и 2) юный Спаситель возлежитъ среди скалъ (Недреманное Око?), у главы Его Божія Матерь, а внизу—царь въ коронѣ; у иконостаса Богоматерь съ распростертыми руками посреди двухъ юношей. Третій ярусъ (сверху)—медальоны: у хоръ юный Святой—испорченное поправкой изображеніе; всѣ медальоны къ иконостасу также испорчены.

Нижній ярусъ у хоръ открытъ мною по отнятіи „табулятуры“ и очищенъ частью отъ извести. Здѣсь оказались изображенными святые: Павелъ Препростый, Макарій, Павелъ, Нифонтъ, Иларіонъ и Ефремъ (павел|прѣпр̃ъ|сты, сты макар̃іе, сты павелъ, сты нифѡнъ, сты і̃лар̃і̃ѡ̃, сты єфр̃емъ).

[1]) Акаѳистъ Благовѣщенію.

Восточная стѣна. Надъ иконостасомъ изображено Благовѣщеніе: въ сѣверномъ углу Архангелъ Гавріилъ, сильно испорченный и перемалеванный, а въ южномъ углу Пресвятая Дѣва. Часть надписи надъ Архангеломъ, часть надъ Пр. Дѣвою:

бг҃овѣщеніе
арг҃гл҃ъ м҃р. ѳ҃у҃.
гаврі҃илъ

Южная стѣна. Верхній ярусъ—у иконостаса Рождество Христово (рожд҃ъс|тво|хв҃о), испорченное перемалевкой; далѣе Крещеніе (крщеніе хв҃о) и Срѣтеніе Господне (срѣтеніе гн҃м), также испорченныя. На хорахъ Воскрешеніе Лазаря (въскр҃сніе|лазарево).

Акаѳистовый ярусъ: у иконостаса сильно испорченное перемалевкой изображеніе съ надписью: к҃ видѣвши стаа сѣбе въ чистотѣ р҃ѣ гаврі҃илъ |дрьзости|о.

Правѣе (къ западу): Богоматерь въ ростъ со Св. Младенцемъ на персяхъ и надпись: сила вишнѣго wсѣнн|тога, далѣе: имоуцін бг҃опрі҃ятноую дв҃а оубтробѣ м҃р ѳ҃у҃ єлисавѣѳ|ъ (испорчено сравнительно немного).

На хорахъ: бѣрвноутъ҃ъ (вѣроятно: „бурю внутрь имѣя“...) не поправлено красками; но больше половины сбито балкономъ хоръ. Ярусъ съ круглыми медальонами, 3-й сверху: у иконостаса два медальона совершенно испорчены перемалевкой, 3-й менѣе испорченъ, 4-й и 5-й сохранились, надписей нѣтъ.

Сѣверный столбъ. Кругомъ святые въ ростъ, въ три яруса, надписи почти не сохранились, остатки же невозможно издали прочесть; всѣ изображенія хотя и не поправлены, но сильно поцарапаны.

Южный столбъ. На восточной сторонѣ, въ среднемъ ярусѣ св. Георгій (геѡргі҃є). Всѣ прочія изображенія не имѣютъ надписей или, какъ и въ сѣверномъ, заслонены кіотами и обшивкою, всѣ поцарапаны, два очень неискусно перемалеваны.

Западная стѣна. Въ верхнемъ ярусѣ въ ю. углу вторая половина картины „Воскрешеніе Лазаря“; далѣе у входа на хоры Христосъ весь въ сіяніи, у ногъ Его двѣ жены; къ сѣверу отъ входа на хоры: гл҃ ѡбѣтє женѣ|самаранѣ (у колодца); въ сѣв. углу: цвѣтоносіє. Акаѳистовый ярусъ (2-й сверху) попорченъ балкономъ хоръ; въ ю. углу: бг҃отечною звѣздоу҃; къ сѣверу рядомъ: вш . . . (поклоненіе волхвовъ?). Въ трещинахъ штука-

турки замѣчена пенька. У входа съ балкона на хоры: проповѣдниѣго-посцінвлѧ́свн; къ сѣверу у того же входа: вѧ́сіа...чтіа и еще двѣ картины безъ надписей. Ярусъ медальоновъ и нижній закрыты балкономъ и „табулятурой“; здѣсь находятся портреты фундаторовъ Ходкевича и Солтана, писанные въ ростъ на доскахъ [1]) (рис. 10).

Колоритъ фресокъ отличается замѣчательнымъ вкусомъ. Преобладаетъ синій, очень мягкій, воздушный фонъ; сѣрые гурты сводовъ мягко рисуются на этомъ фонѣ; они по профилю суховаты, но это не замѣтно, благодаря умѣлой раскраскѣ. Святые написаны въ свѣтлыхъ легкихъ тонахъ, чаще розоватыхъ, вѣнцы же у нихъ отъ времени пріобрѣли темно-красный, почти чернокрасный тонъ (сурикъ отъ времени почернѣлъ). Эта случайная особенность замѣчательно умѣстна и придаетъ фресковому ковру красивыя и смѣлыя пятна. Новыя неискусныя поправки, перечисленныя выше въ перечнѣ изображеній, сразу бросаются въ глаза и приводятъ въ негодованіе. На приведеніе ихъ въ порядокъ должно быть обращено серьезное вниманіе. При этомъ нехудая по впечатлѣнію, но недавняя раскраска орнаментовъ на узенькихъ крестовыхъ сводахъ у стѣнъ церкви должна быть строго провѣрена.

П. Покрышкинъ.

[1]) Архим. Николай, ук. соч. стр. 471.

Кладъ нѣмецкихъ пфенниговъ XI в., найденный въ Гдовскомъ уѣздѣ.

Близъ деревни Ручьи, Гдовскаго у., С.-Петербургской губ., въ октябрѣ 1910 г. найденъ при вспашкѣ поля крестьяниномъ кладъ пфенниговъ XI в., поступившій въ Императорскую Археологическую Коммиссію [1]). Онъ состоялъ изъ 301 экз. монетъ и 120 обломковъ. Почти всѣ монеты оказались носящими слѣды зубовъ, на которыхъ пробовали мягкость серебра и, слѣдовательно, высоту его пробы. Этотъ обычай пробовать на зубахъ монеты былъ очень распространенъ въ Польшѣ въ XI вѣкѣ [2]). Поэтому мы думаемъ, что кладъ попалъ въ Гдовскій уѣздъ, пройдя черезъ Польшу.

Огромное большинство пфенниговъ оказалось принадлежащимъ разнымъ государствамъ Германіи, а именно ихъ чеканили:

Герцогъ Нижней Лотарингіи Готфридъ I (1012—1023 г.), типа Dannenberg, Die Deutschen Münzen der Sächsischen und Fränkischen Kaiserzeit (Berl. 1876—1888), т. II, табл. LXV, 1438 [3]), но на *rev.* слѣва NO, справа ...E...

Рихардъ I, епископъ Вердюна (1039—1046 г.). D. табл. V, 104.

Альбертъ III, графъ Намюра (1037—1105 г.). D. табл. VII, 165.— 11 экз.

Тоже, чеканенъ въ Динанѣ. D. т. VIII, 174.

Тоже. D. т. VIII, 176.—5 экз.

Императоръ Генрихъ III (1039—1056 г.). D. табл. VIII, 186.

Анонимная, чеканенная въ аббатствѣ Целле. Неизданная. На *av.* св. Гаделинъ, покровитель аббатства, съ аббатскимъ посохомъ въ рукѣ

---

[1]) Дѣло Имп. Арх. Комм. 1910, № 237.

[2]) См. S. de Zakrzewski, L'usage d'entailler et de mâcher les monnaies en Pologne au moyen-âge въ *Mémoires du Congrès intern. de Numismatique* (Bruxelles 1910), стр. 467—475.

[3]) Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ сборникъ Даннепберга обозначается одною буквою D.

вправо. Вокругъ: + S..... (HAD)EL..... *Rev.* Церковь съ тремя башнями. Вокругъ: + (MONE)TACE..... S. Табл. № 15.

Императоръ Генрихъ II (1002—1024). Чеканена въ Гюи. D. т. X, 228.

Тоже, не издана. Портретъ императора влѣво: HEIN.... *Rev.* въ полѣ ⁘ + ⁘ HOII ⁘ + ⁘ вокругъ + ... LEV. Табл. № 16.

Императоръ Конрадъ II (1024—1039 г.). Чеканена въ Дуйсбургѣ. D. т. XIII, 311.—2 экз.

Императоръ Оттонъ I (936—973 г.). Чеканена въ Кёльнѣ. D. т. XIV, 331.—2 экз.

Императоръ Оттонъ III (983—1002 г.). Чеканена въ Кёльнѣ. D. т. XV, 324[l].

Тоже, D. т. XV, 342[k].—12 экз.

Тоже, D. т. XV, 342[i]. Лицевая сторона какъ на рисункѣ, но на *rev.*

S
COLONIA
SA ✠

Табл. № 1.

Тоже, D. т. II, табл. LXX, 1517.

Императоръ Генрихъ II (1002 — 1024). Чеканена въ Кёльнѣ. D. т. XV, 347.—5 экз.

Тоже, D. т. XV, 350.

Тоже, но на *av.* вм. IMP стоитъ IMR. Табл. № 2.

Императоръ Конрадъ II (1024—1039 г.). Чеканена въ Кёльнѣ. D. т. XVI, 359.

Анонимная, битая въ Кёльнѣ. D. т. XVI, 373.

Пилигримъ, архіепископъ Кёльнскій (1021—1036). Чеканена въ Кёльнѣ. D. т. XVI, 379.

Тоже, D. т. XVI, 380.

Тоже, D. т. XVI, 381, но на *rev.* ЯIII II + S..... ONA.

Германъ II, архіепископъ Кёльнскій (1036—1056 г.). Чеканена въ Кёльнѣ. D. т. XVII, 386[b].—2 экз.

Тоже, D. томъ II, табл. LXXI, 386[c].

Тоже, D. т. XVII, 387.

Тоже, D. т. XVII, 388.

Варварское подражаніе кёльнской монетѣ архіепископа Германа III (1089—1099. D. XVIII, 411), изданное у D. томъ II. табл. C, № 1861.—2 экз.

Императоръ Оттонъ III (983 — 1002). Чеканена въ Ремагенѣ. D. т. XVIII, 431.

Императоръ Конрадъ II (1024—1039). Чеканена въ Андернахѣ. D. XIX, 452.

Архіепископъ Кёльнскій Пилигримъ (1022—1036). Чеканена въ Андернахѣ. D. XIX, 446.

Поппонъ, архіепископъ Трирскій (1016—1047). Какъ D. XX, 466, но на *av.* + ∞O..... IIIR, на *rev.* + ... EVIR. Чеканена въ Трирѣ. Табл. № 3.

Тоже. D. XX, 468.

Эбергардъ, архіепископъ Трирскій (1047—1066). D. томъ II, табл. LXXII, 474. Табл. № 4.

Брунонъ III, графъ Фрисландіи (1038 — 1057). Чеканена въ Ставеренѣ. Какъ D. XXII, 503, но на *av.* + HENR · ICVS(R)E, на *rev.*

ERVN
BRVN
AVTS

Тоже, D. XXII, 503.—2 экз. Табл. № 5.

Тоже, чеканенъ въ Доккумѣ. D. XXII, 499.—2 экз.

Тоже, чеканенъ въ Лееварденѣ. D. XXII, 502e.

Тоже, какъ D. XXII, 502, но на *av.* + HENRCVSER, на *rev.*

VIRO.
BRVN.
TIVA

Бернольдъ епископъ Утрехтскій (1027—1054). D. XXIII, 544.

Пфенниги того же епископа, чеканенные въ Гронингенѣ. D. XXIII, 558.—7 экз.

Тоже, чеканенные въ Девентерѣ. D. XXIV, 568.—4 экз.

Тоже, D. XXIV, 570.—7 экз.

Императоръ Генрихъ II (1002—1024). Чеканенъ въ Девентерѣ. D. XXIV, 562.

Тоже, D. XXIV, 563.—3 экз.

Тоже, D. XXIV, 564.

Императоръ Конрадъ II. Чеканенъ тамъ же. D. XXIV, 566[b].—2 экз.

Герцогъ Саксонскій Бернардъ II (1011—1059). D. XXV, 591.—3 экз.

Городъ Магдебургъ. D. XXVIII, 648[c].—3 экз.

Тоже, но на *av.* надпись: +... EARAMSVS, на *rev.* слѣва направо: ∂VM∂ЯVЯ...+ Табл. № 6.

Императоръ Конрадъ II (1024—1039). Чеканенъ въ Гильдесгеймѣ. D. XXXI, 707.—2 экз.

Императоръ Генрихъ III (1039—1056). Чеканенъ тамъ же. Какъ D. XXXI, 709.

Тотъ же императоръ. Чеканенъ въ Минденѣ. D. XXXII, 727.

Аббатъ Ротгардъ аббатства Корвей (1046—1050). D. XXXII, 735.

Императоръ Конрадъ II. Чеканенъ въ Зестѣ. D. XXXII, 742.

Тоже, но на *av.* +ICH..... ONIMDVN. Табл. № 7.

Графъ Германъ († 1086 г.). Чеканенъ въ Эмденѣ. D. XXXIV, 773.—2 экз.

Императоръ Конрадъ II. Чеканенъ въ Майнцѣ. D. XXXIV, 789, но на *av.* +HCV..... REX. *Rev.*..... ONCIE..... Табл. № 8.

Тоже, D. XXXIV, 790.

Архіепископъ Майнцскій Лупольдъ (1051—1059). D. XXXV, 807.—5 экз.

Архіепископъ Майнцскій Зигфридъ (1060—1084). D. XXXV, 810.—2 экз.

Императоръ Конрадъ II и Генрихъ III (1024—1039). Чеканенъ въ Шпейерѣ. D. XXXI, 829.—7 экз.

Императоръ Генрихъ III (1039—1056). Чеканенъ въ Шпейерѣ. D. XXXVI, 830.

Тоже, D. XXXVI, 832.—2 экз.

Тоже, D. XXXVI, 833.

Тоже, D. XXXVI, 834.—2 экз.

Тоже, D. XXXVI, 836, но на *av.* +ILVHHEONLVDI, на *rev.* ANILOCNDVLIVII. Табл. № 9.

Тоже, D. томъ II, табл. LXXXI, 1637.

Императоръ Генрихъ II (1002—1024). Чеканенъ въ Вормсѣ. D. XXXVII, 845.—18 экз.

Императоръ Генрихъ III (1039—1056). Чеканенъ въ Вормсѣ. D. XXXVII, 847.

Тоже, но на *rev.* EINIRCVS.—2 экз. Табл. № 10.

Анонимный пфеннигъ епископовъ Вюрцбургскихъ. D. XXXVII, 859.—3 экз.

Епископъ Брунонъ Вюрцбургскій (1034—1045). D. XXXVII, 864.

Архіепископъ Майнцскій Бардонъ (1031—1051). Чеканенъ въ Эрфуртѣ. D. XXXVIII, 879.—4 экз.

Тоже, но на *rev.* слѣва храма Я, справа Р. Табл. № 11.

Императоръ Генрихъ III (1039—1056). Чеканенъ въ Эрфуртѣ. D. XXXVIII, 883.

Императоръ Генрихъ II (1002—1024). Чеканенъ въ Страсбургѣ. D. XL, 920.

Императоръ Конрадъ II. Чеканенъ въ Страсбургѣ. D. XL, 921.

Тоже, *Av.* какъ D. XL, 922, легенда ... HONRAD.. SIP... *Rev.* какъ D. XL, 921. Табл. № 12.

Генрихъ VI, герцогъ Баварскій (1026—28). Чеканенъ въ Регенсбургѣ. D. XLVIII, 1099.

Тоже, D. XLVIII, 110.1[a]—3 экз.

Императоръ Генрихъ IV (1014—1017), бита въ Регенсбургѣ. Какъ D. томъ III, табл. CVII, 1101[c]—1101[d], но на *av.*+ HEIIRICHVSIMP[1]). На *rev.* храмъ иной архитектуры и + RADASPOИA CIVT. Табл. № 14.

Императоръ Генрихъ III? D. LIII, 1188. Довольно хорошей сохранности экземпляръ монеты, которая была извѣстна въ одномъ экземплярѣ. Табл. № 13.

Кромѣ перечисленныхъ монетъ, кладъ содержалъ неопредѣленныя нѣмецкія монеты XI вѣка: D. LII, 1153; LV, 1228; LV, 1238; LVI, 1259; LVII, 1283; LXXIV, 1559; LVIII, 1310 (3 экз.); LIX, 1334. Среди неопредѣленныхъ встрѣтилась монета D. LVII, 1283 лучшей сохранности, отчасти позволяющая читать легенду. На *av.* + ... NTOHGP, на *rev.* + TMARHC////S, на храмѣ AM. Въ кладѣ заключалось еще 12 пфениговъ, не изданныхъ у Данненберга, но, по крайне плохой сохранности, не поддающихся опредѣленію, 3 варварскія подражанія кёльн-

[1]) Буква P ниже полукружія перечеркнута.

скимъ пфеннигамъ, 2 подражанія пфеннигамъ Оттона I и 2 пфеннига его и Аделаиды. Кромѣ германскихъ монетъ, кладъ содержалъ еще 3 пфеннига англо-саксонскаго короля Кнута, чеканенныхъ въ Лондонѣ монетаріемъ Aelfwerd (Keary, A catalogue of English coins in the British Museum. Anglo-saxon series, т. II, стр. 283, № 390), тоже, чеканенный монетаріемъ Brihtmaer'омъ (ibid., стр. 283, № 394) и тоже, чеканенный монетаріемъ Edric (ibid., стр. 283, № 401, но варіантъ LVNDEN вмѣсто LVNDE). Наконецъ, въ кладѣ оказались еще 92 цѣлыя и 101 экз. обломковъ совершенно стертыхъ и не поддающихся опредѣленію монетъ X—XI вѣковъ.

А. Марковъ.

Двѣ суздальско-нижегородскія деньги [1]).

1.

Князь

Даніилъ Васильевичъ.

+ 1411.

AR

Лиц. Птица съ поднятымъ крыломъ, вправо, въ ободкѣ.

Круговая надпись:... ꙗолн...ѫ.....

Обор. Подражаніе арабской надписи.

Вѣсъ 20 доль.

По общему своему типу этотъ нумизматическій памятникъ относится къ XIV—XV ст.: въ частности изображеніе птицы съ поднятымъ крыломъ встрѣчается и на Суздальско-Нижегородскихъ деньгахъ, напр., Ивана Васильевича+1417 (Орѣшн. № 877), безыменной (Рейх. № 4365) и пр.

Суздальско-Нижегородскія монеты дѣлятся на двѣ группы: 1) тяжеловѣсныя деньги, вѣсомъ около 18 — 20 доль, продолговатыя, неправильной формы, общаго вида съ тѣми монетами, которыя считались „неопредѣленными“, и 2) легковѣсныя, вѣсомъ отъ 12 до 14 доль, болѣе правильной, кругловатой формы и подходящія, въ общихъ чертахъ, къ типамъ денегъ Московскаго великаго княжества половины XV в.

---

[1]) Собраніе Н. И. Булычова.

На деньгахъ обѣихъ группъ читается имя „Данило“.

Этимъ именемъ назывались только два князя и оба они — Суздальско-Нижегородскіе [1]).

Первый изъ нихъ — Даніилъ Васильевичъ, сынъ Василія Дмитріевича Кирдяпы (1366 — 1387), былъ убитъ въ сраженіи при Лисковѣ (1411); онъ фактически не былъ великимъ княземъ.

Второй — Даніилъ Борисовичъ, сынъ Бориса Константиновича (1383 — 1394), добился великаго княжества въ половинѣ XV вѣка.

На лицевой сторонѣ № 1 лѣвая часть надписи отчеканена на выворотъ; это обыкновенное явленіе на монетахъ той эпохи, въ частности, встрѣчаемое также на суздальскихъ монетахъ, напр., Димитрія Константиновича (1365 —1384). Орѣшн. № 840.

Читая эту надпись сверху книзу, получимъ: ... нлов ...

Буквы нло—окончаніе имени „Данило“. Буквы жа—окончаніе слова „княжа“, т. е. удѣльнаго князя, въ отличіе отъ великаго князя.

На основаніи вышесказаннаго монета № 1 отнесена нами къ князю Даніилу Васильевичу.

У Орѣшникова описанъ рядъ монетъ 1-й группы (см. выше) съ изображеніемъ птицы (№№ 990 — 1009); на двухъ изъ нихъ, именно №№ 992 и 1009, видно окончаніе слова „княжа“. Эти изображенія и остатки надписей не только не противорѣчатъ тѣмъ соображенія, въ силу которыхъ монета № 1 отнесена къ княженію Даніила Васильевича, но, напротивъ, служатъ новымъ доказательствомъ правильности высказаннаго нами мнѣнія.

---

[1]) Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1547 г. Москва, 1886, стр. 190 и слѣд.

2.

Великій Князь
Даніилъ Борисовичъ.

(Половина XV ст.)

AR

Лиц. | ·кнѧ | з·ь·д·ан | ·нло: |

Точки: передъ буквою к, послѣ буквы з, по обѣимъ сторонамъ буквы д, передъ буквою н и подъ буквами нл; послѣ буквы о—двѣ точки; буквы кн — слитно. Въ ободкахъ линейномъ и изъ точекъ.

Обор. Подражаніе арабской надписи.

Вѣсъ 13 доль.

Варіантъ Орѣшн. №№ 889 — 890.

По своему общему типу описанная монетка относится ко 2-й группѣ Суздальско-Нижегородскихъ денегъ (см. выше) и рѣзко отличается отъ 1-й группы наружнымъ видомъ и вѣсомъ.

Извѣстно, что болѣе легковѣсныя деньги появились во времена Василія II Московскаго (1425 — 1462), т. е. послѣ смерти Даніила Васильевича († 1411), который въ теченіе своего кратковременнаго и бурнаго княженія не могъ и не успѣлъ бы провести новую денежную реформу въ своемъ удѣлѣ.

Что же касается до Даніила Борисовича, то онъ достигъ Суздальско-Нижегородскаго великаго княженія въ половинѣ XV в., при существовавшей уже новой монетной системѣ въ Московскомъ великомъ княжествѣ. Очевидно, что ему не было ни разсчета, ни смысла возвращаться къ чекану болѣе тяжеловѣсной монеты устарѣлаго удѣльно-княжескаго типа.

Въ томъ, что деньги общаго типа съ № 2 чеканены именно Даніиломъ Борисовичемъ, не можетъ быть сомнѣнія: на №№ 891 — 892 Орѣшникова читаемъ титулъ „Великаго Князя“, а таковымъ былъ только

Даніилъ Борисовичъ. Независимо отъ сего, на монетахъ этой 2-й группы нигдѣ не встрѣчено выраженія „Княжа“, т. е. указанія на удѣльное княженіе.

Въ силу всего вышеизложеннаго казалось бы, что въ настоящее время есть достаточно данныхъ для распредѣленія монетъ 1-й и 2-й группъ между двумя князьями Даніилами:

Къ Даніилу Васильевичу слѣдуетъ отнести деньги 1-й группы.

Къ Даніилу Борисовичу—деньги 2-й группы.

Н. Булычовъ.

Слѣды синойкизма двѣнадцати государствъ Аттики.

Археологическія изслѣдованія, производимыя въ тѣсной связи съ имѣющимися историческими данными, даютъ намъ возможность уяснять и иллюстрировать, иногда и дополнять эти послѣднія и естественно пріобрѣтаютъ большое значеніе для тѣхъ эпохъ жизни народовъ, для которыхъ наши историческія свѣдѣнія особенно скудны или сбивчивы и противорѣчивы. Отсюда большое значеніе получаетъ археологія доисторическая, археологическое изслѣдованіе мѣстностей и народовъ, о которыхъ нѣтъ у насъ точныхъ историческихъ свѣдѣній. Но нѣтъ, кажется, большей радости для археолога, какъ когда добытыя археологіей данныя подтверждаютъ историческое извѣстіе смутное или колеблющееся, истинность котораго оспаривалась, достовѣрность была подъ вопросомъ. А сколько такихъ извѣстій о древнѣйшемъ періодѣ жизни Греціи, сохранившихся въ миѳическихъ и поэтическихъ разсказахъ потомковъ, въ отрывочныхъ и случайныхъ упоминаніяхъ позднѣйшихъ писателей, нашли себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіями почвы Греціи подъ слоемъ историческимъ, сохраняющимъ яркіе и краснорѣчивые слѣды эпохъ, о которыхъ историческіе греки сохранили лишь туманныя воспоминанія, часто спутанныя и перемѣшанныя съ вымысломъ.

Такое археологическое подтвержденіе краткихъ извѣстій древнихъ писателей имѣемъ мы и относительно древнѣйшаго политическаго состоянія Аттики и событія, положившаго въ отдаленнѣйшія времена начало будущему могуществу Аѳинъ, такъ называемаго синойкизма, представляющаго собою соединеніе различныхъ первоначально политически разрозненныхъ частей Аттики въ одно Аѳинское государство.

I.

Болѣе точныя свѣдѣнія о синойкизмѣ Аттики, приписывавшемся Ѳесею, сохранились у Страбона въ цитатѣ изъ Филохора и у Свиды,

причемъ свѣдѣнія эти какъ будто противорѣчатъ другъ другу. У Страбона IX, p. 397, сообщается, что до Θесея Аттика дѣлилась на 12 государствъ (городовъ), но въ сообщаемомъ вслѣдъ затѣмъ перечисленіи этихъ городовъ имѣется всего 11 именъ: Кекропія, Тетраполія, Епакрія, Декелія, Елевсинъ, Афидна, Θорикъ, Бравронъ, Киθеръ, Сфеттъ, Кефисія; 12-го имени не имѣется въ древнѣйшемъ сохранившемся кодексѣ Страбона, который, какъ намъ извѣстно, представляется архетипомъ, т. е. оригиналомъ для всѣхъ остальныхъ рукописей Страбона. Поэтому имѣющееся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ 12-е имя Фалеръ не имѣетъ значенія. И тѣмъ не менѣе это 12-е имя, или вставленное по догадкѣ, или заимствованное изъ какого-нибудь неизвѣстнаго источника, принято въ рукописи, очевидно, не безъ всякаго основанія, и такое пополненіе списка государствъ, повидимому, не далеко отъ истины.

По всей вѣроятности, въ спискѣ Филохора на 2-мъ или 3-мъ мѣстѣ названы были Тетракомы (τετράκωμοι), т. е. тотъ союзъ 4-хъ селеній, къ которому вмѣстѣ съ Пиреемъ, Θиметадами и Ксипетой и принадлежалъ Фалеръ [1]). Слово τετράκωμοι или τετράκωμον, стоящее рядомъ съ τετράπολις и разсматриваемое какъ глосса къ этому послѣднему, легко могло выпасть. Такое исправленіе сближаетъ съ текстомъ Страбона текстъ другого извѣстія о древнѣйшемъ состояніи Аттики, сохранившагося у Свиды и обыкновенно разсматриваемаго, какъ противорѣчащее первому.

Именно, у Свиды подъ словомъ Ἐπακτρία χώρα и въ Etymologicum Magnum подъ Ἐπακρία χώρα сообщается, что „въ древнія времена Аѳинянъ, жившихъ селеніями (κωμηδόν), Кекропсъ соединилъ и разселилъ въ 12 государствахъ (κατῴκισεν εἰς πόλεις ιβ') и названіе гражданъ Кекропія произвелъ отъ своего имени; двѣ же группы государствъ назвалъ тетраполіями, каждую часть образовавъ изъ 4-хъ городовъ, три же остальныхъ города назвалъ епактрійскими (или правильнѣе епакрійскими)“ [2]). Нужно полагать, что авторъ этого спутаннаго разсужденія имѣлъ передъ собой тотъ же списокъ Филохора, но, принявъ за отдѣльныя государства чле-

[1]) Poll. IV, 14: Τοῖς Ἀθήνησι τετρακώμοις, οἳ ἦσαν Πειραιεῖς, Φαληρεῖς, Ξυπεταιῶνες, Θυμαιτάδαι.

[2]) Ἐπακτρία χώρα· κατὰ τοὺς παλαιοὺς χρόνους κωμηδὸν οἰκοῦντας τοὺς Ἀθηναίους ὁ Κέκροψ συναγαγὼν κατῴκισεν εἰς πόλεις ιβ', καὶ τὴν τῶν πολιτῶν ἐπωνυμίαν ἀφ' ἑαυτοῦ Κεκροπίαν προσηγόρευσεν, δύο δὲ τετραπόλεις ἐκάλεσεν, ἐκ τεττάρων πόλεων ἑκατέραν μοῖραν καταστήσας, τρεῖς δὲ τὰς λοιπὰς ἐπακτρίδας ὠνόμασεν.

новъ тѣхъ древнѣйшихъ союзовъ тетраполіи, тетракома и епакрійской триполіи, насчиталъ такимъ образомъ уже въ началѣ Филохоровскаго списка 12 государствъ и отбросилъ 8 остальныхъ именъ, признавъ ихъ за лишнія. Что τετράπολις и τετράκωμον могли быть объединены въ выраженіи τετραπόλεις δύο—не можетъ казаться страннымъ. Такимъ образомъ легко можно себѣ представить, какъ путемъ неудачной догадки изъ точнаго сообщенія Филохора получилось искаженное извѣстіе у Свиды и въ Etymol. Magnum.

Но, кромѣ несоотвѣтствія со Свидой и Etymol. Magnum, противъ сообщенія Филохора выставляютъ авторитетъ Θукидида, который, говоря кратко о синойкизмѣ Θесея (II, 15), ничего не говоритъ объ опредѣленномъ числѣ государствъ, бывшихъ въ Аттикѣ до Θесея, а также указываютъ на то, что число 12 слишкомъ искусственно и слишкомъ напоминаетъ число 12-ти племенъ Дельфійской амфиктіоніи, 12-ти государствъ Ахеи, 12-ти городовъ Іонійскаго союза, 12-ти аѳинскихъ фратрій и т. п. Авторы такого возраженія [1]) предполагаютъ, что число 12-ти государствъ установлено лишь домыслами составителей древнѣйшей исторіи Аттики, внесшихъ это излюбленное число по аналогіи либо съ числомъ аѳинскихъ фратрій, либо съ числомъ членовъ одного изъ древнихъ союзовъ, дѣйствительно состоявшаго изъ 12-ти членовъ. На нашъ взглядъ, если число 12-ти членовъ было излюбленнымъ во многихъ древне-греческихъ организаціяхъ, если оно фактически можетъ быть установлено относительно другихъ, хотя и не можетъ быть провѣрено, то для этого должна была быть во всякомъ случаѣ какая-нибудь серьезная причина, лежащая, вѣроятнѣе всего, въ какихъ-нибудь религіозныхъ воззрѣніяхъ, весьма возможно не безъ связи съ 12-ю богами олимпійцами, съ 12-ю мѣсяцами года.

Мы полагаемъ, что и число, и имена первоначальныхъ государствъ Аттики отражаютъ дѣйствительно существовавшее до объединенія Аттики политическое состояніе этой страны, и что для этого есть у насъ достаточныя объективныя основанія. Именно теперь, благодаря прочно обоснованной топографіи Аттики, мы можемъ довольно точно отнести къ опредѣленнымъ мѣстностямъ области этихъ 12-ти государствъ, и при этомъ

---

[1]) Такъ, напр., изъ новѣйшихъ Gilbert, Handbuch der griech. Staatsalterthümer I², Lpz. 1893, S. 109.

оказывается, что между ними дѣйствительно можетъ быть очень равномѣрно и согласно естественнымъ границамъ распредѣлена вся Аттика [1]).

Правда, въ большинствѣ случаевъ эти свѣдѣнія наши относятся къ тѣмъ поселеніямъ уже исторической эпохи, которыя, нося имя старинныхъ „государствъ“ или частей этихъ тетраполій, тринолій, тетракома, существовали ко времени Клисѳена въ качествѣ димовъ, и за которыми имъ были уже окончательно закрѣплены опредѣленныя границы и опредѣленныя права въ государственномъ устройствѣ Аѳинъ; и часто мы можемъ установить только область дима, иногда болѣе или менѣе точно предполагать тѣ или другія границы его, но не знаемъ въ точности, гдѣ находился самый центръ дима, главный населенный пунктъ его (такъ какъ на территоріи одного дима, носившей одно имя, могло быть и бывало и нѣсколько населенныхъ пунктовъ). Но если даже мы иногда и не знаемъ точнаго мѣстоположенія селенія, наслѣдовавшаго имя „города“, и не можемъ предполагать его съ большей или меньшей вѣроятностью, то все же намъ остается искать его лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ.

Съ другой стороны, тамъ, гдѣ положеніе центра дима намъ извѣстно, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что одноименныя доисторическія поселенія находились въ другомъ мѣстѣ. И вотъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ Аттикѣ обнаружены остатки древнѣйшихъ поселеній доисторической, такъ называемой микенской эпохи, мы имѣемъ передъ собой селенія съ именами до-ѳесеевскихъ городовъ Аттики: это— Аѳинскій акрополь (Кекропія), Елевсинъ, Ѳорикъ, Афидна, Сфеттъ, Киѳеръ; присоединимъ къ нимъ Бравронъ и Мунихію, акрополь Пирея, одного изъ четырехъ селеній тетракома, отъ которыхъ не найдено, правда, остатковъ доисторическихъ построекъ, но безспорно извѣстны характерные акрополи, вполнѣ подходящіе пункты для этихъ доисторическихъ укрѣпленныхъ замковъ.

На акрополѣ Аѳинъ, Кекропіи, твердынѣ змѣеногаго Кекропса, еще и теперь красуются мощные остатки окружавшихъ его до персидскаго нашествія, сложенныхъ изъ громадныхъ необработанныхъ камней

[1]) Относительно топографіи димовъ Аттики см. наши статьи въ *Ж. М. Н. Пр.* за Ноябрь и Дек. 1891 г., за Мартъ, Окт. и Ноябрь 1893 г. и въ *Athen. Mitth.* XVII (1892 г.), и Milchhoefer'a въ Anhang zu d. Abhandl. der K. Pr. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1892, въ *Athen. Mitth.* XVIII (1893), статьи Attika (geograph.) и объ отдѣльныхъ димахъ у Pauly-Wissowa.

киклопическихъ стѣнъ, сохранился ведшій черезъ нихъ, высѣченный ступенями въ акропольской скалѣ потайной спускъ, а въ серединѣ этой цитадели, среди фундаментовъ древнѣйшаго акропольскаго храма Аѳины съ позднѣйшимъ святилищемъ Ерехѳея и могилой Кекропса находятся ничтожные, но характерные остатки дворца Аѳинскихъ царей, этого Ἐρεχθῆος πυκινὸς δόμος, который долженъ былъ походить на дворцы Микенъ и Тиринѳа. И не обнаруженные теперь уже раскопками, но существовавшіе еще во время Перикла и даже при Лукіанѣ (II в. по Р. Хр.) по юго-западному склону акропольской скалы остатки Пеларгика, стѣны котораго связывали съ Пелазгами, должны были принадлежать той же доисторической основѣ города, изъ которой, разрастаясь, вышли затѣмъ Аѳины.

Ничтожны остатки доисторической эпохи въ Елевсинѣ, царствѣ Келея, Триптолема и Евмолпа. Но условія мѣстности и развалины обширнаго, нѣсколько разъ перестраивавшагося святилища елевсинскихъ богинь даютъ несомнѣнныя указанія, что на плоской вершинѣ теперь голой скалы, непосредственно надъ террасой съ святилищемъ Деметры и Коры и надъ гротомъ Плутона, служившимъ, вѣроятно, колыбелью Елевсинскаго культа, находился акрополь города, доисторическая твердыня родоначальниковъ Евмолпидовъ. Правда, съ лица земли здѣсь снесено почти все, и едва можно еще надѣяться обнаружить подъ тонкимъ слоемъ кое-гдѣ покрывающей скалу земли хоть какіе-нибудь признаки доисторической жизни. Едва можно различить еще мѣстами линію стѣнъ, а подъ ней на южномъ склонѣ холма сохранилась одинокая купольная гробница, выбитая въ скалѣ, характернаго микенскаго типа, но небольшая и давно разграбленная.

Въ сѣверо-восточномъ углу Аттики, среди плодородной равнины теперешней Кьюрки, еще англійскимъ историкомъ Финлеемъ, имѣвшимъ здѣсь свое помѣстье, указанъ характерный холмъ Κοτρῶνι, на которомъ долженъ былъ быть расположенъ акрополь древней Афидны, города, гдѣ Ѳесей съ Пириѳоемъ укрывали похищенную ими Елену. У подошвы этого холма шведскимъ ученымъ Sam Wide раскопанъ рядъ интересныхъ могилъ микенской эпохи.

Близъ южнаго окончанія Аттики, на восточномъ ея берегу, у небольшой бухты возвышается конусообразный холмъ Θερικό, сохраняющій имя древняго Ѳорика, царства Кефала. На вершинѣ этого холма Гре-

ческимъ Археологическимъ Обществомъ, подъ руководствомъ Стаиса, раскопаны остатки дворца микенской эпохи, а на склонахъ холма открыты искусно сложенныя куполообразныя гробницы.

Небольшіе, но характерные остатки стѣнъ доисторической эпохи, сложенныхъ здѣсь изъ необдѣланныхъ мелкихъ камней, обнаружены нѣмецкимъ ученымъ Брикнеромъ на плоскомъ холмѣ Χριστός, внутри восточной части Аттики, близъ деревни Коропи [1]). Остатки эти принадлежатъ также акрополю древнѣйшей эпохи, который находился здѣсь, у восточной подошвы Гиметта, при выходѣ изъ него ущелья, отдѣляющаго отъ главнаго хребта его южную часть и образующаго сравнительно удобный путь изъ Аѳинской равнины въ восточную загиметтскую Аттику Брикнеръ предполагалъ здѣсь Паллену, какъ резиденцію Палланта, одного изъ четырехъ сыновей Пандіона, раздѣлившаго (вмѣстѣ съ Эгеемъ, Нисомъ и Ликомъ) Аттику. Но Паллена нигдѣ не называется древнимъ городомъ Аттики, и только на основаніи этимологіи можно приводить ее въ связь съ Палламтомъ. По другимъ даннымъ теперь съ несомнѣнностью установлено одновременно нами и Мильхгеферомъ, что у Коропи находился позднѣе димъ Сфеттъ (Σφηττός). И по преданію Сфеттъ былъ однимъ изъ городовъ Паллантова царства: отсюда устремились Паллантиды на Аѳины въ борьбѣ съ Ѳесеемъ по Сфеттійской дорогѣ, пролегавшей, какъ нами установлено, не вокругъ сѣверной подошвы Гиметта, а по ущелью, отдѣляющему отъ главнаго хребта Гиметта южную его часть и выходящему въ за-гиметтскую равнину какъ разъ противъ холма съ остатками древняго акрополя Сфетта.

Къ сѣверу отъ Сфетта, на сѣверо-западной окраинѣ за-гиметтской равнины, на окончаніи длиннаго ряда низкихъ холмовъ, вдающихся въ равнину со стороны Пентелика, близъ большого нынѣ селенія Спаты мы опредѣлили, руководствуясь группировкой димовъ, со времени Клисѳена принадлежавшихъ къ филѣ Пандіонидѣ, мѣстоположеніе дима Киѳера. Съ этимъ опредѣленіемъ, соотвѣтствующимъ мысли, высказанной когда-то гадательно, безъ указанія какихъ-либо основаній, великимъ знатокомъ топографіи Аттики Ликомъ, согласился въ концѣ концовъ и Мильхгеферъ. Здѣсь, у подошвы крайняго южнаго холма, давно обнаружены три

[1]) *Athen. Mitth.* XVI (1891), стр. 200 слл.

рядомъ лежащія характерныя купольныя гробницы съ длинными проходами, дромосами. Плоская вершина низкаго холма надъ этими могилами вся покрыта крупными камнями, можетъ быть, остатками давнишнихъ строеній. Можно надѣяться, что здѣсь еще обнаружатся остатки стѣнъ микенской эпохи.

На этомъ пунктѣ, столь же характерномъ, какъ и акрополь Елевсина, Афидны и Сфетта, доминирующемъ надъ плодородной равниной и дорогами, идущими мимо подошвы Пентелика къ морю и къ проходу между Гиметтомъ и Пентеликомъ, долженъ былъ находиться во времена раздѣленія Аттики значительный центръ, каковымъ и долженъ считаться Кикеръ доисторическій, попавшій въ списокъ 12-ти городовъ Аттики, хотя въ дошедшихъ до насъ обрывкахъ преданій Аттики имя его и не связывается ни съ какими легендами. Въ историческое время Кикеръ является однимъ изъ самыхъ мелкихъ димовъ, очевидно, такъ какъ большая часть территоріи доисторическаго Кикера была выдѣлена въ самостоятельные димы съ отдѣльными названіями (напримѣръ, большой димъ Эрхія).

Еще у двухъ изъ тѣхъ пунктовъ, которые входятъ въ составъ 12-ти городовъ Аттики, мы можемъ точно опредѣлить ихъ акрополи по характернымъ признакамъ мѣстности, хотя и не имѣемъ на нихъ ясныхъ слѣдовъ построекъ доисторической эпохи: это акрополи Мунихіи и Браврона. Мунихія представляла акрополь одного изъ 4-хъ пунктовъ союза 4-хъ прибрежныхъ селеній (остальные три: Фалеръ, Ксипета, Ѳиметады), сгруппировавшихся около святилища Геракла, что противъ Саламина, причемъ Мунихія, пунктъ, создавшійся не безъ вліянія финикійцевъ, на что можетъ указывать и культъ Геракла, имѣвшій важное торговое значеніе, господствовавшій надъ двумя прекрасными совершенно закрытыми гаванями, Зеей и Мунихійской, не говоря о большой Пирейской, получившей значеніе только тогда, когда засыпаны были находившіяся къ сѣверу-востоку отъ нея болота, и надъ Фалерскимъ открытымъ рейдомъ,—должна была играть выдающуюся роль среди этого тетракома. Это обстоятельство сказывается, можетъ быть, и въ томъ, что герой-эпонимъ ея Мунихъ называется царемъ. Конусообразный холмъ, возвышающійся надъ обѣими гаванями, представляетъ несомнѣнный акрополь Пирея. Голая его скала, наполовину усѣянная современными построй-

ками, едва сохранила на вершинѣ кое-какіе слѣды древности, которые трудно отнести къ опредѣленной эпохѣ [1]).

Что касается до акрополя Браврона, то онъ долженъ былъ находиться на такомъ же характерномъ холмѣ Ἅγιος Γεώργιος, возвышающемся на сѣверномъ берегу бухты Эрасина въ юго-восточной Аттикѣ [2]). Мѣстность эта, теперь пустынная и еще не разслѣдованная, можетъ быть, хранитъ еще остатки этого когда-то цвѣтущаго центра, прославленнаго культомъ Артемиды.

Такимъ образомъ изъ 9 отдѣльныхъ городовъ и 3-хъ союзовъ, составлявшихъ 12 государствъ Аттики, для восьми мы точно можемъ установить акрополи, причемъ въ шести изъ нихъ имѣемъ и несомнѣнные слѣды сооруженій древнѣйшей эпохи эллинской цивилизаціи.

Ненахожденіе такихъ же остатковъ въ остальныхъ пунктахъ, относимыхъ преданіями къ числу 12-ти городовъ, не можетъ никоимъ образомъ считаться доказательствомъ, что въ нихъ и не было такихъ древнѣйшихъ укрѣпленныхъ поселеній, такъ какъ, во-первыхъ, всякіе слѣды этой эпохи могутъ быть давно и основательно уничтожены, особенно на такихъ мѣстахъ, гдѣ жили потомъ въ теченіе тысячелѣтій, во-вторыхъ, въ большинствѣ этихъ мѣстъ не производилось правильныхъ изысканій и раскопокъ, относительно многихъ не опредѣлено вполнѣ точно, гдѣ именно слѣдуетъ предполагать центръ того или другого поселенія, пунктъ, который могъ быть доисторическимъ акрополемъ. Впрочемъ, мѣстоположеніе позднѣйшихъ димовъ, т. е. всей территоріи димовъ, соотвѣтствующихъ центрамъ остальныхъ государствъ Декеліи, Кефисіи, 4-хъ городовъ тетраполіи (Ойнои, Трикориѳа, Марафона и Пробалинѳа), 3-хъ городовъ триполіи (Плоѳіи, Семахидъ и, вѣроятно, Икаріи), остальныхъ 3-хъ деревень тетракоміи (Фалера, Ксипеты, Ѳиметадъ), установлено достаточно прочно.

Но важно, съ другой стороны, что намъ не извѣстно въ Аттикѣ ни одного пункта, кромѣ упомянутыхъ, въ которомъ были бы обнаружены какіе-либо слѣды поселенія той же эпохи, и слѣдовательно, ни въ одномъ пунктѣ Аттики, имя котораго не находится въ спискѣ 12-ти государствъ, мы не можемъ предполагать существованіе древнѣйшаго укрѣпленнаго поселенія, которое заслуживало бы названія πόλις.

[1]) Milchhoefer, Text zu den Karten von Attika, I, S. 125; Wachsmuth, Stadt Athen II, S. 137; E. Curtius, Die Stadtgeschichte von Athen, S. 24.

[2]) Milchhoefer, Text zu den Karten von Attika, III—IV, S. 7 f.

Имѣются, правда, еще въ двухъ мѣстахъ Аттики памятники той же эпохи, но это могилы, которыя, очевидно, могли находиться по всей странѣ и въ отдаленіи отъ укрѣпленныхъ центровъ, вблизи сельскихъ поселеній или на земляхъ знатныхъ родовъ. Такова прежде всего купольная гробница у теперешней деревни Мениди, въ западной части равнины верхняго Кефиса. Мѣстность эта должна быть отнесена, по всей вѣроятности, къ области большого дима Ахарнъ, а въ эпоху двѣнадцати государствъ могла принадлежать скорѣе всего къ области Декеліи или Кефисіи. Первое вѣроятнѣе, такъ какъ Декелія, имѣя свой центръ на восточномъ склонѣ Парнива, въ долинѣ нынѣшняго Татоя, естественно должна была имѣть свою территорію по подошвѣ горъ и въ части равнины, расположенной у ихъ подножія, вѣроятно до праваго берега Кефиса, который, образуя здѣсь глубокое русло, могъ составлять естественную границу между областями Декеліи и Кефисіи, владѣвшей большею частью верхнекефисской равнины вплоть до подошвы Пентелика.

И, наконецъ, раскопками Греческаго Археологическаго Общества, подъ руководствомъ Стаиса, обнаружена группа могилъ, высѣченныхъ шахтами въ мягкой скалистой почвѣ въ мѣстности Ангелиси (Ἀγγελίσι) на восточномъ краю внутренней за-гиметтской равнины, гдѣ между невысокими холмами открывается широкій проходъ изъ этой равнины къ восточному берегу Аттики вдоль по рѣкѣ Эрасину, къ Браврону и на юго-востокъ къ Стиріи и Прасіи. Вѣроятнѣе всего, что мѣстность съ указанными могилами, составлявшая въ историческое время область дима Ангелы (Ἀγγελή), принадлежала ранѣе къ владѣніямъ Бравронцевъ, если не слѣдуетъ гавань Прасію, а слѣдовательно, и промежуточную мѣстность Ангелиси, относить къ области Киѳера.

Какъ бы то ни было, при помощи прочнаго опредѣленія пунктовъ исторической топографіи Аттики и, съ другой стороны, благодаря обнаруженію древнѣйшихъ остатковъ поселеній, служившихъ укрѣпленными центрами въ доисторическую эпоху, для насъ вырисовывается ясная картина раздѣленія Аттики на 12 государствъ.

Въ западной береговой полосѣ ея, начиная отъ границы Мегаръ до хребта Эгалея—Елевсинъ; между Эгалеемъ и Гиметтомъ—тетракомъ (изъ Ѳиметадовъ, Ксипеты, Пирея и Фалера) и за нимъ, владѣя плодородной нижнекефисской долиной, но не доходя до моря,—Кекропія; за Гиметтомъ—Сфеттъ. Южную оконечность Аттики занимаетъ Ѳорикъ и далѣе

по восточному берегу Бравронъ и Марафонская тетраполія. Во внутренней части Аттики въ сѣверо-восточныхъ отрогахъ Парнифа—Афидна, въ верхнекефисской равнинѣ отъ юго-восточнаго склона Парнифа до западной и южной подошвы Пентелика и особенно его сѣверо-западный склонъ занимала триполія (Епакрія), а къ востоку отъ Пентелика въ загиметтскую равнину вдавался Киферъ.

Всѣ двѣнадцать государствъ такимъ образомъ естественно распредѣляются по территоріи Аттики, и эта естественность, какъ и соотвѣтствіе указаннымъ традиціей пунктамъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ найдены были остатки доисторическихъ поселеній, устраняетъ, на нашъ взглядъ, возможность предположенія, что двѣнадцать именъ подобраны искусственно, и что самое извѣстіе, переданное намъ Филохоромъ, о двѣнадцати самостоятельныхъ частяхъ Аттики, слившихся впослѣдствіи въ одно цѣлое, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а представляетъ лишь результатъ домысла.

II.

Что же мы можемъ установить о самомъ сліяніи этихъ 12 государствъ въ одно Аѳинское государство, о такъ называемомъ синойкизмѣ?

Конечно, отнесеніе этого событія къ царствованію Ѳесея есть дѣло легенды, такъ же, какъ самое имя Ѳесея легендарно; конечно, нельзя защищать и той черты традиціи, будто произошелъ этотъ синойкизмъ разомъ, какъ дѣло одного лица; но относительно сущности синойкизма мы можемъ, думается мнѣ, изъ тѣхъ слѣдовъ, которые онъ оставилъ въ позднѣйшей жизни Аттики, извлечь нѣсколько больше чертъ, чѣмъ тѣ, которыя сообщаетъ намъ въ сжатомъ видѣ Ѳукидидъ. Онъ говоритъ (II, 15, 2): „Когда воцарился Ѳесей, то онъ....., распустивъ совѣты и управы другихъ городовъ, собралъ всѣхъ въ теперешній городъ, указавъ одинъ совѣтъ и одинъ пританій, и принудилъ всѣхъ, сохраняя каждый свои владѣнія, тѣ же самыя, что и передъ тѣмъ, пользоваться этимъ однимъ городомъ, который, ставъ большимъ, такъ какъ уже всѣ содѣйствовали его росту, такимъ и переданъ былъ Ѳесеемъ потомкамъ; и съ тѣхъ поръ Аѳиняне еще и понынѣ праздну-

ютъ богинѣ (Аѳинѣ) народный праздникъ синойкій“ [1]). Опредѣленно говоритъ Ѳукидидъ только о томъ, какъ распущены были совѣты и пританіи городовъ, какъ въ Аѳинахъ устроенъ былъ единственный совѣтъ и единственное правительственное мѣсто (управа) для всей страны. Но въ самомъ словѣ συνῴκισε (συνοίκια, συνοικισμός) заключается болѣе, чѣмъ простое понятіе о соединеніи разрозненныхъ раньше государствъ подъ одною властью, и это, заключающееся въ самомъ словѣ, первоначальное понятіе о сведеніи на жительство въ одно мѣсто было настолько живо и ясно для Ѳукидида и его современниковъ, что онъ не счелъ нужнымъ распространяться объ этомъ. Такія переселенія жителей въ новое общее мѣсто жительства при синойкизмѣ практиковались и въ V в. и позже, напр. при синойкизмѣ Мантинеи изъ 5 комъ (и обратно при уничтоженіи Мантинеи Спартанцами), также, конечно, при образованіи государства Аркадянъ и Мессенцевъ въ IV в. и одновременной постройкѣ городовъ Мегалополя и Мессены. Переселялось, конечно, при синойкизмахъ не все населеніе, а извѣстная часть населенія каждой мѣстности, входившей въ составъ новообразуемаго путемъ синойкизма общаго государства, и, очевидно, главнымъ образомъ часть, желавшая и получившая право принимать участіе въ общихъ дѣлахъ, въ общемъ управленіи новаго государства. Что и Ѳукидидъ имѣлъ въ виду переселеніе части населенія изъ каждаго отдѣльнаго города въ новый городъ, это ясно изъ того, что все мѣсто о синойкизмѣ приведено ради уясненія быстраго роста города Аѳинъ какъ поселенія (изъ πόλις въ ἄστυ) послѣ Ѳесея, чтобы объяснить, почему населеніе этого города и ко времени Пелопоннесской войны не привыкло къ городской жизни, а держалось больше стародавняго обычая жить по своимъ роднымъ мѣстамъ, среди полей и сельскихъ владѣній. Нужно полагать, что большинство жителей города Аѳинъ времени Ѳукидида еще не порвало связи съ деревней, землей: это были или аристократы, имѣвшіе помѣстья на мѣстахъ и жившіе со своими семьями въ своихъ домахъ лишь часть года, или купцы, промышленники, ремесленники, работавшіе въ городѣ, но державшіе свои семьи въ хуторахъ и селеніяхъ.

[1]) Ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε . . . καταλύσας τῶν ἄλλων πόλεων τά τε βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχάς, ἐς τὴν νῦν πόλιν οὖσαν, ἓν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρυτανεῖον, ξυνῴκισε πάντας καὶ νεμομένους τὰ αὑτῶν ἕκάστους, ἅπερ καὶ πρὸ τοῦ, ἠνάγκασε μιᾷ πόλει ταύτῃ χρῆσθαι, ἣ ἁπάντων ἤδη ξυντελούντων ἐς αὐτὴν μεγάλη γενομένη παρελόθη ὑπὸ Θησέως τοῖς ἔπειτα· καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσι.

Что синойкизмъ былъ связанъ съ форменнымъ переселеніемъ въ Аѳины изъ прежнихъ городовъ, явствуетъ и изъ имени μετοίκια, которое Плутархъ даетъ какъ названіе празднику въ мѣсяцѣ Элафеболіонѣ, справлявшемуся въ память этого событія. Вѣдь хотя имя это и отличается отъ того, которое даетъ Ѳукидидъ (συνοίκια), но врядъ ли можно полагать, что оно выдумано Плутархомъ, и если не соотвѣтствуетъ точно традиціонному календарному имени праздника, то, во всякомъ случаѣ, навѣрное взято Плутархомъ изъ источниковъ, еще ясно понимавшихъ, что древнѣйшій синойкизмъ долженъ былъ быть связанъ съ переселеніемъ.

И о томъ же способѣ роста города и государства ясно свидѣтельствуютъ данныя изъ древнѣйшей исторіи Рима, которыя сохранились, напр., въ сообщеніяхъ Т. Ливія о завоеваніи Ценина, Крустумина, Альбы Лонги, Политорія, Телленъ, Фиканы, Медулліи (T. Liv. I, 11,1-2, 3; 29,1; 31,1 sqq.).

И на основаніи этого Моммзенъ въ своей Римской Исторіи (I стр. 98 слл.) такъ рисуетъ способъ древнѣйшаго расширенія владѣній: „Крѣпость присоединяемой общины (des Gaues) срывалась, ея область присоединялась къ области побѣдителей, для самыхъ общинниковъ, такъ же, какъ и для ихъ боговъ, основывалось новое отечество въ главномъ пунктѣ побѣдившей общины. Не слѣдуетъ, правда, подъ этимъ непремѣнно понимать полное переселеніе побѣжденныхъ въ новую столицу, какъ это было правиломъ при образованіяхъ городовъ на востокѣ. И отдѣльнымъ родамъ даровались также и гражданскія права, т. е. права патриціевъ. Это было то же самое сліяніе многихъ общинъ въ одинъ городъ, изъ котораго вышли въ Лаціумѣ Римъ и въ Аттикѣ Аѳины; и на такое именно сліяніе указывалъ тѣснимому союзу іонійскихъ городовъ мудрецъ Ѳалесъ, какъ на единственный путь къ спасенію ихъ національности“.

Въ Аттикѣ, безразлично, коснулся ли синойкизмъ одновременно всѣхъ государствъ Аттики, или они по одному постепенно присоединялись къ Кекропіи—Аѳинамъ, переселялись, нужно полагать, въ городъ и его ближайшіе предѣлы тѣ знатные роды или части родовъ, изъ которыхъ вербовались думы и управы (βουλευτήρια и πρυτανεῖα) прежде отдѣльныхъ городовъ, а теперь одного общаго государства. Переселяясь въ новый центръ политической жизни, они не только обзаводились домами

и усадьбами въ городѣ, но, вѣроятно, пріобрѣтали себѣ поближе къ нему и новыя помѣстья въ богатой Аѳинской равнинѣ.

Нельзя видѣть противорѣчіе этому и въ словахъ Ѳукидида, что „жители Аттики принуждены были имѣть одинъ городъ, живя каждый на своихъ владѣніяхъ, тѣхъ же самыхъ, что и до того“ (νεμομένους τὰ αὑτῶν ἑκάστους, ἅπερ καὶ πρὸ τοῦ). Во-первыхъ, Ѳукидидъ, говоря такъ, имѣетъ въ виду огромное большинство жителей, а не отдѣльныя семьи, а во-вторыхъ, отъ того, что части родовъ переселялись въ Аѳины и въ окрестную равнину и пріобрѣтали здѣсь новыя владѣнія, знатные роды не утрачивали своихъ исконныхъ владѣній въ другихъ частяхъ Аттики. Во всякомъ случаѣ, очевидно, синойкизмъ положилъ начало тому явленію, что Аѳины и окрестная область (ἄστυ и τὸ περὶ τὸ ἄστυ) являлись затѣмъ главнымъ мѣстопребываніемъ евпатридовъ, а впослѣдствіи партіи педіэевъ. Если у Плутарха (v. Thes. 32) приводятся слова евпатридовъ, недовольныхъ Ѳесеемъ, что онъ, отнявъ власть и царство у каждаго изъ евпатридовъ, жившихъ по димамъ, заперъ ихъ въ одинъ городъ (ἄστυ), то это можетъ быть сознательное преувеличеніе, вложенное въ уста недовольныхъ, не основанное на ясномъ пониманіи того, что такое синойкизмъ.

И это же пониманіе состоянія Аттики, послѣдовавшаго за синойкизмомъ, отражается въ словахъ Etymol. Magn. s. v. εὐπατρίδαι· ἐκαλοῦντο εὐπατρίδαι οἱ αὐτὸ τὸ ἄστυ οἰκοῦντες καὶ μετέχοντες βασιλικοῦ γένους, равно какъ и у Платона въ діалогѣ Critias 110C, гдѣ онъ, говоря о трехъ сословіяхъ древнѣйшаго періода аѳинской исторіи, евпатридахъ, геоморахъ и деміургахъ, представляетъ себѣ военное сословіе (т. е. евпатридовъ), какъ живущее отдѣльно отъ прочихъ двухъ [1]).

Слѣды этого переселенія знатныхъ родовъ мы имѣемъ прежде всего въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей и сказаніяхъ, связанныхъ съ именами нѣкоторыхъ родовъ. Такъ, димъ Скамбониды, изъ котораго происходилъ Алкивіадъ, и который, какъ и всѣ димы съ именами на -ίδαι, получилъ свое названіе отъ рода того же имени, находился подъ самыми Аѳинами на Илиссѣ, а родъ Скамбонидовъ сохранялъ въ своихъ преданіяхъ связь съ царствомъ Крокона, находившимся въ восточной части Ѳріасійской равнины, несомнѣнно принадлежавшей

[1]) Ср. Gilbert, Handbuch d. gr. Staatsalt. I², стр. 113, прим. 1.

къ Елевсину (Paus. I, 38,2; Harpocr. s. v. Σκαμβωνίδαι). Другой примѣръ имѣемъ мы въ преданіи о святилищѣ Аполлона Πύθιον при входѣ съ востока въ горный проходъ черезъ Эгалей изъ Аѳинской въ Ѳріасійскую равнину, въ нынѣшней мѣстности Δαφνί. Именно, по преданію, построенъ онъ Кефалидами, т. е. членами рода, имя котораго несомнѣнно связано съ именемъ Кефала, миѳическаго царя Ѳорика на южной оконечности Аттики. Наконецъ, если мы встрѣчаемъ впослѣдствіи два дима Эріадовъ (Ἐρεαδαι), изъ которыхъ одинъ принадлежалъ къ срединной триттіи филы Антіохиды, а другой—къ городской триттіи Иппоѳонтиды, причемъ оба, конечно, получили свое имя отъ рода того же имени, который называется и въ доклисѳеновской надписи C. I. A. I. 492, то невозможно предположить, чтобы было два рода съ однимъ именемъ; естественнѣе, что часть этого рода, жившаго внутри Аттики, между Пентеликомъ и Гиметтомъ, можетъ быть, въ области Киѳера или Сфетта, переселилась на аѳинскую равнину, къ юго-западу отъ города, и, основавшись здѣсь, дала имя второму диму.

Такъ же мы можемъ объяснить, почему семья Мильтіада и Кимона, принадлежавшая къ роду Филаидовъ, тѣсно связанному съ Браврономъ (Plut. v. Solon. 10; Schol. ad Aristoph. Aves, 873; Suidas s. v. ἄρκτος), является владѣющей богатымъ помѣстьемъ въ димѣ Лакіадахъ на нижнемъ теченіи Кефиса и приписанной къ этому диму. Также семья Алкмеонида Клисѳена приписана была къ диму Алопекѣ, непосредственно къ сѣверо-востоку отъ Аѳинъ [1]), тогда какъ исконныя владѣнія Алкмеонидовъ были, повидимому, на западной границѣ Аттики, по юго-восточному склону Парниѳа, въ димѣ Пэонидахъ (Παιονίδαι) [2]).

III.

Другимъ послѣдствіемъ синойкизма было переселеніе боговъ изъ разныхъ мѣстностей Аттики въ новый центръ ея—Аѳины. Столица стягиваетъ въ себя культы, такъ сказать, провинціальные, если можно говорить о провинціи этого микроскопическаго подобія современнаго государства. И намъ представляется, что легче и естественнѣе всего

[1]) Родной племянникъ Клисѳена Мегаклъ, сынъ Иппократа, принадлежитъ къ этому диму—Aristot. Ἀθην. πολιτ. 32,5.

[2]) См. J. Töpffer, Attische Genealogie, Berl. 1889, стр. 228 сл.

объяснить это сосредоточеніе провинціальныхъ культовъ предположеніемъ, что они принесены сюда переселенцами изъ разныхъ частей Аттики, тѣми родами, которые хранили въ своей средѣ, можетъ быть, создали эти разнообразные культы на своей прежней родинѣ, которые не могли обойтись безъ родныхъ боговъ и на новомъ мѣстѣ жительства.

Роды или части родовъ, переселявшіеся въ Аѳинскую равнину и въ ближайшія окрестности города, переносили сюда и семейные культы, и здѣсь среди новыхъ сельскихъ владѣній переселявшихся возникали алтари и священные участки пришлыхъ боговъ.

Но кромѣ того, важнѣйшіе культы главнѣйшихъ родовъ переносились и въ новый общій центръ, и вокругъ единаго теперь пританія сосредоточивались новыя святилища, какъ раньше они были разсѣяны по отдѣльнымъ акрополямъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними.

И нѣкоторые изъ этихъ боговъ, переселившихся вмѣстѣ со своими исконными поклонниками, навсегда сохранили эпитеты, указывавшіе на ихъ происхожденіе: таковы Артемида Бравронская и богини Елевсинскія. Святилище Елевсинскихъ богинь, носившее названіе τὸ Ἐλευσίνιον, находилось по дорогѣ на акрополь, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нижнею частью древней твердыни, такъ называемымъ Пеларгикомъ (ἐννεάπυλον πελαργικόν). И теперь уже едва-ли можно сомнѣваться въ правильности мнѣнія В. Дёрпфельда, помѣщающаго его на западномъ склонѣ акрополя, къ югу отъ Ареопага. Что святилище Елевсинія было посвящено именно Елевсинскимъ богинямъ Деметрѣ и Корѣ и сохраняло тѣснѣйшую связь съ Елевсиномъ, какъ съ главнымъ центромъ того же культа, относительно этого сохранившаяся традиція не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Что касается до эпохи, въ которую могла состояться пересадка культа Елевсинскихъ богинь изъ близкаго Елевсина на склонъ Аѳинскаго акрополя, то большое государственное значеніе, признававшееся за этимъ культомъ, и неразрывныя связи, всегда существовавшія между обоими святилищами, указываютъ, кажется, опредѣленно, что филіальное отдѣленіе въ Аѳинахъ могло возникнуть только тогда, когда еще только создавалась аѳинская государственность, когда, съ другой стороны, между обоими городами, Елевсиномъ и Аѳинами, кончилась рознь и вражда, другими словами, когда Елевсинъ окончательно вошелъ въ составъ Аѳинскаго государства. И отношенія аѳинскаго святилища къ елевсинскому, какъ младшаго къ старшему,

хорошо объясняются при предположеніи, что аѳинское святилище основано было выходцами, переселенцами изъ Елевсина на новомъ ихъ мѣстѣ жительства, переселенцами, которые, однако, хотѣли и могли сохранить живую связь со своимъ центромъ и ежегодно совершали туда паломничество. И для такого переселенія къ Аѳинскому акрополю, очевидно, не отдѣльныхъ лицъ, а части знатнѣйшихъ родовъ елевсинскихъ, въ рукахъ которыхъ находился культъ Елевсинскихъ богинь, трудно найти болѣе подходящій моментъ въ жизни Аттики, чѣмъ включеніе Аѳинами въ свой составъ цвѣтущей Елевсинской равнины.

Изъ другого древняго „города“ Аттики, Браврона, былъ перенесенъ культъ, имѣвшій также государственное значеніе, культъ Артемиды Бравронской. Ея святилище занимало большой участокъ на самомъ акрополѣ, въ юго-западной части его, между южнымъ крыломъ Пропилей и Парѳенономъ. Ея праздникъ Βραυρώνια входилъ въ оффиціальный аѳинскій календарь. Культъ ея былъ тѣсно связанъ съ культомъ святилищъ, находившихся какъ въ самомъ Бравронѣ, такъ и въ Алахъ Арафенскихъ (Ἁλαὶ Ἀραφηνίδες), димѣ, несомнѣнно принадлежавшемъ къ древней области Браврона. Тамъ находилось древнѣйшее деревянное изображеніе (ξόανον) богини, якобы вывезенное Ифигеніей изъ области Тавровъ. Въ этомъ культѣ дѣвушки, посвящавшіяся богинѣ, носили названіе ἄρκτοι (медвѣдицы), очевидно, какъ сама богиня Ἄρτεμις первоначально принималась за ἄρκτος, какъ въ Аркадіи ея двойникъ Каллисто, мать Аркада, первоначально также мужского божества, обращена была въ медвѣдицу. Нѣтъ сомнѣнія, что между святилищемъ на акрополѣ и святилищемъ въ Бравронѣ существовала въ псторическое время такая же связь, какъ между Елевсиніемъ и Елевсиномъ, какъ между филіальнымъ отдѣленіемъ и исконнымъ центромъ культа. Относительно времени перенесенія культа изъ Браврона на аѳинскій акрополь высказывается предположеніе, что его нужно относить къ тираніи Писистрата. Предположеніе это основывается исключительно на томъ, что Писистратъ принадлежалъ къ роду Филандовъ, имѣвшему близкое отношеніе и къ Браврону, и къ культу Бравронской Артемиды, а подкрѣпляется какъ-будто тѣмъ обстоятельствомъ, что Писистратъ, дѣйствительно, обращалъ вниманіе на развитіе культовой стороны аѳинской государственной жизни, основывая святилища, строя храмы, придавая новую пышность религіознымъ празднествамъ. Но, во-первыхъ, въ тра-

диціи нѣтъ какъ разъ никакого намека на связь Писистрата съ основаніемъ бравронскаго святилища въ Аѳинахъ, и даже Павсаній, тщательно отмѣчающій всякіе историческіе намеки, при описаніи святилища Бравронской Артемиды ничего не упоминаетъ о Писистратѣ. А во-вторыхъ, какъ разъ это святилище, очевидно, никогда не имѣвшее сколько-нибудь значительнаго храма (иначе о немъ было бы и упоминаніе хотя бы у того же Павсанія, и остались бы слѣды хотя бы фундаментовъ), не соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ о дѣятельности Писистрата, воздвигавшаго роскошные храмы, вводившаго пышныя празднества.

Посвященіе новой богинѣ довольно обширнаго священнаго участка безъ храма (по крайней мѣрѣ каменнаго) на самомъ акрополѣ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ отдаленнѣйшей старинѣ, когда еще было на акрополѣ свободное мѣсто для пришлыхъ боговъ, чѣмъ VI-му вѣку. И мы не колеблемся признать въ перенесеніи культа Бравронской Артемиды на акрополь непосредственный результатъ соединенія бравронскаго „царства“ съ аѳинскимъ.

Были-ли еще на самомъ акрополѣ святилища и другихъ божествъ, переселившихся изъ другихъ частей Аттики въ эпоху Ѳесеева синойкизма, установить трудно. Но, несомнѣнно, мы находимъ святилища перенесенныхъ изъ разныхъ пунктовъ Аттики божествъ внѣ акрополя и стѣнъ Пеларгика, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ. Къ таковымъ прежде всего принадлежитъ святилище Аполлона Пиѳійскаго. Ѳукидидъ называетъ его въ числѣ древнѣйшихъ святилищъ, расположенныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ древнѣйшею частью города, занимавшей акрополь и юго-западный склонъ его. И мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ В. Дёрпфельда, что святилище это тождественно съ называемой и другими источниками пещерой Аполлона Пиѳійскаго или Ипакрейскаго (Ἀπόλλωνος Ὑπακραίου) на сѣверо-западномъ углу акропольской скалы, высоко на горѣ подъ самой стѣной акрополя. Сюда помѣщаетъ Еврипидъ въ трагедіи „Іонъ“ зачатіе Креузой Іона отъ Аполлона; здѣсь найдены надписи съ посвященіями аѳинскихъ архонтовъ Аполлону Ипакрейскому. Очевидно, это тотъ культъ Аполлона, который тѣсно связанъ былъ съ миѳомъ объ Іонѣ, родоначальникѣ Іонянъ, ставшемъ однажды еще въ доисторическую эпоху и родоначальникомъ Аѳинянъ, когда и Аполлонъ провозглашенъ былъ ихъ отеческимъ богомъ, πατρῷος, передъ

которымъ клялись потомъ архонты. Ясно напрашивается заключеніе, что Аѳиняне, какъ говоритъ Геродотъ, сдѣлались Іонянами тогда, когда во главѣ ихъ стали какіе-то іонійскіе роды, т. е. ведшіе себя отъ Іона и считавшіе своимъ родовымъ богомъ Аполлона. И въ преданіи объ Іонѣ, или другомъ отцѣ его Ксуѳѣ, сохранилась эта черта, что они являются въ Аѳинахъ пришельцами; они, по преданію, происходятъ изъ марафонской тетраполіи, гдѣ Ксуѳъ былъ царемъ; Іонъ приходитъ на помощь царю аѳинскому противъ Евмолпа, царя Елевсинскаго; онъ является, по Аристотелю (Ἀθην. πολιτ. III, 3), первымъ военачальникомъ Аѳинянъ, прототипомъ архонтовъ-полемарховъ.

Въ марафонской тетраполіи, именно въ Οἰνόη, мы знаемъ святилище Πύθιον, игравшее роль при отправленіи ѳеорій въ Дельфы (Schol. ad Oed. Col. 1047). Все указываетъ на то, что святилище Аполлона Пиѳійскаго подъ акрополемъ перенесено сюда переселенцами изъ Марафонской тетраполіи, игравшими, вѣроятно, значительную роль въ жизни государства въ извѣстную эпоху.

Если Аполлонъ Пиѳійскій, связанный съ Дельфами, пришелъ въ Аѳины изъ сѣверной части восточной береговой полосы Аттики, то Аполлонъ Дельфиній, божество, общее Іонянамъ (Strab. p. 179) и, вѣроятно, тождественное съ позднѣйшимъ Аполлономъ Делосскимъ, принесенъ въ Аѳины съ южной части того же побережья. Такъ, делосскія ѳеоріи шли черезъ Прасіи, гавань Бравронской или, можетъ быть, Киѳерской области. Само имя Κύνθιος этимологически связано, вѣроятно, съ именемъ горы Κύνθος, прославленной древнѣйшимъ святилищемъ Делосскаго бога (ср. островъ Κύθνος), а географически—съ димами Іонидами и Гаргеттомъ, которые въ этомъ же соединеніи повторяются въ Элидѣ.

Въ Аѳинахъ святилище Аполлона Дельфинія (τὸ Δελφίνιον) находилось близъ юго-восточной подошвы акрополя у Илисса; тамъ же было старинное судилище (ἐπὶ Δελφινίῳ), тамъ же рядомъ и домъ Эгея. Эти культы вмѣстѣ съ находящимися вблизи въ Аграхъ культами Посидона Геликонія, также іоническаго божества, и Артемиды Агротеры, побудили еще Вахсмута [1]) признать здѣсь, въ Аграхъ, іонійское поселеніе. Мы видимъ здѣсь, во всякомъ случаѣ, прочную связь между этой

[1]) Wachsmuth, Die Stadt Athen, I. стр. 392 слл.

частью города и жителями южной оконечности Аттики, тяготѣвшей къ тѣмъ же культамъ, что и жители острововъ и, можетъ быть, другихъ береговъ Эгейскаго моря. Самъ Эгей Посидонъ въ первобытномъ сказаніи, конечно, не съ Аѳинскаго акрополя бросился въ море, а скорѣе со скалы Сунія, вершина котораго до сихъ поръ украшена великолѣпными развалинами храма Посидона. Отсюда со своими почитателями и Аполлонъ Дельфиній и Посидонъ Эгей переселились подъ сѣнь Аѳинскаго акрополя.

Если мы, слѣдуя далѣе въ начатомъ нами направленіи по берегу Аттики, обогнувъ Суній, перейдемъ на юго-западный берегъ Аттики, то найдемъ здѣсь слѣды комплекса миѳовъ, которые могутъ быть связаны съ именемъ Ѳесея, сына Эгеева. Послѣдній—выходецъ изъ Тризена, а Сфеттъ и Анафлистъ, эпонимы димовъ этой части Аттики, изъ которыхъ первый, какъ мы видимъ, былъ и однимъ изъ 12 государствъ,—сыновья Тризена (Paus. II, 30,9).

Можетъ быть, и принадлежность Аѳинъ къ Калаврійской амфиктіоніи перенесена изъ этой части Аттики, имѣвшей естественныя связи съ противоположными берегами Сароническаго залива. Но, если одни элементы миѳовъ о Ѳесеѣ ведутъ насъ къ берегамъ южной Аттики, связаннымъ съ мѣстностями по Эгейскому морю, то другіе элементы указываютъ, какъ на источникъ, на мѣстности сѣверо-восточной Аттики; и отсюда, можно полагать, перенесены къ акрополю и въ окрестности Аѳинъ нѣкоторые культы и святилища.

Подъ самымъ акрополемъ, на сѣверо-западномъ склонѣ его, ниже пещеры Аполлона Пиѳійскаго, находилось святилище Ѳесея на мѣстѣ предполагаемаго его дворца; тутъ же ὁρκομόσιον, мѣсто клятвы Ѳесея съ Пириѳоемъ. Рядомъ святилище боговъ-братьевъ Діоскуровъ Ἀνάκειον, ἱερὸν ἀρχαῖον, какъ говоритъ Павсаній (I, 18,1). Событіе, связывающее въ миѳѣ имена Пириѳоя и Ѳесея, съ одной стороны, и Діоскуровъ съ другой, относится къ Афиднѣ; изъ Афидны связанныя съ этимъ событіемъ преданія и установленія перенесены въ Аѳины—скажемъ мы. Событіе это—похищеніе Елены Ѳесеемъ и Пириѳоемъ, конечно не изъ Лаконской Спарты, помѣщеніе ея въ Афиднѣ у матери Ѳесея, обратное похищеніе оттуда Діоскурами. И сосѣднее государство Декелія вошло въ комплексъ этого разсказа: Декелъ указалъ Діоскурамъ мѣсто, гдѣ скрывалась похищенная сестра ихъ; и въ V вѣкѣ еще Спартанцы вспо-

минали заслуги Декела по отношенію къ ихъ героямъ Діоскурамъ и щадили поля Декелійцевъ. Но Декелъ перенесенъ и въ Аѳинскую равнину; здѣсь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городомъ съ нимъ отождествляли героя Академа (Ἀκάδημος или Ἑκάδημος), которому была посвящена роща Академіи у Колона Конскаго. И Академъ, и Декелъ, какъ это установлено, суть божества подземнаго царства, двойники Плутона. И для миѳа о похищеніи Елены Ѳесеемъ и Пириѳоемъ имѣется параллель въ разсказѣ объ ихъ же попыткѣ похитить изъ подземнаго царства Персефону. Въ связи съ этимъ значеніемъ Академа находится и спускъ въ подземное царство, показывавшійся у Κολωνός Ἵππιος, такъ же, какъ и алтарь Пириѳоя.

Еще двѣ мѣстности изъ сосѣднихъ съ Декеліей вовлечены въ сказанія о Ѳесеѣ. Въ Екалѣ (Ἑκάλη), гдѣ-нибудь на юго-восточномъ склонѣ Парниѳа, поближе къ западному концу его, къ проходу въ Мараѳонскую равнину, героиня, эпонимъ этой мѣстности, гостепріимно принимала Ѳесея, отправлявшагося на бой съ мараѳонскимъ быкомъ; здѣсь онъ, возвращаясь послѣ благополучнаго окончанія боя, устроилъ праздникъ Зевсу Екалу. Въ Мараѳонской равнинѣ происходитъ борьба Ѳесея съ мараѳонскимъ быкомъ, двойникомъ критскаго минотавра, здѣсь убиваетъ онъ Андрогея, здѣсь завязывается его знакомство и дружба съ Пириѳоемъ. Мараѳъ, эпонимъ Мараѳона, участвуетъ въ походѣ Діоскуровъ противъ Ѳесея.

Такимъ образомъ, въ миѳѣ о Ѳесеѣ мы ясно можемъ различить по крайней мѣрѣ двѣ группы сказаній, изъ которыхъ одни ведутъ насъ въ сѣверо-восточную часть Аттики, охватывая Декелію, Афидну и Мараѳонскую тетраполію, а другія—въ области южной за-гиметтской Аттики, обращенной къ Тризену; здѣсь около Сфетта создалась, вѣроятно, и завязка борьбы между Ѳесеемъ и сыновьями Палланта, борьбы носителя культа Посидона со сторонниками Паллады. И если и тѣ и другіе элементы миѳовъ о Ѳесеѣ принадлежатъ къ тому же іонійскому племени, то они созданы или разработаны и пріурочены къ опредѣленнымъ мѣстностямъ отдѣльно разными родами, проникшими въ Аттику главнымъ образомъ съ двухъ сторонъ и поселившимися отдѣльными группами. И много позднѣе, когда потомки этихъ родовъ сошлись со своими богами и святынями у общаго центра, началось слiяніе и приведеніе въ связь отдѣльныхъ сказаній.

Еще одинъ аѳинскій культъ съ его стариннымъ святилищемъ мы можемъ легко вывести изъ опредѣленной области Аттики: культъ Діониса, не того, который занялъ большой участокъ у юго-восточной подошвы Акрополя, гдѣ потомъ возникъ храмъ съ хриселефантинной статуей бога и каменный театръ, и который въ своемъ имени Ἐλευθερεύς сохранилъ свидѣтельство о своемъ происхожденіи изъ Елевѳеръ на границѣ Беотіи, а того, которому посвященъ былъ, по свидѣтельству Ѳукидида, участокъ λήναιον на западной подошвѣ акрополя, рядомъ съ Елевсиніемъ. Сюда должны были принести Діониса тѣ, которые гордились, что они первые (въ Аттикѣ) приняли Діониса, потомки Семаха и Икара. А Семахиды и Икарійцы принадлежали къ Епакрійской триполіи на склонахъ Пентелика; съ присоединеніемъ Епакріи къ Аѳинскому государству и ихъ богъ занялъ мѣсто на склонѣ акрополя. Не даромъ, можетъ быть, и первыя трагическія представленія, совершавшіяся также при Ленейскомъ святилищѣ, введены были Ѳеогнидомъ, происходившимъ изъ дима Икаріи: онъ могъ воспользоваться тѣми зачатками представленій, которыя совершались въ его родномъ димѣ.

Итакъ, мы дѣйствительно можемъ наблюдать, какъ съ синойкизмомъ Ѳесея новые боги изъ различныхъ частей Аттики селятся вокругъ общаго центра объединившагося государства, и городъ растетъ далеко за предѣлы прежней Кекропіи съ ея пеласгическими стѣнами, Пеларгикомъ, съ ея царскимъ дворцомъ Кекропса и Ерехѳея и святилищемъ Аѳины. Внутри акрополя поселяется еще Артемида изъ Браврона, подъ самой стѣной акрополя въ пещерѣ—Аполлонъ Пиѳійскій изъ тетраполіи, тутъ же по близости на сѣверо-западномъ склонѣ акрополя преданіе помѣщаетъ дворецъ Ѳесея, гдѣ потомъ было его святилище, и рядомъ еще во время Павсанія мы видимъ пританій, не новый, построенный въ римское время, какъ думалъ Курціусъ, а несомнѣнно тотъ первый общій пританій, гдѣ у общаго очага собирались правители объединенной Аттики, откуда позднѣе, съ развитіемъ гражданской жизни, перенесенъ былъ священный огонь Гестіи, какъ въ филіальное отдѣленіе, въ болѣе просторный ѳолосъ (θόλος) на агорѣ въ Керамикѣ. Тутъ же у святилища Ѳесея, перенесеннаго изъ Афидны, помѣстилось святилище Діоскуровъ изъ Декеліи. На западномъ склонѣ акрополя, по направленію къ Пниксу, мы видимъ Елевсинскихъ богинь и Діониса изъ Епакріи; къ юго-востоку отъ акрополя, на Илиссѣ, нѣсколько въ сто-

ронѣ отъ главной массы города, развившагося по естественному направленію на западъ и на сѣверъ отъ акрополя, мы находимъ переселенцевъ изъ южной Аттики, Кіѳера, Сфетта и, можетъ быть, Ѳорика—Аполлона Дельфинія, Эгея, Посидона Геликонія. Въ кварталѣ Мелиты, носящемъ финикійское имя и занимающемъ группу холмовъ къ юго-западу отъ акрополя, мы находимъ святилище Геракла—ептахалконъ, по близости святилище Афродиты Ураніи,—все слѣды финикійскаго вліянія, можетъ быть, изъ Пирейскаго тетракома, Мунихіи и Фалера.

Изъ всѣхъ почти 12-ти государствъ Аттики мы имѣемъ болѣе или менѣе явные слѣды переселенія боговъ къ Ѳинскому акрополю. Опредѣленно недостаетъ намъ одной лишь Кефисіи, и не можемъ мы различить, что пришло изъ Сфетта, что изъ Кіѳера и Ѳорика. Съ другой стороны, есть божества, также, очевидно, въ древнѣйшее время занявшія мѣста въ центрѣ Ѳинъ,—какъ Арей на Ареопагѣ, Зевсъ въ священномъ участкѣ Ὀλύμπιον рядомъ съ Πύθιον подъ акрополемъ, Панъ въ другомъ гротѣ подъ акрополемъ же, Γῆ Κουροτρόφος и Деметра Хлоя у воротъ Пеларгика,—о которыхъ мы сейчасъ не можемъ догадаться, откуда принесены ихъ культы. Иныя изъ этихъ божествъ могли быть здѣсь и до синойкизма, иныя перенесены также изъ другихъ государствъ Аттики; могли быть и такія, которыя пришли вмѣстѣ съ переселенцами изъ иныхъ мѣстъ.

Въ общемъ довольно ясно вырисовывается и ростъ города Ѳинъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ синойкизма, и доля вліянія каждой отдѣльной части Аттики на религіозную жизнь, на слагающіеся преданія и миѳы. И хотя мы вполнѣ сознаемъ, что путь миѳологическихъ изслѣдованій скользокъ и углубленіе во времена отдаленнѣйшія не можетъ разсчитывать на вполнѣ прочные результаты, мы надѣемся, что дальнѣйшія изысканія въ этомъ направленіи и археологическія находки, которыхъ еще много можно ожидать на почвѣ Аттики, выяснятъ намъ опредѣленнѣе роль каждой отдѣльной части въ созданіи государственной и культовой жизни Ѳинъ.

Р. Леперъ.

Днѣпровскій порогъ въ руническої надписи.

Послѣ того, какъ въ 1905 году профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ нашелъ на о. Березани первую въ Россіи шведскую руническую надпись, изданную мною въ 23-мъ вып. „*Извѣстій Имп. Археологической Коммиссіи*“ (1907), находки такого рода, къ сожалѣнію, не повторялись. Едвали мы въ правѣ надѣяться и въ будущемъ на сколько-нибудь богатую добычу въ этомъ направленіи. Высказанныя мною въ концѣ указанной статьи соображенія о томъ, почему въ Россіи почти совсѣмъ отсутствуютъ руническія надписи, поставленныя варягами, нашли себѣ подтвержденіе въ рунологическихъ работахъ послѣднихъ лѣтъ. Окончательно выяснилось, что постановка камней съ надписями вошла въ обычай въ Швеціи лишь съ начала XI вѣка, т. е. въ такое время, когда приливъ варяговъ въ Россію уже значительно сократился, а скандинавы, переселившіеся въ Россію раньше, успѣли ассимилироваться туземному населенію. До XI вѣка, т. е. въ разгаръ „варяжскаго періода“ на Руси, надгробныя надписи составляютъ единичныя, сравнительно рѣдкія явленія.

Тѣмъ не менѣе, находки, конечно, еще возможны, и цѣль настоящей скромной замѣтки—обратить вниманіе русскихъ археологовъ на одну любопытную готландскую надпись, въ которой упоминается о какихъ-то камняхъ—быть можетъ, съ надписями—поставленныхъ шведами въ память варяга на югѣ Россіи. Независимо отъ общаго интереса, который представляетъ упоминаніе русской мѣстности въ руническої надписи, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ такимъ точнымъ указаніемъ, что оно можетъ привести къ открытію въ Россіи новаго руническаго камня. Вѣдь нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что камень—или камни—находятся и теперь еще тамъ, гдѣ они были поставлены лѣтъ 900 тому назадъ.

Рѣчь идетъ о мѣстности, лежащей близъ одного изъ днѣпровскихъ пороговъ, того именно, который, по Константину Багрянородному, назывался „по-русски“ Ἀειφόρ, а „по-славянски“ Νεασήτ.

Скандинавское имя этого порога (Aifur) уже разъ мелькнуло въ руническої литературѣ. Надпись изъ Fjuckby (въ среднемъ Упландѣ, верстахъ въ 12 къ с. отъ Упсалы), относящаяся къ XI вѣку, понималась слѣдующимъ образомъ [1]):

„Dyir рулевой воздвигъ камень этотъ въ память своихъ сыновей. Тотъ (сынъ) звался Аки simsutifurs, Юфуръ управлялъ кораблемъ, достигъ греческихъ гаваней, (но) умеръ дома. Рубилъ Ингваръ“...

Руническая группа simsutifurs возбуждала рядъ вопросовъ и толковалась различно: sem's úti fórs „который погибъ на чужбинѣ“ (Säve), sem (í) sundi fórs „который погибъ плавая“ (Lungby) или „въ Сундѣ“ т. е. Босфорѣ (Höjer) [2]). Наконецъ, Brate (Runverser 42 ss. not.) предложилъ съ нѣкоторыми оговорками „sem sótti Aeifors“, „который побывалъ на Айфорѣ“, т. е. на днѣпровскомъ порогѣ этого имени.

Принимая во вниманіе особенности руническої орѳографіи, мы должны допустить возможность всѣхъ этихъ толкованій, но послѣднее изъ нихъ, для насъ наиболѣе интересное, съ самаго начала возбуждало сомнѣнія, прежде всего потому, что оно предполагало для названія порога не форму, переданную Константиномъ, а народно-этимологическую передѣлку ея въ Aifors, т. е. форму, сложную съ шведск. fors (водопадъ, порогъ). Замѣчу еще, что при такомъ толкованіи слово iufur, слѣдующее за спорной руническої группой, должно быть понято не какъ собственное, а какъ нарицательное имя („предводитель“), что само по себѣ возможно, и вся надпись, насколько она сохранилась, превращается въ довольно стройное повѣствованіе о путешествіи Аки въ Грецію.

Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ упсальскій профессоръ O. von Friesen вновь изслѣдовалъ камень, и его чтеніе (еще не обнародованное), провѣренное мною по его-же фотографическому снимку, лишаетъ толкованіе Brate всякой почвы. Оказывается, что на камнѣ стоитъ не krik hafnir (греческія гавани), а ясное по начертаніямъ—хотя и неясное по смыслу—krim hafnir. Въ виду этого придется разъ навсегда отказаться

[1]) Я привожу въ оригиналѣ только интересующую насъ группу рунъ. Всю надпись читатель найдетъ у Dybeck'a, Sverikes runurkunder I. 214 и у Brate. Runverser, p. 38.

[2]) См. *Судъ* въ нашей лѣтописи по поводу походовъ Аскольда и Дира и т. д.

и отъ толкованія Brate и вернуться къ единственно правильному, на мой взглядъ, переводу спорныхъ словъ: „который погибъ на чужбинѣ", мирясь съ нѣсколько необычной формой относительнаго мѣстоименія въ этомъ мѣстѣ надписи.

Значитъ, здѣсь днѣпровскаго порога нѣтъ. Но зато его недавно удалось открыть въ одной готландской надписи, которой, главнымъ образомъ, и посвящена моя замѣтка.

Камень, носящій эту надпись, найденъ лѣтъ 40 тому назадъ въ Pilgårds'ѣ, въ сѣверо-восточномъ Готландѣ, на берегу бухты Slitehamn, одной изъ главныхъ гаваней острова. Судя по формѣ камня и по тому обстоятельству, что нижняя его часть не имѣетъ надписи, онъ былъ когда-то нижнимъ концомъ вертикально вдѣланъ въ землю. Въ настоящее время онъ перенесенъ въ музей города Висби.

Онъ былъ изданъ нѣсколько разъ (см. напримѣръ Runverser 354 ss.), но чтенія были неточны, отчасти невѣрны. Лишь въ 1902 году надпись была подробно изслѣдована гельсингфорскимъ профессоромъ Hugo Pipping'омъ при участіи проф. Фризена и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ результатѣ получилось новое и, кажется, окончательное чтеніе, которое издано Пиппингомъ въ интересной статьѣ „Om Pilgårdsstenen [1]). Изъ этого чтенія и толкованія Пиппинга исхожу и я.

Надпись читается въ фонетической транскрипціи такъ [2]): Biarfân steddu [sisi?] stain Hegbiarn brýdhr [3]) Ródhuisl, Oystainn,—,es afa staina stedda aft Rafn sudh fyri Rufstaini. Kuámu vítt í Aifur. Vífill baudh um.

Это значитъ:

„Ярко раскрашенный [4]) поставили этотъ (?) камень братья Гег-

[1]) Въ *Nordiska Studier* tillegnade Adolf Noreen, Uppsala 1904, p. 175—182. Въ началѣ статьи подробныя библіографическія указанія. Принятое Пиппингомъ толкованіе важнѣйшихъ для насъ словъ надписи было предложено уже Софусомъ Бугге, см. его письмо къ Пиппингу въ указанной ниже статьѣ о днѣпровскихъ порогахъ, стр. 33 сл. Возраженія, высказанныя F. Jónsson'омъ въ *Nordisk Tidskrift f. Filol.* XIII (1904), p. 38, противъ оборота i Aifur вмѣсто ожидаемаго til или at устраняются соображеніями, о которыхъ ниже.

[2]) Я считаю излишнимъ приводить текстъ въ рунической орѳографіи и отсылаю интересующихся имъ къ статьѣ Пиппинга, къ которой приложенъ цинкографическій снимокъ съ металлическаго слѣпка.

[3]) Буквами dh я передаю звонкій зубной спирантъ.

[4]) Руническіе знаки и орнаментика раскрашивались красной краской (сурикомъ). Гипотеза Brate, высказанная имъ уже въ 1897 г. (Skansens runstenar. Meddelanden från Nordiska Museet 1897, p. 13), подтвердилась находкой въ 1900 г. трехъ готландскихъ камней, на которыхъ сохранились ясные слѣды окраски. Во всякомъ случаѣ, для Готланда фактъ доказанъ. См. H. Pipping, Om runinskrifterna på de nyfunna Ardrestenarna. Uppsala 1901.

біарнъ, Родвисль, Ойстайнъ и —[1]), которые воздвигли камни въ память Рафна на югѣ на Руфстайнѣ. Они доѣхали далеко до Айфура. Вифиль приказалъ это (далъ это порученіе)".

Если чтеніе и толкованіе вѣрно, то смыслъ надписи довольно ясенъ: по приказанію нѣкоего Вифиля, четыре брата совершили путешествіе въ южную Россію, на Днѣпръ. Во время этого путешествія они воздвигли на Айфурѣ или близъ него камни въ память нѣкоего Рафна. Можетъ быть, Рафнъ былъ товарищемъ братьевъ, погибшимъ въ пути, но вѣроятнѣе, что въ постановкѣ камней именно и заключалось порученіе Вифиля, такъ какъ Айфуръ былъ, повидимому, конечнымъ пунктомъ поѣздки. Вернувшись домой, братья поставили камень съ нашей надписью въ память своего путешествія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они пристали къ родному берегу. Slitehamn—ближайшая къ русскому берегу гавань Готланда.

Судя по языку и орѳографіи надписи, она относится къ началу XI вѣка. Какихъ-либо характерныхъ особенностей готландскаго нарѣчія она не содержитъ.

Добытый изъ надписи матеріалъ Пиппингъ использовалъ въ остроумной статьѣ объ именахъ днѣпровскихъ пороговъ (De skandinaviska Dnjeprnamnen), напечатанной имъ въ *Studier i nordisk filologi* II (Helsingfors 1911) и богатой новыми соображеніями и выводами. Этими соображеніями, между прочимъ, окончательно подтверждается правильность толкованія нашей надписи.

Что Ἀειφόρ—Νεασήτ тожественъ съ нынѣшнимъ Ненасытецкимъ порогомъ, въ этомъ сомнѣній быть не можетъ. Но какое мѣсто имѣетъ въ виду надпись, говоря о Rufstain? Оно, конечно, должно находиться близъ этого порога или въ немъ самомъ.

Rufstain—явно скандинавская форма. Это какой-то камень (stain) или скала или скалистый островъ. Въ первой части имени несомнѣнно заключается др.-сѣв. rof „переломъ, щель, отверстіе", находящееся въ связи съ глаголомъ rjúfa „рвать, ломать". Древне-готландская форма этого слова была именно ruf. Слѣдовательно, Rufstain—„разломанный" или „рваный" камень.

---

[1]) Рунические знаки даютъ нѣкоторое право читать здѣсь imunr, т. е. Эймундъ, какъ имя четвертаго брата.

И вотъ, у Аѳанасьева-Чужбинскаго, въ его описаніи Ненасытецкаго порога [1]) мы читаемъ, что изъ 12 лавъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ порогъ, первая называется „Рваной", и названіе это она очевидно получила отъ „Рванаго камня", который лежитъ у самаго начала порога „вправо около прохода".

Это-то и есть Rufstain нашей надписи. Скандинавское наименованіе—прямой переводъ русскаго, поддержанный между прочимъ и нѣкоторымъ фонетическимъ созвучіемъ.

Не побывавъ на мѣстѣ, нельзя, конечно, опредѣлить, гдѣ именно слѣдуетъ искать камни въ память Рафна. „Рваный камень" упоминается только у Чужбинскаго; его нѣтъ ни у Боплана, ни у другихъ путешественниковъ; нѣтъ его и на старыхъ картахъ Радзивила 1613 г. и Боплана, недавно изданныхъ Кордтомъ въ „Матеріалахъ по исторіи русской картографіи", вып. II (Кіевъ 1910). Наконецъ, не нашелъ я его и въ подробномъ картографическомъ матеріалѣ, имѣющемся въ архивѣ Военно-топографическаго Управленія Генеральнаго Штаба [2]). Путешественники и топографы, къ сожалѣнію, не интересовались названіями острововъ и камней, въ изобиліи разбросанныхъ по всему Ненасытецкому порогу, имѣющему въ длину 643 сажени. Особенно много мелкихъ острововъ—скалъ мы находимъ вдоль праваго берега, противъ острова Жидовскаго. Одинъ изъ нихъ, быть можетъ, и называется „Рваным камнемъ", и на немъ или, вѣроятнѣе, противъ него (fyrir) на правомъ берегу Днѣпра, близъ входа въ Фалѣевскій каналъ, слѣдуетъ искать камни, о которыхъ говоритъ наша надпись.

Допустима, однако, и другая возможность, пожалуй даже болѣе вѣроятная, на которую мнѣ хотѣлось бы указать будущему изслѣдователю.

Слово „Rufstain" можетъ означать и „камень съ дырой" или „съ углубленіями" (Ср. Bugge l. c. p. 35: Stenen med Huli). Именно такой камень находится по близости отъ интересующаго насъ мѣста. Вотъ какъ описываетъ Чужбинскій на стр. 103 правый берегъ Днѣпра у самаго начала порога:

---

[1]) Поѣздка въ южную Россію, ч. I, Очерки Днѣпра, Спб. 1861, стр. 101.

[2]) Возможностью использовать этотъ матеріалъ я обязанъ любезности начальника Военно-топографическаго Управленія, генералъ-лейтенанта И. И. Померанцева, которому приношу за это мою искреннюю признательность.

„Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса Монастырька, который перерѣзанъ Фалѣевскимъ каналомъ (шлюзами), существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъэтажная мельница [1]), можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія, одно, что сюда сходила Императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы ѣли здѣсь кашу, сидя надъ самымъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли, какъ у ногъ ихъ било плоты о каменья. Отчего мысокъ этотъ названъ Монастырькомъ—неизвѣстно".

Не тожественъ-ли этотъ загадочный камень съ „Рванымъ камнемъ", о которомъ говорится нѣсколько выше? Изложеніе Чужбинскаго не рѣшаетъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону. Но мнѣ кажется, что здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ искать камней, поставленныхъ въ честь Рафна. Варяги, желавшіе увѣковѣчить память своего товарища, погибшаго въ порогѣ [2]), не могли найти для этого болѣе подходящаго мѣста, чѣмъ этотъ высокій мысокъ, господствующій надъ порогомъ.

„Монастырькомъ" называется „скалистый мысокъ". Это имя Чужбинскій узналъ, повидимому, отъ лоцмановъ. Но на той же страницѣ ниже, говорится: „Жители Ненасытца называютъ Монастырькомъ группу камней, лежащихъ ниже острова, на которомъ построена мельница". Откуда это названіе? Никакихъ слѣдовъ монашескаго скита или церкви здѣсь нѣтъ; не упоминается объ этомъ также ни въ преданіяхъ, ни въ запорожскомъ архивѣ (Чужбинскій). Не оттого-ли, однако, эта „группа камней" названа была „Монастырькомъ", что среди нихъ находится (или находился?) руническій камень съ вырѣзаннымъ изображеніемъ креста, столь часто встрѣчающимся на руническихъ надписяхъ XI вѣка? Быть можетъ, камни были расположены такъ, что обрисовывали контуры корабля (такъ наз. skeppssättning), и камень съ надписью и крестомъ

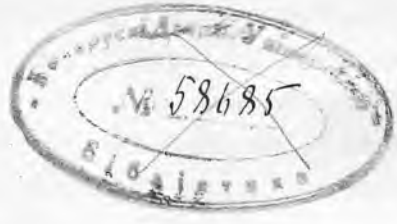
[1]) Мысъ очень ясенъ на подробной картѣ Военно-топографическаго Управленія. Названія Монастырька на ней нѣтъ; но отмѣчена мельница, такъ что сомнѣній относительно тожества этого мыса съ тѣмъ, о которомъ говоритъ Чужбинскій, не возникаетъ.

[2]) Ненасытецкій порогъ—самый грозный и опасный изъ всѣхъ, и ежегодно въ немъ погибаетъ нѣсколько судовъ и плотовъ. См Чужбинскій стр. 106 и Thomsen, Ryska rikets grundläggning (Stockholm 1882), p. 58, 152.

стоялъ на одномъ изъ концовъ корабля, какъ это опять-таки часто наблюдается въ Швеціи въ эпоху викинговъ? Вѣдь готландская надпись говоритъ о „камняхъ“, поставленныхъ въ честь Рафна.

Все это—догадки, которыя будутъ опровергнуты или найдутъ себѣ подтвержденіе въ тщательномъ изслѣдованіи на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, шведскій руническій камень въ Россіи представляетъ столь значительную научную цѣнность, что поискать его стоитъ труда. Цѣль моей замѣтки будетъ достигнута, если на приведенные факты и соображенія обратятъ вниманіе члены Императорской Археологической Коммиссіи и, прежде всего, ея достоуважаемый предсѣдатель, которому посвящена эта книга.

Θ. Браунъ.

1
а
3
б
2
16
12
4
5
6
8
7
14
15
9
10а
10б
11
13

Фототипія и тип. А. А. [illegible]
СПБ. Ул. Жуковской 22.

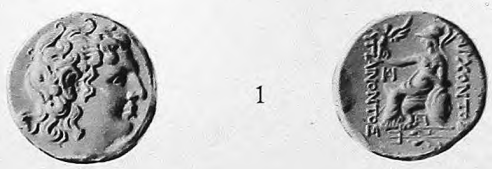
Табл. II.

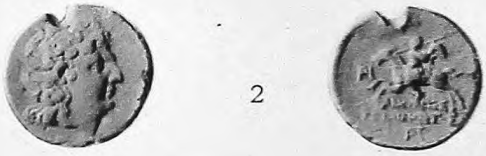
Табл. III.

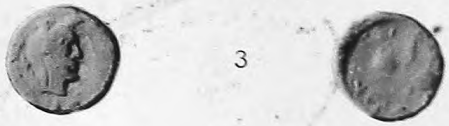
Фототипія и тип. А. Ф. Деворина
Спб. 8 Подъяческая 33.

1

2

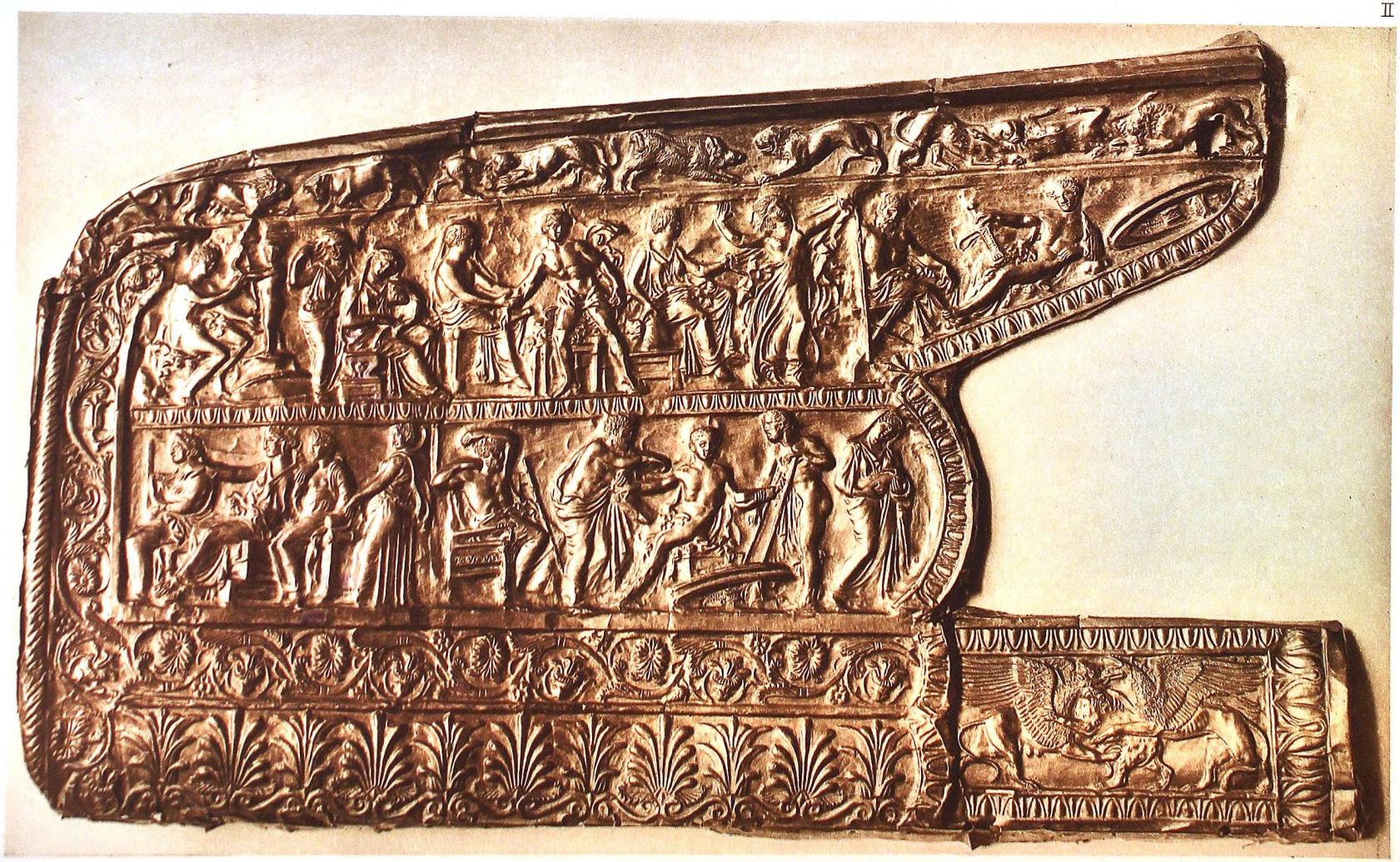
3

Къ статьѣ Б. В. Фармаковскаго.

Золотая обивка горита изъ м. Ильинцы Липовецкаго уѣзда Кіевской губ.

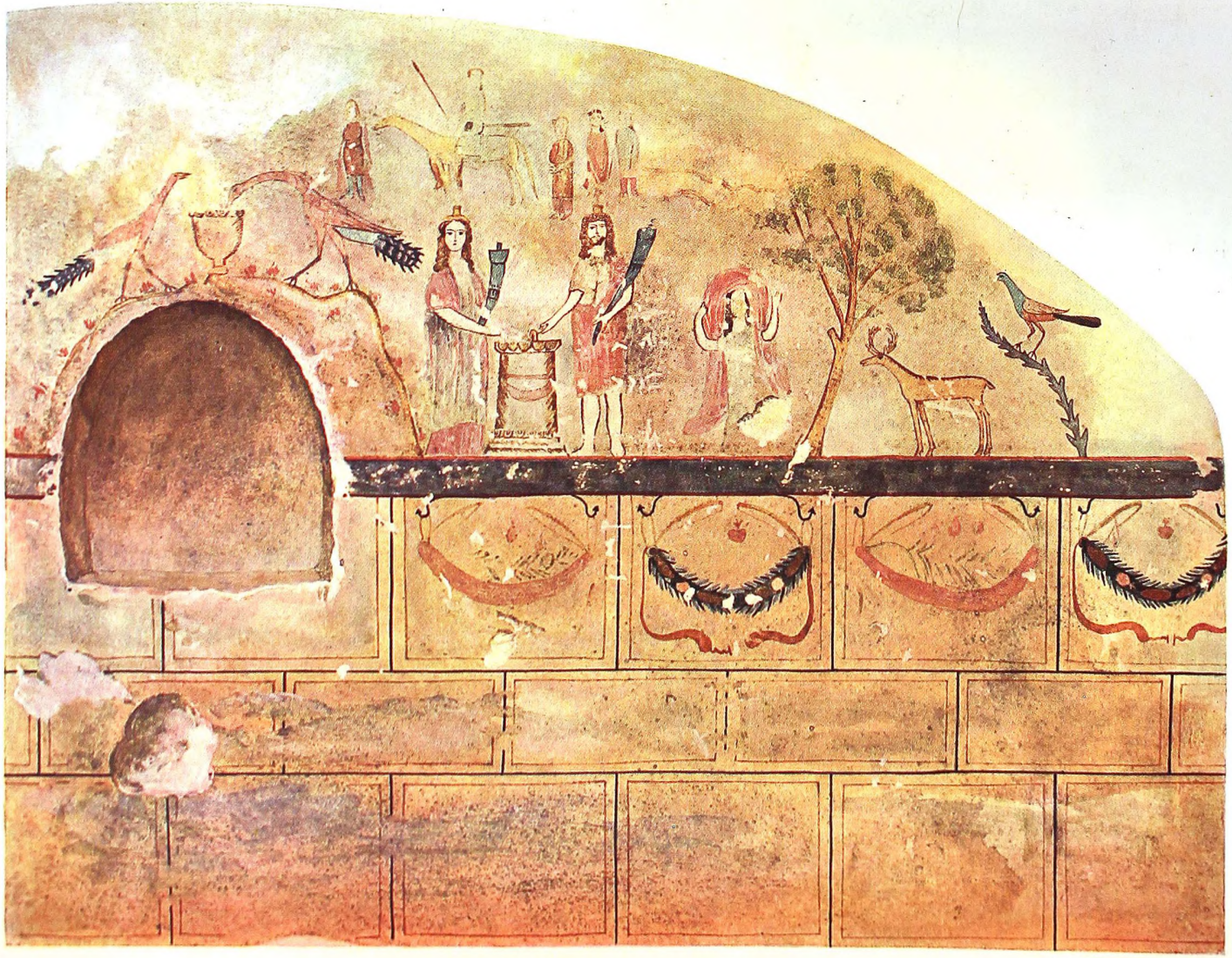

Золотая обивка горита изъ м. Ильинцы Липовецкаго уѣзда Кіевской губ.

Золотая обивка горита изъ Чертомлыцкаго кургана близъ Никополя Екатеринославской губ.

Правая часть декораціи задней стѣны гробницы 1891 г.

Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго, Спб.

Къ статьѣ М. И. Ростовцева.

1

2

4

3